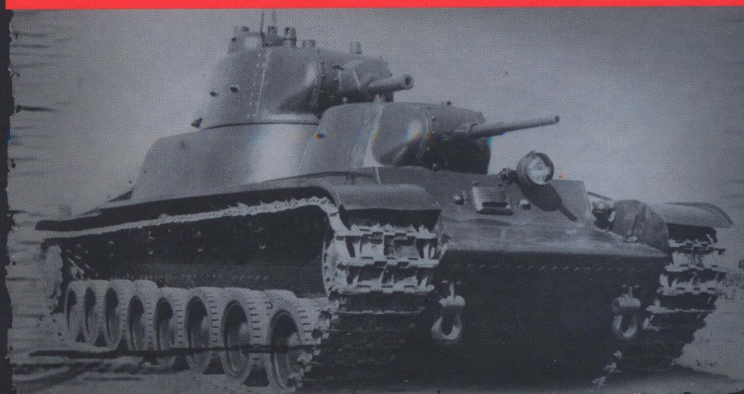

Великая Отечественная: Неизвестная война

СВЕРХНОВАЯ ПРАВДА

Виктора Суворова

Великая Отечественная: Неизвестная война

**СверхНОВАЯ
правда
Виктора Суворова**

Москва
«ЯУЗА-ПРЕСС»
2010

УДК 355/359
ББК 68
С 24

Сканирование: vmarkbankov
Обработка: Vitautus

Оформление серии *П. Волкова*

С 24 СверхНОВАЯ правда Виктора Суворова /
[авт.-сост. : Д. Хмельницкий]. — М. : Яуза-пресс,
2010. — 320 с. — (Великая Отечественная : Неизвест-
ная война).

ISBN 978-5-9955-0162-6

«Пять лет назад, когда был задуман проект «Правда Виктора Суворова», никто не надеялся, что он вызовет такой интерес и такие яростные споры. Поначалу мы рассчитывали на издание двух книг, не больше. Однако результат превзошел самые смелые ожидания. Несмотря на проклятия исторического официоза, несмотря на то что на Западе открыто объявить себя сторонником Виктора Суворова рискнет далеко не каждый (это чревато серьезными проблемами вплоть до клейма «историка-ревизиониста» и отлучения от «научного сообщества»), несмотря на негласную цензуру и запреты, со всего мира продолжают приходить многочисленные статьи в поддержку сенсационной концепции Виктора Суворова, навсегда изменившей представления о причинах и виновниках Второй Мировой войны. Этот сборник стал уже восьмой книгой проекта. И продолжение следует...»

От составителя.

УДК 355/359
ББК 68

ISBN 978-5-9955-0162-6

© Хмельницкий Д.С., авт.-сост., 2010
© ООО «Издательство «Яуза-пресс», 2010

ПРЕДИСЛОВИЕ СОСТАВИТЕЛЯ

Пять лет назад, когда задумывался проект «Правда Виктора Суворова», никто не надеялся, что он вызовет такой большой интерес и станет настолько популярным. Речь поначалу шла о том, чтобы собрать в одну-две книжки статьи исследователей, которые собственными работами подтверждают тезис Виктора Суворова о подготовке Сталиным военной агрессии против Европы (и вообще внешнего мира). И его же тезис о том, что эта подготовка была стержнем и главной целью всей предвоенной полтики СССР — и внутренней, и внешней.

К тому времени в общественном сознании укоренился миф о том, что Суворов с его гипотезой — одиночка, которого профессиональные историки не считают серьезным оппонентом. При этом реальная ситуация в исторической науке была строго обратной. Среди людей, занимающихся исследованиями в этой области, находилось очень мало смельчаков, пытавшихся открыто опровергать концепцию Суворова. Одиночные попытки такого рода (например, профессора Габриеля Городецкого) приводили к катастрофическим последствиям для научной репутации автора.

В то же время практически все работы серьезных исследователей в области сталинской военной, политической или культурной истории укладываются в концепцию Суворова со щелчком. Даже если авторы и не собирались открыто поддерживать тезисы Суворова или просто не думали на эту тему.

Это позволяет утверждать, что гипотеза о подготовке Сталиным агрессии против внешнего мира как главной

предпосылке Второй мировой войны приобрела все признаки непротиворечивой научной теории. Не существует ни серьезных аргументов, заставивших бы в ней сомневаться, ни убедительной альтернативной версии. Собственно, и неубедительных версий тоже нет. Варианты того, что Сталин готовил страну исключительно к обороне или вообще ни к чему не готовил, никем не рассматриваются за полной бессмысленностью таких предположений.

История Второй мировой войны сегодня изучена не то чтобы плохо, но с очень большими лакунами. Есть две темы, которые до сих пор остаются довольно большими белыми пятнами. Это советское военное планирование 20—40-х годов и военные преступления стран антигитлеровской коалиции. В первую очередь поведение советских властей на оккупированных ими территориях.

Обе темы взаимосвязаны, потому что Сталин был последователен в своих целях и предвоенная политика СССР, плавно перетекая в послевоенную, определяла отношение советских властей к населению захваченных территорий.

В советскую эпоху обе темы были, по существу, запретными не только в СССР, но де-факто и на Западе. Первая лакуна постепенно затягивается, несмотря на то что ключевые документы советского военного планирования до сих пор засекречены и недоступны исследователям. Но и того, что уже известно, достаточно для совершенно однозначных выводов. Вторая тема только начинает привлекать внимание исследователей. Видимо, она окажется в центре внимания ученых и будет исчерпывающе исследована в ближайшие 10—15 лет.

Предлагаемые читателю сборники научных работ посвящены первой теме. Их цель — дать читателю максимально полное представление о состоянии научной проблемы и облегчить научные контакты для историков из разных стран.

Поначалу мы рассчитывали на издание двух книг, не больше. Однако популярность серии превзошла самые смелые ожидания. Представленный на суд читателя сборник из серии «Правда Виктора Суворова» — седьмой по счету. И продолжение следует...

Дмитрий Хмельницкий

Виктор Суворов

ВДРУГ ОНИ ВОЗЬМУТ И ПОМИРЯТСЯ...

Решительное сражение можно считать вполне назревшим, если все враждебные нам классовые силы достаточно обессилили себя борьбой, которая им не по силам.

*И. Сталин.
Сочинения. Том 6. Стр. 158.*

1

В августе 1939 г. Сталин заманил Гитлера в западню и его руками развязал войну в Европе. Следовательно — во всем мире. Именно в этот момент, в августе 1939 г., Сталин установил для себя примерный срок вступления Советского Союза во Вторую мировую войну — через два года, то есть летом 1941 г.

Возражают: есть ли документ?

Отвечаю: документ есть! Он опубликован. Он доступен всем. Каждый желающий может его найти в любом справочнике. Закон о всеобщей воинской обязанности был принят Верховным Советом СССР 1 сентября 1939 г. В этом документе содержится весь план Сталина. Просто надо внимательно прочитать текст и задать вопрос: а зачем такой закон был нужен Сталину? Надо посмотреть, какие возможности этот закон открывал перед Сталиным, какие накладывал ограничения и как Сталин представленные возможности использовал.

Итак, 31 августа 1939 г. Народный комиссар обороны СССР Маршал Советского Союза К.Е. Ворошилов выступил с докладом на вечернем заседании IV внеочередной сессии Верховного Совета СССР. Суть доклада: нужно срочно вводить всеобщую воинскую обязанность!

На следующее утро, 1 сентября 1939 г., депутаты Верховного Совета СССР снова собрались в Кремле, обсудили речь маршала и тут же, на утреннем заседании, дружно проголосовали. Новый закон немедленно вступил в силу.

Верховный Совет СССР — высший законодательный орган страны. Но этот законодательный орган резко и принципиально отличался и от римского сената, от британского парламента, американского конгресса и других учреждений подобного рода. В Верховном Совете СССР заседали не продажные политиканы, а честные, порядочные, трудолюбивые люди, самые настоящие рабочие от станка, крестьяне от плуга. Следуя принципам Сталинской конституции, в Советском Союзе удалось добиться того, чего не было никогда ни в одной стране мира. В Верховном Совете СССР были собраны сталевары и шахтеры, пастухи и трактористы, школьные учителя и медицинские сестры, ткачихи и доярки, тут были представлены все нации и народности великой страны. Особое внимание — женщинам. Среди депутатов Верховного Совета СССР женщин было больше, чем в то время во всех парламентах мира, вместе взятых. И было принято так: пастух с заоблачного горного пастбища приезжал сюда в лохматой бараньей шапке, с узловатым посохом, в черной бурке, хлопкороб из Узбекистана — в тубетейке и полосатом халате, электросварщик с огромной сибирской стройки — в маске с темно-синим стеклом, оленевод с Дальнего Севера — весь в меху, в мягкой обуви из тюленьих шкур, машинист паровоза — в фуражке железнодорожника с разводным ключом в руке, шахтер — с отбойным молотком, с фонарем на каске.

Еще одно отличие от парламентах всех стран: депутаты Верховного Совета не отрывались от народа, ибо не отвлекались от своих профессий. Они так и оставались машинистами и лесорубами, свинарками и пастухами. А в Москву приезжали только два раза в год на три-четыре дня и

утверждали законы. Эти люди не могли изменить интересам народа, ибо это были настоящие представители народа.

Народным избранникам оказывали величайшие почести. В Москве их селили в отеле «Метрополь». Перед ними выступали знаменитые артисты. В залах Кремля их кормили прославленные кулинары. И это, конечно, было правильно. Ведь депутаты выполняли важнейшую государственную функцию: осуществляли законодательную власть в огромной стране. Оказывая такие почести лучшим людям страны, государство в их лице демонстрировало уважение ко всему народу и готовность следовать тем законам, которые будут угодны народным представителям, то есть народу.

Сказав так много хорошего о первой в мире системе настоящего народовластия, надо не забыть и совсем небольшой недостаток.

Добрая половина депутатов ничего не понимала в государственных делах.

А вторая половина не понимала и русского языка.

В том и прелесть. Депутату не надо было ничего понимать. И думать ему было незачем. Умение говорить вовсе не требовалось. Перед депутатами выступали специально на то поставленные люди, грамотные и знающие. А гордый, сытый и довольный депутат слушал (или не слушал), что ему говорят. Когда все вдруг поднимали руки, он тоже должен был ее поднять. В том его обязанность и заключалась. Ради этого ему почести оказывали. Ради этого ему скармливали фазанов, перепелок и осетров, ради этого его поили коньяками, винами и прочими укрепляющими здоровье жидкостями.

За всю историю Верховного Совета СССР, за все десятилетия — и это не анекдот — ни один депутат ни разу не проголосовал против. Никогда. И ни один ни разу не воздержался. Депутаты всегда дружно всем стадом голосовали за то, что им предлагали с высокой трибуны.

Всегда единогласно.

Ничего интересного не было и на IV внеочередной сессии Верховного Совета СССР.. кроме странного совпадения по времени.

Ранним утром 1 сентября 1939 года вдали от границ Советского Союза разразилась Вторая мировая война. Германские танки, взломав пограничные шлагбаумы, ворвались на территорию Польши. По берлинскому времени — 4.45. В Москве было 6.45. Через час пастухи и доярки, туркмены и чукчи проснулись-потянулись, умылись-причесались, плотно позавтракали и в 10.00 приступили к обсуждению вопроса, следует ли вводить в Советском Союзе всеобщую воинскую обязанность?

Поразмыслив, решили: следует!

И ввели.

В тот момент Вторая мировая война отсчитывала свои самые первые часы. В войну вступили только две страны: Германия и Польша. Этот, по сути, локальный пожар сначала медленно, а потом все быстрее распространился по всей планете. К концу 1941 г. в самую кровавую войну во всей человеческой истории были вовлечены практически все ведущие государства мира: Германия и США, Италия и Великобритания, Франция и Китай, Япония и Советский Союз и еще многие и многие.

Но 1 сентября 1939 г. никто (кроме советских оленеводов и ткачих) не мог предвидеть, что от одной искры возгорится такое пламя. Ни правители Польши, ни правители США, Великобритании и Франции не знали, что началась Вторая мировая война. Этому не знал и сам Гитлер. Германия влетела, точнее вляпалась, во Вторую мировую войну, которую ни Гитлер, ни его генералы не планировали, не ждали, к которой были совершенно не готовы.

Выдающийся теоретик стратегии Б. Лиддел Гарт считал: «В 1939 году немецкая армия не была готова к войне. Командование, полагаясь на заверения Гитлера, не ожидало войны... Гитлер неоднократно заверял своих генералов в том, что для подобной подготовки будет достаточно времени, поскольку он не хочет рисковать и начинать «большую войну» раньше 1944 г.». (*Лиддел Гарт. Вторая мировая война. М.: Воениздат, 1976. С. 32.*)

С этим мнением согласны все, даже официальные совет-

ские историки: «К осени 1939 г. германский вермахт не был готов к мировой войне... Ввозилось 50 проц. потребляемого в государстве свинца, 80 проц. — каучука, 90 проц. — олова, 95 проц. никеля. По меди эта цифра составляла 70 проц., по бокситам — 99 проц. Нефть Третий рейх практически всю закупал в других странах. Оснащенность немецких вооруженных сил к 1 сентября 1939 г. уступала нашей. На вооружении вермахт имел 3195 танков и 3646 полностью готовых боевых самолетов». (ВИЖ. 1988. № 12. С. 59.)

К этому надо добавить, что все танки — легкие. Ни одного тяжелого, ни одного среднего. Почти половина из них (1445 единиц) — очень легкие, весом по 5—6 тонн и с пулеметным вооружением. Эти «танки», по свидетельству Гудериана, для войны вообще не предназначались, их создавали для учебных целей, для накопления первоначального опыта. 1226 танков имели 20-мм пушки. Чтобы оценить эту «пушку», нужно вспомнить, что в то время в ряде стран, например в Японии и Швеции, выпускали противотанковые ружья этого калибра. Танков с жалкими 37-мм пушками было 98. Танков с короткоствольными 75-мм пушками, именуемых в войсках «обрубками», «окурками» и более крепкими солдатскими терминами, — 211. Остальные — командирские машины без башен, без вооружения, в лучшем случае с одним пулеметом, который мог стрелять только вперед.

Полевая артиллерия Германии осталась на уровне Первой мировой войны.

Основа сухопутных войск — пехота, которая передвигалась пешим порядком. В каждой пехотной дивизии — шесть тысяч лошадей с телегами.

3600 самолетов тоже трудно признать силой, способной сокрушить весь мир. Среди этих самолетов дальних тяжелых бомбардировщиков — 0.

Кораблестроительную программу Германии планировалось завершить... в 1948 году. Если бы не началась война и если бы Великобритания за эти годы вообще никаких боевых кораблей не строила, то и тогда, по выполнении десятилетнего плана развития германского флота, он никак не

дотягивал до мощи британского флота, тем более — объединенного британского и французского.

А за спиной Британии — весьма нейтральная Америка.

Против Гитлера — весь мир. Союзная Япония ничем ему помочь не могла.

Промышленность Германии работала в режиме мирного времени при катастрофической нехватке стратегического сырья, которое негде было взять даже при условии захвата почти всей континентальной Европы.

И с такими силами начинать мировую войну?

Если Гитлер и планировал войну, то никак не раньше второй половины 40-х годов. Но к этому моменту в США могло появиться (и действительно появилось) ядерное оружие. Вторая мировая война при таком раскладе просто не могла возникнуть.

Но она вспыхнула в 1939-м.

Есть множество свидетельств того, что и сам Гитлер, и окружающие его главари Третьего рейха 3 сентября 1939 г. были растеряны и подавлены, узнав о том, что Великобритания, а за ней и Франция объявили Германии войну.

«Что же нам теперь делать?» — вот реакция Гитлера.

Фюрер был потрясен, он такого разворота событий не ожидал и не предвидел.

Иоахим фон Риббентроп: «Гитлер не рассчитывал, что Англия начнет войну из-за Польши». (Между Лондоном и Москвой. Воспоминания и последние записи. М.: Мысль, 1996. С. 145.)

Генерал-фельдмаршал Э. фон Манштейн: «Гитлер был убежден, что западные державы в решительный момент опять не возьмутся за оружие. Он особенно подробно обосновал это мнение». (Утерянные победы. М.: АСТ, 1999. С. 27.)

Генерал-полковник Г. Гудериан: «Гитлер тешил себя иллюзиями, что страны Запада войну не объявят». (Panzer Leader. London. Futura, 1979. S. 66.)

Даже высшие руководители Советского Союза были согласны с мнением о том, что в 1939 году Гитлер не ждал объявления войны со стороны стран Запада, то есть о начале Второй мировой войны не помышлял.

Начальник ГРУ ГШ генерал армии П.И. Ивашутин: «22 августа 1939 г. за девять дней до нападения на Польшу, Гитлер на одном из совещаний заявил своим генералам: «В действительности Англия поддерживать Польшу не собирается». (ВИЖ, 1991. № 6. С. 6.)

Для Гитлера и его окружения объявление войны Великобританией, а затем и Францией было настоящим громом среди ясного неба. Главари Третьего рейха знали, что Германия к войне не готова. Подвоз стратегического сырья в Германию — в основном морем, а в море господствуют флоты Великобритании и Франции, тягаться с которыми невозможно даже теоретически.

Генерал-лейтенант Зигфрид Вестфаль: «Когда Геринг узнал 3 сентября, что Англия и Франция объявили войну Германии, он воскликнул: «Да поможет нам бог, если нам суждено проиграть эту войну!» (Роковые решения. М.: 1958. С. 35.)

Альберт Шпеер: «3 сентября за ультиматумом западных держав последовало объявление войны. Гитлер после короткого периода растерянности утешал нас, как и себя, замечанием, что Англия и Франция объявили войну лишь для виду, чтобы не потерять лицо перед всем миром, и что, по его глубокому убеждению, объявление войны не будет сопровождаться военными действиями... Он неисправимо держался своего убеждения, что Запад слишком слаб, неспособен и упадочен, чтобы всерьез воевать. Может, ему было стыдно признаться другим, а главное, себе, что он столь глубоко заблуждался... В эти первые дни сентября, как мне кажется, Гитлеру едва ли было до конца ясно, что он неотвратимо развязал мировую войну». (*Шпеер*. Воспоминания. Смоленск: Русич, 1997. С. 238—239.)

3

Тут речь про 3 сентября 1939 г. В 11 часов утра Великобритания объявила Германии войну. Через 6 часов войну объявила Франция. Но Гитлер все еще не верит, что это серьезно.

А утром 1 сентября Великобритания и Франция еще никак не реагировали на действия Германии. Гитлер был со-

вершено спокоен и никаких осложнений не ожидал. Мир пока еще ничего не понял и никак не откликнулся на первые столкновения в районе германско-польских границ.

И только заранее собранные в Москве таджики и на-найцы уже сообразили, что это не пограничный конфликт, не случайная перестрелка, не провокация, а начало Второй мировой войны! И, оценив обстановку, тут же, прямо утром, единогласно утвердили Закон о всеобщей воинской обязанности.

В тот момент ни британский парламент, ни американский конгресс, ни германский рейхстаг, ни польский сейм не расценивали вступление германских войск на польскую землю как начало Второй мировой войны. Полная ясность была только в Кремле. Сталевары и пастухи, хлопкоробы и лесорубы, некоторые из которых вообще не подозревали о существовании Польши и Германии, прямо утром 1 сентября 1939 г. сразу все поняли, точно оценили обстановку и тут же приняли единственно верное в тех условиях решение.

Более всего поражает дальновидность Маршала Советского Союза Ворошилова. Речь маршала — интеллектуальный подвиг. Мгновенное и единственно правильное решение депутатов Верховного Совета СССР можно как-то объяснить. Но как объяснить дьявольскую прозорливость маршала Ворошилова? Ведь он предложил принять новый закон 31 августа, когда никаких событий еще не случилось. В тот момент, когда маршал поднялся на трибуну, откашлялся, глотнул воды из стакана и начал говорить, до первого выстрела Второй мировой войны оставалось еще 13 часов 40 минут. Пожар еще не начинался, а мудрый стратег уже знал, когда и где полыхнет.

После войны широким народным массам надо было объяснить невероятную проницательность и небывалую скорость выработки столь ответственных решений. Ведь это было просто немыслимое достижение человеческого разума. Официальная кремлевская пропаганда изумительную сообразительность объяснила просто: «Эта мера была вызвана надвигающейся угрозой войны». (История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945. М.: Воениздат, 1961. Т. 1. С. 460).

Странное объяснение. Много лет советским людям вдалбливали мысль о том, что война с Германией неизбежна. Мало того, в 1936—1937—1938 гг. в советской пропаганде утвердилась мысль, что грани между миром и войной нет: Гитлер — враг, не надо гадать, когда начнется война с Германией, она уже началась. Это вбивали в головы даже детям пятилетнего возраста:

Кругом пожар! В снегу следы!
Идут солдатские ряды.
И волокут из дальних мест
Кривой фашистский флаг и крест.

*(А. Гайдар. Чук и Гек.
М.: Детгиз, 1938)*

Но странное дело: пока советскому народу внушали мысль о неизбежности войны против Гитлера, кремлевское руководство почему-то всеобщую воинскую обязанность в стране не вводило.

А 23 августа 1939 г. Гитлер стал другом, с ним был подписан Пакт о ненападении, и тут же кремлевское руководство вдруг остро почувствовало «надвигающуюся угрозу войны» и приняло решение о введении всеобщей воинской обязанности.

И вот вопрос: откуда Маршал Советского Союза Ворошилов 31 августа 1939 г. мог знать, что завтра утром начнется Вторая мировая война?

А ведь 31 августа Гитлер считал, что нападение на Польшу пройдет без осложнений, как введение войск в Рейнскую демилитаризованную зону, как присоединение Австрии и оккупация Чехословакии. Я поднял центральные немецкие газеты того времени. Ни одна германская газета ни 1, ни 2 сентября не писала о начале Второй мировой войны.

А Народный комиссар обороны СССР маршал Ворошилов все видел наперед. Никто никогда не заметил глубокого и мощного интеллекта у Маршала Советского Союза К.Е. Ворошилова. И в ясновидении его тоже никто никогда не заподозрил. И только однажды его просто озарило: чую войну! Советский маршал в Москве за день до событий и за тысячу километров от грядущего театра войны вдруг по-

чувствовал, что вот завтра Германия нападет на Польшу и это будет не просто пограничным конфликтом двух европейских стран, но началом всемирного пожара.

Разгадка этому чуду проста. Маршал Ворошилов тут ни при чем. Своих собственных мыслей он никогда не высказывал, видимо, и не имел. Он говорил и делал только то, что было нужно Сталину.

Но как же Сталин догадался о том, что вот именно завтра утром начнется Вторая мировая война?

Загадки тут нет.

Сталин сам установил срок ее начала: договариваясь с Гитлером о разделе Польши, Сталин понимал, чем это обернется для Германии, Европы и всего мира. Протянув руку дружбы Гитлеру, Сталин в тот же момент приказал сочинить новый Закон о всеобщей воинской обязанности и собрать в Москве внеочередную сессию Верховного Совета для утверждения этого закона.

4

Теперь обратимся к тексту документа и постараемся понять его смысл.

Со времен окончания Гражданской войны в Советском Союзе не было всеобщей воинской обязанности, потому образовался многомиллионный запас молодых людей, которые никогда не служили в армии. Почти два десятка лет Сталин искусственно сдерживал численность своей армии и не призывал в нее всех, кого можно было бы призвать. В армию призывали только треть призывного контингента по вполне произвольному выбору. Кроме того, призывной возраст был преднамеренно завышен. Мобилизационный контингент накапливался, как тысячи тонн снега на горном склоне. Закон о всеобщей воинской обязанности, который был принят 1 сентября 1939 г., стал тем хлопком, от которого с гор срывается снежная лавина. Со стороны казалось, что Советский Союз продолжает жить в режиме мирного времени, мобилизация не была объявлена. Но Сталин, прикрываясь новым законом, начал резко увеличивать мощь Красной армии, призывая тех, кто раньше не служил. Кро-

ме того, снизив призывной возраст с 21 г. до 19, а для некоторых категорий — до 18 лет, Сталин получил возможность призвать сразу всех, кому 19, 20 и 21 год, и некоторых, кому 18.

Интересно сравнить.

В 1939 году численность населения в Советском Союзе была примерно такой же, как и численность населения Российской империи перед Первой мировой войной.

У царя Николая перед Первой мировой войной в армии было 1,4 миллиона солдат и офицеров. У Сталина до начала Второй мировой войны в армии было 1,5 миллиона бойцов и командиров.

В августе 1914 года Россия вступила в Первую мировую войну, была проведена мобилизация, численность армии был доведена до 5,3 миллиона солдат и офицеров.

В сентябре 1939 г. Советский Союз официально как бы еще НЕ вступил во Вторую мировую войну и мобилизацию как бы НЕ проводил. Но численность Красной армии стремительно возрастала и к лету 1941 г. была доведена до 5,5 миллиона бойцов и командиров. И это не считая войск НКВД, НКГБ, железнодорожных войск НКПС, в которых у Сталина было еще 1,3 миллиона бойцов и командиров.

У Сталина в мирное время и без мобилизации армия была больше, чем у царя Николая в ходе мировой войны после проведения всеобщей мобилизации.

5,5 миллиона человек в армии и еще 1,3 миллиона в войсках НКВД-НКГБ-НКПС — это, как ни крути, армия военного времени. Ни одна страна в мирное время содержать такую армию не способна.

Один человек может очень долго держать в руках груз в пять килограммов. Но если ему дать в руки штангу весом в 200 кг, то даже очень сильный человек, даже чемпион мира, сможет ее держать только несколько секунд. Точно так и с армией. Чем она больше, тем выше нагрузка на государство. Содержать под ружьем почти семь миллионов бойцов и командиров долгое время не мог даже Сталин. Закон о всеобщей воинской обязанности от 1 сентября 1941 г. для самой массовой категории военнослужащих устанавливал срок

службы в два года. Закон вступал в силу 1 сентября 1939 г., открыв шлюзы массового призыва.

Однако ровно через два года предстояло многие миллионы солдат отпустить домой. Если 1 сентября 1939 г. начался стремительный процесс наращивания мощи Красной армии, то через два года, 1 сентября 1941 г., неизбежно должен был начаться обратный процесс столь же стремительного сокращения армии. Страна подняла на свои плечи такой груз, который в мирное время она не могла долго и бесцельно держать.

Проще говоря, 1 сентября 1939 г. Сталин ввел новый закон и тем самым сам для себя установил крайний срок начала массовых боевых действий Красной армии: ДО 1 СЕНТЯБРЯ 1941 ГОДА.

Одно из двух:

— или после 1 сентября 1941 г. придется резко сократить армию, распустить миллионы солдат по домам и в самый разгар Второй мировой войны остаться без сил;

— или Советский Союз до 1 сентября 1941 г. должен ввести в дело миллионы своих бойцов.

5

Тут необходимо обратить внимание на небольшую, но важную деталь. В 1939 году Сталин оставил себе возможность в определенных условиях оттянуть нападение на Германию до 1942 г. Для этого существовало два механизма.

В августе и сентябре 1939 г. перед разделом Польши в армию были призваны сотни тысяч ранее служивших резервистов. Раздел Польши прошел без осложнений, потому всех ранее служивших Сталин отправил по домам, тем самым несколько сократив армию. Ведь приписной состав можно в любой момент вернуть назад.

Кроме того, у Сталина была возможность искусственно сдерживать и притормаживать призыв нового пополнения, призывать не всех сразу, а немного растягивая процесс.

Однако над головой Сталина многотонной чугунной гирей висела жуткая возможность и вероятность затухания войны между Германией, Великобританией и Францией.

С сентября 1939 г. на морских и океанских просторах развернулась свирепая битва. Обе стороны несли грандиозные потери. Однако на суше армии Германии, Великобритании и Франции активных боевых действий не вели. И это беспокоило Сталина.

Вспоминает Хрущев: «Эта «странная война» вселяла некоторую тревогу в руководство Советского Союза. Мы опасались, не закончится ли она сговором между Англией и Францией, с одной стороны, и гитлеровской Германией — с другой?»

Затухание войны товарища Сталина не устраивало. Своими опасениями он, понятное дело, с народными массами не делился. Наоборот, выражал страстное желание как можно скорее положить конец войне.

30 ноября 1939 г. Сталин через газету «Правда» объявил на весь мир следующее:

«...а) не Германия напала на Францию и Англию, а Франция и Англия напали на Германию, взяв на себя ответственность за нынешнюю войну;

б) после открытия военных действий Германия обратилась к Франции и Англии с мирными предложениями, а Советский Союз открыто поддержал мирные предложения Германии, ибо он считал и продолжает считать, что скорейшее окончание войны коренным образом облегчило бы положение всех стран и народов;

в) правящие круги Англии и Франции грубо отклонили как мирные предложения Германии, так и попытки Советского Союза добиться скорейшего окончания войны».

Сталинское стремление к миру было чистосердечным и пылким. Об этом мы можем судить по совпадению дат и даже часов.

В ночь на 30 ноября 1939 г. наборщики «Правды» тщательно складывали мудрые сталинские слова в чеканные строки: «Скорейшее окончание войны коренным образом облегчило бы положение всех стран и народов». Именно в эту ночь командующий Ленинградским военным округом командарм 2 ранга К.А. Мерецков получил приказ о начале боевых действий против Финляндии в соответствии с ранее разработанным планом.

30 ноября в 8.00 ударила советская артиллерия, в 8.30 передовые отряды Красной армии пересекли границу Финляндии. Именно в это время советские люди разворачивали самую правдивую газету мира, читали заявления товарища Сталина о неоднократных и настойчивых «попытках Советского Союза добиться скорейшего окончания войны».

Через газеты Сталин заявлял одно, а в своем кругу, когда никто не мог подслушать, он говорил нечто прямо противоположное. После завершения «зимней войны» состоялось совершенно секретное совещание высшего командного состава РККА. 17 апреля 1940 г. на совещании выступил Сталин и высказал свои опасения о перспективах войны между Германией, Францией и Великобританией: «Воевать-то они там воюют, но война какая-то слабая, то ли воюют, то ли в карты играют. Вдруг они возьмут и помирятся, что не исключено». (Зимняя война 1939—1940. И.В. Сталин и финская кампания. М.: Наука, 1999. С. 273.)

Эти слова Сталина стали известны только через полвека и только потому, что Советский Союз развалился. Сталин в 1940 году такого исхода не предполагал, потому мог своим командирам говорить то, что его беспокоило.

Официально на весь мир: скорейшее окончание войны коренным образом облегчило бы...

В своем кругу, когда посторонних нет: ах, как бы они не помирились.

6

Не прошло и месяца, как 10 мая Германия нанесла внезапный сокрушительный удар по западным союзникам. Франция, Бельгия, Голландия, Люксембург, британские войска на континенте были сокрушены в ходе блистательных молниеносных операций.

И сталинский план, как тонущий крейсер, затрещал по линиям сварных швов.

Хрущев: «Сталин нарушил свою замкнутость и очень нервно выругался в адрес правительств Англии и Франции за то, что они допустили разгром своих войск. Сталин тогда очень горячился, очень нервничал. Я его редко видел таким.

Он вообще на заседаниях редко сидел на своем стуле, а всегда ходил. Тут он буквально бегал по комнате и ругался, как извозчик».

Казалось бы, чего ругаться?

Миролюбивая Германия сокрушила агрессивную Францию и вышвырнула с континента войска злонамеренных британских империалистов. Вот бы и радоваться товарищу Сталину: европейская война затухает, так и не разгоревшись в мировую. Верный сталинский союзник Гитлер проучил поджигателей войны, неповадно им больше будет нападать на соседние страны!

Но это Сталину весьма не нравится.

Вялая война на Западе Сталину не по нутру: война какая-то слабая, то ли воюют, то ли в карты играют.

Германия решительно разгромила Францию, всех ее союзников, включая британские войска на континенте, — опять не так!

Что же ему надо?

Свой замысел Сталин высказал за много лет до начала Второй мировой войны: «Очень многое зависит от того, удастся ли нам оттянуть войну с капиталистическим миром, которая неизбежна... до того момента, пока капиталисты не передерутся между собой...» (Т. 10. С. 288.) Сталину нужна была ситуация, в которой «капиталисты грызутся как собаки». («Правда», 14 мая 1939 г.)

С сентября 1939 г. до мая 1940-го особой грызни на Европейском континенте не было. Потом Гитлер внезапно разгромил своих западных противников, но опять без особой грызни. Сталин ждал, когда все европейские страны, прежде всего Германия, обессият себя войной. Но боевые действия 1940 г. не ослабили, а резко усилили Германию.

Было отчего товарищу Сталину бегать по кабинету и матерно ругаться.

7

Тут меня и перебьют вопросом. Если Сталин планировал воспользоваться войной в Европе для того, чтобы нанести внезапный удар по Германии и освободить Европу от гитлеризма, то почему не нанес этот удар летом 1940 г., в момент

разгрома Франции. Ведь возможность представилась просто невероятная!

Действительно, в конце июня 1940 г. в Европе возникла ситуация, лучше которой вообразить невозможно. Польша, Чехословакия, Франция, Бельгия, Голландия, Люксембург, Дания, Норвегия разгромлены и оккупированы германскими войсками. Вся германская авиация — во Франции. Все танки там. Вся тяжелая артиллерия. Самые талантливые генералы. Все отборные войска. К концу операции германские тылы растянуты, техника требует ремонта, запасы ГСМ и боеприпасов почти полностью исчерпаны... А на советско-германской границе только десять германских пехотных дивизий. Без единого танка. Без тяжелой артиллерии, без авиационной поддержки и прикрытия. И румынскую нефть можно взять почти голыми руками, после чего гитлеровские танки, самолеты, артиллерийские тягачи, автомобили и мотоциклы, линкоры и крейсера, эсминцы, тральщики и подводные лодки просто замрут на месте.

Отчего же Коба не воспользовался ситуацией?

Оттого, что ситуация возникла внезапно.

Никто, включая Сталина, не предполагал столь быстрого падения Франции. Этого, кстати, не ожидал и сам Гитлер.

Летом 1940 г. представилась просто великолепная возможность для разгрома Германии. Но Сталину надо было тайно отобилизовать и выдвинуть к границе дивизии, корпуса и армии Первого стратегического эшелона, развернуть в районе границ 250 новых аэродромов, командные пункты, узлы связи, госпитальную базу, подвести и выложить на грунт сотни тысяч тонн боеприпасов, запасных частей, инженерного имущества, вынести к границам базы ГСМ, перебазировать авиацию, обеспечить войска топографическими картами, планами первых операций, перевести промышленность и железные дороги на режим военного времени, отобилизовать и выдвинуть из глубины страны Второй стратегический эшелон, заблаговременно отпечатать плакаты с зовущей Родиной-матерью, заказать «Великий день настал» Шостаковичу и «Священную войну» Александрову, решить еще массу всевозможных проблем.

Это как запуск ракеты на Марс. Не учтешь самую дурацкую мелочь — может грохнуть на старте.

Одним днем в столь грандиозном предприятии не обойдешься. И двумя месяцами тоже. А дальше — осень и зима. С раскисшими аэродромами, дождями, туманами, нелетной погодой. И Сталин решил: не сейчас, а в первый подходящий момент.

Но первый подходящий — не раньше 1941 г.

8

Ждать следующего, 1942 г. Сталин тоже не мог. После молниеносного разгрома Франции война между Великобританией и Германией могла в любой момент завершиться как совершенно бесперспективная для обеих сторон. У Британии не было такой армии, чтобы сокрушить Германию на континенте, у Германии не было такой авиации и такого флота, чтобы сокрушить Британию на островах. Пат. В этой ситуации любой игрок протягивает руку противнику: ничья. И Гитлер руку протянул.

После разгрома Польши 6 октября 1939 г. Гитлер обратился к правительствам Великобритании и Франции с предложением о заключении перемирия и созыве мирной конференции. Об этих предложениях писал 30 ноября 1939 г. и сам Сталин: «После открытия военных действий Германия обратилась к Франции и Англии с мирными предложениями, а Советский Союз открыто поддержал мирные предложения Германии».

После разгрома Франции Гитлер вновь обратился к Великобритании с предложениями о мире.

Если бы Черчилль кивнул Гитлеру, Вторая мировая война тут же и погасла...

А это рушило все сталинские расчеты. Поэтому после разгрома Франции оттягивать нападение на Германию до 1942 г. стало не только бессмысленно, но и опасно. Если война в Европе прекратится, то Сталин не только останется один на один с Гитлером, но и потеряет моральное право «освободить».

Одно дело напасть на Германию в ситуации, когда Гитлер подмял Европу и продолжает войну. Тогда Сталин выступит освободителем. Тогда его поддержит весь мир.

Другое дело: война в Европе прекратилась, собрана мирная конференция, чтобы разрешить все проблемы Европы, и тут нападает Сталин... В этом случае он не освободитель, но агрессор, империалист, завоеватель.

9

Теперь допустим, что летом 1941 г. Гитлер не напал на Сталина и Сталин не напал на Гитлера. Представим себе, что Советский Союз в июле и августе 1941-го так и остается вне большой войны. И вот подходит 1 сентября. Сталину предстоит отпустить по домам миллионы солдат и остаться с очень маленькой армией. Мог ли он решиться на такой шаг, если соседом — Гитлер?

Нет. На это ни один здравомыслящий человек пойти не мог.

Что же оставалось?

Оставалось в любом случае до 1 сентября 1941 г. бросить миллионы бойцов в боевые действия.

А нельзя ли было миллионы солдат задержать в армии после 1 сентября 1941 г.?

Если бы Советский Союз до этой даты бросил в сражения свои фронты и армии, тогда никаких проблем. Солдат должен воевать, пока продолжается война. До победы.

Но если бы Советский Союз до этой даты активных боевых действий не развернул, то задержать солдат в армии было бы невозможно. Чтобы это понять, надо вернуться на несколько десятилетий в прошлое.

В 1905 году в России разразилась революция. Она не завершилась свержением монархии. Революцию удалось подавить. В 1905 году падение династии Романовых удалось оттянуть еще на 12 лет, до 1917 г. Но и в 1905 году ситуация была очень серьезной. На грани крушения. Все висело на волоске. Царь Николай вполне сознавал смертельную опасность режиму. Надо было на что-то решаться. Главной опо-

рой царя была армия. В то время она состояла из двух неравных частей:

- гвардия;
- вся остальная армия.

Гвардия была относительно небольшой в сравнении с остальной армией — 5–7% от всей численности вооруженных сил России. В начале XX века в русской гвардии было три артиллерийских бригады, 16 пехотных и 13 кавалерийских полков. Это была настоящая элита. Вся гвардия находилась в столице империи, а обыкновенные части были разбросаны по всей стране. В случае войны гвардейские полки воевали вместе со всей армией, но только на самых важных, решающих и опасных участках фронта. Офицерский состав гвардии комплектовался из высшего дворянства. Солдат отбирали с особой тщательностью. В гвардию попадали самые рослые, физически крепкие и морально устойчивые новобранцы. Гвардия имела невероятные привилегии в сравнении с остальной армией. Рядовой солдат гвардии получал жалованье в три раза выше, чем такой же солдат в обыкновенном полку, не говоря уж о том, что солдата гвардии гораздо лучше одевали и кормили, что жил он в несравненно лучших условиях. А офицер гвардии не только больше получал, но и его воинские звания имели иной вес. Например, капитан гвардии был официально равен по положению армейскому полковнику, а подполковник гвардии — армейскому генерал-майору.

Сама гвардия тоже была не однородной. В ней была установлена строгая иерархия полков. Самым высшим по положению был Лейб-гвардии Преображенский полк. Первым полковником в этом полку был Петр Великий, который создал как этот полк, так и всю русскую гвардию. После Петра по традиции все мужчины царской семьи проходили службу в этом полку, а все русские императоры, как мужского, так женского пола, включая Елизавету и Екатерину II, при восшествии на престол получали звание полковника Преображенского полка. Этот полк был элитой элит.

Но и в нем была своя элита — первый, он же Государев, батальон.

Этот батальон располагался непосредственно рядом с Зимним дворцом и нес его охрану. Первый батальон Преображенского полка возвышался над остальной гвардией в такой же степени, как вся гвардия над остальной армией. По традиции именно в этом батальоне служил наследник престола. Например, будущий император Николай II перед вступлением на престол прошел в Государевом батальоне все командные инстанции, до командира батальона включительно.

И вот революция 1905 г. Царь Николай II понимал, что главная опора — гвардия. Ее надо увеличить. Но как? Очень просто. Солдат в гвардии служил тогда 6 лет. Николай решил всех, кто уже отслужил, пока домой не отпускать. Ведь это самые опытные бойцы...

И случилось невероятное. Нет, нет, не восстание. Просто солдаты написали царю письмо с требованием отпустить всех, у кого срок службы завершился. Если была бы война, писали они, то мы бы продолжали служить до победы или до смерти. Но войны нет. Зачем же задерживать на службе верных защитников? Разве революционные волнения в стране — это уважительная тому причина?

Самое удивительное, что письмо царю было написано не какими-то вообще солдатами гвардии, а солдатами самого лучшего полка — Преображенского. И не какого-то там батальона, а именно солдатами первого, Государева батальона.

Тут надо внести уточнение. В подавлении революции 1905 г. гвардии принадлежала решающая роль. Например, 9 января 1905 г. солдаты Лейб-гвардии Преображенского полка расстреляли демонстрацию перед Зимним дворцом. В декабре того же года Лейб-гвардии Семеновский полк подавил вооруженное восстание в Москве. Солдат гвардии подчинялся железной дисциплине. Он четко выполнял все свои обязанности. Приказали стрелять в толпу, он стрелял. Однако только до тех пор, пока продолжалась его служба. 6 лет истекло, войны нет, значит, пора возвращаться домой. Ничего, кроме войны, его на службе больше удержать не могло. Даже приказ императора. Любимого императора.

Даже того, который совсем недавно был командиром этого самого батальона.

Для Николая II, как и для всего его окружения, письмо солдат Государева батальона было хуже любого бунта и любой революции. Николай понял, что с огнем шутить нельзя. И приказал немедленно всех, кто свой срок отслужил, с благодарностью отпустить по домам.

И выхода у Николая не оставалось. Если нельзя положиться на штыки гвардии, значит, надо менять что-то в государстве. И царь начал реформы.

Но было поздно...

В Первой мировой войне практически вся гвардия России погибла. Те, кого набрали в гвардию в ходе войны взамен погибших, носили ту же форму, служили в тех же полках с гордыми именами. Но это были уже другие люди, те, кого в мирное время вообще на службу не брали.

Первая мировая война окончательно добила династию Романовых. И защищать ее на этот раз было некому.

Какое же отношение вся эта история имеет к Сталину, Гитлеру и ко Второй мировой войне?

Самое прямое.

Сталин внимательно изучал ошибки русских царей — своих предшественников на всероссийском троне.

Сталин, например, полностью гарантировал свою власть от новых революций. Он ввел такую систему, при которой каждый человек должен был или погибнуть, или совершить какую-то подлость в отношении окружающих людей. Сталин сделал все население страны соучастником своих преступлений. Сталинская власть была гораздо сильнее и крепче, чем это кажется со стороны. Десятки миллионов подлецов знали, что если сталинская власть рухнет, то тайная подлость станет известна окружающим. Потому огромные массы людей собственную безопасность не отделяли от безопасности сталинского режима.

Сталин ясно понимал, что можно делать с народом и армией, а чего делать нельзя ни при каких обстоятельствах.

Сталин четко усвоил урок, который преподнес Николаю Второму Государев батальон Лейб-гвардии Преображен-

ского полка: солдат должен точно знать, когда завершается срок его службы. После того как солдат отслужил, его надо немедленно отпустить домой... Или начинать войну.

* * *

А вывод такой: если бы Сталин планировал начало активных боевых действий Красной армии на более поздний срок, например на 1942 год, тогда бы он и Закон о всеобщей воинской обязанности вводил бы не 1 сентября 1939 г., а позже.

Александр Пронин¹

СОВЕТСКО-ПОЛЬСКИЕ СОБЫТИЯ 1939 г.

СОВЕТСКО-ПОЛЬСКАЯ ВОЙНА 1920 г. ВЕРСАЛЬСКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР И ГЕРМАНО-СОВЕТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1922—1933 гг.

Правда истории не подлежит корректировке. Если, конечно, за правду не выдавалась ложь. Ныне мало у кого вызывает сомнение тот факт, что разгром Польши был осуществлен нацистской Германией при деятельной поддержке Сталина. Это означало, что два величайших тоталитарных государства в мире стали партнерами. Советское руководство было согласно с войной, чтобы поживиться частью ее плодов.

Глава советского правительства и одновременно народный комиссар иностранных дел В. М. Молотов, выступая на сессии Верховного Совета СССР 31 октября 1939 г., неоднократно подчеркивал прочность «новых» отношений между СССР и Германией. В одном случае он говорил о том, что «на смену вражде... пришло сближение и установление дружественных отношений между СССР и Германией», в другом — о наступлении «последнего решительного пово-

¹ Пронин Александр Алексеевич — доцент кафедры правового и документационного обеспечения управления Института социологии и права Российского государственного профессионально-педагогического университета (Екатеринбург), кандидат исторических наук.

рота в политических отношениях между Советским Союзом и Германией...», в третьем — о том, что «новые советско-германские отношения построены на прочной базе взаимных интересов»¹.

Предвосхищая и как бы подготавливая сталинское определение новых советско-германских отношений как «дружбы, скрепленной кровью»², Молотов превозносил «общую» (Германии и СССР) победу над Польшей, для чего, по его выражению, «оказалось достаточно короткого удара по Польше со стороны германской армии, а затем — Красной армии, чтобы ничего не осталось от этого уродливого детища Версальского договора»³.

Таким образом, истоки той «дружбы», которую провозгласил подписанный 28 сентября 1939 г. договор о дружбе и границе между СССР и Германией (в ст. 4 данного договора стороны согласились рассматривать осуществленное ими территориально-политическое переустройство в Польше как «надежный фундамент для дальнейшего развития дружественных отношений между своими народами»⁴), берут свое начало в давнем недовольстве, испытываемом Германией и Советской Россией в связи с Версальским послевоенным устройством 1919 г. Это было признано В. М. Молотовым в упомянутом докладе от 31 октября 1939 г.

Не случайно уже после Второй мировой войны, в конце ноября 1945 г., утвержденный советской делегацией на Нюрнбергском процессе перечень не подлежащих обсуждению на нем вопросов, составленный по инициативе делегаций от США и Великобритании с целью воспрепятствовать встречным обвинениям защиты против правительств стран антигитлеровской коалиции, пунктом первым предусматривал запрет обсуждению отношения СССР к Версальскому миру, а пунктом девятым — вопроса советско-польских отношений⁵.

Дело в том, что в соответствии со ст. 87—93 Версальского договора⁶ Польша наделялась особой, ключевой функцией. По оценке доктора исторических наук Ю. Л. Дьякова и кандидата исторических наук Т. С. Бушуевой, она была превращена в своего рода опорный пункт как французской, так и всей «англосаксонской» системы Версаля и не только

должна была «сторожить» Германию на востоке, но и препятствовать прорыву Советской России в Центральную Европу⁷. Об этом же писал в книге «Германия между Востоком и Западом» немецкий генерал фон Сект⁸.

Для того чтобы лучше понять корни ситуации, сложившейся на международной арене в 1939 г. и во многом повлиявшей на заключение и содержание советско-германских соглашений, необходим экскурс в историю отношений Польши и России.

В ходе Первой мировой войны Польское королевство, являвшееся частью Российской империи, было оккупировано войсками Германии и Австро-Венгрии. Согласно ст. III и IV Брест-Литовского мирного договора от 3 марта 1918 г. между Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией, с одной стороны, и Россией, с другой стороны⁹, ратифицированного Чрезвычайным IV Всероссийским съездом Советов 15 марта 1918 г. в условиях, когда Советская власть едва родилась и была слабой, территория Польши отторгалась от России наряду с Прибалтикой, Украиной, частями Белоруссии и Закавказья.

Подписанная В. И. Лениным как председателем СНК 2 (15) ноября 1917 г. Декларация прав народов России¹⁰, провозгласив равенство и суверенность народов России, предоставила им право на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства. Поскольку названная декларация вступила в силу до подписания Брест-Литовского мирного договора, ее действие изначально распространялось и на народ, населяющий Польшу, ибо военная оккупация Польши как части России германскими и австро-венгерскими войсками не означала прекращения распространения российского государственного суверенитета на эту территорию¹¹.

Однако 12 сентября 1917 г. по соглашению между Германией и Австро-Венгрией приказом германского варшавского генерал-губернатора Безелера на территории Польского королевства был создан Регентский Совет, которому предписывалось осуществлять «верховную власть» в Польше, но на деле он являлся кратурой Германии и Австро-Венгрии и состоял из трех членов, назначенных германским и австро-

венгерским императорами. В связи с этим советское правительство справедливо рассматривало Регентский Совет, просуществовавший до 13 ноября 1918 г., лишь как административный орган германской и австро-венгерской военной оккупации. 22 июня 1918 г., т. е. уже после заключения Брестского мира, наркоминдел России Г. В. Чичерин писал представителю польского Регентского Совета: «Поставленная в необходимость признать факт насильственного отторжения Польши от России, Советская Россия в то же время не может признать существующего в Польше так называемого Регентского Совета представителем воли польского народа. Именно потому, что Рабоче-Крестьянское Советское правительство признает за польским народом право на самоопределение, оно не может считать Регентский Совет чем-нибудь иным, как только органом германской оккупации»¹².

Ноябрьская революция 1918 г. привела к свержению кайзеровской монархии в Германии и установлению Веймарской республики. 13 ноября 1918 г. Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет заявил, что «условия мира с Германией, подписанные в Бресте 3 марта 1918 г., лишлись силы и значения. Брест-Литовский договор... в целом и во всех пунктах объявляется уничтоженным. Все включенные в Брест-Литовский договор обязательства, касающиеся... уступки территории и областей, объявляются недействительными»¹³. В этот же день, 13 ноября, в Польше было сформировано правительство, провозгласившее Польшу независимой республикой и объявившее Регентский Совет стоящим вне закона, а 28 ноября советское правительство де-факто признало Польскую республику как самостоятельное государство¹⁴. Воссоздание независимой Польши было санкционировано Антантой при подписании 28 июня 1919 г. Версальского мирного договора (ст. 87—93), но границы Польши, за исключением западной, которая в соответствии с ч. 2 ст. 27, ст. 87 и 88 приблизительно соответствовала границе 1772 г.¹⁵, т. е. времен первого раздела Польши, детально не регламентировались.

Тем временем Юзеф Пилсудский, член Польской социалистической партии, стал главой Польского государ-

ства. Он и его окружение трактовали ленинский декрет об отмене тайных договоров XVIII века относительно разделов Польши как автоматическое восстановление Польского государства в границах 1772 г. Такое толкование (по отношению к российской стороне) было, в общем-то, справедливым, ибо текст Декрета СНК от 29 августа 1918 г. об отказе от договоров правительства бывшей Российской империи с правительствами Германской и Австро-Венгерской империй, королевств Пруссии и Баварии, герцогств Гессена, Ольденбурга и Саксен-Мейнингема и города Любена гласил следующее: «Статья 3. Все договоры и акты, заключенные правительством бывшей Российской империи с правительствами королевства Прусского и Австро-Венгерской империи, ввиду их противоречия принципу самоопределения наций и революционному правосознанию русского народа, признавшего за польским народом неотъемлемое право на самостоятельность и единство, отменяются настоящим бесповоротно. Статья 4. Все тайные договоры, соглашения и обязательства, заключенные, но не опубликованные в установленном для таких актов порядке, бывшими правительствами России с правительствами Австро-Венгрии, Румынии и государств, в состав последней входящих, отменяются бесповоротно...»¹⁶.

Помимо восстановления Польши в границах 1772 г., целям Пилсудского отвечало создание «санитарного кордона» — полосы изоляции, отделяющей Польшу от революционной России. Странники Пилсудского добивались объединения с Польшей (в форме федерации или включения в сферу ее влияния) Белоруссии, Литвы, Латвии, Эстонии, большей части Украины и даже Кубани и Кавказа.

Однако Антанта не признавала польские права на территории восточнее этнических польских земель.

Вопрос о восточных границах Польши обсуждался на мирной конференции в Париже, открывшейся 18 января 1919 г. На этой конференции была создана специальная комиссия по польским делам под руководством бывшего французского посла в Берлине Жюль Камбона. При подготовке решения вопроса о польско-русской границе эта комиссия исходила из решения делегаций главных союзных

держав — Англии, Соединенных Штатов Америки, Италии, Японии, считавших необходимым включить в состав территории Польши лишь этнически польские области.

На основе вышеизложенного решения главных союзных держав Территориальная комиссия Парижской мирной конференции выработала линию восточной границы Польши, которая была принята союзными державами уже после заключения Версальского мирного договора и опубликована в Декларации Верховного совета союзных и объединившихся держав по поводу временной восточной границы Польши от 8 декабря 1919 г. за подписью председателя Верховного совета Ж. Клемансо. Позднее, в июле 1920 г., та же линия восточной границы Польши была подтверждена на конференции союзных держав в Спа и явилась основой для ноты от 12 июля 1920 г. британского министра иностранных дел Керзона советскому правительству, в которой он изложил примерную линию советско-польской границы, ставшую известной под именем линии Керзона¹⁷.

Но Пилсудский и его сторонники провели через комиссию сейма по иностранным делам требование отвода советских войск (постановление ВЦИК от 1 июня 1919 г. за подписью М. И. Калинина провозгласило образование военного союза советских республик: России, Украины, Латвии, Литвы, Белоруссии для отпора наступлению общих врагов¹⁸) «за границы 1772 г.». Фактически уже с февраля 1919 г. шли вооруженные столкновения между Красной армией и польскими воинскими частями.

В апреле 1920 г. польское правительство заключило с одним из лидеров националистического движения на Украине, Симоном Петлюрой, договор о совместных военных действиях против России. Пилсудский намеревался утвердить на Украине власть Петлюры, который обещал Польше часть украинской территории (идея Пилсудского о федерации не находила поддержки, не было о ней речи и в договоре с Петлюрой). Сменив рассуждения о федерации на практические дела, Пилсудский пошел силой перекраивать территории соседних народов.

Хроника этой никогда официально не объявлявшейся войны достаточно известна. 7 мая 1920 г. польские войска

захватили Киев и вышли на левый берег Днепра. 26 мая Красная армия развернула контрнаступление, пересекла линию Керзона, отвергнув 17 июля предложения английского правительства о содействии в установлении перемирия между Россией и Польшей¹⁹, и вступила на этнические польские земли. 12 августа 1920 г. Красная армия подошла к Варшаве. Объяснение своего пребывания на польской земле бойцы Красной армии видели в идее «помощи братьям по классу»²⁰.

Россию охватил ажиотаж близости мировой революции. Так, еще 9 мая 1920 г. «Правда» публиковала призыв: «На Запад, рабочие и крестьяне! Против буржуазии и помещиков, за международную революцию, за свободу всех народов!» Газеты восторженно писали о штурме Варшавы Западным фронтом (под командованием Тухачевского), о боях на подступах к Львову, которые вел Юго-Западный фронт (где членом Реввоенсовета был И. В. Сталин), публиковали приказ Тухачевского своим войскам: «Бойцы рабочей революции! Устремите свои взоры на Запад. На Западе решаются судьбы мировой революции. Через труп белой Польши лежит путь к мировому пожару. На штыках понесем счастье и мир трудящемуся человечеству. На Запад! К решительным битвам, к громозвучным победам!»²¹.

На знаменах боевых частей Западного фронта, на кумаче транспарантов сверкали лозунги: «На Варшаву!», «На Берлин!», собрания и митинги красноармейцев заканчивались хоровым кличем: «Даешь Варшаву!», «Даешь Берлин!»²².

В это время германские генералы, переводившие вооруженные силы на полуподпольное существование в виде спортивных обществ, землячеств ветеранов и т. п. и потому обладавшие реальной силой и властью в поверженной стране, решились на военный союз с «советским большевизмом» для разгрома Польши, стремясь ликвидировать последствия Версальского договора и восстановить общую границу с Россией. Эту идею четко сформулировал и всячески поддерживал главнокомандующий сухопутных войск рейхсвера фон Сект. Разгром Красной армией польских войск под Киевом и начавшееся их изгнание за пределы советских республик способствовали установлению тайных

контактов германских генералов с председателем Реввоенсовета Л. Д. Троцким и созданию предварительных наметок сотрудничества²³.

Штаб мировой революции — Коминтерн, его Второй конгресс, проходивший в те дни в Москве, назвал «белогвардейскую» Польшу «твердыней капиталистической реакции»²⁴. Коминтерн призывал: «Братья красноармейцы, знайте: ваша война против польских панов есть самая справедливая война, какую когда-либо знала история. Вы воюете не только за интересы Советской России, но и за интересы всего трудящегося человечества, за Коммунистический Интернационал... Красная армия есть сейчас одна из главных сил всемирной истории. Ближко то время, когда создастся международная Красная армия»²⁵. На весь мир был обнародован манифест Второго конгресса Коминтерна: «Коммунистический Интернационал есть партия революционного восстания международного пролетариата... Советская Германия, объединенная с Советской Россией, оказалось бы сразу сильнее всех капиталистических государств, вместе взятых. Дело Советской России Коммунистический Интернационал объявил своим делом. Международный пролетариат не вложит меча в ножны до тех пор, пока Советская Россия не включится звеном в федерацию Советских республик всего мира»²⁶.

Согласно воззрениям участников определению Коминтерна, демократия — это фетиш, прикрывающий диктатуру буржуазии²⁷. Советское государство — государство диктатуры пролетариата (п. 9 главы пятой Конституции РСФСР от 10 июля 1918 г. провозгласил задачу установления диктатуры пролетариата «в целях полного подавления буржуазии»²⁸.) Если к этому добавить, что диктатура как «особая форма государственной власти» есть «власть, опирающаяся не на закон, не на выбор, а непосредственно на вооруженную силу той или иной части населения»²⁹, что «научное понятие диктатуры означает не что иное, как ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть»³⁰, то нетрудно будет сделать вывод о том, какими методами эту власть намечалось устанавливать (пролета-

риат — непримиримый враг буржуазии, следовательно, советское государство — враг всех «западных демократий»³¹). Поэтому-то — «пролетариат не вложит меча в ножны...» — в утвержденной 30 декабря 1922 г. первым съездом Советов Союза Советских Социалистических Республик Декларации об образовании СССР опять же «перед всем миром» заявлялось, что новое государство «послужит верным оплотом против мирового капитализма» и «новым решительным шагом» в создании «Мировой Социалистической Советской Республики»³²: намечалось количество советских республик увеличивать до тех пор, пока весь мир не войдет в состав СССР.

Но вернемся к советско-польской войне 1920 г. Как пишет В. Иванов, в обозах Западного фронта продвигались члены польского ревкома под руководством председателя ВЧК Ф. Э. Дзержинского и польское советское правительство, выпускали декреты и указы для оккупированных территорий, создавали органы Советской власти³³.

«Поддержка вооруженной рукой дела советизации» — именно такая характеристика советско-польской войны была дана в проекте резолюции, предложенной 23 сентября 1920 г. для утверждения участникам Всероссийской конференции РКП³⁴ явилась своего рода репетицией событий, последовавших после 17 сентября 1939 г. Не случайно в принятой 29 октября 1939 г. Декларации Народного Собрания Западной Белоруссии «О вхождении Западной Белоруссии в состав Белорусской Советской Социалистической Республики» подчеркивалась огромная роль «непобедимой Рабоче-Крестьянской Красной армии» в деле «освобождения народов Западной Белоруссии от господства помещиков и капиталистов»³⁵. Подобная констатация содержалась и в принятой 27 октября 1939 г. Декларации Народного Собрания Западной Украины «О вхождении Западной Украины в состав Украинской Советской Социалистической Республики», где со всей прямотой говорилось: «...по указу советского правительства Красная армия освободила навеки народ Западной Украины от власти польских помещиков и капиталистов»³⁶. «Заслуги» Красной армии в установлении Советской власти на территориях других государств

признавались и в Декларации сейма Литовской республики «О вступлении Литвы в состав СССР», принятой 21 июля 1940 г.: «С помощью могучей Красной армии... народ Литвы сбросил ярмо поработителей и установил в своем государстве Советскую власть»³⁷. Но об этом будет сказано позже.

В 1920 г. польские рабочие и крестьяне не проявили ожидаемой готовности присоединиться к русским «освободителям от капиталистического ига». Напротив, призыв главы Польской республики Ю. Пилсудского к народу оказать сопротивление Красной армии был горячо подхвачен поляками. На берегах Вислы, под Варшавой, начался сокрушительный разгром советских войск. Натиск Красной армии, интернациональной по духу, в пух и прах разбился о национальный патриотизм польского народа, едва обретшего государственную самостоятельность и не желавшего вновь становиться населением окраины Российской империи. Именно в этом усматривают причины поражения Красной армии в советско-польской войне 1920 г. исследователи последней³⁸.

Тот факт, что Красную армию не стали поддерживать ни польские крестьяне, ни польские рабочие, подтвердили на IX Всероссийской конференции РКП (б) очевидцы. Так, член Реввоенсовета 15-й армии Западного фронта Д. Полуян заявил: «В польской армии национальная идея спаивает и буржуа, и крестьянина, и рабочего, и это приходится наблюдать везде»³⁹.

Красная армия испытала унижение стремительного отступления. «Правда» писала: «...наша Красная армия, а значит, и мировая революция, отступает»⁴⁰. 28 августа польские легионы уже подошли к Минску. Советское правительство пошло на мирные переговоры, но уже с позиции побежденной стороны. 12 октября 1920 г. РСФСР и УССР подписали с Польшей договор о перемирии и прелиминарных условиях мира⁴¹, ст. 1 которого зафиксировала границу где на 150, а где и на все 200 километров к востоку от линии Керзона. В части пятой этой же статьи содержался отказ России и Украины от всяких прав и притязаний на земли, расположенные к западу от этой границы. В свою очередь, Польша отказалась в пользу Украины и Белоруссии от всяких прав

и притязаний на земли, расположенные к востоку от этой границы. В ст. 2 договора о перемирии обе договаривающиеся стороны взаимно подтвердили полное уважение государственного суверенитета и воздержание от какого-либо вмешательства во внутренние дела другой стороны.

Итак, Белоруссия и Украина лишились своих западных областей. Разумеется, советское руководство было недовольно данной границей, как было недовольно оно и Версальским договором 1919 г. В. И. Ленин, выступая в 1920 г. в Москве на совещании уездных, волостных и сельских исполнительных комитетов, назвал Версальский договор «неслыханным, грабительским миром», который «держится на Польше». Он признал, что «...нам не хватило сил довести войну до конца... У нас не хватило сил, мы не смогли взять Варшаву и добить польских помещиков, белогвардейцев и капиталистов, но... Красная армия показала, что этот Версальский договор не так прочен... Разоренная Советская страна летом 1920 г. была, благодаря Красной армии, в нескольких шагах от полной победы»⁴².

На основе договора о предварительных условиях мира 18 марта 1921 г. между Россией и Украиной, с одной стороны, и Польшей — с другой, был подписан в Риге мирный договор⁴³, в ст. 1 которого обе договаривающиеся стороны объявили о прекращении между ними состояния войны. Статья 2 практически повторяла регламентацию границы, установленную ст. 1 договора о перемирии от 12 октября 1920 г., ст. 3 была идентична ч. 5 ст. 1 договора о предварительных условиях мира. Статья 4 Рижского мирного договора 1921 г. провозглашала, что из прежней принадлежности части земель Польской республики к бывшей Российской империи не вытекает для Польши по отношению к России никаких обязательств и обременений (за исключением предусмотренных названным договором), равным образом из прежней совместной принадлежности к бывшей Российской империи не вытекает никаких взаимных обязательств и обременений между Украиной, Белоруссией и Польшей. В ст. 5 обе договаривающиеся стороны обязались взаимно гарантировать полное уважение государственного суверенитета другой договаривающейся стороны и воздерживать-

ся от всякого вмешательства в ее внутренние дела, в частности, от агитации, пропаганды и всякого рода интервенций либо их поддержки. В ст. 23 Россия и Украина провозгласили, что все обязательства, принятые ими по отношению к Польше, распространяются на все территории, расположенные к востоку от государственной границы, указанной в ст. 2 настоящего договора, которые входили в состав бывшей Российской империи и при заключении данного договора были представлены Россией и Украиной. В частности, все вышеупомянутые обязательства распространялись на Белоруссию. Указанные положения договора приобретали особую важность в свете того, что позднее УССР, БССР и РСФСР вошли в состав единого государства — Союза ССР.

В последующие десятилетия память о войне тяготела над советско-польскими отношениями. Старый антирусский стереотип времен самодержавия в Польше не только не исчез, но закрепился, перенесенный на отношения с СССР. События 1920 г. объясняют, почему летом 1939 г. Варшава неизменно отвечала отказом на все предложения Англии и Франции пропустить через свою территорию советские вооруженные силы в случае агрессии со стороны Германии, чтобы они могли войти в соприкосновение с ее войсками, так как СССР общей границы с Германией не имел. Министр иностранных дел Польши Бек постоянно ссылаясь на заветы Пилсудского (Ю. Пилсудский умер в 1935 г.), согласно которым ни в коем случае нельзя допустить появления чужих солдат на польской территории⁴⁴. (Этим же обостренным ощущением своей национальной независимости, о которое разбилась Красная армия в 1920 г., объясняется и то, что Польша, несмотря на весь свой антикоммунизм и далеко не дружественное отношение с СССР, осенью 1938 г. наотрез отказывалась присоединиться к антикоминтерновскому пакту, считая это равносильным потере своей независимости и подчинению Германии. Таким же образом расценивала Польша и впервые выдвинутые Германией 24 октября 1938 г. требования дать согласие на присоединение «вольного города» Данцига, полученного Польшей по Версальскому договору (ст. 104)⁴⁵ и дававшего ей доступ к Балтийскому морю, к Германии и на предостав-

ление экстерриториальных (неконтролируемых польскими властями) дорог — железной и шоссейной — через «польский коридор» для связи с Восточной Пруссией. Гитлер впервые столкнулся с польским «упрямством», и именно тогда он, по выражению немецкого историка И. Фляйшхауэр, стал «искать пути и средства наказания Польши с помощью России»⁴⁶.) Летом 1939 г. отсутствие согласия по этому, как его называли, «кардинальному вопросу» явилось одной из причин того, что англо-франко-советские военные переговоры в середине августа 1939 г. зашли в тупик. Как пишут авторы «Краткого исторического очерка Великой Отечественной войны», «вместо надежной и реальной помощи своего восточного соседа — СССР, выразившего готовность гарантировать польскому народу сохранение национальной независимости и государственного суверенитета, польские правители предпочли иллюзорные гарантии западных стран — Англии и Франции»⁴⁷.

О том, какие меры предприняло осенью 1939 г. советское правительство для «сохранения национальной независимости и государственного суверенитета польского народа», будет подробно сказано ниже. Упомянем здесь лишь, что, отвечая 12 мая 1995 г. на вопросы обозревателя газеты «Известия» К. Эггерта, премьер-министр Польши Юзеф Олексы подчеркнул, что поляки до сих пор «не могут вычеркнуть из памяти германо-российскую агрессию в сентябре 1939 г. (означавшую со стороны СССР безусловное нарушение Рижского мирного договора 1921 г., равно как и других, более поздних, советско-польских соглашений. — А. П.), Катынь, сталинщину»⁴⁸.

После советско-польской войны 1920 г. в Советском Союзе, в свою очередь, сложился стереотип «польской угрозы», укоренилось представление, будто мирная передышка в отношениях с Польшей носит временный характер. Все оперативные планы на случай войны⁴⁹ на Западе, включая «План стратегического распределения РККА и оперативного развертывания на Западе» от 1936 г. (он был последним из оперативных планов войны на Западе к моменту советско-германского сближения, произошедшего в 1939 г.), строились так, как если бы война ожидалась с одной только

Польшей⁵⁰. Эти обстоятельства и повлияли в дальнейшем на внешнеполитические шаги советского руководства, легли в основу советско-германского сотрудничества, о котором речь пойдет ниже.

Версальский мирный договор, подписанный 28 июня 1919 г., превратил Германию в третьеразрядное государство. Германия потеряла 67,3 тыс. квадратных километров территории в Европе и все колонии. Особенно унижительным оказались военные статьи: армия не должна превышать численности в 100 тыс. человек (ст. 160), офицерский корпус — 4 тыс. (ч. 3 ст. 160), на вооружении не должно быть тяжелой артиллерии (ст. 164), авиации (ст. 201), танков (ч. 3 ст. 171), подводных лодок (ст. 191), ликвидировался Генеральный штаб (ст. 160), все военные учебные заведения (ст. 176—177), отменялась всеобщая воинская повинность (ст. 173); Германии не разрешалось иметь военных миссий в других странах (ст. 179), ее гражданам проходить военную подготовку в армиях других государств (ст. 179). Требовалось выплатить Антанте многомиллионные репарации (ст. 231—244)⁵¹.

То был один из самых суровых военных приговоров в истории. По словам В. И. Ленина, условия Версаля были продиктованы «беззащитной» Германии «разбойниками с ножом в руках»⁵².

Вместе с Германией была унижена и Россия: последней отныне надлежало быть отделенной от Центральной и Западной Европы кордоном из государств, создание которых было узаконено победителями с целью предотвратить опасность проникновения большевизма в Европу⁵³.

Образно говоря, поверженная в войне Германия и большевистская Россия стали в те дни париями Версаля.

Россия после Гражданской войны, интервенции Антанты и неудачной «польской кампании», выявившей неподготовленность Красной армии к ведению боевых операций на чужой территории, оказалась, как и Германия, в международной изоляции и искала выход из трудного положения в союзе с Германией, нацеленном против Запада и Версаля.

В связи с тем что в результате поражения Красной армии под стенами Варшавы надежды на совместный (Германии

и России) разгром Польши в 1920 г. рухнули, возобладала идея долговременного военного сотрудничества двух стран на основе взаимных интересов и с учетом общих врагов.

Использование разногласий в капиталистическом мире для развития отношений с Германией⁵⁴ полностью соответствовало внешнеполитической линии, разработанной ЦК партии большевиков во главе с Лениным. Начало деятельности в рамках достигнутого Россией и Германией в феврале 1921 г. тайного соглашения о «восстановлении немецкой военной промышленности», вопреки положениям Версальского мирного договора, было санкционировано лично В. И. Лениным⁵⁵, однако процесс активного взаимодействия с рейхсвером разворачивался уже после отхода Ленина в 1922 г. от полноценной политической деятельности в связи с болезнью.

Эту традицию тайных дел с Германией унаследовал Сталин. Поначалу (здесь и далее я излагаю события так, как они описаны в книге Т. С. Бушуевой и Ю. Л. Дьякова «Фашистский меч ковался в СССР») встречи военных и политических руководителей двух государств предусматривали возможность установления контактов в случае конфликта одной из стран с Польшей (так и произошло в сентябре 1939 г.), служившей опорой Версальской системы на востоке Европы. Далее сотрудничество России и Германии обрастало новыми идеями: Россия, получая иностранный капитал и техническую помощь, могла повышать свою обороноспособность, а Германия взамен располагала совершенно секретной базой для нелегального производства оружия, прежде всего танков и самолетов. (Именно они, как известно, и определили ход сражений Второй мировой войны.) Глава рейхсвера генерал Г. фон Сект видел в этом союзе возможность обойти наложенные Версальским договором военно-технические ограничения. Русские, по мнению фон Секта, могли бы при необходимости обеспечивать поставки боеприпасов для рейхсвера и в то же время сохранять нейтралитет, если возникнут международные осложнения⁵⁶. Он-то и начал практическую реализацию сближения с РККА.

Советско-германское сотрудничество постепенно набирало силу. И вот 16 апреля 1922 г. в итальянском городе

Рапалло министры иностранных дел двух стран, Г. Чичерин и В. Ратенау, поставили подписи под договором⁵⁷, который хотя и не имел секретных военных статей, тем не менее его важнейшим результатом стала политическая база для советско-германского военного сотрудничества, начало которому было положено ранее.

Договор был заключен при следующих обстоятельствах. В начале 1922 г. советское и германское правительства получили приглашение участвовать в международной конференции, которая открылась 10 апреля в Генуе. Эта конференция была плодом смелой политики британского премьера Д. Ллойд Джорджа, направленной на возобновление связей с Германией и Советской Россией, изгоями в европейском сообществе. Советскую делегацию представляли наркоминдел Г. В. Чичерин, руководитель наркомвнешторга Красин и заместитель народного комиссара по иностранным делам Литвинов. Однако конференция не оправдала надежд частично из-за твердой оппозиции Франции идеям Ллойд Джорджа (Франция осталась смертельным врагом и Германии, и Гитлера; прежде всего в ней автор «Майн камф» видел силу, способную воспрепятствовать его экспансионистской политике и завоеванию господствующих позиций в континентальной части Европы), частично из-за того, что Великобритания и Советская Россия не смогли договориться относительно долгов и обязательств. Позиции сторон невозможно было сблизить никакими ухищрениями.

Итак, после того, как советской делегации в Генуе не удалось ничего добиться от западных союзников, она достигла соглашения по тому же кругу вопросов с германской делегацией, подписав его в Рапалло 16 апреля 1922 г. (Ситуация, в которой было заключено данное соглашение, имеет много общего с обстоятельствами подписания советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 г., в связи с чем последний часто называют «вторым Рапалло».) Дипломатические отношения были восстановлены, взаимные претензии по итогам Первой мировой войны были сняты, и, как следствие, военное сотрудничество получило прочный политический фундамент.

По мнению историков Дьякова и Бушуевой, «союз с Россией был единственным средством, с помощью которого Германия могла отплатить за унижение Версалем»⁵⁸. Рапалльский договор, каким бы внезапным и поспешным он ни был, оказался достаточно долговечным. Формально он оставался в силе почти 20 лет — до нападения фашистской Германии на СССР. Георгий Чичерин, заключавший договор, назвал его символом вынужденного сотрудничества обоих международных «козлов отпущения» — Германии и России⁵⁹.

Демонстрация солидарности против союзных держав на Генуэзской конференции (позднее подобной же солидарностью было проникнуто, в частности, Заявление советского и германского правительств от 28 сентября 1939 г., в котором содержался призыв к Англии и Франции прекратить войну с Германией, в противном случае именно они «будут нести ответственность за продолжение войны», а правительство Германии и СССР будут вынуждены консультироваться друг с другом о «необходимых мерах»⁶⁰) была сокрушительным ударом по западным союзникам, и это оказало большое влияние на дальнейший ход международных событий.

11 августа 1922 г., спустя всего лишь четыре месяца после того, как советская делегация на конференции в Генуе внесла предложение о всеобщем сокращении вооружения, было заключено временное соглашение о сотрудничестве рейхсвера и Красной армии (поистине, германо-советские отношения 1939 г. — начала 1940 г., о которых речь пойдет позднее, развивались уже по ранее апробированному сценарию).

Сотрудничество обеих стран принимает разнообразные формы: взаимное ознакомление с состоянием и методами подготовки обеих армий путем направления состава на маневры, полевые учения, академические курсы; совместные химические опыты (!); организация танковой и авиационной школ (!); командирование в Германию представителей советских управлений (Управления Военно-Воздушных сил, Научно-технического комитета, Арт-управления, Главсанупр и др.) для изучения отдельных вопросов и ознакомления с организацией ряда секретных работ⁶¹.

Так, в 1924 г. в Липецке была создана авиационная школа рейхсвера, просуществовавшая почти десять лет и замаскированная под 4-ю эскадрилью авиационной части Красного Воздушного флота. Как утверждают Бушуева и Дьяков, многие, если не большинство немецких летчиков (Блюмензаат, Гейнц, Макрацки, Фосс, Теецманн, Блюме, Рессинг и др.), ставших позднее известными, учились именно в Липецке⁶².

По Версальскому договору (ч. 3 ст. 171) Германии запрещалось, как уже было сказано, иметь танки, и рейхсвер должен был обходиться без них. Но дальновидный фон Сект неоднократно проводил мысль о том, что танки вырастут в особый род войск наряду с пехотой, кавалерией и артиллерией. Поэтому, следуя данному тезису, немцы с 1926 г. приступили к организации танковой школы «Кама» в Казани⁶³. Подготовленная в «Каме» плеяда танкистов, среди которых было 30 офицеров, облегчила позднее быстрое создание германских танковых войск...

Наиболее засекреченным объектом рейхсвера в СССР являлась «Томка», в которую немцы вложили около 1 млн марок. Это была так называемая школа химической войны, располагавшаяся в Самарской области, в непосредственной близости от территории автономной республики немцев Поволжья.

Между тем ч. 1 ст. 171 Версальского мирного договора запрещала Германии как пользование удушливыми, ядовитыми и тому подобными газами, всякими аналогичными жидкостями, веществами или способами, так и ввоз их в Германию.

В «Томке» испытывались методы применения отравляющих веществ в артиллерии, авиации, а также средства и способы дегазации загрязненной местности. Научно-исследовательский отдел при школе снабжался новейшими конструкциями танков для испытания отравляющих веществ, приборами, полученными из Германии, оборудовался мастерскими и лабораториями.

Бесспорно, что сотрудничество РККА и рейхсвера в трех названных центрах (с кодовыми названиями «Липецк», «Кама» и «Томка») осуществлялось вопреки Версальскому договору, в соответствии со ст. 168 которого местонахож-

дение и создание подобных военных предприятий должно было быть согласовано и одобрено правительствами главных союзных и объединившихся держав.

Советская сторона получала ежегодное материальное «вознаграждение» за использование этих объектов немцами и право участия в военно-промышленных испытаниях и разработках. Начальник вооружений РККА И. Уборевич говорил, что «немцы являются для нас единственной пока отдушиной, через которую мы можем изучать достижения в военном деле за границей, притом у армии, в целом ряде вопросов имеющей весьма интересные достижения»⁶⁴.

До поры германо-советское военное сотрудничество было скрыто от глаз общественности. Только статья в английской газете «Манчестер Гардиан» в 1926 г. открыла его. Следствием разоблачения стал правительственный кризис в Германии: кабинет премьера Маркса ушел в отставку. Социал-демократы в рейхстаге устроили демарш в связи с поставками в Германию снарядов из СССР.

Тем не менее возрождение германских вооруженных сил в Советской России продолжалось до 1933 г. «Именно здесь, в России, — утверждают изучившие огромное число документов историки Ю. Дьяков и Т. Бушуева, — были в значительной степени заложены основы будущих наступательных сил Германии, ставших в 1939 г. ужасом для Европы, а в 1941 г. обрушившихся на СССР»⁶⁵. Это мнение разделяет В. Иванов. «С горечью приходится признавать, — пишет он, — что большевистское правительство внесло немалую лепту в вооружение Германии для Второй мировой войны, обучение ее военных кадров в обход версальских запретов и тем самым прямо повинно в разжигании Второй мировой войны»⁶⁶. (Справедливости ради отметим, что рейхсвер параллельно имел тайные связи такого рода и с другими странами.) И действительно, в течение шести лет — с 1933 по 1939 г. — «из ничего» создать сильный военно-воздушный флот и самое мощное на тот период времени танковое вооружение было не по плечу даже гению в области строительства вооруженных сил.

Вполне резонно может возникнуть возражение, что шел-де двусторонний процесс, что Красная армия училась

у более подготовленного учителя. Но ведь, с одной стороны, закулисные сделки за спиной мировой общественности носят печать безнравственности, не говоря уже о том, что советское руководство фактически становилось соучастником противоправной деятельности Германии, проигнорировавшей нормы Версальского договора. А с другой — судьбы советских командиров высшего и среднего звена, стажировавшихся в Германии, окажутся трагическими. Почти все они будут уничтожены, а полученные ими в Германии военные знания и опыт навсегда канут в Лету. (Здесь-то и лежит ключ к разгадке репрессий в отношении многих деятелей РККА⁶⁷.) Однако 28 сентября 1939 г., всего лишь через два года после грозного приказа наркома обороны СССР К. Е. Ворошилова № 96 от 12 июня 1937 г., в котором он объявил о раскрытии «заговора предателей и контрреволюционеров, действовавших в интересах германского фашизма», Ворошилов вместе с командармом 1-го ранга Шапошниковым, с одной стороны, и представителями вермахта — с другой, поставит подписи на военных протоколах, координирующих действия советских и германских войск в Польше осенью 1939 г.

Советско-германские договоренности 1939 г. ложились на почву, готовившуюся многие годы. Так, в 1930 г., когда отношения между двумя странами уже не отличались особой сердечностью, английский военный атташе в Берлине М. Корнуэль сообщал, что тем не менее «военные германские власти намерены поддерживать тесную связь со своим будущим могучим союзником в случае возможного конфликта с Польшей»⁶⁸. 12 мая 1933 г. В. Н. Левичев, военный атташе Советского Союза в Германии, сообщал в письме на имя Ворошилова об обстановке в рейхсвере: «...главной-то основой дружбы, включительно «до союза», считают все тот же тезис — общий враг Польша»⁶⁹. И такой настрой германских военных кругов, сохранившийся даже после гитлеровских «чисток», во многом предопределил, как мы увидим позднее, подписание германо-советского пакта о ненападении 23 августа 1939 г.

Думается также, что, наряду с другими причинами, в гитлеровской идеологии «похода на Восток» получила свое вы-

ражение порожденная «Версальем» враждебность Германии к Польше, особенно сильная в военных и правых кругах.

Интересно, что и советское руководство, заключив мирный договор с Польшей в 1921 г. и тем формально признав восточную польскую границу, неизменно подчеркивало свое недовольство сложившейся ситуацией. Так, посол Германии в СССР в 20-х — начале 30-х годов фон Дирксен 17 октября 1931 г. писал из Москвы о своей встрече с Ворошиловым, утверждая, что границы с Польшей Ворошилов считает, как это он подчеркивал в разговоре с начальником Генерального штаба рейхсвера Адамом, «неокончательными»⁷⁰, а проводимые в то время СССР переговоры с Польшей и Францией нарком обороны СССР характеризует как «явление чисто политического характера, которое диктуется разумом»⁷¹. (Запомним эту характеристику и задумаемся, нельзя ли будет подобным же образом охарактеризовать англо-франко-советские переговоры 1939 г. Так, французский исследователь коммунизма Б. Суварин, предсказавший пакт Молотова — Риббентропа за сто дней до его подписания, 7 мая 1939 г. на страницах «Фигаро» подчеркивал, что Сталин всегда стремился заключить союз с немцами. А сближение с Лондоном и Парижем было полезно Москве лишь для того, чтобы, ведя переговоры на двух фронтах, успешнее оказывать нажим то на одних, то на других⁷².)

12 декабря 1931 г. Ворошиловым в беседе с фон Дирксеном были сказаны следующие слова: «...ни при каких обстоятельствах, разумеется, не может быть и речи о какой-либо гарантии польской западной границы; советское правительство — принципиальный противник Версальского договора, оно никогда не предпримет чего-либо такого, что могло бы каким-либо образом укрепить Данцигский коридор (название полосы земли, полученной Польшей согласно ст. 100—108 Версальского договора⁷³ и дававшей ей доступ к Балтийскому морю; нежелание Польши удовлетворить германские ультиматумы о возвращении Данцига послужило одной из причин, побудившей Гитлера начать «польский поход». — *А. П.*) или Мемельскую границу»⁷⁴. (Мемельская область с 1871 по 1918 г. находилась в составе Германской империи, затем под управлением Антанты и в

1923 г. возвращена Литве. Так возник Мемельский вопрос.) Не случайно уже в 1939 г. у нового посла Германии в СССР Шуленбурга на основании замечаний наркоминдел СССР Литвинова сложилось впечатление, что советское правительство не станет противиться включению Данцига в состав рейха⁷⁵. Особенность мнения подтверждается беседой, состоявшейся 26 июля 1939 г. между заведующим Восточно-Европейской референтурой политико-экономического отдела МИД Германии Ю. Шнурре и советником полномочного представителя СССР в Германии Г. А. Астаховым, в ходе которой Астахов заявил, что «так или иначе Данциг будет возвращен Германскому государству и вопрос о Коридоре быть каким-либо образом разрешен в пользу Германского государства»⁷⁶.

Германское руководство в 1939 г., в свою очередь, также заверяло: «При любом развитии польского вопроса, мирным ли путем, как мы хотим этого, или любым другим путем, т. е. с применением нами силы, мы будем готовы гарантировать все советские интересы относительно Польши и достигнуть понимания с московским правительством»⁷⁷. 2 августа 1939 г. Риббентроп сделал Астахову «тонкий намек на возможность заключения с Россией соглашения о судьбе Польши»⁷⁸.

Все это заставляет нас еще раз задуматься над тем, насколько объективно советская историография излагала внешнюю политику нашей страны, и тем, насколько искренне советское руководство стремилось избежать новой войны в Европе.

Как бы то ни было, однако после 1933 г. советско-германская дружба постепенно сходилась на нет, основа ее — военное сотрудничество — развалилась как будто бы совершенно неожиданно. По свидетельству фон Дирксена, инициатива разрыва исходила от СССР: «Советское военное руководство потребовало, чтобы рейхсвер прекратил осуществление всех своих мероприятий в России...»⁷⁹.

Безусловно, приход к власти такой одиозной фигуры, как Гитлер, резко повлиял на внешнеполитический курс обеих стран. Фюрер стал врагом № 1 для коммунистов. Правда, не с подачи Сталина, который еще не определил

своего отношения к новому режиму в Германии, а с подачи руководителя германских коммунистов Э. Тельмана после репрессий, которым подверглась его партия; тогда Коминтерн подхватил лозунг Тельмана «Гитлер — это война!» Коминтерн повел пропагандистскую войну против национал-социализма.

Тем не менее советско-германские контакты еще продолжались на разных уровнях, правда, характер их стал иным. В этот период не предпринимаются крупные долгосрочные соглашения о сотрудничестве, и речь идет исключительно о малозначимых договорах, связанных с покупкой отдельных образцов военной техники и вооружения. Политика улыбок и всякого рода заверений в дружбе носит чисто дипломатический характер. На самом деле стороны проявляют все больше недоверия и подозрительности друг к другу, следя за каждым шагом партнера для выяснения характера перспектив дальнейших военно-политических отношений. И в данном случае действия командования РККА и рейхсвера лишь отражали (в своей специфической форме) те сложные неоднозначные процессы, которые вызревали у политического руководства двух государств при формировании своей внешней политики.

Однако, как пишет немецкий историк С. Хаффнер, «непосредственно перед уже казавшимся неизбежным столкновением появился еще один резкий поворот в курсе обеих стран...: пакт между Гитлером и Сталиным от 23 августа 1939 г. ... Прелюдией к борьбе не на жизнь, а на смерть стало второе Рапалло»⁸⁰.

СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИЙ ДОГОВОР О НЕНАПАДЕНИИ: ЮРИДИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Из газетных публикаций:

«Правда» от 24 августа 1939 г.: «23 августа в 1 час дня в Москву прибыл министр иностранных дел Германии г-н Иоахим фон Риббентроп. ... В 3 часа 30 минут дня состоялась первая беседа председателя Совнаркома и Наркоминдел СССР тов. Молотова с министром иностранных дел Германии г. фон Риббентропом по вопросу о заключении

пакта о ненападении. Беседа происходила в присутствии тов. Сталина и германского посла г. Шуленбурга и продолжалась около 3 часов. После перерыва в 10 часов вечера беседа была возобновлена и закончилась подписанием договора о ненападении».

Текст пакта был до предела лаконичен и насчитывал всего семь статей⁸¹. По мнению М. И. Семиряги, это был типичный договор о ненападении или нейтралитете, составленный в классическом стиле⁸². Доктор исторических наук М. И. Семиряга и доктор юридических наук Р. А. Мюллерсон⁸³ отмечают, что подобные договоры заключались в прошлом и с другими странами как Германией, так и СССР. В сообщении Комиссии Съезда народных депутатов СССР по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 г.⁸⁴ говорилось, что сам по себе договор с юридической точки зрения не выходил за рамки принятых в то время соглашений, не нарушал внутреннего законодательства и международных обязательств СССР. В п. 3 постановления Съезда, утвердившего выводы Комиссии, отмечалось, что содержание этого договора не расходилось с нормами международного права и договорной практикой государств, принятыми для подобного рода урегулирований⁸⁵.

С утверждением, что советско-германский договор о ненападении не нарушал международных обязательств СССР, имея в виду анализ ст. IV пакта, не представляется возможным согласиться, ибо названная статья обесценила франко-советский договор о взаимопомощи от 2 мая 1935 г., равно как и ряд других международно-правовых соглашений СССР, о чем подробнее будет сказано ниже.

Также нельзя согласиться и с утверждением, что содержание данного пакта не расходилось с договорной практикой СССР. Подавляющее большинство заключенных СССР пактов о ненападении (ч. 2 ст. 2 советско-финляндского договора о ненападении и о мирном улаживании конфликтов от 21 января 1932 г.⁸⁶, ч. 2 ст. 2 польско-советского пакта от 25 июля 1932 г.⁸⁷, ч. 2 ст. 2 пакта о ненападении между СССР и Францией от 29 ноября 1932 г.⁸⁸, ч. 1 ст. 6 советско-латвийского договора от 5 февраля 1932 г.⁸⁹, ч. 2 ст. 6 договора

о ненападении и о мирном улаживании конфликтов между Союзом ССР и Эстонией от 4 мая 1932 г.⁹⁰ содержали положения об автоматическом расторжении пакта в момент начала агрессии другой стороной против третьего государства, т. е. обязательства по договору увязывались с миролюбивым образом действий партнера. Такое положение было включено даже в договор о дружбе (!), ненападении и нейтралитете между Союзом СССР и фашистской Италией от 2 сентября 1933 г.⁹¹ (ч. 2 ст. 2). В советско-германском договоре о ненападении от 23 августа 1939 г. названное положение отсутствовало. Не было его и в переданном В. М. Молотовым 19 августа 1939 г. на рассмотрение германской стороны советском проекте договора⁹². В ситуации, в какой выработывались в августе 1939 г. советско-германские соглашения, данная оговорка не имела смысла: обе стороны отчетливо сознавали, что заключенный ими договор о ненападении означал германо-советскую агрессию против Польши. Поэтому неубедительна и свидетельствует скорее об истинных намерениях советского правительства, вопреки провозглашаемым, (В. М. Молотов утверждал, что советско-германский договор «будет способствовать делу мира в Европе»⁹³) сделанная 31 августа 1939 г. В. М. Молотовым попытка оправдать отсутствие в договоре пункта об автоматическом расторжении пакта в случае нападения одной из сторон на третью державу ссылкой на польско-германский договор о ненападении от 1934 г., где такой пункт также отсутствовал: названный польско-германский пакт фактически положил начало военному союзу Германии и Польши. Также неубедительна и ссылка В. М. Молотова на англо-германскую декларацию о ненападении от 30 сентября 1938 г., подписанную Чемберленом перед его отъездом из Мюнхена (некоторые историки, обосновывая правомерность советско-германского договора о ненападении тем, что Англия и Франция еще раньше заключили с Германией подобные договоры, помимо названной англо-германской декларации упоминают также аналогичную ей германо-французскую декларацию от 6 декабря 1938 г.⁹⁴). Как указывает М. И. Семиряга, подобное сравнение невозможно по ряду причин. Во-первых, общая военно-политическая обстановка осенью 1939 г. несопостав-

вима с тем же периодом предыдущего года хотя бы потому, что в 1938 г. Германия и не помышляла о серьезной войне. Во-вторых, правительства договаривающихся сторон согласились развивать добрососедские отношения, признали отсутствие между ними каких-либо территориальных споров и установили, что существующая между ними граница является окончательной. Можно ли эту договоренность считать предосудительной и почему она должна была при соблюдении ее партнерами вести к дестабилизации обстановки и вызывать какие-либо подозрения у советского правительства? Наконец, в-третьих, и это представляется особенно важным, декларации имели открытый характер и не содержали никаких секретных протоколов, направленных против интересов других стран. Кроме того, по своей форме они были декларациями, которые, как известно, отличаются от других соглашений тем, что представляют собой заявление двух и более государств, где выражены их позиции по обсужденным крупным проблемам и изложены общие принципы отношений между странами. Названные декларации соответствовали принципам международного права и не могли быть источником международной напряженности⁹⁵.

Отдельные исследователи (в частности, А. С. Орлов⁹⁶) утверждают, что советско-германский договор о ненападении, по существу, повторяет Берлинский договор о нейтралитете, заключенный СССР и Германией 24 апреля 1926 г.⁹⁷. Данное мнение является серьезным заблуждением. Статья 2 (нейтралитет) пакта от 23 августа 1939 г. очень характерно отличалась от соответствующей статьи Берлинского договора 1926 г.⁹⁸: там обязательство нейтралитета обуславливалось «миролюбивым образом действий» партнера по договору, теперь же в советско-германском договоре о ненападении этого условия не было, как не было его и во взятом странами при выработке данного соглашения за основу советском проекте пакта. Советское правительство, по-видимому, сочло излишним придерживаться условия о «мирном поведении», учитывая явно воинственный настрой Германии. Соблюдение нейтралитета одной из сторон договора от 23 августа обуславливалось таким положением

другой стороны, при котором она становилась «объектом военных действий со стороны третьей державы». Этим договор широко открывал двери для любого нападения Германии, «спровоцированного» якобы актом насилия со стороны третьей державы.

Формально Берлинский договор о нейтралитете, продленный гитлеровским правительством в 1933 г., оставался в силе, несмотря на политическое отчуждение обеих сторон, и к 23 августа 1939 г., после чего, хотя стороны при подписании пакта о ненападении отказались от упоминания в нем Берлинского договора, как это предусматривала преамбула советского проекта пакта, продолжал сохранять свое действие. Подтверждение этому прозвучало в сообщении В. М. Молотова на посвященном ратификации советско-германского договора о ненападении заседании Верховного Совета Союза ССР 31 августа 1939 г.⁹⁹.

Статья I (заявление об отказе от применения силы) германо-советского пакта о ненападении содержала обязательство «воздерживаться от всякого насилия, от всякого агрессивного действия и всякого нападения в отношении друг друга как отдельно, так и совместно с другими державами». По своему содержанию она совпадала со ст. I советского проекта пакта.

В статье II (нейтралитет) была принята формулировка, отличная от формулировки советского проекта: если в советском проекте соблюдение нейтралитета имело предпосылкой ситуацию, при которой другая сторона окажется «объектом насилия или нападения со стороны третьей державы», то окончательный текст договора содержал лишь условие, что она должна стать «объектом военных действий со стороны третьей державы». Здесь германской стороне удалось настоять на формулировке, которая игнорировала вопрос о том, кто является инициатором «военных действий», и в которой квалификация любых «действий» других государств как просто «военных», по мнению германского доктора истории И. Фляйшхауэр¹⁰⁰, лишала их объективного определения (насильственный акт, нападение) и тем самым передавала такое определение на усмотрение заинтересованной стороны. В этой формулировке особен-

но явственно отразилась особенность этого «соглашения о нейтралитете», которое должно было действовать независимо от характера войны.

М. И. Семиряга отмечает¹⁰¹, что предусмотренное ст. II обязательство сторон не оказывать поддержки нападающей державе означало для Советского Союза, что он не мог поддерживать объявивших 3 сентября 1939 г. войну Германии Англию и Францию и, стало быть, объективно должен был стать на сторону Германии как «жертвы агрессии», что и случилось после принятия 28 сентября 1939 г. совместного Заявления советского и германского правительств. Таким образом, приведенная статья не обеспечивала подлинно нейтральный статус СССР, довольно крепко связывала ему руки и ограничивала гибкость его внешнеполитической линии.

Статья III советского проекта пакта (вопрос о консультациях) была разделена на две статьи — III и IV. Первая из них была больше соотнесена с ситуацией войны, а вторая — с ситуацией мира: ст. III пакта о ненападении определяла, что «правительства обеих договаривающихся сторон останутся в будущем в контакте друг с другом для консультации, чтобы информировать друг друга о вопросах, затрагивающих их общие интересы». Консультации здесь не ограничивались, как это предполагалось в советском проекте, случаями «споров или конфликтов». Они должны были быть постоянными и поэтому служить предотвращению взаимного ущемления интересов в момент военной экспансии.

Как пишет И. Фляйшхауэр¹⁰², статья эта учитывала также (и прежде всего) пожелание Гитлера, чтобы Советский Союз ни под каким видом — например, на основании своих договорных обязательств в отношении Польши или Франции — не оказался втянутым в той или иной форме в предстоящий конфликт с Польшей на стороне названных стран. (Впрочем, осуществлению данного пожелания германской стороны могла способствовать также и ст. I Берлинского договора о нейтралитете, предусматривавшая поддержание контактов СССР и Германии с целью согласования всех вопросов, касавшихся совместно обеих стран.) Выражением этой заинтересованности Гитлера явилось упорное настаивание

вание германской стороны на направлении в Берлин советской военной миссии и на аккредитации нового советского полпреда в Германии Шкварцева в последние дни перед падением на Польшу. Во время Польской кампании эта возможность постоянных консультаций принесла Гитлеру свои самые благоприятные плоды: одним из результатов было дружественное соприкосновение вермахта с советскими воинскими частями в центре Польши. В ходе дальнейшей германской экспансии, в частности на Балканах, обязательство консультироваться стало все чаще нарушаться и, в конце концов, игнорироваться.

Учреждение арбитражных комиссий, предусматривавшееся советским проектом пакта о ненападении для устранения споров и конфликтов, применительно к случаю, который для Гитлера был единственно определяющим при принятии им решения пойти на заключение этого пакта, представлялось слишком громоздким и нерациональным с точки зрения затрат времени методом. Поэтому данное предложение нашло отражение в ст. V и было предусмотрено для решения таких «споров и конфликтов», которые не поддавались разрешению в рамках текущих консультаций, но непосредственно не мешали желательному ходу (военных) событий. На деле эта статья так и осталась неработающей.

В статье IV нашло свое воплощение стремление германской стороны нейтрализовать СССР, а также желание СССР не быть втянутым в войну на стороне Англии и Франции (доказывание последнего тезиса будет осуществлено ниже). Статья эта определяла, что ни одна из договаривающихся сторон «не будет участвовать в какой-нибудь группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой стороны». Гитлер полагал, что, заручившись подписью под этой статьей Молотова, он обеспечит прорыв «кольца окружения» вокруг Германии: угроза такого кольца возникла для Германии в ходе англо-франко-советских переговоров лета 1939 г. Однако статья эта повлекла за собой и то, что антикоминтерновский пакт как группировка, направленная против Советского Союза, утратил свою силу: содержащееся в статье определение наложило на Герма-

нию ограничения на ее отношения с Японией. Еще одним фактом, опровергающим суждение о том, что пакт о ненападении не выходил за рамки договорной практики СССР, является отсутствие в ст. IV пакта обычного в договорах такого рода (например, ст. 3 пакта о ненападении между СССР и Францией от 29 ноября 1932 г., ст. 4 польско-советского пакта от 25 июля 1932 г., ст. 5 советско-итальянского договора о дружбе, ненападении и нейтралитете от 2 сентября 1939 г.¹⁰³) положения о том, что обязательства, вытекающие из ранее подписанных сторонами договоров, остаются в силе. Не было этого положения и в советском проекте пакта о ненападении. Это означало, что фактически утратили силу, в частности, обязательства СССР из ч. 1 ст. 2 франко-советского договора о ненападении, предусматривавшей отказ сторон в случае нападения на одну из них третьей державы от прямой и косвенной помощи и поддержки нападающего в течение всего конфликта, обязательства из ч. 1 ст. 5 названного пакта, налагавшей на СССР запрет поощрения пропаганды или попытки интервенции, имеющей целью нарушение территориальной целостности Франции, изменение силой политического и социального строя или части ее территории. Это означало также, что фактически утратили силу обязательства СССР из продленного СССР и Польшей до 1945 г. польско-советского договора о ненападении и о неучастии во враждебных сторонам политических комбинациях¹⁰⁴. Тем самым ст. IV советско-германского пакта о ненападении от 23 августа 1939 г. открывала путь германо-советской агрессии в отношении как Польши, так и Франции.

Говоря о ст. IV пакта, необходимо упомянуть вот о чем. 5 апреля 1941 г. был заключен договор о дружбе и ненападении между Союзом ССР и Югославией¹⁰⁵. Этот договор был подписан всего через несколько дней после того, как в Югославии (в ночь с 26 на 27 марта 1941 г.) произошел государственный переворот, в результате которого у власти оказалось проанглийское, антифашистское правительство во главе с генералом Д. Симовичем. Сразу же после 27 марта югославский Генеральный штаб вместе с греческим Генеральным штабом и верховным командованием высадив-

шейся в Греции британской экспедиционной армии начали активно готовиться к совместным операциям против Германии и Италии. В этих условиях СССР и считал для себя целесообразным подписать с новым югославским правительством пакт, ст. 2 которого налагала на стороны обязательства «соблюдать политику дружественных отношений» по отношению к той из договаривающихся сторон, которая станет объектом нападения со стороны третьего государства. Таким образом, названная статья говорила не о нейтралитете сторон в случае нападения на одну из них третьей державы¹⁰⁶, а подразумевала обязательство взаимопомощи¹⁰⁷. В ситуации, существовавшей в апреле 1941 г., ст. 2 советско-югославского договора о дружбе и ненападении означала поддержку Советским Союзом антигерманского правительства Югославии в случае его войны с Рейхом, неизбежность которой была очевидна (военные действия между Германией и Югославией начались уже на другой день после подписания советско-югославского пакта). Итак, с заключением договора о дружбе от 5 апреля 1941 г. СССР фактически присоединился к общему англо-югославо-греческому фронту, направленному против Германии. Безусловно, что эти действия советского правительства противоречили ст. IV советско-германского договора о ненападении, запрещавшей договаривающимся сторонам участвовать в какой-либо группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой стороны.

Подобно советско-германскому договору от 23 августа 1939 г., советско-югославский пакт о дружбе и ненападении также не содержал положения о том, что обязательства, вытекающие из ранее подписанных сторонами договоров, остаются в силе. Отказ СССР от включения в пакт с Югославией этой нормы означал, что СССР более не считал себя связанным договором с Германией о ненападении, перейдя в стан ее военных противников.

Подписание соглашений о дружбе сначала с фашистской Германией (договор о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г.), затем с антифашистской Югославией (пакт от 5 апреля 1941 г.) как нельзя лучше высвечивало истинные цели советского руководства: подталкивать одну воюющую

сторону против другой, ослабить и Германию, и Европу, а затем воспользоваться этим в интересах социализма.

В статье IV советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 г. — по желанию германской стороны — срок действия пакта был определен на 10 лет (с автоматическим продлением на следующие пять лет, если за год до истечения срока действия договор не будет денонсирован одной из сторон), а не, как предусматривал советский проект, на 5 лет. Наконец, ст. VII договора предписывала вступление его в силу «немедленно после подписания», в то время как советский проект предусматривал вступление его в силу лишь после ратификации. Что же касается сроков ратификации, то и проект, и сам договор предписывали сделать это «в возможно короткий срок»¹⁰⁸. Тем самым советская сторона уступила давлению цейтнота, испытывавшегося Германией в сфере военного планирования. Однако обмен ратификационными грамотами, после чего договор стал действующим правом, состоялся в Берлине лишь 24 сентября 1939 г.

Уже в довоенный период имелась общепризнанная обычная норма о том, что война между государствами прекращает действие международных договоров. В качестве примера здесь можно привести ст. 289 Версальского мирного договора, в соответствии с которой союзные державы должны указать двусторонние договоры, которые существовали до Первой мировой войны между ними и Германией и действие которых они желали бы возобновить. «Только те двусторонние договоры и конвенции, — говорилось в этой статье, — которые станут предметом такого указания, возобновят свое действие между союзными государствами, с одной стороны, и Германией — с другой. Все другие остаются отмененными»¹⁰⁹. Аналогичные положения содержались в ст. 241 Сен-Жерменского мирного договора от 10 сентября 1919 г. и ст. 224 Трианонского мирного договора от 4 июня 1920 г.

Следовательно, договор о ненападении между СССР и Германией прекратил свое действие 22 июня 1941 г., т. е. с момента нападения Германии на Советский Союз, как и все советско-германские соглашения, существовавшие на тот

момент. Подтверждение этому прозвучало в сообщении Комиссии Съезда народных депутатов СССР о политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 г.¹¹⁰ и в п. 4 одноименного постановления Съезда¹¹¹.

Что касается послевоенной Европы, то, как указывалось в сообщении Комиссии СНД СССР, строилась она на международно-правовых нормах, имеющих иные истоки, что отражено прежде всего в Уставе ООН и Заключительном акте Общеευропейского совещания 1975 г.

Произведенный международно-правовой анализ касается только договора о ненападении от 23 августа 1939 г., ставшего «головным» в системе других политических, экономических и торговых договоров и соглашений между СССР и Германией, и не относится к протоколу о разграничении «сфер интересов», подписанному в тот же день.

В абзаце 2 п. 3 упомянутого постановления Съезда народных депутатов СССР констатировалась, что «подлинники протокола не обнаружены ни в советских, ни в зарубежных архивах. Однако графологическая, фототехническая и лексическая экспертизы копий, карт и других документов, соответствие последующих событий содержанию протокола подтверждают факт его подписания и существования»¹¹². Поставив свою подпись под такими выводами Комиссии Съезда, председатель Верховного Совета Союза ССР М. С. Горбачев согласился с ними, хотя ему лучше всех остальных было известно, что подлинники секретных протоколов реально существовали: в 1987 г. последний советский лидер лично ознакомился с этими документами¹¹³.

Указами Президента России Б. Н. Ельцина архивы КПСС были переданы в Государственную архивную службу Российской Федерации, которая занимается их рассекречиванием. В результате этой работы 30 октября 1992 г. историком Д. А. Волкогоновым были найдены тексты как советских, так и германских оригиналов документов с грифом «Совершенно секретно» о советско-германских отношениях 1939—1941 гг., хранившиеся в «Особой папке» в ЦК КПСС (Москва, Старая площадь, 4). В настоящее время документы находятся в Архиве Президента России. Впервые

эти документы опубликованы в журнале «Новая и новейшая история», 1993, № 1.

Отметим, что как договор о ненападении, так и секретный протокол от 23 августа 1939 г. был составлен на немецком и русском языках, причем были подписаны как немецкий, так и русский тексты. Секретный дополнительный протокол был изготовлен только в двух экземплярах — один на русском, другой на немецком языке. Один экземпляр был после подписания 23 августа 1939 г. оставлен в Москве, а другой Риббентроп привез в Берлин, где немецкий экземпляр хранился в особом месте канцелярии Риббентропа. В течение 1943—1944 гг. этот протокол вместе с другими документами канцелярии Риббентропа был микрофильмирован, а весной 1945 г., по соображениям безопасности, был перевезен в имение Шенберг, что в Тюрингии. В последние дни войны по приказу из Берлина значительная часть перевезенных документов была сожжена. Войскам западных союзников удалось спасти часть этого важного архива и вывезти в безопасное место. Однако секретного дополнительного протокола среди них не оказалось¹¹⁴.

Весьма вероятно, что упорное и уверенное отрицание в СССР на протяжении сорока с лишним лет факта существования секретных протоколов было вызвано тем, что после окончания войны в Европе немецкий подлинный экземпляр секретного протокола от 23 августа 1939 г., как и немецкие подлинники более поздних советско-германских договоренностей, оказались в Москве. Таким образом, Москва оказалась единственным хранителем подлинников секретных соглашений.

В постановлении от 24 декабря 1989 г. (п. 6) Съезд народных депутатов СССР констатировал, что Сталин и Молотов не познакомили с секретным протоколом ни членов Политбюро, ни кого-то из народных комиссаров либо партийных и государственных функционеров, не подумав также о его ратификации. Однако признавать недействительность секретного дополнительного протокола на основании того, что он никогда не был ратифицирован¹¹⁵, нельзя, ибо согласно ст. 2 действовавшего на момент подписания протокола от 23 августа 1939 г. (равным образом это относится и к

протоколу от 28 сентября 1939 г. и от 10 марта 1941 г.) Закона СССР от 20 августа 1938 г. «О порядке ратификации и денонсации международных договоров СССР» ратификации подлежали лишь заключаемые СССР мирные договоры, договоры о взаимной обороне от агрессии, договоры о взаимном ненападении, а также те международные договоры, при заключении которых стороны условились о последующей ратификации¹¹⁶. Ни к одному из перечисленных видов международных договоров советско-германские секретные договоренности отнести невозможно, и причину их недействительности надо искать в другом.

Секретные протоколы от 23 августа и 28 сентября 1939 г., от 10 января 1941 г. являются недействительными с самого начала, потому что они противоречили принципу суверенного равенства государств, т. е. императивной норме международного права. Польский ученый, судья Международного суда ООН М. Ляхс пишет, что договоры, в которых решаются вопросы жизненных интересов некоторых государств без их участия и согласия, не только лишены обязательной силы в отношении третьего государства, но и вообще недействительны с точки зрения права¹¹⁷. Данное положение полностью относится к секретным протоколам, заключенным между СССР и Германией. Поэтому, как явствует из постановления Съезда народных депутатов СССР от 24 декабря 1989 г. «О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 г.» (п. 5), прежде всего на основании именно этих причин Съезд признал названные протоколы (п. 7) «юридически несостоятельными и недействительными с момента их подписания»¹¹⁸.

Перечисленные секретные договоренности имели неправомерный объект. В «сферу интересов»¹¹⁹ договаривающихся государств они включали территорию третьих стран. Всякий договор, касающийся интересов, прав и обязанностей третьих государств, независимо от того, что имеется в виду под интересами и понимаются ли они и их реализация сторонами одинаково, не может налагать каких-либо обязательств на эти третьи страны. Он не предоставляет также каких-либо прав сторонам договора относительно этих третьих государств. Такой договор нарушает общепризнанный

принцип права договоров — договор не предоставляет прав третьей стороне, не налагает на нее обязательств¹²⁰. В абзаце 2 п. 7 названного постановления Съезда справедливо отмечалось, что «протоколы не создавали новой правовой базы для взаимоотношений Советского Союза с третьими странами, но были использованы Сталиным и его окружением для предъявления ультиматумов и силового давления на другие государства в нарушении взятых перед ними правовых обязательств»¹²¹.

Поскольку недействительный с самого начала договор не порождает каких-либо юридических последствий и все, совершенное во исполнение подобного договора, возвращается в первоначальное состояние, судить о правомерности или неправомерности включения в состав СССР Западной Украины, Западной Белоруссии, Бессарабии, Литвы, Латвии и Эстонии можно, лишь изучив процессы самого присоединения, что и будет сделано далее.

Статс-секретарь МИД Германии фон Вайцзеккер писал в свое время о протоколе от 23 августа: «Значение этого документа было потому столь велико, что он касался разграничения сфер интересов, проводя черту между теми территориями, которые при данных обстоятельствах должны принадлежать советско-русской сфере, и теми регионами, которые в таком случае должны войти в германскую сферу»¹²². Этими обстоятельствами в представлении обеих сторон были война (как утверждает И. Фляйшхауэр, употреблявшиеся в п. 1 и 2 секретного дополнительного протокола от 23 августа 1939 г. слова «территориально-политическое переустройство» недвусмысленно указывали на то, что в данном случае речь шла о заключении союза для войны. Согласованное таким образом «переустройство» могло наступить либо в ходе военных столкновений, либо вследствие захвата и применения силы¹²³), разрушение традиционного, основанного на Версальской системе политического, территориально-административного и даже социального и этнического строя в расположенных между Балтийским и Черным морями государствах Северной, Восточной и Юго-Восточной Европы. В связи с этим секретный дополнительный протокол от 23 августа 1939 г., как и подписанное

Молотовым и Шуленбергом 28 августа 1939 г. разъяснение к этому протоколу¹²⁴, а также секретный дополнительный протокол от 28 сентября 1939 г. об изменении советско-германского соглашения от 23 августа 1939 г. относительно сфер интересов Германии и СССР¹²⁵ носили характер, явно противоречивший пакту Келлога-Бриана.

К подписанному 27 августа 1928 г. всеми основными державами мира, в том числе Германией, пакту Келлога¹²⁶ СССР присоединился 6 сентября того же года. Более того, обязательства из пакта Келлога по предложению СССР были досрочно введены в действие между СССР, Польшей, Румынией, Эстонией, Латвией и Литвой в 1929 г. (соглашение об этом фигурирует в литературе под названием Московского протокола, который был ратифицирован ЦИК Союза ССР 13 февраля 1929 г.). В статье 1 пакта Келлога-Бриана стороны осудили метод обращения к войне для урегулирования международных конфликтов и торжественно провозгласили отказ в своих взаимоотношениях от войны как орудия национальной политики, а в ст. 2 обязались разрешать все могущие возникнуть между ними в будущем разногласия или конфликты независимо от характера их происхождения только мирными средствами.

С подписанием вышеперечисленных секретных договоров СССР и Германия присвоили себе право покушаться путем вооруженного насилия на суверенитет борющихся за сохранение своей независимости государств, следовательно, однозначно нарушили принятые на себя из пакта Келлога-Бриана обязательства.

Вследствие того, что в названии секретных протоколов от 23 августа и 28 сентября 1939 г. фигурирует слово «дополнительный», их часто рассматривают как протоколы к соответствующим договорам, заключенным в те же дни, т. е. как их неотъемлемые части. Тогда протоколы, составляя вместе с договорами определенную целостность, превратили бы в недействительные и сами договоры. Однако с точки зрения Р. А. Мюллерсона¹²⁷ (и с ней следует согласиться), такой подход весьма сомнителен, поскольку, если обе стороны договора хотят, чтобы какие-либо существующие формально обособленные документы считались частью договора, об этом всег-

да прямо говорится либо в договоре (именно это и предусматривал советский проект пакта о ненападении, содержащий постскриптум о том, что названный договор вступает в силу только в случае одновременного подписания являющегося составной частью пакта специального протокола по внешнеполитическим вопросам, представляющим интерес для договаривающихся сторон; от этого упоминания стороны в ходе переговоров бескомпенсационно отказались, придав протоколу секретный характер), либо в этих дополнительных документах. Но таких указаний в них нет. Нельзя слова преамбулы секретного протокола от 23 августа 1939 г. о том, что «при подписании договора о ненападении между Германией и Союзом Советских Социалистических Республик нижеподписавшиеся уполномоченные обеих сторон обсудили в строго конфиденциальном порядке вопрос о разграничении сфер обоюдных интересов в Восточной Европе», рассматривать как указание на то, что протокол стал в силу этого неотъемлемой частью договора о ненападении и выводить из этого недействительность последнего.

В статье 4 секретного дополнительного протокола от 23 августа 1939 г. о границе сфер интересов Германии и СССР обуславливалось, что обе стороны будут сохранять его «в строгом секрете». Советское правительство до последнего момента выполняло это обещание. Наряду с (последующим) желанием советских руководителей удержать в своих руках те будущие союзные республики, которые достались Советскому Союзу во исполнение возможностей, вытекавших из подписанных в 1939—1941 гг. с Германией секретных протоколов, а также наряду со стремлением сохранить выгодные военно-стратегические позиции на пространстве от Балтийского до Черного моря, которые им предоставляли эти договоры, прежде всего глубокий стыд помешал им в открытую декларировать свою причастность к этим соглашениям: в 1939 г. советские лидеры прочно вступили на ложный путь готовности к противоречившей всем международно-правовым нормам экспансии.

В пункте 5 постановления Съезда народных депутатов СССР от 24 декабря 1989 г. констатировалось, что протокол от 23 августа 1939 г. и другие секретные протоколы,

подписанные с Германией в 1939—1941 гг., «как по методу составления, так и по содержанию являлись отходом от ленинских принципов политики»¹²⁸. С этой оценкой Съезда полностью солидарна И. Фляшхауэр¹²⁹.

Данные суждения не выдерживают критики по следующим основаниям.

Формулировка «ленинские принципы внешней политики» имеет своим содержанием открытость международно-правовых соглашений, провозглашенную в абзаце 8 принятого 26 октября 1917 г. Вторым Съездом Советов Декрета о мире, где говорилось: «Тайную дипломатию правительство отменяет, со своей стороны выражая твердое намерение вести все переговоры совершенно открыто перед всем народом»¹³⁰. (Текст декрета был написан В. И. Лениным.) Однако процитированная норма отнюдь не стала правилом советской внешней политики. Достаточно вспомнить роль Ленина в становлении и развитии тайного и незаконного советско-германского военного сотрудничества, опиравшегося на одобренные им секретные договоры с германским правительством. Так что тайные соглашения 1939—1941 гг. были всего лишь продолжением ленинских традиций, хорошо усвоенных Сталиным и его ближайшим окружением.

СОВЕТСКО-ПОЛЬСКИЕ СОБЫТИЯ 1939 г. «ЧЕТВЕРТЫЙ РАЗДЕЛ» ПОЛЬШИ

Подобно тому как польские лидеры Пилсудский и Бек, заключив в январе 1934 г. с гитлеровской Германией — злейшим врагом поляков — соглашение о ненападении, после которого в 1935 г. последовал обмен визитами высокопоставленных лиц обеих стран (в коммюнике, опубликованном по случаю поездки Бека в Берлин, говорилось о «далеко идущем согласии» между двумя государствами), в результате чего, по выражению историка Д. Е. Мельникова и публициста Л. Б. Черной, Пилсудский и Бек стали «тешить себя мыслью, что они вместе с гитлеровцами образовали нечто вроде «оси Варшава — Берлин, направленной против СССР»¹³¹, и тем самым «вступили на путь, который всего через четыре года привел к оккупации Польши гитле-

ровскими войсками»¹³², так и советские лидеры, Сталин и Молотов, заключив 23 августа 1939 г. с Германией договор о ненападении, фактически означавший германо-советский союз против Польши и западных демократий и сопровождавшийся взаимными заверениями в дружбе, встали на путь (если следовать логике Л. Б. Черной и Д. Е. Мельникова), пройденный в 1934—1938 гг. Польшей. Характеризуя политику правительства Польши в указанный период как «позорную»¹³³, авторы книги «Преступник № 1» избегают сравнения ее с политикой Сталина и Молотова в 1939—1940 гг., имевшей для СССР в 1941 г. те же последствия, что и в 1939 г. для Польши.

Между тем подобная параллель вполне уместна.

В 1939 г. цель советско-германского сближения выражалась недвусмысленно с обеих сторон: раздел мира, и в частности Польши. В сообщении от 22 мая 1939 г. французского посла в Берлине Кулондра отмечалось, что Риббентроп считал сближение между Германией и Россией с точки зрения длительной перспективы «насушным и неизбежным». Это отвечало «самой природе вещей и сохранившимся в Германии традициям. Только такое сближение позволило бы окончательно разрешить германо-польский конфликт путем ликвидации Польши на манер Чехословакии»¹³⁴. Риббентроп придерживался мнения, что Польское государство самостоятельно долго не в состоянии существовать, что «ему все равно суждено исчезнуть, будучи вновь поделенным между Германией и Россией»¹³⁵. Поэтому для Риббентропа, как и для Сталина, идея такого раздела была самым тесным образом увязана с германо-русским сближением. «Как видно, — писал французский посол, — одна из ближайших целей, которую желают достигнуть, заключается в том, чтобы в случае раздела Польши Россия взяла на себя такую же роль, какую Польша сыграла в Чехословакии (Польша ассистировала Германии при захвате Чехословакии, присвоив себе часть территории чешской жертвы — индустриальный район Тешин. — А. П.). Более отдаленная цель состоит в том, чтобы использовать огромные материальные и людские ресурсы СССР для развала Британской империи»¹³⁶.

Как немаловажное доказательство в поддержку того, что раздел мира со Сталиным был одной из реальных целей Гитлера, и ради этого он даже готов был отказаться от своей «антибольшевистской миссии», приведем тот факт, что в объявленной 8 марта 1939 г. на берлинском совещании представителей военных, экономических и партийных кругов Германии гитлеровской программе глобальной агрессии отсутствовало упоминание о СССР¹³⁷.

Об этом же свидетельствует закрепленное в ст. V Берлинского пакта от 27 сентября 1940 г. о Тройственном союзе Германии, Италии и Японии (названный договор был подписан взамен антикоминтерновского пакта 1936 г.) заявление трех стран о том, что «данное соглашение никоим образом не затрагивает политического статуса, существующего в настоящее время между каждым из трех участников соглашения и Советским Союзом»¹³⁸. Советское руководство правомерно расценило эту оговорку как подтверждение силы и значения пакта о ненападении между СССР и Германией и пакта о дружбе и нейтралитете между СССР и Италией¹³⁹. Названная статья была включена в Тройственный пакт по предложению Риббентропа и встретила немедленную поддержку Италии и Японии¹⁴⁰.

25 ноября 1940 г. В. М. Молотов через германского посла в Москве Шуленбурга дал положительный ответ на сделанное Гитлером в ходе переговоров с Молотовым, состоявшихся 12—14 ноября 1940 г. в Берлине (к этой встрече гитлеровское правительство проявляло большой интерес начиная с лета 1940 г.), предложение Советскому Союзу присоединиться к Тройственному пакту Германии, Италии и Японии и участвовать с ними в разделе «бесконтрольного британского наследства», которое останется после «неизбежного краха» Великобритании. Но оставим это за рамками настоящей работы и вернемся к осени 1939 г.

1 сентября 1939 г. германская армия начала войну против Польши. 2 сентября в «Правде» было опубликовано сообщение: «Берлин, 1 сентября (ТАСС). По сообщению Германского информационного бюро, сегодня утром германские войска в соответствии с приказом верховного командования перешли германо-польскую границу в различных ме-

стах. Соединения германских военно-воздушных сил также отправились бомбить военные объекты в Польше».

В связи с анализом политической линии и практических действий руководства, вытекавших из германо-советских соглашений от 23 августа 1939 г., возникает сомнение, был ли Советский Союз нейтрален в бурных событиях того времени, тем более что пакт о ненападении между СССР и Германией виделся сторонам «союзом для войны», и германская сторона была настойчива в выполнении взятых советским руководством на себя обязательств.

Как известно, нейтралитет в войне представляет собой особый правовой статус государства, не участвующего в происходящей войне и воздерживающегося от оказания помощи и содействия как одной, так и другой воюющей стороне¹⁴¹. Права и обязанности нейтральных государств во время войны, воюющих сторон в отношении нейтральных государств, а также физических лиц как нейтральных, так и воюющих государств в рассматриваемый нами период регламентировались V Гаагской конвенцией о правах и обязанностях нейтральных держав и лиц в случае сухопутной войны 1907 г., ратифицированной в том же году Россией¹⁴².

В соответствии с названной конвенцией воюющим государствам запрещается проводить через территорию нейтрального государства войска и военный транспорт. Нейтральные государства не должны снабжать воюющих оружием, военными и другими материалами. Нейтральные государства могут предоставлять убежище войскам, военным кораблям и самолетам воюющих стран, если срок их пребывания не превышает одни сутки, но обязательно с последующим их интернированием.

Этих важных условий советские власти не придерживались. Как отмечает М. И. Семиряга, «поскольку международное право не предусматривает ни условного или безусловного, ни полного или неполного нейтралитета, то оказание любой военной помощи одному из воюющих государств несовместимо с данным статусом»¹⁴³.

Никакими обстоятельствами нельзя оправдать согласие советского руководства обслуживать немецко-фашистские военные корабли в советских портах в бассейне Баренцева

моря (в октябре 1939 г. Советский Союз согласился на использование германским военно-морским флотом порта Териберка к востоку от Мурманска в качестве ремонтной базы и пункта снабжения судов и подводных лодок, проводивших операции в Северной Атлантике)¹⁴⁴. Между тем, согласно XIII Гагской конвенции 1907 г. о правах и обязанностях нейтральных держав в случае морской войны, также ратифицированной Россией, нейтральное государство обязано не допускать выхода судна одной из воюющих сторон из своих территориальных вод, если есть основания полагать, что оно примет участие в боевых действиях на стороне одного из воюющих. Находясь в территориальных водах нейтрального государства, военные суда могут лишь пополнять свои запасы по лимитам мирного времени, брать столько топлива, сколько необходимо для достижения ближайшего порта своей страны¹⁴⁵.

Также являются никоим образом несовместимыми с нейтральным статусом государства следующие факты: транзит через всю территорию СССР с Дальнего Востока в Германию большой группы офицеров из потопленного в Тихом океане германского крейсера «Граф Шпее»¹⁴⁶, беспрепятственный проезд через западные районы нашей страны, по тылам наших войск многочисленных групп немецких разведчиков под предлогом организации переселения этнических немцев из Прибалтийских республик, западных областей Украины и Белоруссии в Германию и поиска немецких солдат, погибших в годы Первой мировой войны¹⁴⁷. Немецкая авиация свободно нарушала наше воздушное пространство, залетала на большие расстояния в глубь советской территории и активно вела разведку¹⁴⁸, причем сбивать немецкие разведсамолеты войскам ПВО было категорически запрещено. В заявлении, сделанном 28 марта 1940 г. помощником военного атташе полпредства СССР в Берлине имперскому маршалу Герингу, говорилось, что нарком обороны СССР «сделал исключение из крайне строгих правил защиты границы и дал пограничным войскам приказ не открывать огня по германским самолетам, залетающим на советскую территорию, до тех пор, пока эти перелеты не станут происходить слишком часто»¹⁴⁹. Более

того, когда немецкие самолеты из-за поломок были вынуждены садиться на наши аэродромы, их ремонтировали, заправляли горючим и с миром отправляли в Германию¹⁵⁰.

Между тем, несмотря на то что специальных международных соглашений, определяющих правовой режим воздушного пространства над территорией нейтральных государств, не существует, на воздушную войну распространяются общие правила нейтралитета, согласно которым запрещается пролет через воздушное пространство нейтрального государства летательных аппаратов воюющих сторон. Приземлившиеся военные самолеты задерживаются, а экипаж интернируется до конца войны¹⁵¹.

Очевидно, что уже перечисленных фактов достаточно, чтобы опровергнуть миф о нейтральном статусе СССР в период с 1 сентября 1939 г. по 22 июня 1941 г.

Особенно ярко советско-германское сотрудничество было продемонстрировано в Польше. Вступление советских войск в восточные воеводства Польши в принципе было предопределено еще в секретном дополнительном протоколе от 23 августа 1939 г., п. 2 которого гласил: «В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Нарева, Вислы и Сана.

Вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского государства и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития»¹⁵².

28 августа 1939 г. в Москве по уполномочению правительства Германии граф Шуленбург и председатель СНК СССР В. М. Молотов в целях уточнения абзаца первого п. 2 секретного протокола от 23 августа подписали разъяснение к названному протоколу, где условились, что этот абзац следует читать в следующей окончательной редакции, а именно: «2. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Писса, Нарева, Вислы и Сана»¹⁵³.

Германская сторона стремилась к совместным действиям с войсками Красной армии с самого начала запланированной Гитлером военной кампании. В связи с этим М. И. Семиряга приводит такой факт для размышлений. В конце августа 1939 г. в западную прессу просочились сведения о том, что в связи с обострившимися германо-польскими отношениями планируется отвод от западных советских границ войск численностью 200—300 тыс. человек. Такое сообщение вызвало в Берлине озабоченность, и 27 августа Шуленбургу была срочно отправлена телеграмма, в которой ему поручалось выяснить, «действительно ли от польской границы отводятся советские войска. Нельзя ли их вернуть, чтобы они максимально связали польские силы на востоке?»¹⁵⁴.

Шуленбург, получив в Наркомате иностранных дел СССР соответствующую информацию, сообщил: вскоре будет опубликовано заявление о том, что советские войска не собираются отходить от границы с Польшей. И в самом деле, 30 августа 1939 г. советское правительство официально заявило: «Ввиду обострения положения в восточных районах Европы и ввиду возможности всяких неожиданностей, советское командование решило усилить численный состав гарнизонов западных границ СССР»¹⁵⁵.

2 сентября 1939 г. в Берлин прибыли советская военная миссия в составе 5 офицеров во главе с военным атташе СССР в Германии генералом Максимом Пуркаевым и новый советский полпред в Берлине А. Шкварцев. В аэропорту их встречали ответственный сотрудник МИД Германии Э. Верман и офицеры во главе с военным комендантом Берлина генералом Зейфертом. Была выстроена рота почетного караула¹⁵⁶. Подобная огласка военного сотрудничества обеих стран была крайне неприятной для советского руководства, которое еще накануне просило германского посла фон Шуленбурга, чтобы «из-за соображений безопасности» германская печать не сообщала о прибытии советской миссии и чтобы не называла ее «миссией», а лишь группой офицеров, прибывшей в Берлин в связи с назначением нового советского военного атташе. При этом сообщалось, что советская пресса уже получила соответствующее указание¹⁵⁷.

По распоряжению советского руководства во всех средствах массовой информации проводилась мысль о том, что главными врагами нашей страны являются Англия и Франция. Подобная позиция советской печати не осталась незамеченной в германском посольстве. Так, 6 сентября Шуленбург доносил в Берлин, что, по его наблюдениям, в СССР делается «все возможное», чтобы изменить недоброжелательное отношение населения к Германии. «Прессу как подменили. Не только прекратились все выпады против Германии, но и преподносимые теперь события внешней политики основаны в подавляющем большинстве на германских сообщениях, а антигерманская литература изымается из книжной продажи и т. п.»¹⁵⁸.

Как утверждает И. Фляйшхауэр, германский посол в беседах с Молотовым настаивал на объявлении Советским Союзом — в форме письменного заявления правительства СССР — о вступлении в войну¹⁵⁹. Однако указания Шуленбургу относительно этих переговоров были исчерпывающе определены телеграммой Риббентропа от 3 сентября 1939 г., где Шуленбургу советовалось всего лишь выяснить, «не почитает ли Советский Союз желательным, чтобы русская армия выступила в подходящий момент против польских сил в русской сфере влияния и, со своей стороны, оккупировала эту территорию». По мнению Риббентропа, это не только помогло бы Германии, но также, «в соответствии с московскими соглашениями, было бы и в советских интересах». В связи с этим Шуленбургу предписывалось выяснить у Молотова, может ли германская сторона обсуждать этот вопрос с офицерами советской военной миссии генерала Пуркаева и «какой предположительно будет позиция советского правительства»¹⁶⁰. (Как видим, телеграмму Риббентропа Шуленбургу можно рассматривать лишь как настойчивый призыв немецкой стороны ввести советские войска в Восточную Польшу и не более того.)

В ответ на это 5 сентября 1939 г. Молотов дал Шуленбургу ответ, в котором говорилось, что «мы согласны с вами, что в подходящее время нам будет совершенно необходимо начать конкретные действия. Мы считаем, однако, что это время еще не наступило. ... Нам кажется, что чрезмерная

поспешность может нанести нам ущерб и способствовать объединению наших врагов»¹⁶¹.

8 сентября Молотов послал Шуленбургу телефонограмму следующего содержания: «Я получил ваше сообщение о том, что германские войска вошли в Варшаву. Пожалуйста, передайте мои поздравления и приветствия правительству Германской империи»¹⁶².

Сообщая, что немецкие войска уже «вошли в Варшаву», гитлеровцы тем самым хотели ускорить начало вступления советских войск на оговоренную в протоколе польскую территорию (не случайно в телеграмме Шуленбургу от 8 сентября Риббентроп подчеркнул, что «считал бы неотложным» возобновление бесед германского посла с Молотовым «относительно советской военной интервенции» в Польшу¹⁶³). Они при этом не обманывали, но окончательно Варшава пала только 27 сентября¹⁶⁴. Получив 8 сентября сообщение о «падении Варшавы», Молотов на встрече с Шуленбургом, состоявшейся 10 сентября, заявил, что советское правительство намеревается «воспользоваться дальнейшим продвижением германских войск и заявить, что Польша разваливается на куски и что вследствие этого Советский Союз должен прийти на помощь украинцам и белорусам, которым «угрожает» (эти кавычки взаимно подразумевали и Сталин, и Гитлер. — *А. П.*) Германия¹⁶⁵. Этот предлог представит интервенцию Советского Союза благовидной в глазах масс и даст Советскому Союзу возможность не выглядеть агрессором»¹⁶⁶. Учитывая политическую мотивировку советской акции (крах Польского государства и защита национальных меньшинств), СССР было крайне важно не начинать действовать до того, как падет административный центр Польши — Варшава. Поэтому 14 сентября 1939 г. Молотов — через шесть дней после поздравления по поводу вступления германских войск в Варшаву — просил Шуленбурга, чтобы ему «как можно более точно сообщили, когда можно рассчитывать на захват Варшавы»¹⁶⁷.

Таким образом, Сталин выполнит предложения сковать польские силы на востоке, чтобы облегчить действия вермахта на западе Польши (для этого уже в самом начале сентября были созданы Украинский фронт под командованием

С. К. Тимошенко в составе трех армий и Белорусский под командованием М. П. Ковалева, в него вошли четыре армии, конно-механизированная группа, отдельный стрелковый корпус и Днепропетровская военная флотилия. 11 сентября по приказу наркома обороны СССР К. Е. Ворошилова эти войска изготовились для наступления¹⁶⁸). Но пока он затягивал оговоренный в принципе срок по крайней мере по трем следующим причинам.

Во-первых, надо было психологически подготовить советский народ к восприятию такого неожиданного факта, ввести его в заблуждение по поводу своих намерений в отношении Польши, для чего руководство нашей страны прибегало к различным манипуляциям наподобие заявления о вводе войск в Польшу не с военным, а с политическим основанием. Этому заявлению предшествовала спешно развернутая пропагандистская кампания, в качестве примера которой можно привести публикацию в «Правде» от 14 сентября 1939 г.¹⁶⁹, которая — если заменить белорусов и украинцев на «фольксдойче» (этнические немцы) — повторяла уже знакомые обвинения немцев, что поляки плохо обращаются с меньшинствами.

Во-вторых, существовала реальная опасность вмешательства в события западных держав. Когда Советский Союз и Германия договорились о разделе Польши (хотя в тот день этого еще никто не знал), премьер-министр Великобритании Н. Чемберлен и ее министр иностранных дел Э. Галифакс 24 августа 1939 г. публично заявили, что Англия будет воевать за Польшу. Советскому правительству позиция Англии стала известна уже на следующий день, когда министр иностранных дел этой страны и польский посол в Лондоне подписали пакт, устанавливающий, что стороны будут оказывать друг другу помощь в случае нападения третьей державы. Сталин и Молотов не могли не предвидеть последствий вмешательства Советского Союза на стороне Германии в германо-польский конфликт на его раннем этапе. Риск, связанный с тем, что западные державы после объявления ими войны Германии 3 сентября 1939 г. все-таки перешли бы к стратегии эффективной поддержки Польши на ее территории и сочли бы неприемлемым советское во-

енное присутствие в этой стране, вызывал опасение советского руководства, что «то или иное его неаккуратное действие, — высказывает свое мнение В. М. Фалин, — может быть расценено как *casus belli*, и следствием станет объявление Советскому Союзу войны со стороны Польши, а затем Англии и Франции»¹⁷⁰.

Поэтому необходимо было выдержать время для окончательного выяснения обстановки в Польше. Советских руководителей подтолкнуло к действиям сообщение о том, что польское правительство покинуло Варшаву, а потому территория этой страны осталась вроде бы «бесхозной» (17 сентября ТАСС получило информацию, что польский президент Мосцицкий и остальные члены польского правительства находятся в местечке на польско-румынской границе и обратились к румынскому правительству с официальной просьбой о разрешении им прибыть в Бухарест)¹⁷¹. Несмотря на интенсивные настояния германской стороны, Сталин лишь спустя две с лишним недели после начала военных действий между Германией и Польшей — утром 17 сентября 1939 г. — отдал приказ о переходе западной границы, предварительно пригласив Шуленбурга в Кремль и сделав ему заявление, о котором германский посол незамедлительно телеграфировал в Берлин: «Сталин в присутствии Молотова и Ворошилова принял меня в два часа ночи и заявил, что Красная армия пересечет советскую границу в 6 часов утра на всем протяжении от Полоцка до Каменец-Подольска.

Во избежание инцидента Сталин спешно просит нас проследить за тем, чтобы германские самолеты, начиная с сегодняшнего дня, не залетали восточнее линии Белосток — Брест-Литовск — Лемберг (Львов). Советские самолеты начнут сегодня бомбардировать район восточнее Лемберга. ...В будущем все военные вопросы, которые возникнут, должны выясняться напрямую с Ворошиловым генерал-лейтенантом Кестрингом»¹⁷².

Наконец, третьей причиной медлительности Сталина была необходимость успокоить мировую общественность. В Берлине с этой целью было объявлено не о начавшейся против Польши войне, а только об ответных мерах на «поль-

ские провокации»¹⁷³. Та же версия со слов Гитлера была опубликована без комментариев советской печатью¹⁷⁴.

Советское правительство также не квалифицировало свои действия как войну против Польши. В 3 часа ночи 17 сентября чрезвычайного и полномочного посла Польши в СССР В. Гржибовского вызвали в Наркоминдел и зачитали ноту следующего содержания: «Польско-германская война выявила внутреннюю несостоятельность Польского государства. В течение десяти дней военных операций Польша потеряла все свои промышленные районы и культурные центры. Варшава, как столица Польши, не существует больше. Польское правительство распалось и не проявляет признаков жизни. Это значит, что Польское государство и его правительство фактически перестали существовать. Тем самым прекратили свое действие договора, заключенные между СССР и Польшей. Предоставленная самой себе и оставленная без руководства, Польша превратилась в удобное поле для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР. Поэтому, будучи доселе нейтральным, *советское правительство не может более нейтрально относиться к этим фактам* (выделено мною. — А. П. Цитируемая нота советского правительства утром 17 сентября была препровождена послам и посланникам государств, имеющим дипломатические отношения с СССР, в частности Германии, Италии, Японии, Великобритании, Франции, США, Эстонии, Латвии, Литвы. В ноте заявлялось, что по отношению к перечисленным (и другим) странам СССР будет по-прежнему проводить политику нейтралитета¹⁷⁵).

Советское правительство не может также безразлично относиться к тому, чтобы единокровные украинцы и белорусы, проживающие на территории Польши, брошенные на произвол судьбы, остались беззащитными.

Ввиду такой обстановки советское правительство отдало распоряжение Главному командованию Красной армии дать приказ войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии.

Одновременно советское правительство намерено принять все меры к тому, чтобы вызволить польский народ из злополучной войны, куда он был ввергнут его неразумными руководителями, и дать ему возможность зажечь мирной жизнью»¹⁷⁶.

Итак, 17 сентября 1939 г. советское правительство обязалось сохранять нейтралитет в отношении Германии, а в совместном германо-советском коммюнике, принятом 18 сентября, было сказано, что задача советских и германских войск, действующих в Польше, «состоит в том, чтобы восстановить в Польше порядок и спокойствие, нарушенное распадом Польского государства, и помочь населению Польши переустроить условия своего государственного существования»¹⁷⁷. По сути, в этом коммюнике СССР объявил себя военным союзником Германии в отношении Польши для «наведения там порядка», ибо под военным союзом понимается объединение двух или нескольких государств для достижения политических целей военными средствами¹⁷⁸.

То, что в Польше советским руководством (равно как и германским) использовались именно военные средства, сомнений не вызывает, ибо, хотя состояние войны СССР с Польшей не было объявлено, реальные военные действия против польских воинских частей имели место. Так, в донесении от 17 сентября 1939 г. Л. П. Берия К. Е. Ворошилову говорилось, что «в 5 часов утра 17 сентября части РККА и части пограничных войск НКВД Белорусского и Киевского округов перешли государственную границу с Польшей» и в настоящий момент «ведут бой по уничтожению польских пограничных стражниц» (застав). При этом в донесении польские войска назывались «противником»¹⁷⁹.

Оперативная сводка Генерального штаба РККА 17 сентября сообщала следующие факты: «Наша авиация сбила 7 польских истребителей и вынудила к посадке 3 тяжелых бомбардировщика, экипажи которых задержаны»¹⁸⁰.

Факт военных действий РККА против польской армии был признан главой правительства СССР В. М. Молотовым в его докладе на сессии Верховного Совета СССР 31 октября 1939 г., где он заявил, что Польша развалилась благода-

ря удару германской, а затем Красной армий. В этой же речи Молотов говорил о «боевом продвижении» Красной армии и о захвате ею боевых трофеев, составлявших значительную часть вооружения и боевой техники армии Польши. Здесь же он еще раз обвинил Англию и Францию в агрессии против Германии, которая, мол, «стремится к скорейшему окончанию войны и к миру»¹⁸¹. Пропагандисты Геббельса воспользовались «услугой» Молотова, отпечатав его речь в виде листовок на английском и французском языках, которые разбрасывались над позициями англо-французских войск¹⁸².

Указание на имевшие место боевые действия между Красной армией и польскими частями содержалось и в приказе № 199 наркома обороны СССР К. Е. Ворошилова от 7 ноября 1939 г.: «Стремительным натиском части Красной армии разгромили польские войска, выполнив в короткий срок свой долг перед Советской родиной»¹⁸³.

Наконец, постановлением Правительства РФ от 20 апреля 1995 г. № 390 было утверждено Положение о военно-врачебной экспертизе, п. 46 которого предписывал ВВК выносить заключение о причинной связи увечий (ранений, травм, контузий) с формулировкой «военная травма», если увечье было получено в период пребывания освидетельствуемого в составе действующей армии в период боевых действий в Западной Украине и Западной Белоруссии в 1939 г.¹⁸⁴. Аналогичное предписание содержится и в ныне действующем Положении о военно-врачебной экспертизе, утвержденном постановлением Правительства РФ от 25 февраля 2003 г. № 123 (п. 41)¹⁸⁵. Как видим, советские воины, принимавшие участие в «боевых действиях» на территории Восточной Польши, названным Положением отнесены к лицам, входившим в состав действующей армии, под каковой понимается часть вооруженных сил государства, используемая *во время войны* непосредственно для ведения военных действий¹⁸⁶ (в отличие от другой части вооруженных сил, находящейся в тылу). Но к вопросу, как все же следует квалифицировать действия советских войск в сентябре 1939 г., вернемся чуть ниже.

В ходе боев на территории Восточной Польши 737 со-

ветских бойцов погибли и 1862 человека были ранены¹⁸⁷. Небезынтересно вспомнить и о том, что в тот период советские войска захватили много польских военнопленных. Именно так именовали их тогда в служебных документах (в донесении Л. З. Мехлиса от 24 сентября 1939 г. Сталину и Ворошилову сообщалось, что Красной армией была захвачена «в плен основная верхушка польского высшего командного состава»¹⁸⁸; в приказе № 10 от 23 сентября 1939 г. войскам 3-й армии Белорусского фронта предписывалось «всех офицеров бывшей польской армии считать как военнопленных на территории СССР. ...Всех солдат бывшей польской армии, шатающихся по городам, селам и лесам, независимо, оказывал ли он сопротивление в борьбе против частей Красной армии или нет, взят с оружием или без оружия, также направлять в лагеря военнопленных»¹⁸⁹) и печати¹⁹⁰, так называл их, в частности, и Молотов¹⁹¹. Однако с июля 1941 г. (задумаемся: почему именно с этого времени?) у нас их стали называть интернированными.

По данным польского эмигрантского правительства, в период военных действий СССР в Польше Красной армией было взято в плен более 230 тыс. солдат и офицеров польской армии¹⁹². (Эти данные практически совпадают с данными, полученными мною на основе сводок Генерального штаба РККА, регулярно публиковавшихся на страницах центральной советской печати.) Среди них было 10 генералов, 52 полковника, 72 подполковника, 5131 другой офицер, а также 10966 унтер-офицеров, не считая членов полиции и пограничной охраны¹⁹³. Всего же к моменту начала Германской войны против Польши армия Польского государства насчитывала миллион солдат¹⁹⁴.

В. М. Фалин справедливо считает дискуссию о том, как следует рассматривать в данном случае задержанных польских военнослужащих, вопросом принципиальным, и, исходя из того, что поскольку главнокомандующий польских вооруженных сил маршал Э. Рыдз-Смиглы от имени польского правительства отдал своим войскам приказ: «С Советами в бой не вступать, оказывать сопротивление только в случае попыток разоружения наших частей... Части, к которым подошли Советы, должны начать с ними переговоры с

целью вывода наших гарнизонов в Румынию и Венгрию»¹⁹⁵, и тем самым исключил возможность объявления нам войны, польские пленные должны считаться не военнопленными, а интернированными. Он считает серьезным заблуждением объявить постфактум войну с Польшей, назвав интернированных военнопленными¹⁹⁶.

Доказав факт военных действий Красной армии против польских военных частей, отметим, что с юридической точки зрения для войны характерен такой признак, как формальный акт ее объявления. Но, согласно действовавшему до 1907 г. обычному праву, формальное объявление войны не было безусловно необходимым. Войны XIX века не раз начинались открытием враждебных действий без предварительного заявления. Лишь III Гагская конвенция 1907 г. об открытии военных действий, ратифицированная Россией, установила, что враждебные действия между договаривающимися державами не должны начинаться без предварительного недвусмысленного предупреждения, которое будет иметь или форму мотивированного объявления войны, или форму ультиматума с условным объявлением войны. Последствием такого объявления является, как правило, разрыв дипломатических отношений между воюющими сторонами и прекращение действия большинства двусторонних договоров (в ноте советского правительства от 17 сентября 1939 г. на имя польского посла в СССР заявлялось, что СССР не может более нейтрально относиться к происходящим в Польше событиям; в этой же ноте констатировалось прекращение действия договоров, заключенных между СССР и Польшей, в том числе, стало быть, Рижского мирного договора от 18 марта 1921 г. и договора о ненападении от 25 июля 1932 г. между СССР и Польской республикой, так как Польское государство было объявлено «отныне не существующим», следовательно, исчезло как одна из сторон договора, как субъект международного права. По этой причине имело место прекращение дипломатических отношений между двумя странами. Начиная с 17 сентября советские власти не признавали дипломатический статус польских дипломатов в Москве и чинили им всяческие препятствия к выезду из СССР¹⁹⁷, в то время как нормы ди-

пломатического права и права вооруженных конфликтов, напротив, предписывали оказать сотрудникам польского посольства всяческое содействие в выезде. Дипломатические отношения были восстановлены лишь 30 июля 1941 г., когда, в связи с необходимостью создания антигитлеровской коалиции, СССР признал находившееся в Лондоне польское эмигрантское правительство во главе с генералом В.Сикорским и подписал с ним соглашение о взаимной помощи в войне против гитлеровской Германии¹⁹⁸). Однако согласно ст. 2 Конвенции об определении агрессии, заключенной в Лондоне 3 июля 1933 г. СССР с другими государствами, агрессией признается не только объявление войны другому государству (этот случай предусмотрен п. 1 ст. 2), но и вторжение вооруженных сил, хотя бы и без объявления войны, на территорию другого государства (п. 2 ст. 2), нападение сухопутных, морских или воздушных вооруженных сил, хотя бы и без объявления войны, на территорию, морские или воздушные суда другого государства (п. 3 ст. 2). При этом, согласно ст. 3 названной конвенции, никакие соображения политического, военного, экономического или другого порядка не могут служить извинением или оправданием нападения, предусмотренного в ст. 2¹⁹⁹.

В качестве примера таких «соображений» стороны, подписавшие конвенцию, в абзаце три приложения к ст. 3 конвенции назвали внутреннее положение какого-либо государства, мнимые недостатки его администрации²⁰⁰. Напомним, что именно якобы имевшим место распадом Польского государства и его правительства СССР мотивировал вторжение своих войск в Восточную Польшу. Следовательно, имея в виду вышеизложенное, 17 сентября 1939 г. СССР согласно Конвенции об определении агрессии от 3 июля 1933 г. выступил как прямой международный агрессор; при этом, с учетом германо-советского коммюнике от 18 сентября 1939 г. и последующих шагов правительств СССР и Германии, Советский Союз превратился, по существу, в военного союзника имперского правительства.

Именно в Польше с 17 сентября 1939 г. имели место обстоятельства, при которых Советский Союз фактически исполнял обязательства, предусмотренные союзным до-

говором (*casus foederis*). Одним из свидетельств того, что СССР переступил черту, за которой начинался его военно-политический союз с Германией, явилось подписание 28 сентября 1939 г. в Москве В. М. Молотовым и И. Риббентропом Заявления советского и германского правительств, в котором содержался призыв к Англии и Франции прекратить войну с Германией, что отвечало бы, как сказано в документе, «интересам всех народов». Далее следовало предупреждение, что, если Англия и Франция откажутся от данного предложения, они будут нести ответственность за продолжение войны, причем «в случае продолжения войны правительства Германии и СССР будут консультироваться друг с другом о необходимых мерах»²⁰¹. Об этом же говорилось и в заявлении министра иностранных дел Германии И. Риббентропа, сделанном им 29 сентября 1939 г. по итогам проходивших в Москве 27—29 сентября советско-германских переговоров. В этом заявлении вновь было подчеркнуто, что если Англия и Франция не прекратят «бесперспективную борьбу против Германии... то Германия и СССР будут знать, как ответить на это»²⁰².

Поскольку Польша хотя и потерпела поражение в войне, однако ее правительство выехало за пределы страны, так и не подписав акта о государственной и военной капитуляции²⁰³, то, в соответствии с III Гаагской конвенцией 1907 г. об открытии военных действий, она не потеряла автоматически своего суверенитета. Это положение представляется очень важным, ибо, как вытекает из международно-правовых актов, термин «война» употребляется лишь при вооруженном столкновении между суверенными государствами. Следовательно, субъектами войны и вытекающих из нее правоотношений могут быть только суверенные государства как самостоятельные носители международно-правовых правомочий и обязанностей.

Государства ведут вооруженную борьбу посредством предназначенных для этого своих вооруженных сил. Только последним принадлежит право нападения и защиты (активное состояние войны)²⁰⁴. Таким образом, польские воинские части как вооруженные силы суверенного государства имели полное право оказывать сопротивление Красной армии,

каковое и имело место. Поскольку состояние войны может начинаться не только формальным объявлением войны, но и фактическим открытием военных действий с обеих сторон²⁰⁵, СССР следует признать воюющей стороной, а Советский Союз и Польшу — противниками²⁰⁶.

Отметим, что 28 апреля 1939 г. Германия расторгла договор о ненападении с Польшей, заключенный 26 января 1934 г. СССР же такого упреждающего шага не предпринял, мотивировав прекращение действия всех политических, экономических и иных договоров с Польским правительством тем, что последнее «перестало существовать», как перестало существовать и Польское государство. Однако, как уже говорилось, верховенство власти польского правительства в пределах территории Польского государства, иными словами, суверенитет Польши, ни 17 сентября 1939 г., ни позднее утрачен не был. Это означало, что СССР, введя части Красной армии на территорию Восточной Польши, однозначно нарушил положение ст. 1 договора о ненападении от 25 июля 1932 г. между Советским Союзом и Польшей²⁰⁷ (формально он сохранял свое действие, несмотря на отсутствие в тексте германо-советского пакта о ненападении от 23 августа 1939 г. положения о том, что обязательства, вытекающие из ранее подписанных договоров с другими государствами, остаются в силе), в которой обязался воздерживаться от всяких агрессивных действий или нападения на Польшу как отдельно, так и совместно с другими державами. Абзац 2 ст. 1 договора разъяснял, что действием, противоречащим вышеизложенному обязательству, будет признан всякий акт насилия, нарушающий целостность и неприкосновенность территории или политическую независимость другой договаривающейся стороны, даже если бы эти действия были осуществлены без объявления войны и с избежанием всех ее возможных проявлений.

СССР, осуществляя военное сотрудничество с Германией, напавшей 1 сентября 1939 г. на Польшу, нарушил и положение, закрепленное в абзаце 1 ст. 2 названного договора, где было сказано: «В случае, если бы одна из договаривающихся сторон подверглась нападению со стороны третьего

государства... другая договаривающаяся сторона обязуется не оказывать ни прямо, ни косвенно помощи и поддержки нападающему государству в продолжение всего конфликта».

Согласно ст. 3 польско-советского договора о ненападении СССР обязался не принимать участия ни в каких соглашениях, с агрессивной точки зрения явно враждебных другой стороне. Бесспорно, что соглашения, заключенные СССР и Германией в отношении Польши в августе — октябре 1939 г., носили характер, явно противоречивший данной статье.

Вводом советских войск на территорию Восточной Польши СССР нарушил и ст. 5 Рижского мирного договора с Польшей от 18 марта 1921 г.²⁰⁸, где Россия, Украина и Белоруссия, а значит, СССР как государство — правопреемник этих республик гарантировали полное уважение государственного суверенитета Польши и воздержание от всякого вмешательства в ее внутренние дела, в частности, от агитации, пропаганды и всякого рода интервенции либо их поддержки. При этом в ст. 23 договора было особо подчеркнуто, что эти обязательства по отношению к Польше распространяются на все территории, расположенные к востоку от государственной границы, указанной в ст. 2 договора (согласно ст. 2 государственная граница проходила на 200—300 км восточнее западной границы этнических белорусских и украинских земель, т. е. восточнее линии Керзона), которые входили в состав Российской империи и при заключении Рижского договора были представлены Россией и Украиной. Напомним также, что, согласно ст. 3 Рижского мирного договора, Россия и Украина отказались от всяких прав и притязаний на земли, расположенные к западу от указанной в ст. 2 государственной границы, а в ст. 4 договора заявлялось, что из прежней принадлежности части земель Польской республики к бывшей Российской империи не вытекает для Польши никаких обязательств и обременений; равным образом из прежней совместной принадлежности к бывшей Российской империи не вытекает никаких взаимных обязательств и обременений между Украиной, Белоруссией и Польшей.

Придя на помощь «единокровным украинцам и белорусам», проживавшим на территории Польши (причем без всяких просьб с их стороны), — предлог, использованный Гитлером для аншлюса Австрии²⁰⁹, захвата Судетской области Чехословакии²¹⁰, Мемельской (Клайпедской) области Литвы, частично при нападении на Польшу²¹¹, — и тем самым осуществив военную оккупацию практически половины территории Польского государства (22 сентября 1939 г. правительства Германии и СССР установили демаркационную линию между германской и советской армиями, которая должна была проходить по реке Писса до ее впадения в Нарев, далее по реке Нарев до ее впадения в реку Буг, далее по реке Буг до ее впадения в реку Висла, далее по реке Висла до впадения в нее реки Сан и дальше по реке Сан до ее истоков)²¹², советское правительство однозначно нарушило все вышеизложенные обязательства, взятые им на себя согласно Рижскому мирному договору.

Поскольку данное международно-противоправное деяние советского правительства возникло в результате нарушения Советским Союзом своих международных обязательств, вытекавших из заключенных им с Польшей договоров, и посягало на основу существования Польского государства и населявшего его территорию народа, подрывало основные принципы международного права и угрожало международному миру и безопасности, его надлежит квалифицировать как международное преступление²¹³.

Если между СССР и Польшей в сентябре 1939 г. имело место состояние войны, значит, оказавшихся во власти СССР, как противника Польши, польских военнослужащих, других комбатантов и некоторых некомбатантов следует признать именно военнопленными, режим плена которых, так как начало военных действий даже без объявления войны обуславливает необходимость соблюдения всеми воюющими сторонами норм права вооруженных конфликтов²¹⁴, должен был регулироваться Положением о законах и обычаях сухопутной войны (приложение к IV Гагской конвенции 1907 г.), ибо участником Женевской конвенции об обращении с военнопленными 1929 г. СССР не являлся. Учитывая же, что имело место принудительное задержание

и обычных польских граждан²¹⁵, правильным будет вести речь и о военнопленных, и об интернированных.

С XVIII века принципы международного права базировались на признании того, что пребывание в плену не является ни мстью, ни наказанием, но лишь только превентивным заключением с единственной целью — исключить возможность дальнейшего участия солдат в боевых действиях. Согласно международно-правовым нормам военнопленные освобождаются или репатрируются тотчас же по прекращении военных действий. Однако это положение не распространяется на военнопленных, против которых возбуждено уголовное дело, а также на тех военнопленных, которые осуждены по законам державы в плену державы.

Как же поступило советское правительство? Несмотря на прекращение боевых действий, многие польские военные офицеры, очевидно по причине напряженной политической обстановки в западных областях Украины и Белоруссии, советскими военными властями длительное время не освобождались. Более того, их как преступников направляли в находившиеся в ведении НКВД специальные лагеря. В апреле — мае 1940 г. более 15 тыс. польских военнопленных офицеров и полицейских²¹⁶ были вывезены из Козельского, Старобельского и Осташковского лагерей и переданы УНКВД Смоленской, Харьковской и Калининской областей. Конечными пунктами их маршрута стали Катынь, поселок Медное Тверской области и 6-й квартал лесопарковой зоны в Харькове...

Как было признано властями СССР в 1990 г.²¹⁷, преступное решение о «физической ликвидации» названных военнопленных формировалось по всей служебной иерархии НКВД, что подтверждает ряд документов. Первым в их ряду следует назвать Положение о военнопленных, разработанное при участии А. Я. Вышинского и утвержденное СНК СССР 19 сентября 1939 г.²¹⁸. Ему сопутствовал список формируемых лагерей для военнопленных с указанием штатной численности (обслуживающего административного персонала), утвержденный заместителем наркома внутренних дел Союза ССР полковником Чернышовым²¹⁹. Далее в п. 32 ре-

шения Политбюро ЦК ВКП (б) от 3 октября 1939 г. Берии и Мехлису предписывалось в трехдневный срок «представить предложения по вопросам о военнопленных и беженцах»²²⁰. Во исполнение этого последовала директива Л. П. Берии от 8 октября 1939 г. о создании во всех лагерях «особых отделений по оперативно-чекистскому обслуживанию военнопленных». В их задачу входило выявление «антисоветских элементов» и контрреволюционеров. Наконец, в директиве от 31 декабря 1939 г. Берия прямо предписал ускорить работу следователей «по подготовке дел военнопленных — полицейских бывшей Польши для доклада на особом совещании НКВД СССР»²²¹.

Рассмотрение этих «дел» и закончилось преступлением в Катыни...

Осенью 1939 г. в Польше Сталину удалось приблизиться к своей заветной цели — «освободить угнетенные массы», а на деле ассимилировать их в условиях, в которых жило население Советского Союза. «Освободить» с помощью «непобедимой» Красной армии.

18 сентября 1939 г., на другой день после начала агрессии СССР против Польши, «Известия» писали: «Спасение идет из СССР. Грозная, суровая, непреклонная и великодушная — идет Рабоче-Крестьянская Красная армия. Ради... счастья человеческого построена наша страна, и на страже его стоит Красная армия. Ради этой цели Красная армия двинулась сегодня, затемняя небо стальными крыльями, потрясая землю бронемашинами, тяжелой поступью неисчислимых полков»²²². Не в процитированных ли строках раскрыто истинное предназначение первого в мире советского государства и Красной армии?

По-иному взглянуть на некоторые внешнеполитические и военные шаги Сталина, предпринятые в 1939 и 1940 гг., позволяет опубликованный на страницах «Военно-исторического журнала» «План поражения СССР», автором которого является маршал М. Н. Тухачевский. Вышеприведенное название плану, написанному Тухачевским в 1937 г. в тюремной камере, дано было явно по подсказке следствия. План якобы вредительский, по которому якобы действовали заговорщики: кое-где есть вкрапления, подсказанные

следователями, о вредительских действиях заговорщиков. В целом же это довольно стройный план ведения войны на Западном театре военных действий, изложенный так, как он понимался высшим руководством Красной армии, и ничего пораженческого в нем нет. Это был план военного нападения на Германию.

Однако план, изложенный Тухачевским в тюремной камере, ничего нового Сталину не давал, ибо последний знал Западный театр военных действий не хуже Тухачевского, так как в разные периоды Гражданской войны он занимал посты члена РВС Северного (Петроградского), Западного и Юго-Западного фронтов, сутками просиживал над картами или ездил по воинским частям. Впрочем, все планы военного похода России в Европу или, напротив, планы европейских стран по войне с Россией были однотипны со времен Киевской Руси и определялись единственно географическим фактором: двумя «коридорами», разделенными обширными Пинскими болотами, — через Брест-Литовск, имея северной границей Балтийское море, или через Львов, имея южной границей Карпатские горы.

Именно этими путями, хорошо изученными Сталиным, должна была идти на Запад мировая революция.

Западный маршрут (белорусское направление) выглядел так: Минск — Варшава — Познань — Берлин и далее до Парижа. Юго-Западный (украинское направление): Киев — Львов — Краков — Вроцлав (Бреслау) — Лейпциг — Мюнхен и далее по Европе.

В «Плане поражения СССР» (плане нападения на Германию) Тухачевский подчеркивал необходимость согласованного действия обоих фронтов — Украинского и Белорусского. По мнению Тухачевского, вопрос состоял лишь в том, которому из фронтов (направлений) отдать преимущественно решающее значение... «При варианте первоочередной ликвидации лимитрофов — все преимущества за белорусским направлением». Но эти преимущества сохраняются лишь «при условии нейтралитета Германии». Зато «при условии нахождения Германии в составе врагов ... — все преимущества сосредоточения главных сил переходят к украинскому направлению»²²³.

Советско-германский пакт о ненападении гарантировал сторонам проведение политики «нейтралитета» по отношению друг к другу (применительно к процитированным отрывкам плана Тухачевского «нейтралитет» следует понимать как лояльность ничего не подозревавшей об истинных намерениях советского правительства Германии). Секретным дополнительным протоколом от 23 августа 1939 г. лимитрофы — Эстония, Латвия, Финляндия, частично Польша — отходили в советскую сферу влияния. Что же касается юго-востока Европы (украинское направление), то, в отличие от упоминавшихся выше территорий, Бессарабия в п. 3 протокола от 23 августа не была однозначно причислена к сфере советских интересов, ибо Сталин, связав Гитлера пактом о ненападении, тем самым сделал ставку на «преимущества белорусского направления»²²⁴. Почему же к сфере советских интересов в августе 1939 г. Сталин не осмелился присовокупить Литву. Ответ на этот вопрос будет дан чуть ниже. (В 1940 г., по мере охлаждения германо-советских отношений, во внешнеполитических шагах советского руководства стало все явственнее проглядываться предпочтение юго-западному варианту.) Однако заключая в 1939 г. соглашения с Германией, Сталин и Молотов предусмотрели и частично зафиксировали в советско-германских документах оба пути будущей советской экспансии.

Итак, осенью 1939 г., в свете отношений с германским правительством, перед советскими лидерами в качестве первоочередной стояла задача ликвидации лимитрофов, и за осуществление этой задачи советское руководство самым активным образом и взялось. Как подчеркивал Тухачевский, в случае выбора белорусского направления для Красной армии «было бы крайне важно пройти по территории Литвы»²²⁵.

Согласно п. 1 секретного дополнительного протокола от 23 августа 1939 г. северная граница Литвы одновременно являлась границей сфер интересов Германии и СССР. При этом интересы Литвы к Виленской области признавались обеими сторонами. Риббентроп пообещал литовцам вернуть им их древнюю столицу Вильнюс, захваченную поляками в 1919 г. И вот, вопреки зафиксированной в п. 1 секретного

протокола договоренности, Красная армия, осуществив агрессию против Польши, заняла литовскую столицу Вильно и прилегающий к ней район, которые позднее, однако на основании ст. 1 договора от 10 октября 1939 г. между Советским Союзом и Литвой были переданы СССР Литовской республике с включением их в состав государственной территории Литвы²²⁶.

Между тем 20 сентября 1939 г. Гитлер подписал план присоединения Литвы к рейху, а 25 сентября отдал войскам приказ о готовности нанести удар по этой стране. Но в тот же день, 25-го, Сталин через германского посла в Москве Шуленбурга предложил следующее: из территорий к востоку от демаркационной линии все Люблинское воеводство и ту часть Варшавского воеводства, которая доходит до Буга (эти земли были населены этническими поляками), добавить к землям, оккупированным немецкими войсками, взамен на отказ Гитлера от претензий на Литву²²⁷. Это предложение Сталина известный английский историк Алан Буллок объясняет тем, что в августе 1939-го Сталин был уверен в отказе Гитлера дать согласие на присоединение Литвы к советской «сфере интересов», а потому предпочел заручиться получением по временному разделу Польши большей части ее центральных территорий в дополнение к Западной Украине и Западной Белоруссии²²⁸.

Для решения названных проблем в Москву по приглашению правительства СССР 27 сентября 1939 г. приехал министр иностранных дел Германии И. фон Риббентроп. На переговорах, состоявшихся в Кремле 27—28 сентября, со стороны Германии принимал участие также посол Шуленбург. Советский Союз представляли И. В. Сталин, В. М. Молотов и полпред в Германии А. А. Шкварцев.

Договор о дружбе и границе, заключенный Германией и СССР 28 сентября 1939 г.²²⁹, согласно ч. 2 ст. 5 вступал в силу с момента подписания, хотя, как и пакт о ненападении, предусматривал процедуру ратификации (ч. 1. ст. 5), каковая и была осуществлена Президиумом Верховного Совета СССР и рейхстагом Германии 19 октября 1939 г., а 14 декабря в Берлине состоялся обмен ратификационными грамотами.

Под эвфемистической формулировкой преамбулы договора, констатировавшей факт «распада бывшего Польского государства» и провозгласившей в качестве обоюдной задачи германского и советского правительств обеспечение «народам, живущим на этой территории, мирного существования, соответствующего их национальным особенностям», было без обиняков декларировано то территориально-политическое преобразование, которое предусматривалось ст. 2 секретного дополнительного протокола от 23 августа 1939 г.

В статье 1 договора устанавливалась граница между «государственными интересами» обеих стран на территории «бывшего Польского государства». Согласно названной статье, более подробно эта линия подлежала описанию в дополнительном протоколе, каковой и был подписан 4 октября 1939 г. В. М. Молотовым и послом Шуленбургом, действовавшим от имени имперского правительства²³⁰. Как и сам договор о дружбе и границе, во исполнение ст. 1 которого правительства двух стран подписали названный протокол, последний был ратифицирован и Президиумом Верховного Совета СССР, и рейхстагом Германии 19 октября 1939 г., а 14 декабря в Берлине стороны обменялись ратификационными грамотами.

В статье 2 договора о дружбе и границе отмечалось, что обе стороны признают установленную в ст. 1 границу обоюдных государственных интересов окончательной и устраняют всякое вмешательство третьих держав в это решение, причем необходимое государственное переустройство стороны производят каждая в своей зоне (ст. 3). Наконец, договаривающиеся стороны пришли к выводу, что такое переустройство станет надежным фундаментом для дальнейшего развития дружественных отношений между их народами (ст. 4).

У политического обозревателя «Известий» В. Матвеева при анализе действий советского руководства в сентябре 1939 г. возникает ряд вопросов: «Зачем нужно было связывать нашу страну обязательствами «дружбы» с нацистской Германией? Зачем потребовалось объявлять об «искусственности» польской государственности?»²³¹. (Речь Гит-

лера от 6 октября 1939 г. в рейхстаге, где глава Рейха вновь подчеркнул «нежизнеспособность Польского государства», созданного, по его словам, «на костях и крови немцев и русских», без всякого учета исторических и этнографических условий, опять же, без комментариев была воспроизведена советской печатью²³².) Очевидно, что здесь нашло свое выражение давнее недовольство советской стороной Версальским мирным договором и Рижским миром 1921 г., а также память о неоднократно произносившихся в 1922—1933 гг. Германией и Советским Союзом взаимных заверениях в дружбе, главной основой которой являлось наличие общего врага — Польши. Не случайно в беседе с советским военным атташе в Германии генералом Пуркаевым, состоявшейся 5 сентября 1939 г., главнокомандующий сухопутных сил Германского государства Браухич напомнил первому о своей реплике, произнесенной в адрес одного высшего командира РККА в 1931 г. на военных маневрах: «Надеюсь в ближайшем будущем встретиться в Варшаве». Это напоминание было воспринято Пуркаевым как выражение уверенности в силах Красной и немецкой армий, которым несколькими днями позже предстояло совместно «навести порядок» в Польше²³³.

Обменяв Люблинское воеводство и части Варшавского воеводства на территорию Литовского государства²³⁴ и подписав в тот же день с Германией договор о дружбе и границе, советское правительство в основном ограничилось присоединением к СССР славянских «братских народов» — украинцев и белорусов, проживавших на польской территории «чужаками». Однако вопреки устоявшемуся мнению²³⁵, линия советско-германской границы отнюдь не повторяла линии Керзона, выработанной в 1919 г. Верховным советом союзных и объединившихся держав в качестве советско-польской границы. К такому выводу позволяет прийти элементарное сравнение линии, нанесенной на прилагавшуюся к договору о дружбе и границе карту, с линией, изложенной в ноте от 12 июля 1920 г. британским министром иностранных дел Керзоном²³⁶. Подтверждение этому факту содержится и в Заявлении от 11 января 1944 г. о советско-польских отношениях, сделанном советским правительством, где говори-

лось, что «восточные границы Польши могут быть установлены по соглашению с Советским Союзом. Советское правительство не считает неизменными границы 1939 г. В эти границы могут быть внесены исправления в пользу Польши в том направлении, чтобы районы, в которых преобладает польское население, были переданы Польше. В этом случае советско-польская граница могла бы пройти примерно по так называемой линии Керзона»²³⁷. В послании И. В. Сталина от 4 февраля 1944 г. на имя премьер-министра Великобритании У. Черчилля, посвященном польскому вопросу, вновь было повторено, что «мы... не считаем границу 1939 г. неизменной и согласились на линию Керзона (помимо вышепротитированного Заявления советского правительства, Сталиным имелась в виду принципиальная договоренность о послевоенных границах Польши, достигнутая ранее на Тегеранской конференции глав союзных держав. — А. П.), пойдя тем самым на весьма большие уступки полякам»²³⁸.

Несмотря на несовпадение линии, установленной советско-германским договором о дружбе и границе, с линией Керзона, тот факт, что советское правительство ограничило в 1939 г. присоединением к СССР территорий «бывшей Польши», населенных преимущественно украинцами и белорусами, позволило Москве (наряду с другими причинами) избежать недовольства Англии и Франции, чего отнюдь не удалось достичь с подписанием московских соглашений с Германией²³⁹. Учитывая известную тягу поляков к воссоединению, положениями, зафиксированными в германо-советских соглашениях, СССР смог также избежать источника постоянного беспокойства, который мог бы появиться, включи СССР в сферу своих «государственных интересов» исконно польские земли.

В контексте юридического анализа договора о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г. особенно важен вопрос о границах.

Упоминание в преамбуле договора о распаде «бывшего» Польского государства противоречило международному праву, так как военная оккупация (об элементах оккупационного режима на территориях, отошедших в сферу государственных интересов СССР и Германии в «бывшей»

Польше, говорят и обязательства сторон, взятые СССР и Германией с подписанием 28 сентября секретного дополнительного протокола о недопущении польской агитации на территории другой договаривающейся стороны. Согласно этому протоколу, стороны также обязались ликвидировать зародыши враждебной агитации на своих территориях и информировать друг друга о целесообразных для этого мероприятиях²⁴⁰) не ликвидирует государство как субъект международного права. Кроме того, выше уже говорилось, что побежденная в войне Польша не утратила своего суверенитета, ибо ее правительство выехало за пределы страны, так и не подписав акта о государственной и военной капитуляции. И хотя на территориях, переходящих к СССР, проживало в основном украинское и белорусское население, договор, ставший результатом применения силы против Польши со стороны не только Германии, но и Советского Союза, являлся, как нарушающий императивную норму международного права, недействительным с самого начала²⁴¹. Этот вывод полностью относится и к дополнительному протоколу от 4 октября 1939 г. о разграничении государственных интересов СССР и Германии на территории «бывшего Польского государства». Таковыми они и были признаны, хотя и косвенно, в соглашении между правительством СССР и правительством Польской республики о восстановлении дипломатических отношений (по инициативе СССР 25 апреля 1943 г. отношения с польским правительством вновь были прерваны. Советское правительство обвинило эмигрантское правительство Польши в «активном участии во враждебной антисоветской клеветнической кампании немецких оккупантов по поводу «убийства в Катыни»²⁴²) и создании польской армии на территории СССР, подписанном в Лондоне 30 июля 1941 г., где говорилось (п. 1), что правительство СССР признает советско-германские договоры 1939 г. касательно территориальных перемен в Польше утратившими силу²⁴³.

Осенью 1939 г., осуществляя договоренности о территориально-политическом переустройстве на территории суверенной Польши, германская и советская стороны предприняли шаги по присоединению отошедших к ним земель.

5 сентября 1939 г. Молотов дал понять германскому послу в Москве Шуленбургу, что в скором времени Красная армия приступит к действиям в Польше, но уже 4 сентября 1939 г. Политбюро ЦК ВКП (б) приступило к рассмотрению вопросов послевоенного переустройства в Польше. Это решение Политбюро, датированное 4 сентября — 3 октября 1939 г., было оформлено единым Протоколом № 72⁴⁴. В нем предписывалось: «1. Созвать Украинское Народное Собрание из выборных по областям Западной Украины (территория бывших воеводств Станиславского, Львовского, Тернопольского и Луцкого) и Белорусское Народное Собрание из выборных по областям Западной Белоруссии (территория бывших воеводств Новогрудского, Виленского, Белостокского и Палесского).

Эти Народные Собрания должны: 1) Утвердить передачу помещичьих земель крестьянским комитетам; 2) решить вопрос о характере создаваемой власти; 3) решить вопрос о вхождении в состав СССР, т. е. о вхождении украинских областей в состав УССР, о вхождении белорусских областей в состав БССР; 4) решить вопрос о национализации банков и крупной промышленности».

Согласно п. 14 решения Политбюро были организованы Временные областные управления, действовавшие на территориях «бывших воеводств» Восточной Польши в составе двух представителей от армейских организаций, одного — от НКВД и одного — от Временного управления областного города. Согласно п. 6 решения были созданы Комитет по организации выборов Народного Собрания Западной Украины и Комитет по организации выборов Народного Собрания Западной Белоруссии, причем инициативу по созыву Народных Собраний и созданию комитетов поручалось взять на себя Временным управлениям городов Львова и Белостока (именно в этих городах в соответствии с п. 2 решения должно было быть созданы Народные Собрания), и названные Временные управления городов также подлежали включению в состав комитетов. Кроме того, в состав комитетов должны были войти по одному представителю от Временных областных управлений, по два представителя — от крестьянских комитетов, еще по два — от рабочих

организаций и интеллигенции. Для «помощи» в организации выборов в комитеты по организации выборов Народных Собраний вошло по три представителя от президиумов Верховных Советов УССР и БССР.

Ответственность за проведение выборов в областях (бывших воеводствах) возлагалась на Временные управления областей, городов, уездов.

Пункт 8 решения Политбюро ЦК ВКП (б) предписывал вышеназванным оккупационным властям провести избирательную кампанию в Народные Собrania под лозунгом установления Советской власти на территории Западной Украины и Западной Белоруссии, вхождения Западной Украины в состав УССР и Западной Белоруссии в состав БССР, одобрения конфискации помещичьих земель; требования национализации банков и крупной промышленности. По перечисленным вопросам ЦК ВКП (б) Украины (т. Хрущеву) и ЦК ВКП (б) Белоруссии (т. Пономаренко) надлежало подготовить соответствующие декларации, которые должны были быть приняты Народными Собranиями.

«Выборы» в Народные Собrania, состоявшиеся 22 сентября 1939 г. «на основе всеобщего, прямого и равного избирательного права при тайном голосовании», проводились по единственному списку, продиктованному оккупационными властями²⁴⁵, тогда как смысл выборов (по определению) в конституционном праве заключается в том, чтобы выбрать одного из нескольких или даже многих кандидатов. Только при соблюдении этого условия выборы легитимируют власть²⁴⁶.

Кроме того, основываясь на п. 10 упомянутого решения Политбюро ЦК ВКП (б), оккупационными властями была учреждена одна — коммунистическая — партия, и для поддержки социальной и политической революции, которую принесла на своих штыках в Восточную Польшу Красная армия, туда в сжатые сроки откомандировывались тысячи функционеров Коммунистической партии (п. 11—13 решения).

Таким образом, какое бы то ни было реальное народное представительство на выборах исключалось монополией Компартии. Реальное народное представительство на этих

«выборах» не могло быть обеспечено еще и в результате той обстановки, в которой они проводились: несмотря на то что абзац 2 п. 4 решения Политбюро по «Вопросам Западной Украины и Западной Белоруссии» наделял правом выбора в Народные Собрания всех граждан мужского и женского пола, достигших 18 лет, независимо от расовой и национальной принадлежности, социального происхождения, имущественного положения и прошлой деятельности, в результате репрессий по отношению к более зажиточному польскому населению, к бывшим представителям власти, еврейских погромов²⁴⁷, ареста невинных жителей, насильственной массовой депортации местных жителей, прежде всего поляков²⁴⁸, перечисленные категории граждан были фактически лишены права голоса.

Вышеприведенные факты дают нам основание признать избирательный процесс, инициированный и осуществленный в 1939 г. по сценарию ЦК ВКП (б) советскими оккупационными властями на территории восточной части суверенной Польши, нелегитимным.

Как бы то ни было, в результате этих «выборов», как это и было запланировано ЦК ВКП (б), 27 октября 1939 г. была принята Декларация Народного Собрания Западной Украины «О государственной власти в Западной Украине»²⁴⁹, провозгласившая Советскую власть. Аналогичная ей Декларация «О государственной власти» была принята 29 октября 1939 г. Народным Собранием Западной Белоруссии²⁵⁰. В обеих декларациях заявлялось, что Польское государство, являвшееся «тюрьмой народов», «рухнуло». В Декларации «О вхождении Западной Белоруссии в состав Белорусской Советской Социалистической республики», принятой Народным Собранием Западной Белоруссии 29 октября 1939 г.²⁵¹, и в Декларации «О вхождении Западной Украины в состав Украинской Советской Социалистической Республики», принятой Народным Собранием Западной Украины 27 октября 1939 г.²⁵², подчеркивалась огромная роль Красной армии в установлении Советской власти на территории «бывшей» Восточной Польши и содержалось ходатайство о воссоединении Западной Белоруссии и Западной Украины соответственно с Белорусской и Украинской

Советскими Социалистическими Республиками. С принятием Верховным Советом Союза ССР Закона СССР «О включении Западной Украины в состав Союза ССР с воссоединением ее с Украинской ССР»²⁵³ (1 ноября 1939 г.) и Закона СССР «О включении Западной Белоруссии в состав Союза ССР с воссоединением ее с Белорусской ССР»²⁵⁴ (2 ноября 1939 г.) эта просьба была удовлетворена. Однако 31 октября, выступая на сессии Верховного Совета СССР и говоря о воссоединении упомянутых земель с Советским Союзом, В. М. Молотов отмечал, что «перешедшая к СССР территория по своим размерам равна территории большого европейского государства»²⁵⁵. Таким образом, Молотов говорил о воссоединении как об уже свершившемся факте за 1—2 дня до того, как оно было оформлено юридически.

«Ликвидацией исторической несправедливости» назвали эти события советские историки²⁵⁶.

Германия, в свою очередь, также осуществила «территориально-политическое переустройство». На северо-востоке Польши Германия вернула бывшие прусские земли Данциг, Позен, Западную Пруссию и значительную часть силезии. Но аннексированная Гитлером территория, 55 000 с лишним квадратных километров, более чем вдвое превышала ту, которую Германия потеряла по Версальскому договору²⁵⁷.

Оставалась территория в центре Польши, более 60 000 квадратных километров, с городами Варшава, Краков, Люблин, которая была оккупирована немцами, но не присоединена к Рейху. Эта часть Польши, по приказу Гитлера от 12 октября 1939 г., получила название генерал-губернаторства. Статус его долгое время не был точно определен. Официально Генерал-губернаторство называлось «присоединенной землей». Но в конце концов 2 августа 1940 г. было объявлено, что Генерал-губернаторство является составной частью Германской империи²⁵⁸.

Однако если советско-германский договор о дружбе и границе недействителен с самого начала как нарушающий императивную норму международного права, избирательный процесс, осуществленный на территории Восточной Польши после оккупации ее Красной армией, нелегитимен

(а значит, декларации, принятые так называемыми Народными Собраниями, юридически недействительны, следовательно, недействительны и принятые Верховным Советом СССР на их основе законы СССР от 1 и 2 ноября 1939 г.), возникает вопрос: как же в дальнейшем была решена проблема польских границ?

Как уже говорилось, в соглашении от 30 июля 1941 г. между правительством СССР и правительством Польской республики о восстановлении дипломатических отношений и создании польской армии на территории СССР советское правительство сочло договоры с Германией относительно территориальных перемен в Польше утратившими силу.

24 сентября 1941 г. на Межсоюзной конференции в Лондоне советское правительство присоединилось к Атлантической хартии — декларации США и Великобритании о целях войны и принципах послевоенного переустройства мира, подписанной 14 августа 1941 г. Ф. Рузвельтом и У. Черчеллем. В названной декларации провозглашались, в частности, такие принципы, как право всех народов избирать форму правления, при которой они хотят жить, и обеспечение восстановления суверенных прав и самоуправления народов, лишенных этого насильственным путем²⁵⁹.

Польское эмигрантское правительство, представлявшее Польское государство в тех границах, в которых оно вступило 1 сентября 1939 г. в навязанную ему войну, с момента заключения польско-советского договора от 30 июля 1941 г. неизменно придерживалось той позиции, что в вопросе о границах между Польшей и Советским Союзом сохраняется статус-кво, существовавший до 1 сентября 1939 г. Для подкрепления своей позиции польское правительство обоснованно ссылалось на Атлантическую хартию²⁶⁰ и настаивало на применении по отношению к Польше содержащегося в хартии принципа непризнания насильственных изменений границ. Иными словами, польское правительство требовало восстановления границ, установленных Рижским мирным договором 1921 г., грубо нарушенным 17 сентября 1939 г. в результате советской агрессии.

Следует отметить, что союзные державы, к числу которых принадлежал и СССР, аналогичным образом толковали

положения, содержащиеся в Атлантической хартии, что нашло выражение, к примеру, в Декларации об Австрии, подписанной на конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании, проходившей в Москве с 19 по 30 октября 1943 г. В названной декларации союзные правительства, включая — еще раз подчеркнем — СССР, согласились рассматривать присоединение, навязанное Австрии Германией после агрессии, осуществленной последней 15 марта 1938 г., «как несуществующее и недействительное», несмотря на то что 10 апреля 1938 г. на «общегерманском плебисците» австрийское население одобрило присоединение Австрии к Германии. Союзные державы подчеркнули, что они не считают себя «никоим образом связанными какими-либо переменами, произведенными в Австрии после 15 марта 1938 г.». В декларации провозглашалось желание союзников «видеть восстановленной свободную и независимую Австрию»²⁶¹.

Однако применительно к Польше СССР следовать принципу непризнания насильственных изменений границ категорическим образом отказывался и упрекал польское правительство в том, что оно «не хочет признавать исторических прав украинского и белорусского народов быть объединенными в своих национальных государствах»²⁶² (напомним, что, присоединяясь к Атлантической хартии, советское правительство заявило, что применение принципов хартии «...должно будет сообразоваться с обстоятельствами, нуждами и историческими особенностями той или другой страны»²⁶³).

По причинам, изложенным ниже, западные державы также отказывались признать польские права на земли, отошедшие к Польше по Рижскому мирному договору.

Во-первых, линия Керзона, предложенная СССР польскому правительству в качестве послевоенной советско-польской границы, была этнографически обусловлена и получила неоднократное одобрение в 1919—1920 гг. державами—победительницами в Первой мировой войне. Во-вторых, как объяснял 20 января 1944 г. Черчилль на встрече с лидерами поляков в Лондоне, «огромные жертвы и достижения русских армий» в процессе освобождения

Польша дает русским право на пересмотр польских границ²⁶⁴. Эта же позиция была заявлена британским премьер-министром 6 февраля 1945 г. на пленарном заседании Ялтинской конференции союзных держав, где Черчилль вновь счел нужным подчеркнуть (надо отметить, не без предшествовавших этому серьезных колебаний), что «претензии Москвы на линию Керзона базируются не на силе, а на праве» после той трагедии, которую пережил СССР, защищая себя от германской агрессии, и после тех усилий, которые СССР приложил для освобождения Польши²⁶⁵. В-третьих, полякам было обещано расширение западных границ Польского государства путем присоединения к Польше территорий, входивших в Германию. (На этот шаг западные державы решились в Тегеране, тогда еще рассчитывая на создание буржуазной Польши.)

Итак, принципиальная договоренность о послевоенных польских границах была выработана еще 1 декабря 1943 г. на Тегеранской конференции союзных держав. Согласно этому решению «очаг Польского государства должен быть расположен между линией Керзона и линией реки Одер с включением в состав Польши Восточной Пруссии и Опельнской провинции»²⁶⁶.

На Крымской (Ялтинской) конференции главы трех союзных держав договорились, что восточная граница Польши должна идти вдоль линии Керзона с отступлением от нее в некоторых районах от пяти до восьми километров в пользу Польши. Союзные державы также признали, что Польша должна получить приращение территории на севере и западе, о размере которого будет спрошено мнение нового польского Правительства Национального Единства и что, вслед за тем, окончательное определение западной границы Польши будет отложено до мирной конференции²⁶⁷.

Наконец, на состоявшейся уже после окончания войны в Европе Берлинской (Потсдамской) конференции (17 июля — 2 августа 1945 г.) главы трех правительств согласились, что впредь до окончательного определения западной границы Польши бывшие германские территории, расположенные к востоку от линии, проходящей от Балтийского моря чуть западнее Свиномюнде и отсюда вдоль

реки Одер до слияния с рекой Западная Нейса и вдоль реки Западная Нейса до чехословацкой границы, включая ту часть Восточной Пруссии, которая в соответствии с решением Берлинской конференции не поставлена под управление Союза ССР, и включая территорию бывшего свободного города Данцига, должны находиться под управлением Польского государства²⁶⁸.

В дальнейшем нерушимость западной границы Польши получила международно-правовое подтверждение в договорах ПНР с ГДР (1950 г.) и ФРГ (1970 г.), советско-западногерманским договором (1975 г.), а также в Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (1970 г.). Нерушимость существующих границ подтвердила в 1990 г. и объединенная Германия.

Во исполнение решений Крымской и Берлинской конференций союзных держав 16 августа 1945 г. в Москве премьер-министром польского Временного Правительства Национального Единства Э. Осубка-Моравским и наркоминдел СССР В. М. Молотовым был подписан договор о советско-польской государственной границе²⁶⁹, в соответствии со ст. 1 которого государственная граница между Союзом ССР и Польской республикой устанавливалась вдоль линии Керзона с отступлением от нее в пользу Польши в некоторых районах от пяти до восьми километров. Кроме того, дополнительно Польше была уступлена территория, расположенная к востоку от линии Керзона до реки Западный Буг и реки Солокия, к югу от города Крылов с отклонением в пользу Польши максимально на тридцать километров, а также часть территории Беловежской Пуши на участке Немиров—Яловка, расположенной на восток от линии Керзона, включая Немиров, Гайновку, Беловеж и Яловку, с отклонением в пользу Польши максимально на семнадцать километров.

Однако еще четырьмя месяцами раньше, 21 апреля 1945 г., между СССР и Польской республикой в лице Э. Осубка-Моравского и И. В. Сталина в Москве сроком на 20 лет был заключен договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве²⁷⁰, в ст. 2 которого стороны выразили уверенность в том, что интересы безопасности и

процветания советского и польского народов требуют сохранения и усиления в период и после окончания войны прочной и постоянной дружбы, обязались укреплять дружеское сотрудничество между обеими странами в соответствии с принципами взаимного уважения к их независимости и суверенитету, а также невмешательства во внутренние дела другого государства.

В статье 3 стороны обязались и по окончании войны с Германией предпринимать совместно все меры, находящиеся в их распоряжении, для устранения любой угрозы повторения агрессии со стороны Германии или какого-либо другого государства, которое объединилось бы с Германией, непосредственно или в какой-либо иной форме.

Статья 4 договора предусматривала, что в случае, если одна из сторон в послевоенный период окажется вовлеченной в военные действия с Германией, которая возобновила бы свою агрессивную политику, или с каким-либо другим государством, которое объединилось бы с Германией непосредственно или в какой-либо иной форме в такой войне, другая договаривающаяся сторона немедленно окажет договаривающейся стороне, вовлеченной в военные действия, военную и другую помощь и поддержку всеми средствами, находящимися в ее распоряжении.

В статье 5 договаривающиеся стороны обязались не заключать без взаимного согласия перемирия или мирного договора с любой властью в Германии, которая бы посягала на независимость, территориальную целостность или безопасность каждой из договаривающихся сторон.

Согласно ст. 6 договора каждая из договаривающихся сторон обязалась не заключать какого-либо союза и не принимать участия в какой-либо коалиции, направленных против другой договаривающейся стороны.

Наконец, в ст. 7 советско-польского договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве от 21 апреля 1945 г. договаривающиеся стороны провозгласили, что они и после окончания настоящей войны будут сотрудничать в духе дружбы в делах дальнейшего развития и укрепления экономических и культурных связей между

обеими странами и помогать друг другу в восстановлении хозяйства обеих стран.

Говоря о значении названного договора, И. В. Сталин подчеркнул, что оно состоит в ликвидации старой и пагубной как для СССР, так и для Польши политики игры между Германией и Советским Союзом и заменяет ее политикой союза и дружбы между Польшей и ее восточным соседом²⁷¹.

Другую оценку от него услышать было бы невозможно: отныне Польша на несколько десятилетий оказывалась вовлеченной в советскую сферу влияния.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Истоки ситуации, сложившейся на международной арене в 1939 г. и во многом повлиявшей на заключение и содержание советско-германских соглашений, берут свое начало в давнем недовольстве, испытываемом Германией и Советской Россией в связи с Версальским послевоенным устройством 1919 г., в результате которого Польша должна была «сторожить» Германию, потерпевшую поражение в Первой мировой войне, на востоке, а также препятствовать проникновению большевизма из Советской России в Центральную Европу. Кроме того, на внешнеполитические шаги советского руководства, предпринятые им в 1939 г., оказала влияние неудачная для России советско-польская война 1920 г., окончившаяся подписанием 18 марта 1921 г. Рижского мирного договора, согласно которому Белоруссия и Украина лишились своих западных областей, граница которых (восточная граница Польши) была установлена Верховным советом союзных и объединившихся держав 8 декабря 1919 г. и известна как линия Керзона.

Названные обстоятельства и легли в основу советско-германского сотрудничества (прежде всего военного) 1921—1933 гг., противоречившего нормам Версальского мирного договора и осуществлявшегося за спиной у мировой общественности, в результате чего Советский Союз выступил как соучастник противоправной деятельности Германии.

В 1939 г. по инициативе советского правительства СССР и Германии сравнительно легко удалось, несмотря на предшествовавший этому шестилетний период взаимного отчуждения, вернуться к проведению в отношении друг друга прежней дружественной политики, опиравшейся все на тот же фундамент родственных интересов: обоюдное недовольство Польшей и Версалем.

Советско-германский договор о ненападении от 23 августа 1939 г. был заключен с тем, чтобы позволить Гитлеру вторгнуться в Польшу, обеспечив ему при этом тыл на востоке и свободу рук на западе, что означало Вторую мировую войну. Руководство Советского Союза полностью сознавало это.

Вопреки распространенному мнению о том, что советско-германский договор о ненападении представлял собой типичный договор о ненападении или нейтралитете, составленный в классическом стиле (это мнение было выражено также и в постановлении Съезда народных депутатов СССР от 25 декабря 1989 г. о политической и правовой оценке названного соглашения), анализ договора приводит к обратным выводам. Содержание советско-германского пакта заметно расходилось с договорной практикой СССР и нарушало ряд международных обязательств советского правительства. Отсутствие в договоре пункта об автоматическом расторжении пакта в случае нападения одной из сторон на третью державу (такой пункт существовал во всех ранее заключенных Советским Союзом с другими государствами пактах о ненападении), равно как и тот факт, что предусмотренное договором обязательство сторон не оказывать поддержки нападающей державе (обязательство соблюдать нейтралитет) не обуславливалось миролюбивым образом действий партнера по договору, означало возможность германской агрессии против Польши и других стран. Более того, отсутствие в советско-германском пакте о ненападении обычного в договорах такого рода положения о том, что обязательства, вытекающие из ранее подписанных сторонами договоров, остаются в силе, открывало путь для совместной германо-советской агрессии, в частности в отношении Польши.

Позднее по образцу советско-германского пакта о ненападении был построен договор о дружбе и ненападении между СССР и Югославией, заключенный 5 апреля 1941 г. Отказ СССР от включения в договор с Югославией положения о том, что обязательства, вытекающие из ранее подписанных сторонами договоров, остаются в силе, означал, что СССР более не считал себя связанным договорами с Германией, перейдя в стан ее военных противников, каковым являлось в тот период Югославское государство.

Подписание соглашений о дружбе сначала с фашистской Германией (договор о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г.), затем с антифашистской Югославией (пакт от 5 апреля 1941 г.) как нельзя лучше высвечивало истинные цели советского руководства: подталкивать одну воюющую сторону против другой, ослабить и Германию, и Европу, а затем воспользоваться этим в интересах мировой революции.

Упорное и уверенное отрицание в СССР на протяжении сорока с лишним лет факта существования секретных советско-германских протоколов было вызвано тем, что после окончания войны в Европе как советские, так и немецкие подлинники названных договоренностей оказались в Москве и хранились в «Особой папке» ЦК КПСС. Таким образом, Москва оказалась единственным хранителем подлинников секретных советско-германских соглашений 1939—1941 гг., и об этом было известно всем советским лидерам от Сталина до Горбачева. Последний, поставивший свою подпись под постановлением Съезда народных депутатов, где констатировалось, что подлинники протокола от 23 августа 1939 г. «не обнаружены ни в советских, ни в зарубежных архивах», тем самым утвердил заведомо ложные выводы Комиссии Съезда.

Следует также сказать, что подписание в 1939—1941 гг. секретных договоренностей с Германией было всего лишь продолжением ленинской линии на развитие тайного и незаконного советско-германского военного сотрудничества, а отнюдь не являлось «отходом от ленинских принципов внешней политики».

Содержание секретного дополнительного протокола от 23 августа 1939 г., подписанного, как и пакт о ненападении, по инициативе советского правительства и предусматривавшего разграничение «сфер интересов» Германии и СССР, недвусмысленно указывало на то, что в данном случае речь шла о заключении союза для войны. Согласованное в протоколе «территориально-политическое переустройство» могло наступить либо в ходе военных столкновений, либо вследствие захвата и применения силы. При этом подписавшие протокол (юридически несостоятельный и недействительный с момента его подписания, равно как и более поздние секретные советско-германские договоренности, а также договор о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г.) стороны делали ставку на разрушение традиционного, основанного на Версальской системе, политического, территориально-административного и даже социального и этнического строя в расположенных между Балтийским и Черным морями государствах Северной, Восточной и Юго-Восточной Европы. В связи с этим секретный дополнительный протокол от 23 августа 1939 г., как и подписанное Молотовым и Шуленбургом 28 августа 1939 г. разъяснение к этому протоколу, а также секретный дополнительный протокол от 28 сентября 1939 г. об изменении советско-германского соглашения от 23 августа 1939 г. относительно сфер интересов Германии и СССР, носили характер, явно противоречивший обязательствам из подписанного 27 августа 1928 г. всеми основными державами мира, в том числе Германией и СССР, пакта Келлога—Бриана, провозгласившего отказ от войны как орудия национальной политики.

Поскольку международное право не предусматривает ни условного или безусловного, ни полного или неполного нейтралитета, то оказание любой военной помощи одному из воюющих государств (а именно такую помощь оказывало советское правительство после сентября 1939 г. воюющей Германии) несовместимо с данным статусом. Перечисленных в работе фактов достаточно, чтобы опровергнуть миф о нейтральном статусе СССР в период с 1 сентября 1939 г. по 22 июня 1941 г.

Ввод советских войск в Восточную Польшу, последовавший 17 сентября 1939 г., согласно п. 2 ст. 2 Конвенции об определении нападения, заключенной в Лондоне 3 июля 1933 г. СССР с другими государствами, надлежит квалифицировать как агрессию против Польши. При этом с учетом последующих шагов правительств СССР и Германии Советский Союз превратился, по существу, в военного союзника имперского правительства, ибо под военным союзом понимается объединение двух или нескольких государств для достижения политических целей средствами, каковые и были использованы в Польше Советским Союзом.

Наш анализ дает возможность признать СССР и Польшу выступившими в сентябре 1939 г. в качестве военных противников, а действия Красной армии на территории Восточной Польши — как военную оккупацию. При этом Советским Союзом был нарушен ряд положений Рижского мирного договора 1921 г. и советско-польского договора о ненападении от 25 июля 1932 г. Поэтому данное международно-противоправное деяние советского правительства, возникшее в результате нарушения Советским Союзом своих международных обязательств, вытекавших из заключенных им с Польшей договоров и ряда других международно-правовых актов, поскольку оно посягало на основу существования Польского государства и населявшего его территорию народа, подрывало основные принципы международного права и угрожало международному миру и безопасности, следует признать международным преступлением.

Мы пришли к выводу, что между СССР и Польшей в сентябре 1939 г. имело место состояние войны, а значит, оказавшихся во власти СССР, как противника Польши, польских военнослужащих, других комбатантов и некоторых некомбатантов следует признать, вопреки навязанному после 22 июня 1941 г. мнению, военнопленными, режим плена которых, так как начало военных действий даже без объявления войны обуславливает необходимость соблюдения всеми воюющими сторонами норм права вооруженных конфликтов, должен был регулироваться Положением о законах и обычаях сухопутной войны (приложение к IV Гааг-

ской конвенции 1907 г.), ибо участником Женевской конвенции об обращении с военнопленными 1929 г. СССР не являлся. Расстрел более 15 тыс. польских военнопленных офицеров и полицейских, осуществленный в апреле — мае 1940 г. советскими властями, проигнорировавшими нормы названного документа, надлежит квалифицировать как противоправное деяние.

Линия советско-германской границы, установленная договором между СССР и Германией о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г. и более детального регламентированная дополнительным протоколом к нему, подписанным 4 октября 1939 г. (названные соглашения, ставшие результатом применения силы против Польши со стороны не только Германии, но и Советского Союза, являлись как нарушавшие императивную норму международного права недействительными с момента их подписания), отнюдь не повторяла — вопреки еще одному достаточно распространенному мнению — этнографически обусловленной линии Керзона.

Приведенные нами факты позволяют признать избирательный процесс, инициированный и осуществленный в 1939 г. по сценарию ЦК ВКП (б) советскими оккупационными властями на территории восточной части суверенной Польши, нелегитимным, следовательно, сформированные в результате состоявшихся 22 октября 1939 г. выборов (которые, по сути, таковыми не являлись) так называемые Народные Собрания Западной Украины и Западной Белоруссии не были правомочны принимать какие-либо решения, а значит, принятые ими декларации, провозгласившие Советскую власть и содержавшие просьбы о воссоединении соответственно с Советской Украиной и Советской Белоруссией, надлежит признать юридически недействительными, как и принятые на их основе законы СССР от 1 и 2 ноября 1939 г. «О включении Западной Украины в состав Союза ССР с воссоединением ее с Украинской ССР» и «О включении Западной Белоруссии в состав Союза ССР с воссоединением ее с Белорусской ССР».

Многие внешнеполитические шаги советского руководства, последовавшие после заключения советско-германских соглашений и под их непосредственным влия-

нием: совместное с Германией расчленение Польши, агрессия против Финляндии, приведшая к исключению СССР из Лиги Наций, действия сталинского руководства в Бессарабии, Северной Буковине и Прибалтике, — приводили к дальнейшей самоизоляции нашей страны, провоцировали западные страны на военное противостояние с Советским Союзом. Более того, методы, с помощью которых сталинское правительство овладевало территориями, отошедшими к сфере интересов СССР в результате секретных договоренностей с Германией, — методы насильственной большевизации — легли в основу оправдания Гитлером агрессии против СССР, начавшего поход на Восток под лозунгом ликвидации «коммунистической опасности».

Договор о советско-польской государственной границе, подписанный СССР и Польской республикой 16 августа 1945 г., в соответствии с которым советско-польская граница устанавливалась вдоль линии Керзона с небольшими отступлениями в пользу Польши, был заключен во исполнение решений Крымской и Берлинской конференций союзных держав — СССР, Англии и США. Названные решения являлись отступлением от провозглашенного в Атлантической хартии от 14 августа 1941 г. о принципах послевоенного устройства мира принципа непризнания насильственных изменений границ, в соответствии с которым Польша обоснованно претендовала на границы, установленные Рижским мирным договором от 18 марта 1921 г. Такое право на пересмотр советско-польских границ СССР получил в результате заслуг Красной армии в освобождении Польши от немецко-фашистских захватчиков и в качестве компенсации за те огромные людские жертвы, которые он при этом нес. Таким образом, в процессе работы союзных держав над проблемой послевоенных советско-польских границ явственно прослеживается следование известному с древних времен правилу: победителей не судят.

Кейстут Закорецкий

1928-й — «РЕШАЮЩИЙ»

ВСТУПЛЕНИЕ

Этой темой я занимаюсь давно. Специально — с весны 1994-го. Вопросы были и раньше (безответные). И вот из года в год я пытаюсь найти на них ответы. Кое-какие находятя, но общая картинка складывается очень медленно. Многие любители истории тех лет почему-то больше любят обсуждать «технические подробности». Типа боевых плотностей, ресурса правого шатуна или структуры роты танков «Тигр». И отклоняться на что-то другое в этих условиях сложновато. И взаимопонимания не возникает. Однако продолжает существовать некая нематериальная субстанция, которая как бы подталкивает к продолжению работы. Только есть одно неудобство — невозможность на нее сослаться. Не напишешь же в списке источников: «12. *И услышал я голос...*»

Но вот неожиданно пришла вполне материальная помощь. Со званием, должностью и именем-фамилией. И пришла она по электронной почте. Один из читателей прислал ссылку на какой-то сайт в Интернете.

«Опять! Придется вчитываться в очередное «непонимание»!» — подумал я, но для начала вчитался в присланную ссылку. Она была с сайта радиостанции «Эхо Москвы». Там разместили запись интервью с президентом Академии военных наук, профессором, доктором исторических наук, доктором военных наук, генералом армии Махмутом Ах-

метовичем Гареевым. Интервью было записано заранее, а в эфир пошло 9 мая 2009 г. в 12.10 в передаче «Военный совет» рубрики «Военная история. Память о Войне». Ведущий — Сергей Бунтман.

Откровенно говоря, вчитываясь в запись я начал без особого энтузиазма. Поскольку предполагал в очередной раз встретиться с очередными сетованиями на разные «фальсификации». Нечто похожее и попало, хотя в этот раз их набор был каким-то очень уж «специфическим». И вдруг.. я не поверил своим глазам! Вдруг я прочитал нечто такое, что для начала надо повторить цитатой:

М. ГАРЕЕВ: Мы еще как следует не разобрались, почему так все произошло в 1941 году.

С. БУНТМАН: То есть, собственно, июнь, да?

М. ГАРЕЕВ: Да. Это неизученный вопрос. Я настаиваю, что никакие историки ответа не дадут. Надо, чтобы в создании нового труда участвовали государственные органы. Например, ответить на вопрос, что по-настоящему произошло в 1941 году, могут только Генеральный штаб, Министерство иностранных дел и КГБ (ФСБ сегодня).

С. БУНТМАН: Со своими документами и архивами.

М. ГАРЕЕВ: Зачем историк должен выпрашивать у них — дайте такие-то документы. Пусть хоть для себя через 65 лет разберутся и представят картину, почему все так происходило.

С. БУНТМАН: Картина дипломатическая, разведывательная, государственная.

М. ГАРЕЕВ: Конечно. Я думаю, что наиболее изученными у нас остаются операции 1944—1945 гг.

«Вот оно!» — подумал я.

Картина ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ, РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ, ГОСУДАРСТВЕННАЯ!

Ну конечно! А как же иначе?

Именно!

Например, на моем форуме в Интернете в эти же дни возникла тема про малоизвестную битву в 1941 г. под названием «Кто слышал о танковом сражении под Сенно?». Написал «Борис»:

— Я впервые услышал где-то в 1957 году, когда отец мой покойный, земля ему пухом, привел домой друга, еще с войны, обгоревшего танкиста; они выпивали за что-то — я не помню, но помню, что несколько раз поминали ребят, погибших под Сенно...

Я почему запомнил: я посмеялся (да простят меня они — павшие...), мол, погибли под сеном, но получил подзатыльник и вылетел во двор — за дело...

А тут довелось прочитать в Интернете вот эту статью: «Сергей Буткевич. Танки горели, как свечи».

В сражении под Сенно участвовало вдвое больше танков, чем под Прохоровкой.

...

6 июля 1941 г. войска 20-й армии, которой командовал тогда генерал-лейтенант П.А.Курочкин, предприняли контрудар из района Орши по войскам 3-й танковой группы немцев. В контрударе участвовали 7-й и 5-й танковые корпуса, которые имели около 1 тысячи танков. Примерно столько же машин имела и 3-я танковая группа противника...»

Так вот, разбор хода битвы — это одна тема. Но есть и другая, которой мало касаются историки. Реальная атака 7-го и 5-го танковых корпусов — это «верхушка айсберга». Чтобы танки двух корпусов могли пойти в атаку, их предварительно надо было сформировать, вооружить, снарядить боеприпасами и прочим довольствием. А чтобы выдать им танки, их должна была изготовить промышленность. И это все время, и немалое. А еще раньше должна была возникнуть какая-то теория под идею создать подобные боевые соединения. Кроме того, чтобы 7-й и 5-й танковые корпуса могли пойти в настоящую атаку в настоящей войне, должен появиться реальный противник. Но любая война возникает, если не договорятся дипломаты/политики. И все эти «мероприятия» за день-два тоже не происходят. Требуется длительный срок. И потом, а куда смотрит разведка? Если видна угроза нападения, то разведке просто обязаны были поставить задачу отслеживать действия возможного противника и искать дату и направления его будущих ударов. А если такую задачу не поставили, то это означает, что ощущения угрозы не было. Но какие-то задачи разведка должна

была отрабатывать? Какие? Вот и получается, что действительно «корни» надо искать в дипломатии, в разведке и в государственном управлении. А не только в ресурсе правового шатуна или в длине пушки в калибрах. Они тоже важны, но не главные.

А коль сам президент Академии военных наук заявляет, что «картинка» до сих пор не исследована, то остается два варианта: или дожидаться, пока исследуют, или, не дожидаясь, попытаться выяснить ситуацию как-то иначе. Ибо ждать придется долго. Вряд ли все эти «незаинтересованные организации» быстро о чем-то между собой договорятся. Хотя попутно может и вопрос возникнуть: а чем же занимаются штатные военные историки в рабочее время за зарплату? Или им кто-то «сверху» спускает какие-то другие задачи?

Но не будем настаивать. Не могут, значит, не могут. Мешает им что-то. Очень непреодолимое. Тратить время на выяснение отношений — это тема длинных телесериалов. А коль сам президент Академии военных наук не видит возможности решения этой проблемы только историками (в том числе своими подчиненными), то никто не запрещает заняться этим делом любому заинтересованному. Тем же очень нетерпеливым любителям. Вот с благословения Махмута Ахметовича можно и попытаться.

О ПОИСКАХ «ГЛАВНОГО»

Но на что же обратить более пристальное внимание в этот раз? Может, на «главное»? Как там ехидничают борцы с фальсификацией, обращаясь к обсуждению книг Виктора Суворова? *«Так в главном же он прав!»* Остается определить, что же оно из себя представляет.

Главный вопрос: как же так получилось, что враг смог не только напасть неожиданно, но и пройти тысячи километров? И почему перед «обратным броском» потребовалось понести столько потерь? Если спустя год боев и страшных лишений наконец-то нашлись силы, которые смогли остановить врага, а потом и повернуть его вспять, то куда они подевались в самом начале?

И что означает само понятие «силы»? Вот некоторые предлагают аллегории. Одну сторону сравнивают с пионером — юным любителем, которому до профи — аса еще расти и расти. А другой стороне отводят роль готового боксера — Тайсона. Который, дескать, уже давно набрал мастерский класс. Корректно ли сравнение?

Вряд ли. Но на ровном месте такая аллегория возникнуть не может. Что-то ее должно «питать». Например, давно кочующее по разным изданиям объяснение, что в июне 1941 г. связи не было. В первую очередь радиостанциями. Действительно, в мотомеханизированной войне при большой динамике мотать телефонные кабели как бы не всегда удобно. Рации в этом плане более полезны. Но, говорят, в июне 1941 г. раций в армии было мало. А если и были, то еще вопрос, как ими пользовались. Тем более что рациям нужны батареи или аккумуляторы. Это сейчас их можно купить почти в каждом подземном переходе. А тогда? И особенно в поле-лесу? Сядут аккумуляторы — и рация превращается в бесполезный тяжелый груз.

Но так ли это?

Знакомство с перечнем выпускавшихся до июня 1941 г. средств связи и военных учебников по подготовке солдат-связистов показывает, что технически связь была. Вплоть до боевых почтовых голубей. Кстати, в национальном музее Великой Отечественной войны города Киева выставлен приказ немецких властей времен оккупации уничтожить всех голубей в городе и прекратить их содержать (кто содержал на чердаках). Есть там еще один экспонат — портативная переносная динамо-мини-электростанция с ручкой. Крутишь — и получай ток для рации. Или для приемника «Телефункен». А чтобы не было перерывов в подаче тока, на такую станцию можно выделить двоих бойцов (или даже бригаду). Пока один крутит, другие отдыхают. И никакие зарядные станции типа ПЗС-3-У на базе ГАЗ-ААА не нужны (см. «Руководство по походным зарядным станциям (ПЗС)», Воениздат, 1940). Выставлена такая «ручная» станция в зале про быт партизан. Значит, у партизан в лесу источники тока были, а у профи-армии с ее зарядными станциями — нет? Странно как-то.

Однако некоторые историки предлагают как бы «забыть» и про станции ПЗС-3-У, и про передвижные обувные мастерские, и про массу другого всего прочего, что перечислено, например в длинных таблицах февральских 1941 г. предложений Генштаба по мобилизации армии. Вот только тогда при этих условиях и можно говорить, что армия не была профессиональной и ее вполне можно сравнить с пионером—начинающим любителем. И предлагать другие варианты объяснений аналогичного типа. В прошлом они выглядели вполне как бы логичными: *«не успели...»*, *«вовремя не развернулись по боевому штату...»*, *«не закончили реорганизацию...»*, *«враг напал неожиданно...»*, *«и хотя угрозу вражеского нападения видели и вовсю готовились, но в полной мере подготовиться не смогли...»*.

Действительно, если не успели подготовиться, то ни о какой хорошей обороне речь идти не могла. Вроде бы логично. Вот только где-то в душе оставался «червяк» даже не сомнения, а большого сожаления о том большом количестве потерь в людях, технике и времени. Неужели нельзя было их резко уменьшить? Что же помешало? И «червяк сомнения» оставался.

И вот в конце 80-х нашелся один писатель, который к этим вопросам добавил уточнения: *«не успели...»* [а кто-то помешал?]. *«Вовремя не развернули по боевому штату...»* [на угрожаемой территории никто не воспрещает более полно развернуть войска заранее]. *«Не закончили реорганизацию...»* [извините, армия обязана быть готовой к обороне от нападения в любое время — хоть с реорганизацией, хоть без]. *«Враг напал неожиданно...»* [а разведка за что зарплату получала?] *«И хотя угрозу вражеского нападения видели и вовсю готовились, но в полной мере подготовиться не смогли...»* [если видели угрозу, то почему враг напал неожиданно?]. И так далее.

А действительно, так ли уж полно объясняют случившееся те объяснения? Может ли случиться одно, а объяснения даются про нечто другое?

Могу предложить вариант.

СКАЗОЧКА ПРО БОЛЬШОЙ ДОМ

Допустим, жил-был себе в одной стране, в одном городе один Большой Дом. И пришла в него угрожающая весть, что в скором времени возможно наводнение. И стали его жильцы срочно к наводнению готовиться. И много чего сделали.

В частности:

1) Купили большой тримаран, многослойный корпус которого отлит из эпоксидной смолы. (Тримаран лучше обычной лодки, так как обычная лодка может перевернуться, если встать на ее борт или через него затаскивать груз.)

2) Заказали помпы по откачке воды. Много помп. И разместили их в одной большой комнате.

3) Купили очень большую канистру бензина для мотопомп, мотора тримарана и для других нужд. А также очень большую канистру керосина для керосинок. И поставили их в другой большой комнате.

4) И пригнали рать экскаваторов и бульдозеров прокопать обводной ров для отвода воды. И насыпать разные насыпи.

5) Да заготовили лопат, которые поскладировали в той же комнате, что и мотопомпы.

6) Да понасыпали насыпей, понакопали каких-то рвов. И замуровали дыры в фундаменте.

Короче, успели провести определенную подготовку, но не всю. Не везде через ров восстановили дорогу, не довели до ума насыпи, не подучили персонал работе с помпами и лопатами. Не назначили часовых (в очередь) бдить начало наводнения. Думали, что время еще есть.

Но вдруг внутри Дома однажды под утро случился пожар. Огонь сразу затушить не смогли. Кто проснулся, сразу не понял, что происходит. А огонь добрался до комнаты с канистрами бензина и керосина. Ну и все это ка-а-а-а-к полыхнет!

Народ начал выскакивал из Дома, в чем был. Тушить дальше организованно не получилось. Кто смог дотянуться до огнетушителей, тот пустил их в дело. Но часть из них оказалась просроченной, часть заперта в чуланах, остальных оказалось оч-ч-ч-ень ма-а-а-ло.

И лопат СНАРУЖИ тоже оказалось мало (так как все это было размещено внутри, которое полыхало «гори-горясно»).

И помпы пропали внутри, так как быстро вытащить их все не смогли. Пришлось кидать землю на огонь чем попало, детскими лопатками, руками, а кто-то догадался еще и распилить-разломать Тримаран на куски. И приделать к тем кускам палки. Вот ими и кидали землю. И экскаваторы пригодились — их стрелы с ковшами на гидроприводах использовали как подъемники. И бульдозеры в дело пошли — к ним сзади на крюк цепляли бады, на которых к огню подтаскивали канистры с водой от соседней речки. И долго пытались дозвониться до пожарников. Местный телефон не работал — экскаватором повредили кабель. Мобилок тогда не было. Пришлось посылать гонца сначала пешком, а потом общественным транспортом.

Но он задачу выполнил. Донес весточку до пожарных. И вот через много часов к Дому подъехали пожарные машины. Но сначала к самому огню они подойти не смогли, так как рвы и насыпи помешали (на которых не успели мосты перекинуть). Пришлось время тратить на наводку понтонов.

И вот в конце концов понтоны навели, пожарники доехали, огонь потушили. И вышел вперед Главный Пожарник и задал вопрос: а почему так произошло? Разве к пожару этот Дом не готовился?

И вышел к нему Главный из жильцов и стал объяснять, что они только к пожару и готовились...

Но посмотрел Главный Пожарник на результаты, спрашивал у свидетелей, и возникло у него много вопросов. Но Главный из жильцов стоял на своем — **МЫ ГОТОВИЛИСЬ ТОЛЬКО К ПОЖАРУ !!!** Только, дескать, к нему. Без вариантов!

Но не дали Главному Пожарнику провести расследование. Разные новые дела отвлекли. Пришлось ему срочно уехать на совещание к Высшему Начальнику.

А Большой Дом (то, что от него осталось) остался. И вот жителям (кто остался) надо было как-то объяснять, как же так все это произошло? Разве нельзя было избежать такой трагедии? Лучше подготовиться?

И вот начали создаваться «Самые Важные Объяснения Большого Пожара». А также многочисленные «Воспоминания...» («Как мы тушили Большой Пожар»). И в них красной нитью проходила мысль, что жильцы Дома все свое время перед Большим Пожаром только и делали, что готовились к нему не покладая рук, не жалея времени и отказывая себе в повышении жизненного уровня.

В частности, как пример подготовки именно к Большому Пожару упоминалась заготовка большого количества водяных помп. И при этом особо подчеркивалось, что не бывает помп только для борьбы с наводнением или только для борьбы с пожарами. Помпа — она универсальна. Главное, куда опустить заборный шланг и куда направить выводной. Но, к сожалению, судьба Дому оставила очень мало времени, потому построить хорошие ВНЕШНИЕ склады для помп к Большому Пожару не успели. Успели только выкопать котлованы под них предусмотрительно согнанными экскаваторами. И бульдозеры тоже не бывают только противопожарными или только противонаводнительными. Инструмент и рабочая техника всегда универсальны. ВСЕГДА!

А также ВНЕШНИЕ склады для бензина и керосина тоже не успели построить до Большого Пожара. Успели только вырыть котлованы и сделать насыпи вокруг. Потому пришлось бензин и керосин хранить внутри Дома. Конечно, это было рискованно. Но были надежды, что Большой Пожар если и возникнет, то не раньше чем через год. Потому решили рискнуть, но риск, к большому сожалению, не оправдался.

А вот причину заготовки Тримарана историки Дома старались не обсуждать. Но потом возникли мемуары бывшего заместителя Председателя Домового Комитета, в которых выдвигалась гипотеза, что Тримаран был привезен по заказу одного из жильцов со второго этажа. И дескать, на нем этот жилец планировал двинуть в туристический поход, услышав провокационные слухи о возможном наводнении.

В конечном итоге во времена, пока еще были живы некоторые участники тушения Большого Пожара, эти объяснения принимались всеми жильцами как вполне правдивые

и откровенные. Разве что иногда кое-кто на кухне позволял себе критические замечания к некоторым абзацам.

Прошло время, Дом отстроился заново, страсти поутихли. Но вдруг одного жильца очень заинтересовала история Тримарана. Он нашел пенсионера, который за бутылкой хорошего «Мартини» проговорился, что Тримаран готовился вообще-то для Большого Наводнения, слух о котором в то время затмил все другие темы в жизни Дома до Большого Пожара. И якобы и экскаваторы, и помпы, и рвы, и насыпи срочно возводились именно в ожидании Наводнения, а вовсе не для Большого Пожара. О Пожаре тогда мало кто думал. Надеялись, что воды будет валом — любой пожар смоем. Потому и огнетушителями толком не занимались. Зачем? Большого Пожара никто не ожидал, а для малого, как были уверены, имевшихся огнетушителей вполне должно хватить. И бензин с керосином потому и хранили внутри Дома, так как это был «Запас для периода Ненастья».

Но такое объяснение не устроило некоторых жильцов, которые уже привыкли к ранее созданным объяснениям. И вместо более углубленного поиска фактов и логических стыковок жильцы поделились на «наводнителей» и на «антинаводнителей». Вторые очень активно, рьяно и невзирая ни на что, стояли на своем — Дом в то время готовился только к Большому Пожару, а вовсе не к какому-то Наводнению, которое ими было объявлено абсолютным враньем и выдумкой (тем более что потом Наводнения в реальности так и не возникло).

«Где ваше хваленое Наводнение, а? — вопрошали они. — Слухи это все, вранье и бред!»

Борьба некоторое время шла с переменным успехом. Но вот в печати промелькнули фрагменты из каких-то проектов по подготовке к Наводнению. Это опять разожгло интерес к давней истории.

Но так как окончательное решение Домового Комитета не было принято, то проблема домовой истории так и осталась неуточненной. И попеременно возникали споры то там то сям, иногда заканчиваясь даже рукопашными «доказательствами».

Так и беседовали долгие годы.

ПРОБЛЕМЫ ПОПЫТОК ОБЪЯСНЕНИЯ

Но может возникнуть и организационный вопрос: в чем проблема, если достаточно поднять документы в архивах, разложить их по датам и получить ответ, кто к чему готовился! Для чего какие-либо споры? Действительно, на первый взгляд проблемы вроде бы не существует. Даешь документы!

Но оказалось, что не все так просто.

В дискуссиях любителей истории Второй мировой (особенно на форумах в Интернете) можно заметить специфическое отношение к документам. Нельзя сказать, что их требуют всегда и везде и только обмениваются цитатами. При таком подходе ничего «специфического» не было бы. Отношение было бы простое и всем понятное: есть документ из архива? Проходи! Нет документа? Извините, о чем тогда разговор? Все равно настаиваете? Без вопросов! Но сначала будьте-ка так добры, сходите-ка в... э-э-э... например, в ЦАМО, найдите там документ, тогда и поговорим.

Но дело в том, что есть вопросы, под которые нормальные документы до сих пор не найдены. Причины разные. Вплоть до того, что плохо искали. Или не там. Или даже не пытались. Или те, которые уже давно сожгли (в присутствии двух свидетелей).

И как быть в таком случае? Обсуждать? Строить гипотезы? В смысле, фальсифицировать? Или сразу назвать такое обсуждение «альтернативной историей»? Но тогда это уже не реальность. Фантазии — оно и есть выдумка. Поэтому те же любители в тех же дискуссиях подобных вопросов все же касаются. Иногда очень даже с пылом-жаром. И при этом совершенно не стесняются сочинять нечто похожее на правду, но все же фантазии. То есть не без риска увести беседу в непонятную сторону, далекую от темы. Однако у некоторых «червяк» остается. Они все норовят до чего-то там докопаться, невзирая ни на что. Остается не сбиться с пути. А чтобы не сбиться, для начала хотелось бы коснуться некоторых моментов теории («как гласит наука»). Ибо она гласит, что реальное объяснение для неожиданного события должно разделиться на две большие части:

— сначала того, к чему и как готовились;
— а потом — как выкручивались, оказавшись в совершенно неожиданной ситуации, которую в планах не учитывали.

Про второе — разговор отдельный и долгий. В данной статье хотелось бы остановиться на первой ситуации (о событиях до 22 июня 1941 г.). Причем как бы «в основном».

И здесь оказывается, что важны не только события последних предвоенных месяцев. Любое из них «просто так» на «пустом месте» возникнуть не могло (чисто технически). Вот, например, история мехкорпусов. Любители истории периодически касаются этой темы. И пытаются поточнее рассмотреть, какие из них были укомплектованы полностью, какие не полностью, а у кого были только штаб и десяток «устаревших» танков. И мало кто касается вопроса «а зачем?».

Зачем они вообще были нужны? Для чего создавать массу мехсоединений разной степени укомплектованности? Под какую теорию их создавали? Когда она возникла? Какую роль все это играло в планах страны? Только ли для обороны от неожиданного нападения противника? Но если именно под эту идею они и готовились, то почему в момент реального нападения все это не сработало? Потому что враг напал раньше? Радиостанций не хватило? Аккумуляторы сели? Извините, а разве дату нападения надо было согласовать с противником заранее? Или ее определяли гаданием на картах?

Ладно, допустим, враг напал. Его удачно отбили и сами перешли в наступление, загоняя врага в «котлы» один за другим. И для этого советский Генштаб к январю 1942 г. и планировал собрать танковый парк под 32 тысячи танков?

Заманчиво. Но, во-первых, был бы враг. А если его не будет? Кого тогда окружать? А во-вторых, 32 тысячи танков разных моделей за один день никак не изготовить. И не за один год. Мало того, что их надо сначала придумать. Потом надо наладить их производство, развезти по учебным заведениям и обучить массу людей ими управлять. И еще много чего надо изготовить в дополнение к ним. Одни танки в атаку пойти не могут. Им нужно обеспечить прорыв фронта

пехотой при поддержке хорошей артиллерии. И прикрыть хорошей авиацией. И все это тоже надо придумать, изготовить, развезти, научить сначала учителей, потом экипажи/расчеты/взвода, накопить запасы. А это все тоже требует серьезного времени. Причем нельзя все это осуществить хаотически чисто случайно без какого-либо общего стратегического плана. Никак!

Но сколько может потребоваться лет?

Если по-нормальному, то не менее десяти.

«МГНОВЕНИЯ» ДЛИНОЙ В 10 ЛЕТ

Вот, например, история создания 122-мм корпусной пушки «А-19» периода Второй мировой войны. Почему «корпусной»? А это от слова «корпус» — войсковое соединение выше дивизии. То есть она рассчитывалась для решения серьезных задач. Но на ее создание, испытание, доработку и модернизацию ушло более десяти лет. Задание на новую корпусную пушку в СССР возникло в 1927 г., чтобы чем-то заменить старую систему образца 1910 г. Время идет, стволы портятся и требуют замены. Заменять их можно или выпустив такой же образец, или создав какую-то другую модель. Вот в январе 1927 г. и решили создать нечто посовременнее. Два года проектировали в Москве, потом передали задание заводу в Перми. Еще два года ушло на изготовление опытного образца. Через год испытаний доработку поручили КБ московского завода № 38. Оно присвоило этому оружию индекс «А-19» и в 1933 г. выдало исправленные чертежи, которые отправили на сталинградский завод «Баррикады» для изготовления опытной серии из трех орудий. Завод сделал их лишь к марту 1935 г. Еще год ушел на войсковые испытания на Лужском полигоне. После чего 13 марта 1936 г. орудие было официально принято на вооружение РККА под наименованием «122-мм корпусная пушка образца 1931 г.». Выпускалась она на нескольких заводах, в первую очередь на сталинградской «Баррикаде».

Но в процессе эксплуатации у нее выявилась «ахиллесова пята», связанная с подъемным механизмом, который часто заедал. В 1937 г. по предложению руководителя КБ завода в

Мотовилихе Ф.Ф. Петрова ствол «А-19» наложили на лафет 152-мм гаубицы-пушки МЛ-20, и получилась новая «модернизированная» артсистема образца 1931/37 гг. Она оказалась более удачной. Ее ствол мог задирааться гораздо выше — до 65 градусов, а не до 45, как у прежнего варианта. И вот уже это усовершенствованное орудие и явилось одним из самых точных и дальнобойных орудий того времени и использовалось на всех фронтах Великой Отечественной войны совместно с пушками «А-19» более ранних выпусков.

Другими словами, «мгновенно» никогда ничего не получается. На все требуется какое-то время. И на создание новых пушек, и на создание новых самолетов и танков. Кстати, насчет последних. Хотя уже опубликовано много разных материалов по их истории, но до сих пор остаются спорные моменты. В частности, по танку «А-20». Известность он получил после того, как Виктор Суворов перевел этот индекс как «автострадный». Однако некоторые историки (в частности, Михаил Свиринов) заявили, что такое объяснение совершенно неправильно, так как якобы найден приказ бывшего «Наркомтяжпрома», который как бы вводил единую «однобуквенную» систему индексов для разных заводов. Вот в связи с ней (якобы) харьковскому паровозостроительному заводу № 183 и выдали индекс «А», под которым он и создавал разные свои изделия — танки, сеялки, вагоны и паровозы. Но если повнимательнее вчитаться в опубликованный текст этого «приказа», то сразу же бросится в глаза то, чего там нет. А нет там архивно-учетного номера. Этих самых номеров «дела», «описи» и «страницы». И названия архива. Странно. Меня учили, что историк должен не только найти новый факт, но дать ему объяснение и ввести в научный оборот. Текст «единого приказа» как бы найден, в оборот запущен, но... А где его нашли? Как же без архивно-учетных номеров делать ссылку на этот «приказ»?

Никак. Но годы идут, а номера не появляются. И что делать? Согласиться с существованием этого документа «просто так»? Или провести свое расследование? Если самому что-то поискать, то, как показано выше, индекс «А-19» пушке калибра 122 мм в 1933 г. присвоили не на ХПЗ, а на заводе № 38 в Москве. И это приводит к возникновению

предположения, что «единый приказ» — выдумка. Когда я разместил эти рассуждения в Интернете, один активный сторонник «единого приказа» предположил, что на заводе № 38 присвоили индекс «А-19» именно потому, что предполагалось потом передать чертежи в Харьков. Возможно. Но почему реально передали в Сталинград? Что-то «не сложилось»? Иногда бывает.

Но извините, тогда во всех описаниях истории пушки «А-19» про это где-нибудь да упомянули бы. Дескать, хотели передать в Харьков на ХПЗ, но что-то не сложилось. Но такого упоминания нигде нет.

Затем появилось объяснение, что индекс «А» выдавался КБ Всесоюзного оружейно-арсенального объединения (ВАО) всем пушкам, которые он проектировал. Хорошо, допустим, с орудием разобрались. Но откуда тогда взялся индекс «А» для ТАНКА?

Кроме того, есть вопрос к датам. Индекс «А-19» на заводе № 38 присвоили в 1933 г. А индекс «А-20» на харьковском заводе возник не ранее октября 1937. То есть через ЧЕТЫРЕ года. Но разве на ХПЗ за это время никаких новых изделий не создавалось? Никаких тракторов, вагонов, сеялок? И вообще, какова история «Наркомтяжпрома» («НКТП»)? Кто кому тогда подчинялся?

Оказывается, что до 1932 г. этого наркомата вообще не было. Был СНК СССР (Совет Народных Комиссаров — то есть правительство). Но промышленность развивалась, возникали новые заводы, вести учет с примитивной счетной техникой в те годы без компьютеров в рамках одной «конторы» становилось все труднее и появилось решение создать дополнительную управляющую структуру — наркомат «тяжпром» (НКТП). Он руководил заводами машиностроения с января 1932 г. по август 1937-го. Потом из него выделили «Наркоммаш», а затем в феврале 1939 из него создали «Наркомсредмаш». Таким образом получается, что в октябре 1937 г. ХПЗ № 183 подчинялся не НКТП, а НКМ. Но можно возразить, что «единый приказ» мог продолжать действовать. Допустим. Но почему тогда другие заводы создавали свои «машины» не по однобуквенным индексам? Например, Кировский завод в Ленинграде разрабатывал

танки, имевшие различные наименования — СМК, КВ, Т-100. Причем если КОЛЕСНО-ГУСЕНИЧНЫЙ «А-20» так и остался «А-20», то чисто гусеничный «А-32» почему-то переименовали в «Т-32».

И были уточнения в названиях по методу использования. Например, Кировский завод и завод № 174 в том же Ленинграде разрабатывали танк «Т-126СП» («СП» — «сопровождение пехоты»). Предпочтение было отдано танку завода № 174 (который позднее переименовали в Т-50).

Заметим: индекс «Т» применялся на разных заводах так, как будто «единого приказа» ни было.

Итак, получается, что НКО в конце 30-х годов выдал задания разным танковым КБ. При этом класс некоторых танков определялся в их названии: «БТ» — «быстроходный танк», «СП» — «сопровождение пехоты» и «А-20», который никак не расшифровывается, а вместо расшифровки предлагается странная история с каким-то «единым Приказом» по Наркомтяжпрому, который с конца лета 1937 г. вообще перестал заниматься изготовлением моторной техники. Причем если вчитаться в задание АБТУ, то окажется, что в нем речь шла про танк «БТ-20» (то есть опять же про «быстроходный»). И каким-то странным образом число «20» совпало с очередным номером на ХПЗ! То есть последним на тот момент на этом заводе должно было быть создано какое-то изделие с индексом «А-19» (очередной паровоз, бульдозер или какой-то станок). Кстати, паровозы имели свою индексацию, причем, как правило, из двух букв, например «Ов» («Овечка»). Но каким-то образом в АБТУ узнали о последнем номере изделия на ХПЗ — «19». Может быть, так: кто-то из АБТУ звонит директору ХПЗ и просит узнать последний номер проектируемого у них изделия и перезвонить им. Допустим.

Директор выяснил, перезвонил и сообщил, что последний «внутренний» номер у них — бульдозер «А-19».

— *Отлично!* — ответили из АБТУ и добавили: — *Передайте КБ, чтобы они номер «20» не трогали, мы его займем!*

— *Хорошо, передам!* — ответил директор.

И вот при подготовке техзадания танковому КБ ХПЗ в АБТУ так и написали: «спроектировать БТ-20» (который

«внутри завода» почему-то «естественно» получил индекс «А-20»).

Остается согласиться? И забыть про пушку «А-19», которая создавалась с 1933 г. на других заводах других городов? Но забыть нельзя, и возникает противоречие. Снять которое можно только одним способом — предположив, что «единого приказа» не было, то есть что он является мифом и фальсификацией. И смысл танкового индекса «А» опять повисает в воздухе.

Но отвлечемся от индексов и обратим внимание на то, что любая серьезная техника до массового использования проходит большой срок проектирования, испытания, производства и обучения. Вот и про танк «Т-34» в начале войны так и говорят: «Не УСПЕЛИ!» И добавляют, что только он якобы и мог оказать реальное сопротивление в начавшейся летом 1941 г. войне СССР с немцами. И при этом практически полностью стараются проигнорировать суть процесса создания танков и ради чего (под какую теорию) они создавались.

И в заключение краткого упоминания истории создания А-20 и Т-34 опять можно отметить факт длительного процесса создания удачных моделей танков. Без почти 8-летнего опыта проектирования, изготовления и эксплуатации в войсках танков серии БТ не было бы А-20, а затем и Т-34 (через А-32). А если учесть время на устранение недостатков первых Т-34, то надо признать, что на его появление ушло под 10 лет работы специально созданного КБ с выделенными заводскими мощностями.

О ГЛАВНОМ ЛОЗУНГЕ ТОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ

Но к июню 1941 г. Т-34 в больших количествах изготовить не успели. А как же остальные ранее выпущенные промышленностью танки? Разве они никакой роли для обороны страны сыграть не могли? Но ведь для какой-то цели они же создавались? Для чего-то ведь на их производство тратились огромные средства и рабочие человеко-часы! Где искать ту теорию? В каком году она могла возникнуть? Есть

предположение, что на рубеже 20-х и 30-х годов. То есть примерно за 10 лет до начала войны.

В начале 2009 г. издательством «Яуза» была издана книга Дмитрия Винтера «Почему Сталин проиграл Вторую мировую войну?». В ее главе XLIV («ИСТОРИЯ ВОЙНЫ, КОТОРАЯ БЫЛА») тезисно приводится содержание 20 томов возможного «правильного» проекта «Истории Второй мировой войны». И советуется начать объяснение задолго до июня 1941-го. В частности, для второго тома предлагается название «Ледоколы (1930—1934)» и краткая аннотация:

«В это пятилетие необходимо было провести коллективизацию и индустриализацию, иначе воевать нечем было бы. Но главное — надо было создать «ледоколы» для развязывания войны чужими руками. Надо было помочь Гитлеру прийти к власти, ну и помочь Германии по части подготовки к реваншу резко усилить. И с Японией отношения надо было налаживать — ее уже тогда прочили на роль дальневосточного ледокола».

Можно, конечно, по этой классификации и подискутировать. Но мысль интересная — насчет роли 1930—1934 гг. В которые не только создавались «ледоколы», но как оказывается, тогда же активно развивалась теория ведения войны по-новому — «мотомеханизованно». Под которую и налаживали конвейерное производство разных танков, пушек, грузовиков, самолетов. Причем историки и об этом вспоминать не торопятся. Не стремятся обращать внимание на то, что события конца 30-х — самого начала 40-х годов в СССР имели более ранние «корни». Лет на десять раньше. Причем как покажет дальнейшее повествование, период 1930—1934 гг. выбран неправильно. Точнее будет начать с 1928 г.

Хотя, конечно, с одной стороны, перечень фактов про то время как бы имеется. Например, в украинском учебнике 1998 г. для 10-го класса «Всемирная история, новое время, 1914—1945» есть вполне конкретные параграфы № 27—28 «СССР в конце 20-х — в 30-е годы. Коммунистическая индустриализация» (стр. 123—130). И подразделы вроде бы тоже правильные: «Насильственная коллективизация. Ограбление селян» (с. 124), «Тотальный террор» (с. 126), «Внешняя

политика СССР» (с. 127). Но чего-то в них не хватает. И вот на уровне ощущений в конце концов я пришел к выводу, что в объяснениях не хватает логики движущих мотивов.

Хорошо, Сталин провел насильственную коллективизацию селян. А зачем? Куда спешить? Для более быстрого уничтожения остатков частной собственности в стране? А также ограбить селян для сбора средств для более быстрой индустриализации? И насколько оно помогло? А разве нельзя было все это сделать с меньшими потерями? Куда такая спешка? Чтобы успеть к возможному жестокому военному нападению со стороны соседних стран? Каких? А если нападения не будет? Не проще ли озадачить разведку, позаботиться об относительно небольшой, но профессиональной армии и активнее проводить реальную мирную политику?

Получается, что мирное будущее «страны советов» плохо представлялось товарищу Сталину. И он почему-то рассматривал 20—30-е годы как «мирную передышку», которая якобы обязательно должна была завершиться какой-то войной. И именно так объяснялась спешка первых пятилеток еще в те годы, например, в изданной в 1942 г. Главным политуправлением РККА брошюры «в помощь политруку» под названием «Сталинские пятилетки и военная мощь Красной армии» (автор — Н.Мор, Воениздат НКО СССР, подписано к печати 19.01.1942). В ней на стр. 16—21 говорилось:

«В 1928 году — первом году первой пятилетки — в нашей стране началось невиданное по своему размаху и масштабу индустриальное строительство. ... Мир еще не видел такой стремительно быстрой, такой деятельной и всех заражающей кипучей созидательной работы. Воля и энергия Сталина воодушевили миллионы людей, строивших промышленность на огромных пространствах ... Страна покрылась лесом строек. ... Предприятия сооружались по последнему слову техники. Они оснащались первоклассным оборудованием. Это оборудование плыло на кораблях из-за океана, из Америки, оно доставлялось из Англии и других стран, а также производилось уже и на советских, отечественных заводах.

На учете был каждый день: время подгоняло строителей, а за ними и монтажников. ... В газетах печатались сводки

о ходе строительства различных заводов, они читались как сводки с фронта, они так и назывались: сводки с фронта социалистического строительства».

Но почему, почему нужно было куда-то спешить? По какой причине обязательно нужны были максимально быстрые темпы индустриализации? Ответ на этот вопрос дается в той же книге словами товарища Сталина. Он объясняет, что страна очень сильно от кого-то отстала лет на сто. И в связи с этим ей якобы угрожает «смертельная опасность». Поэтому надо быстренько создать массу заводов и с их помощью *«дать стране возможность наскоро перевооружиться на базе новой техники и выйти, наконец, на широкую дорогу».*

Насколько же смертельна ожидаемая опасность? С какой стороны? Со всех? А как-то дипломатическим путем ее нельзя приуменьшить и снизить темпы чего-то построить? Такие вопросы Сталин не обсуждал. *«Жуткая опасность со стороны империалистов!»* Разве не понятно? Причем нападения надо ожидать в любой момент! И в этом — никаких сомнений! И именно *«поэтому партия была вынуждена подхлестывать страну, чтобы не упустить времени, использовать до дна передышку и успеть создать в СССР основы индустриализации, представляющие базу его могущества («Вопросы ленинизма», с. 376—377)».*

Другими словами, оказывается, уже в 1928 г. товарищ Сталин прозорливо опасался скорого вражеского нападения, к которому страна без срочной индустриализации совершенно не была готова. И вот ждали-ждали, готовились-готовились и дождались... неожиданного нападения 22 июня 1941 г.! Странно, как же оно могло оказаться вдруг неожиданным, если его все как бы ждали и столько лет тщательно готовились? Разве может такое произойти?

Вообще-то подобное произойти вполне может. Допустим, в приближении серьезного праздника (например Нового года) вы пригласили свою тетю погостить у вас. Давно не виделись, пора бы уже как-то встретиться. А еще она пообещала вам что-то там важное привезти. Вот и возник повод совместить «официальное» с полезным. А в предыдущий день у вас «парко-хозяйственные» заботы: ковры и до-

рожки скручены на выбивание пыли, столы сдвинуты, белье в стирке, елка в сборке, мебель вытирается до блеска, на очереди поход в магазин пополнить запасы. И вдруг звонок в дверь: «Здравствуйте! Я ваша тетя!..»

Оказывается, ей поменяли дату дежурства, какой-то другой ее родственник оказался свободен и смог подвезти «по дороге». Вот она и решила, чего тянуть? Какая уже разница? Тем более что и помочь сможет в подготовке елки.

Но это еще ладно, если кто-то приехал в гости. Материальные ценности при этом не пострадают. Но если вместо родственников неожиданно начнут сыпаться на голову бомбы, разрушая материальные ценности в больших масштабах и приводя к гибели тысячи людей, то было бы полезно этот вариант как-то учесть в предыдущих планах. И вот тут возникает конкретная цель найти эти планы, их изучить и выяснить, почему же вдруг нападение оказалось таким неожиданным, если якобы к нему из года в год тщательно готовились? Но пока ситуация с обнаруженными планами не сильно радует. Обнаружены пока какие-то фрагменты. А остальное пытаются закрыть не особо хорошими объяснениями. В упоминаемой выше книжке января 1942 г. говорится про другое. Про то, как еще в конце 20-х годов *«наймиты и агенты империалистических разведок» «троцкистско-зиновьевская и бухаринская шайки всячески противодействовали осуществлению сталинского плана индустриализации, противодействовали строительству социализма в нашей стране»*. Они якобы всячески раздували трудности форсированной индустриализации и призывали побольше производить разных предметов потребления — мануфактуры, обуви, побольше продовольствия и т.д. вместо новых станков и прочего производственного инвентаря.

«Но к чему привел бы такой «план», за который ратовали троцкисты, зиновьевцы, бухаринцы? Миллиарды рублей валюты, добытые путем жесткой экономии, были бы истрачены за границей не на станки и иное оборудование для строительства заводов тяжелой промышленности, а на покупку хлопка, шерсти, кожи. У нас тогда, быть может, и было бы побольше костюмов, по несколько пар ботинок, но отсто-

ять родину от империалистических хищников мы не смогли бы. Мы были бы безоружны перед лицом вооруженного новой техникой врага. Мы опять попали бы под ярмо капиталистов и помещиков...»

Отметим: и ни одной конкретной цифры. От кого отстал СССР? В чем? По сравнению с кем? На сколько? Кто виноват? Царь-батюшка? Отчего это вдруг СССР оказался резко «отставшим»?

Но сказочка демонстрируется складная. Причем она имела довольно длительное хождение. Многие годы как бы само собой считалось, что СССР действительно от кого-то намного отстал. И вот потому, дескать, и потребовалась срочная индустриализация! *«Нам электричество пахать и сеять будет! Нам электричество заменит всякий труд!»*

Но, во-первых, труд так и не был полностью заменен «электричеством».

А во-вторых, развал экономики страны к 1923 г. произошел не сам по себе, а в результате предыдущей десятилетней войны. Сначала на различных фронтах по некоторым границам страны, а потом и по всей остальной территории. И еще вопрос, до какого уровня развития могла прийти экономика, не будь этих почти десяти лет лихолетья. Причем активную роль в продолжении развала сыграла и сама партия Ленина—Сталина. Но вспоминать об этом историки не любили. А вместо цифр склонялся лозунг «отсталой лапотной России с сохой» в 1913 г.

В-третьих, еще вопрос, сколько каких заводов требовалось для «правильного вооружения». Как показала реальность лета 1941 г., его достигнуть как бы не смогли. Но потом, мобилизовав остатки промышленности на неоккупированной территории, все же удалось остановить противника и погнать его назад. Какое-то странное получается объяснение.

В-четвертых, а что означает *«наскоро перевооружиться»* по последнему слову науки и техники *«и выйти, наконец, на широкую дорогу»*? Интересно, что такое «широкая дорога»? В смысле «большая»? Та, что «с большой дороги»? То есть СССР, перевооружившись, должен был выйти на «большую дорогу»? И чем там заняться? Не обороной?

А перевооружаться по каким планам? Сколько требовалось создать танков и прочей техники? «Много»? Были конкретные расчеты? С ними можно ознакомиться?

В-пятых, если отнестись к подобным объяснениям логически, то непонятны мотивы странного поведения тех же «империалистов». С одной стороны, они якобы стремятся всеми силами побыстрее уничтожить СССР. Но почему-то не спешили этого сделать. А вместо того, наоборот, кораблями «гнали» в этот самый СССР «горы» разного промышленного оборудования, которое должно было значительно усилить военную силу Советской армии, в связи с чем задача уничтожения СССР становилась гораздо сложнее. Зачем буржуям усиливать будущего противника? Зачем? Чтобы потом побольше потерять своих же солдат? И подвергнуть свою же территорию угрозе нападения? Где здесь логика?

В-шестых, а какую роль в увеличении количества «миллиардов рублей валюты» могла оказать «жесткая экономия»? Извините, никакая экономия внутри страны никак не приведет к увеличению валюты, то есть денег других стран. Для этого надо тем странам что-то продать из собственных «закромов». Из того, что те страны согласятся купить. И какую роль могла сыграть здесь «жесткая экономия»? Чего? «Гольный, продай сорочку»? И ради этого и совершалась революция в 1917 г.? 10 лет добиваться «любви» собственного народа, чтобы потом посадить его на голодный паек? Странно как-то. Или что-то случилось в 1928 г.? Резко поменялись планы? Какие? Срочно создать промышленную базу для выпуска массы новой боевой техники, а то через десять лет «нас сомнут»? Старого оружия и старых моделей было недостаточно?

О НАСТУПАТЕЛЬНОМ ОРУЖИИ

Как оказывается, для обороны старое оружие в виде пулеметов и прицепных к лошадям пушек еще как-то можно было использовать. Но для прорыва серьезной обороны главные ударные силы старого типа не годились (в первую очередь «шашки наголо» и пехотинец с винтовкой наперевес). Не успеют они добежать до вражеских окопов. Покосят

их пулеметами и засыпая осколками от фугасов. Но именно ко второй половине 20-х годов в мире созрела новая теория успешного прорыва вражеской обороны. Называлась она теорией мотомеханизированной войны. И заключалась она в том, чтобы свои пушки и пулеметы прикрыть броней, поставить их на колеса с мотором и получить тем самым возможность удачно добираться до вражеских окопов. В СССР ее называли «глубокой операцией». Причем возникла она якобы исключительно в развитие идей советских теоретиков. А в связи с ее направленностью на проведение глубоких наступательных операций в ней возникает и деление на оборонительное и наступательное оружие. Причем такое деление вполне серьезно обсуждалось именно на рубеже 20-х и 30-х годов. Подробности можно найти в статье двух авторов журнала «Международная жизнь», № 1, 1989. Она называется «Упущенные возможности 1932 г.?». Ее написали: кандидат исторических наук Владислав Мартынович Зубок — старший научный сотрудник Института США и Канады АН СССР и член-корреспондент АН СССР Андрей Афанасьевич Кокошин — заместитель директора того же института. Посвящена статья конференции по разоружению, которая проходила в 1932—1934 гг.

Начинается статья выводом, что, не зная прошлого, трудно оценить происходящее сейчас. Но как оказывается, к началу 90-х годов знание прошлого Страны Советов по какой-то причине было не совсем правильным («упрощенным, заидеологизированным, чрезмерно секретным, пропагандистски самоослепленным»). Что являлось «тяжелым наследием» прошедших лет. Строго говоря, такой вывод сам по себе интересен. Получается, что происходившее в те годы объяснялось неправильно, хотя наука была, диссертации защищались, научные работы выполнялись. Но прошли годы, и оказалось, что они выполнялись как-то не так. С ошибками. К одной из них можно отнести «упущенные возможности» «Всеобщей конференции по разоружению» начала 30-х годов.

Причем в рассматриваемой статье говорилось, что «в трудах ряда видных советских и иных теоретиков тех лет вопрос о соотношении наступательных и оборонительных

средств прорабатывался весьма глубоко». И отмечалось, что именно в конце 20-х — начале 30-х годов в теории военного дела произошел важный перелом. До него основным оружием были станковые пулеметы, скорострельная артиллерия и инженерные средства (мины, окопы, колючая проволока и т.д.). Но все они более эффективны при обороне. И проврать такую оборону оказывалось очень трудно. Что привело к проблеме так называемого «позиционного тупика». Но военными теоретиками в разных странах продолжался поиск средств его преодоления (в каких — в статье не указано, на самом деле — в первую очередь в Англии). То есть активно искали новые формы и средства обеспечения именно «наступательных операций, преодоления сильной обороны».

И они были найдены. В статье отмечается, что *«главную роль при этом были призваны сыграть, конечно, крупные массы танков, штурмовая и бомбардировочная авиация»*. Причем эта идея в разных странах возникла якобы независимо. Ведущими советскими теоретиками названы — В. К. Триандафилов, М. Н. Тухачевский, Е. А. Шиловский, А. К. Колленковский, которые и разработали теорию «глубокой операции». Ее суть заключалась в том, чтобы на определенном участке фронта собрать крупные мобильные соединения (танков, мотопехоты, конницы и самолетов) и кинуть их в стремительный прорыв заранее подавленной обороны противника. А прорывать должна пехота с артиллерией. Таким образом, для применения новой тактики требовалась массовая замена в армии лошади на мотор с броней (и с крыльями). В статье указывается, что *«аналогичные разработки имелись и в Германии, а также в ряде других государств»*.

И вполне справедливо отмечается, что *«массовое использование во Второй мировой войне средств прорыва и развития успеха — танков, самоходной артиллерии, авиации, подводных лодок и авианосцев — с самого начала придавало активный наступательный характер войне на земле, в воздухе и на море. Сочетание танка со штурмовиком и пикирующим бомбардировщиком превратилось в ходе войны в ее решающий тактический фактор»*.

Другими словами, деление оружия на оборонительное и наступательное имеет смысл. По крайней мере сравнением

количеств тех или иных типов оружия. Как бы ни пытались отрицать эту идею некоторые историки. Действительно, одно дело иметь 500 танков, а другое — 32 000. Но вот далее в статье дается абзац, малопонятный непосвященному. Оказывается, некая «передовая военная мысль в союзе с пацифистскими силами» накануне конференции 1932 г. отработывала идею качественного разоружения, так как одним сокращением количества якобы проблему не решить. *«Английский военный теоретик Б. Лиддел-Гарт ..., один из идеологов наступательной механизированной войны, решил «удушить свое собственное детище». Он начал пропагандировать такую концепцию разоружения, которая уничтожала бы саму военно-техническую основу проведения крупных наступательных операций. А для того, чтобы обеспечить перевес за средствами и возможностями обороны, теоретик выдвинул предложение запретить и уничтожить тяжелую артиллерию, танки и бомбардировочную авиацию».*

Что это за «передовая военная мысль»? В какой стране? Кто такой Б. Лиддел-Гарт? Он является «идеологом» только в Англии? Или вообще в мире? Что означает «наступательная механизированная война»? Это вариант советской «глубокой операции»? А кто у кого ее «позаимствовал»? Развивались независимо и параллельно? Есть ли где-то более подробное описание, как эта теория «мехвойны» создавалась?

В статье эти вопросы не рассматриваются. Конференция же так и не пришла к каким-то решениям, и гонка вооружений продолжалась. Некоторые страны не посчитали нужным пойти на компромиссы. В частности, СССР и Германия.

Возвращаясь к теории, можно задать и такой вопрос: можно ли «наступательное» оружие применять в обороне? И как быть с расчетом количества нового оружия? Например, только для обороны. Допустим, в стране построено N военных заводов. Они произвели Y штук вооружения. И для обороны его должно хватить. Что делать дальше? Заводы остановить? Поменять им профиль, и пусть они производят что-то мирное, например лучшие в мире стиральные машины? Или продолжать производство вооружений? В каких

пропорциях? Только взамен старых, которые отправлять на переплавку? Или для экспорта? Или продолжать копить себе? Для чего? На случай полезного наступления («исключительно против агрессора!»)? А если тот так и не появится на границе?

Конечно, никакой действующий полномочный политик не будет открыто объявлять, что оружие копится для каких-то плановых наступлений. «Исключительно для обороны!» Но отсюда может возникнуть и тема честности того, о чем говорят политики.

«В 1980 году в СССР начнется коммунизм!»

«К 2000 году каждая семья будет жить в отдельной квартире!»

«Марксизм-ленинизм, отрицающий частную собственность на средства производства и на землю — самая передовая научная теория в мире». (До 1991 г.)

Исполнилось?

Наврали?

Поэтому «научно» принимать на веру различные политические объяснения историку нежелательно. Но вполне важно их учитывать. Ибо они могут помочь в понимании движущих мотивов тех или иных событий. Особенно, в понимании действий высших политических руководителей.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ СООБРАЖЕНИЯ

Например, 22 июня 1941 г. на СССР якобы неожиданно начинается вооруженное нападение его соседа по западной границе. В первую очередь «неожиданным» оно оказалось для советского политического руководства. Хотя, по другим данным, неожиданности не могло быть в принципе. Во-первых, военное столкновение с любым капиталистическим соседом в СССР ожидалось уже давно. И относиться к нему советская пропаганда должна была иначе: «наконец-то на нас напали!», «а мы о чем говорили?». Ибо советское политическое руководство задолго до того июньского дня неоднократно предупреждало об угрозе империалистов «сровнять СССР с землей». Во-вторых, военные приготовления конкретно Германии тоже были замечены массой ин-

форматоров. Но все равно немецкое нападение почему-то оказалось неожиданным! Странно, однако!

То есть уже видно, что что-то не вяжется в объяснениях, не просматривается политическая логика. Странная она какая-та. И вариантов возникает два: или объяснения неправильные, или должно существовать что-то такое, в рамках которого эта самая «политическая логика» имеется. Но получается, что долгие годы ее почему-то скрывали. Почему? Есть риск обнаружиться «аморальному тезису: цель оправдывает средства»? То есть на словах говорили про одно, а подразумевалось нечто другое? Ошиблись кадры, которые расставляла эта самая высшая власть? Действительно, задача их подбора и расстановки существовала и проводилась всегда и везде. Вон, например, светлейший князь (1707) Меншиков Александр Данилович, русский гос. и военный деятель, граф (1702), генералиссимус (1727), (сын придворного конюха) в свое время упустил контроль над влиянием на своих начальников, вот и отправили они его в Сибирь, в поселок Березово Тюменской области (на пенсию). И его место занял кто-то другой. Это понятно.

Непонятно другое. Любые кадры на госслужбе не могут пороть отсебятину. Они должны выполнять планы и приказы. В достижение ранее определенных целей. И до 22 июня 1941 г. советское политическое руководство просто обязано было разрабатывать различные методы достижения неких конкретных целей! Иначе для чего оно существовало вообще? Штаны протирать (с лампасами)? В подкидного дурака бились на заседаниях Политбюро? Или же что-то обсуждали серьезно? Какие планы? (Производства тех же «мигов»). А зачем? Ведь нельзя же разрабатывать МЕТОДЫ достижения целей, не имея этих самых ЦЕЛЕЙ!

Но была и проблема. Не все процессы поддаются планированию. Планы по внутренней политике можно было разрабатывать вполне конкретно. А вот касательно политики внешней не все зависело только от советских начальников. Там действовали и другие «высшие главковерхи» других стран со своими экономиками и армиями. И оставалось товарищу Сталину либо только наблюдать за их деяниями и

лишь реагировать постфактум, или и самому оказывать на них влияние.

Кстати, в Европе в те годы была одна страна, на внутреннюю политику которой товарищ Сталин мог влиять вполне конкретно — Германия. Но тут не обойтись и без «искусства». Только в серьезной науке иногда говорят не про «искусство», а про «игровые методы управления». То есть эту самую «внешнюю политику» можно определить как «игру» с соответствующими свойствами как и у любой другой игры — «участники», «интересы каждого», «интересы коалиций», «блеф», «риск» и т.д.

Итак, в какие игры играли в 20—30-х годах XX века в Европе с точки зрения БОЛЬШОЙ ИГРЫ? Условиями их проведения оказалась новая расстановка сил, сложившаяся в результате исхода Первой мировой войны. Кроме того, ряд претензий к соседям имела Германия. Другим активным игроком оказался СССР, который был не прочь распространить свою теорию классово-борьбы на весь земной шар.

Можно выделить и два принципиальных этапа игры — до 1933 г. и начиная с него, когда игра из преимущественно дипломатической превратилась в политико-силовую. В 1933 г. к власти в Германии пришел лидер нацистов Адольф Гитлер, который искусно играл на антибольшевистских настроениях западных держав.

Кроме того, следует учитывать и то, что все участники не особо обращали внимание на соображения морали и внешнеполитическую репутацию. Главными оставались собственные интересы и принцип «каждый за себя». При этом широко применялась тайная дипломатия, секретные протоколы, разделение «сфер влияния», попрание норм международного права, сложная дезинформация и предательство недавних союзников. И при этом серьезным игроком, с каждым годом повышавшим свою активность, становился товарищ Сталин. Применительно к теме данного исследования остается выяснить, какие же у него были ЦЕЛИ? Чего он хотел добиться? Мира во всем мире?

Кстати, насчет термина «интерес». Интересы бывают разные. Дальние (стратегические), ближние (тактические), совпадающие и не очень с интересами других участников,

военные и экономические, узкопартийные и национально-государственные.

Между прочим, когда читаешь некоторые исторические объяснения, то можно заметить, что их авторы часто путают эту самую классификацию интересов. «СССР был заинтересован в ...», «товарищ Сталин конечно же хотел/не хотел...», «в интересах советского народа было...». Причем часто все они рассматриваются (объясняются) как одинаковые. Дескать, чего хотел товарищ Сталин, в том же был и заинтересован СССР. И того же якобы желал советский народ.

Но на самом деле все могло быть совершенно иначе. Мало ли чего хотел/не хотел товарищ Сталин! Лично он своих мемуаров не написал. И совсем не обязательно, что его желания совпадали с интересом, например советских крестьян, которых в массе не устраивала колхозная система. Но было объявлено, что ТАК НАДО! Вот и пришлось товарищу Сталину сочинять статью «Головокружение от успехов». И тем самым делать вид, что лично он к этому МЕТОДУ УПРАВЛЕНИЯ как бы никакого отношения не имел. И что идея срочного создания колхозов существовала как бы сама по себе. Либо придется признать, что у товарища Сталина была какая-то более глобальная цель, процесс достижения которой без колхозной системы в его понимании оказывался не очень ОПТИМАЛЬНЫМ.

Но еще надо понимать, что один товарищ Сталин добиться своих целей не смог бы. Требовалась группа единомышленников. И она была. И называлась специальным словом — «партия». Сейчас все меньше людей вспоминают один из лозунгов советского периода: «Спасибо партии родной за нашу счастливую жизнь». А вот до 1991 г. все стороны жизни страны под названием «СССР» находились под ее чутким руководством. Пока она от него не отказалась. Но это уже другая тема. А вот в разгар строительства социализма, особенно в 30-е годы, внутри СССР очень серьезно внедрялась мысль о наличии у рабочего класса великой исторической миссии создания коммунистического общества на всей Земле. А для ее осуществления и требовалась особая политическая организация — партия большевиков, которая почему-то обязана была *«вести непримиримую борьбу со все-*

ми попытками право- и левооппортунистического, ревизионистского и догматического извращения своих программных, тактических и организационных установок; обязана была быть верной пролетарскому интернационализму и решительно бороться против всех проявлений национализма».

А кроме нее до 1943 г. *«важную роль в создании, воспитании руководящих кадров и в выработке программных и тактических установок коммунистических партий других стран сыграл созданный под руководством В. И. Ленина 3-й, Коммунистический Интернационал»*. Его историю, кстати, сейчас еще меньше вспоминают, чем историю КПСС. Но это нельзя делать. Ибо, вырывая информацию о движущих силах прошлого, нельзя докопаться до сути происходившего. И останется одно из двух: или придумывать вообще какие-то фантазии в качестве объяснений, или не касаться той истории вообще.

Вот пример и с историей КПСС. Все возростала и возростала ее ответственность за построение развитого социалистического общества в СССР, пока это общество не зашло в тупик и пока страна вместе с КПСС и с ее ответственностью не исчезли в небытие. И как бы не было всего этого вообще. То есть все это было сродни «большой игры» — «поиграли», не получилось, ну и ладно. Начнем другую игру. Логично...

С одной стороны.

А с другой — но ведь было же что-то! И вполне местами важное и полезное! И кому как, но если мне сейчас придется читать примеры марксистско-ленинского теоретизирования, то делаю я это со смешанными чувствами. Во-первых, чувствуется ностальгия. Часто ли сейчас наткнешься на подобные строчки в текстах? Во-вторых, это и чувство злорадства. Ну как, дождались прихода коммунизма и загнивания капитализма? И есть также чувство сожаления. Может быть, что-то полезное во всем этом все же было? И следовало только что-то усовершенствовать? Например, разогнать колхозы? Однако сейчас обсуждать подобные сомнения уже поздно. В 1991 г. «самое правильное, самое передовое в мире марксистско-ленинское учение» исчезло само. *«Сгинуло, топливо истратив, все распалось на куски»* [как говорилось в песне В.Высоцкого, хотя и по другому

поводу]. Из чего может возникнуть вывод, что различные заклинания о его правильности — вранье. Ну «а где один — там и два». То есть еще вопрос, каков процент вранья во всей этой теории, в ее целях, методах и объяснениях.

Вот и в приведенной выше цитате «Коминтерн» назван «воспитательно-просветительской организацией». Как бы общество любителей чего-то, типа собирателей бабочек. И даже намек нет на его цель создания «Всемирного Союза Социалистических Советских Республик», записанную в его Уставе (подтвержденную в 1928 г.).

Или другой пример: так ли уж пролетарии горели желанием все, как один, терпеть разные лишения и беспрекословно, точно и в срок выполнять все указания своих начальников? И не требовалось ли для этого насилие?

Как оказывается, насилие и принуждение тоже играли важную роль. Конечно, в разных странах по-разному. Но в СССР был период (опять же особенно до 1941 г.), когда внесудебные меры принуждения были возведены в ранг важнейшего элемента государственной политики по отношению к собственным гражданам. Среди которых нередко попадались и участники, и даже герои революции 1917 г. и Гражданской войны со стороны большевиков. Пошел вечером гражданин в тапочках за хлебом и вернулся через двадцать пять лет... Этого не было? Это все придумали клеветники на советский строй? Для чего же гноить своих? Зачем? К чему порождать целые массы недовольных, которые при этом становились источником для возможной «пятой колонны» в случае нападения внешнего врага? Где логика?

И ни один учебник по истории, ни одно многотомное издание до сих пор не дает такого объяснения, в котором все эти факты были бы логически связаны в рамках одной «большой игры». Особенно плохо увязываются проблемы начала 40-х годов с происходившими десятилетием раньше. Точнее говоря, факты о 20—30-х годах в СССР вроде бы известны. Какие-то локальные объяснения приведены. А общая логическая «картинка» все равно не вырисовывается. Только ли из-за того, что «Сталин всю жизнь боялся политических оппонентов», он и устроил «тотальный террор»? (с. 126 цитированного выше украинского учебника

по истории для 10-го класса). Разве в мирное время очень сложно куда-то «задвинуть» любого «политического оппонента»? Да и много ли их реально могло быть для высших руководителей? Какую угрозу им могли составить инженеры на производстве, студенты, учителя, продавцы и другие «простые» граждане? Да даже и руководители, но уровнем ниже, например районов или городов? Чем политически они могли угрожать? Своим недовольством «на кухне» вечером в будний день? Да мало ли чем человек недоволен? Да хоть жаркой погодой в июле месяце! И за это ему надо выписать 10 лет спецлагерей? (А то и все 25?) Где смысл?

А все ли понятно про внешнюю политику СССР в то время? Вот еще абзацы из того же учебника по истории (с. 127):

«Приход к власти нацистов в Германии подтолкнул западные страны к сближению с СССР, в результате чего в 1934 году Советский Союз был принят в Лигу Наций. В 1939 году, обвиненный в развязывании агрессии против Финляндии, СССР был исключен из нее.

В 1935 году СССР подписал пакты про взаимопомощь с Францией и Чехословакией. Однако практических результатов договор не дал, а с подписанием Мюнхенского договора он утратил силу».

Странно. С одними странами СССР пытается о чем-то договориться, а на другие нападает. То вступает в Лигу Наций, то участие в ней теряет. (И соглашается? Без переживаний? Вполне устроило?) Где же логика? Где? Каких целей кто хочет добиться? И возможно ли их найти? Или тому надо рассматривать как-то иначе? Вообще-то в учебнике есть и обобщающие разделы. Например, раздел 12 «МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В 30-е ГОДЫ» (с. 194—198). И параграфы как бы вполне важные: «Военная угроза и Лига Наций» (с. 194), «Крах Версальско-Вашингтонской системы» (с. 196), «Англо-Франко-Советские переговоры. Советско-немецкий пакт» (с. 197). Но вся страница 195-я занята фотографиями (причем советские деятели на них изображены в погонах, которые появились лишь в 1943 г.), а вся 198-я страница занята небольшими цитатами из двух документов и списком контрольных вопросов. Итого на

изложение темы выделено 3 (прописью: «три») страницы. Достаточно? Отдельные факты перечислены. «СССР в ... году ...», «Франция в ... году ...».

И все.

Как для учебника, возможно, и достаточно. Но для разных любителей вопросов вопросы остаются. Например, возможно ли логическое объяснение необходимости и срочной индустриализации/коллективизации в СССР? И террора тогда же в нем же? И разным действиям СССР в международной политике? Не с «бодуна» же родная власть гноила своих граждан? Должна же быть какая-то важная причина?

ПЕРВОЕ «СВЯЗЫВАЮЩЕЕ» — ТЕОРИЯ ММВ

Вот и я долгое время не мог найти вразумительного ответа на эти вопросы. Пока в начале лета 2008 г. на форуме сайта zhistory вдруг не возник вопрос: а можно ли где-то почитать про тактику использования танков БТ? В июне 1941 г. все они почему-то оказались «ненужным хламом», который для обороны страны какую-либо пользу как бы принести не смог. Вот, например, цитата из мемуаров маршала Жукова в первом издании (в дополнительном тираже 1972 г. на стр. 219):

«Всего в западных приграничных округах и флотах насчитывалось 2,9 миллиона человек, более полутора тысяч самолетов новых типов и довольно много самолетов устаревших конструкций, около 35 тысяч орудий и минометов (без 50-миллиметровых), 1800 тяжелых и средних танков (на две трети новых типов) и значительное число легких танков с ограниченными моторесурсами».

Эта же цитата в последующем получила некоторые изменения. Вариант 12-го издания 2002 г., глава 9: *«Всего в западных приграничных округах и флотах насчитывалось 2,9 миллиона человек, более полутора тысяч самолетов новых типов и довольно много самолетов устаревших конструкций, около 38 тысяч орудий и минометов, 1475 новых танков КВ и Т-34 и значительное число легких танков устаревшей конструкции с*

крайне ограниченными моторесурсами, часть которых требовала ремонта».

Сначала «значительное количество» своих танков характеризовалось просто «легкими», но как бы вполне современными, на которых воевать вроде бы можно было, хотя они и оказались с меньшим ресурсом до капремонта. А потом их переписали в вообще «устаревшие» и с очень-очень малым ресурсом. А часть из них (какая, основная?) еще и были поломаны. Короче, для боев они как бы полностью не годились. И самолеты в целом тоже как бы не были способны оказывать сопротивление наглому агрессору.

Но ведь с какой-то же целью их «гнали» конвейером на разных заводах (в том числе на ХПЗ)? Чтобы превратить в груды металлолома для наступающих немецких войск летом 1941-го?

Действительно, вопрос имеет смысл.

Но развернутого ответа нет. Его надо искать.

И вот в 2008 г. лично я увлекся историей теории мотомеханизированной войны. И один ответ нашелся.

Как оказалось, активная пропаганда и обсуждение этой теории в СССР начались именно в 1931—1932 гг. Какие-то попытки были и раньше. Например, в 1930 г. была издана книга Гладкова П.Д. «Тактика броневых частей». Но с 1931 г. этот процесс активизируется. С января 1931 г. начинает издаваться журнал «Механизация и моторизация армии» (ММА). В 1932 г. Воениздат издает «Тактику мотомехсоединений» активного автора журнала «ММА» С.Аммосова. В том же 1932 г. в Ленинграде Военно-политическая академия имени Толмачова для внутреннего использования выпускает учебное пособие Б.Перепеловского «Общие сведения по курсу механизации». С подробным расчетом, сколько требуется танков для проведения наступательной операции двух фронтов (под 15 000 с резервом). В 1933 г. Б.Шванебах выпустил брошюру «Механизация и моторизация современных армий». Но это были небольшие издания. А следом в 1933 г. Воениздат издает и очень подробную книгу «товарища ТАУ» — «Моторизация и механизация армий и война», рукопись которой была подготовлена к сентябрю 1931-го. В 1933 г. выходят и теоретические рассуждения

Красильникова С.Н. «Организация крупных общевойсковых соединений (прошедшее, настоящее и будущее)». Издания по этой теме продолжали появляться и в последующие годы.

Одновременно в структуре Красной армии возникают учебные, управленческие и боевые бронетанковые структуры. В ноябре 1929 г. было создано Управление механизации и моторизации РККА (начальник — И.А.Халепский). В том же году создано специальное бронетанковое отделение в количестве 6 человек на артиллерийском факультете Военно-технической академии имени Дзержинского. Через год в ней возникает факультет механизации и моторизации армии. В 1932 г. на базе его и Московского автотракторного института имени Ломоносова была образована Военная академия механизации и моторизации РККА. В 1933 г. ей присвоили имя Сталина. В академии было четыре факультета: командный, эксплуатационный, конструкторский и промышленный. В частности, в ноябре 1936-го во 2-м выпуске командиров-инженеров командного факультета академию окончил Михаил Иванович Потапов — будущий командующий 5-й армией в первые месяцы Великой Отечественной войны. И, как написано в его дипломе, выпустился он «инженером Мотомехвойск РККА».

Но и это не самое начало процесса. Чтобы начали издаваться журналы, книги, формироваться учебные заведения и боевые части, еще раньше должны были быть приняты решения по действиям в этом направлении. В первую очередь нужны танки для танковых частей. Какие? Где их взять? Как известно, первая советская пятилетка началась в 1928 г. Но до 1931 г. хозяйственным годом в СССР считался период с 1 октября по 30 сентября следующего года. С 1931 г. он стал совпадать с календарным. То есть реально первая пятилетка включает последний квартал 1928 г. (3 месяца) и 4 г. до января 1933-го.

И оказывается, что параллельно с разработкой «гражданского» пятилетнего плана существовали и пятилетние планы «развития и реконструкции вооруженных сил СССР». Первый из них был утвержден Совнаркомом СССР в июле 1928 г. К концу пятилетки, помимо выпуска 1075 танков,

планировалось сформировать дополнительно 3 новых танковых полка. Однако в июле 1929 г. план развития и реконструкции ВС СССР был пересмотрен в сторону увеличения — к концу пятилетки в Красной армии должно было быть пять с половиной тысяч танков.

А где их взять? Сначала надеялись создать собственные модели. Однако изготовленные образцы имели разные недостатки. Поэтому в начале 1930 г. за границу выехала комиссия Халепского, которая купила несколько лицензий на производство танков и другой техники. Танки в основном были моделей английской фирмы «Виккерс». И их срочно ставят на производство в СССР.

Итак, в 1928—1929 гг. советское высшее руководство принимает серьезные решения по значительному развитию армии и насыщению ее боевой техникой нового типа. Кроме танковых заводов в то время создаются автомобильные, тракторные, авиационные и много других. В 1931 г. вступили в строй Харьковский тракторный (ХТЗ) и Московский автомобильный имени Сталина (ЗИС). Естественно, решения об их строительстве были приняты раньше. В Москве уже существовал автосборочный завод (АМО), который был заложен в 1916 г. для изготовления итальянских грузовиков ФИАТ-15. Но массового производства на нем не было. В 20-х годах оно возрастало, но медленно. В 1930 году в США была куплена лицензия на американский грузовик «Autocar-5S» грузоподъемностью 2,5 т и метод его конвейерного производства. 25 октября 1931 г. на АМО запускается первый отечественный сборочный автомобильный конвейер, а через 5 дней ему присваивается имя Сталина (ЗИС). На нем сначала собирали грузовики АМО-3, затем с 1933 г., — ЗИС-5. Параллельно разворачивалось жилищное строительство для рабочих. В частности, для заводов «ЗИС» и «Динамо» в Москве строился поселок «Дубровка». Индустриализация набирала обороты.

Конечно, любая техника важна не только для насыщения армии, но и для гражданского хозяйства. Однако уже в первом номере журнала «ММА» в январе 1931 г. в его первой статье «Наши задачи» на стр. 3—4 конкретно говорится:

«Как бы ни была совершенна техника, она будет мертва, если не будет обслуживаться надлежаще обученными кадрами, и чем совершенней военная техника, тем более солидные требования к своему обслуживанию и использованию она предъявляет.

Вместе с тем самый характер боевого применения и эксплуатации современной механизированной и моторизованной техники требует не только качественных кадров, но и большого количественного состава для своего обслуживания. В данном случае неоспоримо правильная оценка характера будущей войны и военной опасности дана пленумом ИККИ в 1927 г., где говорится следующее:

«Будущая война — это война механизированная; каждая страна будет превращена в огромную фабрику средств истребления. Мотору в деле механизированного убийства будет принадлежать решающее место. Но именно потому, что военная техника достигла высшей степени развития, капиталистическим государствам придется бросать огромнейшие массы в районы боевых действий... Вместо с тем, благодаря широкому применению авиации, разрушительности новейших бомб, дальности артиллерийского огня, будет стираться разница между фронтом и тылом».

Итак, с 1931 г. в СССР расширяется перевооружение армии на основе новой теории ведения мотомеханизированной войны.

Но заводы строились не за один день. А перед их строительством требовалось выполнить еще и проектные работы. А еще раньше вообще принять решение на эти стройки.

Первый пятилетний план в СССР был принят в 1928 г. Усиление внимания к танковым войскам возникло тоже в 1928 г. Что же тогда могло произойти? Причем не в СССР, а где-то в мире. Ибо в СССР танков в то время было «кот наплакал», да и то практически все — устаревшие трофеи времен Гражданской войны. У них была малая скорость, сравнимая со скоростью пехотинца (от 3 до 12 км/час) и малый запас хода (от 20 до 100 км). Кроме того, во время атаки приходилось закрывать люки. Из-за чего внутри танка неприятно повышалась температура. Поэтому тактика их применения была примитивной — они годились лишь

для сопровождения пехоты во время одной атаки. В связи с чем англичане после войны резко сократили свой танковый парк и принялись проектировать новые модели — более быстроходные, с большим радиусом действия и с большей оперативной подвижностью. К чему это привело, кратко изложил ТАУ на стр. 54—56 в своей книге «Моторизация и механизация армий и война»:

«Быстроходные танки.

В 1922 г. в Англии появляется средний танк «Виккерс М-1». Первоначально этому событию не уделили за пределами Англии почти никакого внимания. Крепко сидели корни позиционной войны в головах военных специалистов. Все было «ясно»: танк как танк. И в мировой войне были танки. ...

На маневрах 1923 г. «Виккерс» впервые показал свои боевые качества. Он в полном смысле этого слова господствовал на поле боя. Организованной ПТО не было. Благодаря невиданной подвижности (25 км/час), броне и мощному вооружению (4 пулемета, 1 — 47-мм орудие) танк Виккерса легко справлялся со слабовооруженной пехотой и малоподвижной полевой артиллерией. В течение следующих двух лет работы по боевому использованию быстроходных средних танков продолжались. Стало совершенно очевидным, что появление мощного быстроходного танка ставит целый ряд оперативно-тактических и организационных вопросов совершенно по-новому. ...

В 1925 г. средним танкам придаются первые образцы малых танков в виде колесно-гусеничных Моррис-Мартеля (одноместные танкетки) и Карден-Лойда для разведывательных целей и службы охранения. Появляются образцы грузовых и штабных машин повышенной проходимости (машины с 4 ведущими колесами, полугусеничная машина «Кросслей» и, наконец, трехосная машина). Мощный транспортер «Дрэгон» на шасси «Виккерса» обеспечил возможность переброски по пересеченной местности со скоростью быстроходного танка бойцов (до 50 чел.) или полевых орудий. На больших маневрах 1925 г. англичане перед удивленными и застигнутыми врасплох военными представителями всех важнейших капиталистических держав впервые демонстрировали мощь механизированных частей против обычных соединений.

Параллельно идет сильная пропаганда механизации, возглавляемая бывш. начштаба танкового корпуса во время мировой войны Фуллером и военным литератором Лиддель-Гартом. В 1923 г. Фуллер выпускает книгу «Преобразование войны», в которой он возвещает конец позиционной войне и наступление эры высокоподвижной маневренной войны боевых машин. В 1925 г. он выпускает маленькую книжку «Проблемы транспорта», посвященную преимуществам и выгодам автомобиля повышенной проходимости как для гражданских, так и для военных целей.

Английское военное министерство, официально отрекшись от крайних взглядов Фуллера, на деле продолжает разработку механизированной войны и в первую очередь в части конструирования более подходящей для этого материальной части. В прочих капиталистических странах начинается острая дискуссия вокруг проблем, выдвигаемых Фуллером. Целых два года идет эта дискуссия. К 1927—1928 гг. дискуссия по основным вопросам заканчивается. Маневренный характер войны и особая роль мотомеханизированных средств признается почти всеми. ...

К этому времени (1927—1928 гг.) англичане уже далеко ушли вперед от своих соперников. Летом 1927 г. в Англии создается механизированный (броневой) отряд из различных родов войск — прообраз механизированной дивизии будущего. В этом отряде мы уже встречаем весь арсенал современных быстроходных боевых и транспортных машин, обладающих большой подвижностью и проходимостью. В это же время начинается интенсивная опытная и исследовательская работа над мотомеханизированными средствами в прочих капиталистических государствах».

Итак, к 1927—1928 гг. англичане «живьем» демонстрируют заманчивые возможности мотомехвойск для прорыва обороны противника. И это время совпадает с началом срочной индустриализации в СССР и со срочным перевооружением Красной армии. Случайность?

Вряд ли. Ибо уже через 10 лет советский танковый парк стал приближаться к 20 тыс. машин. Но, может быть, это делалось исключительно для обороны? На словах да — во многих статьях так и говорилось, что очень важно быть го-

товыми встретить возможный удар капиталистов не менее сильной боевой техникой. Но...

Но уже в начале 30-х годов среди советских теоретиков витают идеи, что только Красная армия способна максимально использовать новые возможности по глубокому прорыву вражеской обороны. В книге ТАУ так и говорится в специальной главе XVI. «Мотомеханизированная война и Красная армия» (стр. 239—241):

«Пространственная стратегия и оперативно-тактическое искусство полностью по плечу только Красной армии. Вооруженный пролетариат Советского союза в случае империалистической войны против него будет располагать миллионными активными резервами рабочего класса в тылу буржуазии. Могут создаться условия, когда удары в глубоком тылу врага станут возможным наносить не только красной авиацией и мотомеханизированными частями, но и силами революционного пролетариата той или иной капиталистической страны. Удачно начатое вооруженное восстание в условиях империалистической войны против СССР может быть легко и быстро поддержано комбинированными действиями Красной авиации и мотомеханизированных соединений на фронте. Рейдирующая красная конница, усиленная броневыми силами, или мотомеханизированные соединения могут быть более спокойны за свой тыл в буржуазной стране. Им помогут сочувствие и активное содействие трудовых эксплуатируемых масс. Им не нужно занимать крупными гарнизонами «оккупационной армии» пролетарские центры, откуда выбиты силы империалистов. Рабочая Красная гвардия — лучший «гарнизон» и лучшее обеспечение тыла оперирующей Красной армии. Советизированный на этой основе тыл красного фронта станет лучшим укрепленным рубежом и источником постоянных пополнений Красной армии, которая борется за общие интернациональные интересы всего рабочего класса. Мотомеханизированная война будет постоянно увеличивать силы Красной армии, в то время как силы империалистов будут таять. Чем быстрее темп наступления мотомеханизированных красных частей, тем ближе окончательный успех — полный разгром вооруженных сил контрреволюции.

При возникновении революционной ситуации в тылу пр-ка, когда в огне вооруженных восстаний пролетариата империалистическая война против СССР превращается в большую гражданскую войну, авиация и мотомеханизированные соединения Красной армии будут действовать в несколько раз более быстрым темпом, чем их противники. Подвижность машины удесятится революционным энтузиазмом масс. Красной армии нет нужды направлять свои главные усилия на разложенный участок империалистического фронта. Легкие мотомеханизированные соединения без особых трудностей будут уничтожать последние остатки контрреволюционных островков на охваченной гражданской войной территории. Главные силы Красной армии в таких обстоятельствах могут легко повернуть фронт на 90°, атакуя более сильные контрреволюционные очаги.

То же самое касается пространственной или глубинной тактики. Мотомеханизированная война приведет к ожесточенной борьбе отдельными изолированными островками внутри оборонительного расположения пр-ка или далеко у него в тылу. Успех боя будет зависеть от устойчивости и героизма каждой отдельной части, каждого отдельного бойца, зачастую окруженных со всех сторон. Борьбу в такой обстановке может выдержать только революционная армия, сознательный боец.

Гражданская война 1918—1921 гг. выработала основные оперативно-тактические приемы Красной армии, базирующиеся на развитии больших темпов и подвижности. Невзирая на полное почти отсутствие новейших подвижных средств войны (авиации, автомобилей, танков), Красная армия сумела развить нужные темпы и подвижность и разбить контрреволюцию. Конница заменяла тогда быстроходный танк, пулеметная тачанка — мотопулемет и подвода — автотранспорт. В сочетании мощных ударов конницы и пехоты на подводах с революционными восстаниями и партизаниной в тылу контрреволюции и интервентов Красная армия быстро дошла до Тихого океана, Черного моря и Варшавы. Мотомеханизированные соединения и мощная авиация в несколько раз увеличат «радиус действия» Красной армии в случае новой интервенции против СССР».

Увеличить в несколько раз «радиус» Варшава — Владивосток?

Это ж на каких просторах? На каких территориях?

«Хорошенькая теория!» Вполне полезная для дела торжества мирового коммунизма!

И складывается впечатление, что именно ее не хватало учению Маркса—Ленина! А вместе они превращались в гремучую смесь, способную взорвать, мягко говоря, не одну страну.

И возник этот «гибрид» где-то в 1927—1928 гг.

И начал активно реализовываться товарищем Сталиным.

Но есть вопрос. Создать много мехкорпусов за какой-то срок можно. И в придачу к ним массу еще чего-то (боевых самолетов, грузовиков, горы боеприпасов и т.д.). Но все это «мертвый груз» с точки зрения мирной гражданской экономики. Более того, это такой «груз», который тянет экономику вниз бесполезными затратами, которые не окупаются.

Не очень интересно гнать конвейером тысячи единиц дорогостоящей боевой техники без планов пустить их в дело. Причем долго ждать нельзя — техника рискует устареть. Поэтому может возникнуть предположение, что Сталин имел какие-то надежды на то, что эти «мехкорпуса» в ближайшей перспективе окажутся очень полезными. И кинулся реализовывать именно эту программу (гибрида марксизма-ленинизма с теорией ММВ). Что же его подтолкнуло?

А что его что-то таки подтолкнуло и что он принялся исполнять какой-то план в 1928 г., есть интересные наблюдения, например в программном документе «платформы Рютина» (1932 г.).

«ПОТРЯСАЮЩИЙ ДОКУМЕНТ ЭПОХИ СТАЛИНИЗМА»

Текст этой «платформы» опубликован в 1991 г. в сборнике «РЕАБИЛИТАЦИЯ, Политические процессы 30—50-х годов» (Москва, Политиздат). Документ длинный, занимает более сотни страниц (334—443). А также в сборнике раз-

мещен и комментарий к нему доктора исторических наук, профессора Московской ВПШ («высшей партшколы») Н.Маслова. Он начинается так: *«Читатели впервые получили возможность ознакомиться с удивительным человеческим и политическим документом, принадлежащим перу активного участника Октябрьской революции и крупного партийного работника 20—30-х годов Мартемьяна Никитича Рютина. Только за чтение этого документа в 30-е годы людей подвергали жестоким наказаниям, а чаще — просто уничтожали».*

Кратко оценивая «платформу», можно сказать, что Рютин выдвигает в ней массу обвинений в адрес Сталина. Что Сталин создает общество казарменного социализма. Что он отчуждает человека от политической власти, от производства, формирует общество «винтиков», усиливает террор, навязывает сверху «антиленинскую» идеологию. Но с другой стороны Рютин, продолжал сохранять верность марксизму, веру в близкое крушение империалистической системы и в победу мировой революции. В том числе был согласен с борьбой с оппортунизмом. Маслов это выразил так: *«Получается, что, осуждая Сталина за нетерпимость, Рютин и сам был не чужд подобных взглядов».* Рютина больше интересовала направленность внутренней политики. Он требовал обновить политическую и экономическую ситуацию в стране. Решительно демократизировать внутривнутрипартийную и государственную жизнь, восстановить законность судебного аппарата и аппарата ГПУ, подчинить хозяйственное развитие росту благосостояния масс, ликвидировать «дупные» и убыточные колхозы и совхозы, возродить единичные крестьянские хозяйства и т. д.

Некоторые предложения Рютина актуальны до сих пор. Но парадокс здесь в том, что чем выше благосостояние масс, чем шире реальная демократия, тем меньше надежд на мировую революцию. То есть если отрабатывать тему мировой революции в рамках марксизма-ленинизма, то надо было делать наоборот, так, как действовал Сталин с 1928 г.

И в документе Рютина как раз есть ряд наблюдений о сталинском превращении именно с 1928 г. Документ написан, надо полагать, в 1932 г. Не позже октября, когда проводились аресты и обыски. Кроме того, в тексте периодически

упоминаются 1927—1928 гг. и фразы про «4—5 лет назад», применительно к ним.

В самом начале Рютин отметил факт захвата Сталиным власти в партии к 1928 г. Причем *«личной диктатуры, самой неприкрытой, обманной», «отсечением одной группы за другой и подбирая в аппарат ЦК и в секретари губкомов и обкомов лично верных ему людей»*. В декабре 1925 г. (в разгар НЭПа) на XIV съезде ВКП (б) Сталин заявлял, что *«руководить партией вне коллегии нельзя», что «руководить партией без Рыкова, Бухарина, Томского невозможно», что «крови Бухарина мы вам не дадим», что «политика отсечения противна нам»*. Но в декабре 1927 г. на XV съезде ВКП (б) был осужден как антипартийный так называемый *«троцкистско-зиновьевский блок»*, а его активные деятели были исключены из рядов.

Может возникнуть вопрос: что же произошло? Почему это Сталин так въелся именно в Троцкого? И с таким усердием постарался не просто выгнать, но еще и вычеркнуть его из каких-либо упоминаний? По объяснениям Рютина с именем Троцкого было связано два «неудачных», с точки зрения Сталина, обстоятельства. Во-первых, Троцкий был вторым вождем партии (после Ленина) в октябрьских событиях 1917 г. Рютин написал: *«Несмотря на все усилия Емельянов Иловайских вычеркнуть имя Троцкого из истории Октябрьской революции, он навсегда останется первым после Ленина ее вождем и трибуном, ее знаменосцем, ее творцом и организатором! С именем Ленина и Троцкого навсегда будет связано торжество пролетарской революции, ее невиданный подъем, ее лучший героический период»*.

Во-вторых, *«Троцкий раньше других увидел те процессы внутри партии, которые уже в 1923 г. начали развиваться. Троцкий раньше других увидел и возжелания Сталина утвердить свою личную диктатуру в партии»*. В 1924 г. он издал брошюру «Новый курс» в связи с внутривнутрипартийной дискуссией. В ней он озвучил тенденцию разделения партии на «внутреннюю» и «внешнюю» (по выражению Джорджа Оруэла). У Троцкого это называлось жизнью партии на двух этажах: *«В верхнем — решают, в нижнем — только узнают о решениях»*. К верхнему этажу он отнес партийных работни-

ков. Но так как на серьезные собрания съезжались именно партийные работники, то они и отнесли это утверждение Троцкого к «сплошной клевете». И неудивительно, что в этой проблеме они поддержали товарища Сталина, который обвинил Троцкого во всех грехах.

Итак, из двух лидеров Октябрьской революции 1917 г. — Ленина и Троцкого — первого с большими почестями похоронили в 1924 г. И объявили величайшим гением самого передового в мире, самого правильного, самого научного марксистско-ленинского учения. В связи с чем возникло вакантное место «гениального продолжателя». Кандидатов было несколько. Сталин был только одним из них. Причем продолжал активно работать в партии второй лидер революции — Лев Троцкий. И оставалось одно из двух: или и дальше будет вестись в какой-то степени коллективное руководство через споры и дискуссии, или в процессе разных интриг вдруг возникнет «самый главный». Причем эта угроза заставляла вести борьбу за важное «кресло». Ближе всех к методам влияния оказался товарищ Сталин. И он воспользовался ситуацией по полной программе.

Троцкий же оказался в проигрыше с любой стороны. Стать реальным лидером ему не судилось, а сохранить коллективное управление для него не хватило бы поддержки у «партийных работников», которых он стал подозревать в узурпации власти. Сомнительно, чтобы партработники дружно откликнулись бы на *«страстное стремление»* Троцкого *«вернуть партию на путь внутрипартийной демократии и здорового демократического централизма»*. Где это видано, чтобы секретарь райкома запросто критиковал бы первого секретаря обкома? А секретарь обкома свободно печатал бы в газетах критику на самого «Первого»? Вот Троцкий и стал первой жертвой в декабре 1927 г., когда XV съезд ВКП (б) осудил как антипартийный так называемый «троцкистско-зиновьевский блок» и исключил из партии его активных деятелей вместе с Троцким. И хотя сути марксизма-ленинизма его идеи не касались, но они несли серьезную угрозу порядку работы партийных органов. Вот потому и оказались действительно «антипартийными». А тем самым возникли условия для полного забвения имени Троцкого в памяти о

революции. И стал свободным путь к единственному креслу «гениального продолжателя» дела товарища Ленина (который Сталин и занял). И неважно, какие заслуги имел Троцкий в прошлом. С 1928 г. «троцкизм» был объявлен «авангардом международной контрреволюционной буржуазии». А в дополнение к «антипартийным» идеям на Троцкого навешали и остальных «собак», которых у него не было. Вообще, вчитываясь в биографии позднее репрессированных деятелей партии, возникает предположение, что Сталин и его группа с 1927 г. принялись активно использовать метод вранья и навешивания различных лживых ярлыков. Сначала его применили в отстранении Троцкого. А дальше он использовался все шире и шире. Причем гонениям (то есть «критике») подвергался не только Троцкий, но и еще многие «несогласные» (видимо, с «растущей» ролью Сталина). О чем и говорится в «платформе Рютина».

В декабре 1927 г. основные руководители «оппозиции» (Троцкий, Зиновьев, Каменев, Радек, Раковский) были исключены из партии, а затем арестованы. Те из них, кто отказался от публичных саморазоблачений, были высланы в ссылку. 19 января 1928 г. «Правда» опубликовала сообщение об отъезде из Москвы в Алма-Ату Троцкого и группы из тридцати оппозиционеров. С этого момента начался новый этап жизни страны под руководством другого сильного человека — Сталина.

Таким образом, суть «оппозиции» касалась не основы теории «светлого будущего» и как к нему «продвигаться», а касалась проблемы борьбы за пост «главного» в партии (а тем самым и в стране). Потому им только и оставалось или смириться, или оказаться вне партии. К концу 1927 г. Сталин вполне конкретно ликвидировал угрозу возврата к коллегиальному управлению. И «сделал серьезную заявку» занять кресло «Первого решателя».

А следом, в самом начале 1928 г., возникла и серьезная принципиальная проблема в хозяйственном механизме страны. По разным причинам зерновые «закрома» оказались заполненными не так, как ожидалось. И вот тут на самом «верху» потребовалось принять судьбоносное решение. Или продолжать действовать в рамках НЭПа (то есть в

первую очередь экономическими мерами, присущими рыночному хозяйству). Или принципиально перейти на плановую административно-командную систему. Во всех сферах жизни страны. Причем этот переход тоже мог быть двух видов — или постепенно, или ускоренно. Сталин выбрал второй вариант второго метода (хотя на словах до 1928 г. он ратовал за первый вариант, а то и за первый метод). И этому тоже посвящена «платформа Рютина». Причины такой метаморфозы Сталина Рютин объясняет страстным желанием Иосифа Виссарионовича стать единоличным диктатором в стране. С одной стороны, объяснение как бы понятно. Но для чего Сталину потребовались жуткие темпы коллективизации/индустриализации? Рютин это видит, подробно обсуждает, с ним не согласен, однако поиском причины не увлекается.

Но можно вспомнить ряд фактов из 1928 г.

1928-й — НАЧАЛО (ПЯТИЛЕТКИ)...

Не успели «убрать» Троцкого, как в феврале 1928-го в Москве состоялся 9-й пленум ИККИ, который разработал новую тактику коммунистического движения. Она выразилась в формуле «класс против класса» («стенка на стенку»). Эта тактика предусматривала усиление борьбы против «реформизма» социал-демократии и ориентировала компартии на подготовку к возможному возникновению острого социально-политического кризиса в капиталистических странах. И на готовность грамотно действовать при возникновении перспективы пролетарских революций, что рассматривалось как непосредственная задача дня.

В августе—сентябре 1928 г. в Москве прошел 6-й Конгресс Коминтерна. Он огласил приближение нового, «третьего» периода в революционном развитии мира после Октября 1917-го — периода резкого обострения всех противоречий капитализма, о котором свидетельствовали признаки надвигавшегося мирового экономического кризиса. В связи с этим конгресс утвердил и новую тактику движения («класс против класса»). Потом она была признана ошибочной, но это будет потом. А пока Конгресс принимает еще

и Программу движения и уточняет Устав. В Уставе главной целью определялось установление мировой диктатуры пролетариата, создание Всемирного Союза Социалистических Советских Республик.

А в Программе Конгресс открыто призвал всех пролетариев «к топору». Программа заканчивалась следующими словами:

«В противоположность II Интернационалу, раскалывающему профессиональные союзы, ведущему борьбу против колониальных народов и практикующему единство с буржуазией, Коммунистический Интернационал является организацией, которая стоит на страже единства пролетариев всех стран, на страже единства тружеников всех рас и всех народов в их борьбе против ига империализма.»

Коммунисты с беззаветной храбростью ведут эту борьбу на всех участках международного классового фронта, несмотря на кровавый террор буржуазии, в твердой уверенности, что победа пролетариата неизбежна и неотвратима.»

«Коммунисты считают излишним скрывать свои взгляды и намерения. Они открыто заявляют, что их цели могут быть достигнуты лишь путем насильственного ниспровержения всего современного общественного строя.»

Пусть господствующие классы дрожат перед коммунистической революцией. Пролетарии могут потерять в ней только свои цепи. Приобретут же они весь мир.»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

И еще Конгресс охарактеризовал политическое содержание троцкистской платформы как контрреволюционное. Чем-то Троцкий так насолил Сталину, что Иосиф Виссарионович будет и в дальнейшем поминать «троцкизм» неоднократно.

Еще в 1928 г. Сталин развернул борьбу с «правым уклоном». 19 ноября 1928 г. на Пленуме ЦК ВКП (б) он произнес речь «Об индустриализации страны и о правом уклоне в ВКП (б)». И не только в ВКП (б). В декабре 1928 г. Сталин произнес речь на заседании Президиума ИККИ. Затем она была издана брошюрой под названием «О правой опасности в Германской компартии». Что такое «правый уклон»? Коротко говоря, «погоня за вещицм» (приусадебный уча-

сток, личное авто, красивые ковры на стенках, отдельная квартира, комбайн на кухне, ванна фирмы «Рока» и т.д.). По Сталину, истинные большевики скромнее должны жить, скромнее, понижать свои запросы, всемерно экономить. И призывать к этому окружающих.

А для чего экономить?

Для разного. Например, перевооружить Красную армию на основе новой техники под новую теорию ММВ (пятилетний план «развития и реконструкции вооруженных сил СССР» утвержден Совнаркомом СССР в июле 1928 г.). Вы знаете, сколько золотых рублей надо потратить, чтобы оснастить одну танковую дивизию? А десять? А десять мехкорпусов по три дивизии в каждом? А в дополнение к ним десятки арtpолков? А десятки авиационных полков? Причем еще нет тех заводов, на которых надо конвейером выпускать новую технику. Даже еще не приступили к их проектированию. Причем проектировать должны иностранные фирмы. А это затраты в валюте. Которую надо где-то взять. То есть что-то продать. Отсюда и необходимость строгой экономии. И борьбы с «правым уклоном».

Причем серьезное (и в серьезном темпе) развитие промышленности требует больших поставок товарной сельхозпродукции. А крестьяне именно к началу 1928 г. попридержали хлебушек от сдачи (продажи) его государству. Оно было заметно в ноябре 1927 г. и усилилось в декабре. Товарного хлеба было заготовлено менее 50% от уровня 1913 г., причем зажиточное крестьянство бойкотировало государственные закупки по «твердым» (то есть ниже рыночных) ценам. А также дороговизна и нищета, отсутствие промтоваров, дезорганизация закупочных органов, слухи о предстоящей войне — все это вылилось во всеобщее недовольство крестьян правящей властью и вызвало кризис, который Сталин назвал «кулацкой забастовкой».

Требовалось принимать меры. Одного из двух вариантов. Или методами экономической заинтересованности, или принуждением. Экономический «интерес» обошелся бы правительству в большие затраты. Принуждение грозило возникновением новой гражданской войны. Но в январе 1928 г. сила и организованность большевиков во главе со

Сталиным оказались гораздо выше, чем в 1918-м. И Сталин не стал «заморачиваться» и вспоминать свои же предостережения предыдущих лет. Он приказал развернуть принудительное давление на крестьян. В первую очередь загнать их в колхозы.

В январе—феврале 1928 г. согласно решениям Совнаркома и ЦК ВКП (б) были применены «чрезвычайные меры» по хлебозаготовкам: обыски и реквизиция зерна, закрытие рынков, введение карточной системы в отдельных регионах и т.п. Отказ продавать хлеб по твердым ценам квалифицировался как уголовное преступление — «спекуляция» и карался конфискацией имущества и тюремным заключением (ст. 107 УК РСФСР). «На места» выезжали «уполномоченные». Сталин самолично отправился в Сибирь. Другие руководители, такие, как Андреев, Микоян, Постышев или Косиор, отправились в хлебные районы Черноземья, на Украину и на Северный Кавказ. 14 января 1928 г. Политбюро направило местным властям циркуляр с требованием «арестовать спекулянтов, кулаков и других дезорганизаторов рынка и политики цен». Эти меры предотвратили хлебный кризис в 1928 г. Но процесс оказался сложным. И растянулся на 5 лет. А с учетом укрепления созданных колхозов на все это ушло до 7 лет (к 1935 г.). Но в результате Сталин получил возможность более гарантированно изымать урожай в «закрома». Что очень важно в период военного лихолетья. Кроме того, попутно отработывалась технология террора против всего населения страны вообще. И это тоже очень важно для военного времени. Никакую «демократию» с угрозой новых революций допускать нельзя. Вот и получается, что с 1928 г. Сталин развернул спешную подготовку к масштабному ведению новой мотомеханизированной войны. Другие объяснения не просматриваются.

Но войны с кем? Разве просматривалась ли в 1928 г. вероятность осложнения мировой ситуации? Можно сказать, что да, просматривалась. Это видно по текстам докладов Иосифа Виссарионовича съездам партии. В декабре 1927 г. в Москве проходил XV съезд ВКП (б). 3 декабря на нем с политическим отчетом выступил Сталин. Каким был первый раздел отчета? Он назывался: «Нарастающий кризис

мирового капитализма и внешнее положение СССР». Его первые абзацы:

«Наша страна, товарищи, живет и развивается в обстановке капиталистического окружения. Ее внешнее положение зависит не только от ее внутренних сил, но и от состояния этого капиталистического окружения, от положения капиталистических стран, окружающих нашу страну, от их силы и слабости, от силы и слабости угнетенных классов во всем мире, от силы и слабости революционного движения этих классов. Я уже не говорю о том, что наша революция есть часть международного революционного движения угнетенных классов.

Вот почему я полагаю, что отчет ЦК должен быть начат с обрисовки международного положения нашей страны, с обрисовки положения в капиталистических странах и состояния революционного движения во всех странах».

Далее Сталин перечислил ряд цифр, говорящих о росте мировой торговли и какой-то как бы стабилизации капитализма. А затем он задал вопрос:

«Означает ли все это, что тем самым стабилизация капитализма стала прочной, устойчивой? Конечно, нет!

Еще на XIV съезде говорилось в докладе, что капитализм может дойти до довоенной нормы, может перевалить через эту довоенную норму, может рационализировать свое производство, но что это еще не значит, — далеко еще не значит, — что стабилизация капитализма может от этого стать прочной, что капитализм может вернуть себе былую довоенную устойчивость. Наоборот, из самой стабилизации, из того, что производство растет, из того, что торговля растет, из того, что технический прогресс и производственные возможности возрастают, в то время как мировой рынок, пределы этого рынка и сферы влияния отдельных империалистических групп остаются более или менее стабильными, — именно из этого вырастает самый глубокий и самый острый кризис мирового капитализма, чреватый новыми войнами и угрожающий существованию какой бы то ни было стабилизации».

То есть в конце 1927 г. советские руководители очень тщательно анализировали мировую политику и просма-

тривали ее перспективы на будущее. На ожидание кризиса и ухудшение международной ситуации. Вот для того, чтобы страна оказалась готовой к использованию возможных «перспектив мировой революции», и началось в 1928 г. «закручивание гаек».

Но если в отчетном докладе XV съезду Сталин еще не так откровенно призывал к мировой революции, то в заключении доклада XVI съезду ВКП (б) в июне 1930 г. он конкретно перечислил:

«Я кончаю, товарищи.

Каков общий вывод?

Мы имели за истекший период ряд решающих успехов на всех фронтах социалистического строительства. Мы имели эти успехи потому, что сумели держать высоко великое знамя Ленина. Если хотим победить, мы должны и впредь держать знамя Ленина высоко, охраняя его чистоту и незапятнанность. (Аплодисменты.)

Таков общий вывод.

Со знаменем Ленина победили мы в боях за Октябрьскую революцию.

Со знаменем Ленина добились мы решающих успехов в борьбе за победу социалистического строительства.

С этим же знаменем победим в пролетарской революции во всем мире.

Да здравствует ленинизм! (Громкие, долго не смолкающие аплодисменты. Овации всего зала.)»

«Правда» № 177.

29 июня 1930 г.

Вот так готовился-готовился СССР к серьезной схватке с империализмом ради победы всемирной пролетарской революции, но 22 июня 1941 г. оказался ПОЛНОСТЬЮ НЕ ГОТОВЫМ!!!!

Говорят, не успели...

Немцы, кстати, начали гораздо позже — в 1933-м. И в худших условиях. Но успели.

Сталин принял решение в 1928-м...

*Кирилл Александров¹**

«ПЛАНИРОВАЛСЯ УДАР ПО РУМЫНИИ В НАПРАВЛЕНИИ НЕФТЯНЫХ МЕСТОРОЖДЕНИЙ»

ГЕНЕРАЛЫ И ОФИЦЕРЫ ВЛАСОВСКОЙ АРМИИ О ПЛАНАХ СТАЛИНА И СОСТОЯНИИ РККА В МАЕ — ИЮНЕ 1941 Г.

Среди широкого круга источников, которые сегодня используются специалистами при изучении противоречивых планов и намерений партийного и военно-политического руководства СССР в предвоенные месяцы, внимание исследователя привлекают показания советских военно-пленных, в первую очередь представителей командно-начальствующего состава Красной армии. Одним из первых к ним обратился известный немецкий историк доктор И. Хоффманн (Гофман), уроженец Кенигсберга, скончавшийся в 2002 году. Он ввел в научный оборот интересные фрагменты из многих опросных материалов и протоколов²⁷², повлиявшие на характер современной дискуссии о драматических событиях весны — лета 1941 г.

Острую полемику среди ученых и публицистов вызва-

¹ *Кирилл Михайлович Александров* — кандидат исторических наук, заместитель главного редактора военно-исторического журнала «Новый Часовой» (Санкт-Петербург), член редакционных коллегий историко-документального альманаха «Русское прошлое» (Санкт-Петербург) и журнала «Военно-исторический архив» (Москва). Живет и работает в Санкт-Петербурге.

ли разновременные заявления трех плененных генералов (А. З. Наумова, И. П. Крупенникова и Л. А. Мазанова), касавшиеся знаменитого выступления секретаря ЦК ВКП (б) И. В. Сталина на приеме-банжете, состоявшемся вечером 5 мая 1941 г. в Большом Кремлевском дворце в честь выпускников курсов по усовершенствованию командиров штабов при Военной академии им. М. В. Фрунзе. Опубликованные Хоффманном свидетельства совпадали в основном: в тот день перед многочисленными гостями Сталин якобы заявил о завершении миролюбивой политики Советского Союза и предложил тост за активную, наступательную политику, «за новую эру развития и расширения Советского государства»²⁷³. Война с Германией, по впечатлениям очевидцев, стала близкой и неотвратимой. Причем инициатива в грядущем столкновении с Вермахтом должна была принадлежать Красной армии.

Московский историк О. В. Вишлев подверг настоящий источник резкой критике. В традиционном для советской историографии стиле он немедленно заклеил творчество Хоффманна, чьи работы, с точки зрения его оппонента, представляют собой «события не научной, а скорее политической жизни»²⁷⁴. По версии Вишлева, показания о подготовке Советским Союзом нападения на Германию охотно давали «перебежчики или те, кто, попав в плен, решил перейти на службу к немцам»²⁷⁵, в том числе и упомянутые генералы. Однако подлинная картина выглядела намного сложнее. При ее внимательном рассмотрении уязвимой оказывается скорее позиция Вишлева, чем Хоффманна.

Командир 13-й стрелковой Дагестанской дивизии (I формирования), входившей в состав 5-го стрелкового корпуса 10-й армии Западного фронта, генерал-майор А. З. Наумов попал в плен в Белостокском выступе в конце июня — начале июля 1941 г. Начальник штаба 3-й гвардейской армии Юго-Западного фронта генерал-майор И. П. Крупенников — северо-западнее Сталинграда 21 декабря 1942 г. Командующий артиллерией 10-й гвардейской армии Западного фронта генерал-лейтенант Л. А. Мазанов — на Орловском направлении 13 июля 1943 г. Свои показания о тосте-выступлении Сталина 5 мая 1941 г. они давали в раз-

ное время и независимо друг от друга. При этом два последних генерала на знаменательном банкете не присутствовали и рассказывали о нем с чужих слов. Крупенников высказывался более осторожно, Мазанов — более категорично.

О. В. Вишлев назвал Крупенникова и Мазанова «власовцами»²⁷⁷, основываясь на том, что оба генерала в плену резко отрицательно отзывались о сталинской социально-экономической модели и не скрывали своих симпатий к политической программе А. А. Власова, в первую очередь к ликвидации на родине колхозов, принудительного труда и репрессивной системы. Причастность конкретного лица к акции Власова, с точки зрения Вишлева, априори обесценивает его любые свидетельства в силу их обусловленной пристрастности. Следовательно, никакого значения и ценности подобные показания не имеют. Объективность такого странного подхода представляется нам весьма сомнительной. На аналогичном основании, например, исследователям сегодня следовало бы игнорировать антифашистские заявления членов Союза немецких офицеров (СНО) и сторонников Национального комитета «Свободная Германия» (НКСГ). Хотя в 1944 году среди немецких военнопленных в СССР звучали призывы к созданию Немецкой освободительной армии²⁷⁸.

Однако в данном конкретном случае Вишлев либо вообще не знаком с жизнеописанием А. З. Наумова, И. П. Крупенникова и Л. А. Мазанова, либо сознательно скрыл от читателя некоторые существенные эпизоды их драматических биографий. На самом деле ни один из трех названных генералов *не участвовал* во власовском движении и в войсках или аппарате Комитета освобождения народов России (КОНР) в 1944—1945 гг. *не служил*. Действительно, в Советском Союзе Наумова и Крупенникова в 1950 году расстреляли: первого — за антисоветскую агитацию и пропаганду (разговоры и болтовню), второго — за малопонятные обстоятельства пленения в декабре 1942 г. Но Крупенникова уже в 1957 году посмертно реабилитировали, признав предъявленные ему в 1950 году обвинения несостоятельными. Мазанов же после возвращения из Европы в СССР в 1946 году не подвергался репрессиям. Он успешно прошел спецпроверку в органах госбезопасности, был восстановлен

в кадрах, награжден орденами Ленина и Красного Знамени, затем служил в Советской армии на ответственных преподавательских должностях. В 1953 году Лавр Александрович вышел в отставку и спустя шесть лет тихо умер в Москве, будучи благополучным военным пенсионером²⁷⁹. Крупенников и Мазанов стали «власовцами» только в воображении Вишлева. Вопреки его уверениям читателя, «на службу к немцам» упомянутые генералы не переходили. Поэтому к их показаниям о словах Сталина, прозвучавших на банкете 5 мая 1941 г., необходимо отнестись внимательно, сопоставив их с другими известными сегодня материалами.

Кстати, Вишлев, критикуя публикацию Хоффманна, случайно или умышленно не стал комментировать заявление полковника И. Я. Бартенева — командира 53-й стрелковой им. Ф. Энгельса дивизии (63-й стрелковый корпус 21-й армии Западного фронта). 17 июля 1941 г. Бартенев первым, *независимо* от Наумова и *задолго* до Крупенникова и Мазанова, дал немцам похожие по содержанию показания о сталинском тосте 5 мая²⁸⁰. Во власовской армии Бартенев тоже не служил и в деятельности КОНР не участвовал. Видимо, такой поворот судьбы не укладывался в концепцию Вишлева, поэтому он уклонился от обсуждения данных Бартенева. Вероятно, Олег Викторович искренне убежден в том, что разные доклады советских военнопленных о подготовке Сталина к нападению на Германию злонамеренно создавались в недрах германской военной разведки в пропагандистских целях или исходили от лиц, всего лишь желавших «понравиться гитлеровцам»²⁸¹. Однако руководствоваться личными идеологическими пристрастиями при оценках свидетельств военнопленных нельзя. Предположим, что Бартенев, Наумов, Крупенников и Мазанов сделали заявления о наступательных планах Сталина под влиянием собственных антисоветских убеждений. Но тогда с не меньшим основанием можно утверждать, что те военнопленные, которые отрицали наличие агрессивных намерений у Москвы, делали это под влиянием своих просталинских взглядов. Так, например, на допросе 18 июля 1941 г. решительно опровергал подобные версии старший лейтенант Я. И. Джугашвили, служивший в 14-м гаубичном

полку (в/ч 6949) 14-й танковой дивизии 7-го механизированного корпуса 20-й армии Западного фронта.

«— Действительно ли были такие намерения?

— Нет, не думаю. <...> Ведь вы первые напали, правда? Не Советский Союз первым напал на Германию, а Германия напала первой! Мне говорят, будто бы есть такая речь Сталина, в которой говорится, что если Германия не нападет первой, то это сделаем мы. Я никогда не слыхал ничего подобного! Никогда не слыхал! Никогда не слыхал! Это я могу сказать. Я не знаю»²⁸².

Можно ли с легкостью проигнорировать слова Джугашвили, так же как Вишлев предлагает не принимать во внимание заявления Бартенева, Мазанова или власовцев?.. Конечно, нет. С точки зрения автора, содержание конкретных показаний в первую очередь было обусловлено не столько личным отношением того или иного военнопленного к сталинской социально-экономической модели, а сколько его осведомленностью, должностными обязанностями и частным видением реальной обстановки, складывавшейся на месте службы в мае — июне 1941 г. Индивидуальные взгляды (в том числе «антисоветские») играли здесь второстепенную роль. В этой связи интересно узнать, что же в действительности рассказывали разные участники власовского движения на протяжении военных и послевоенных лет о состоянии армии, сталинских планах и намерениях в 1941 году?

Ответ на поставленный вопрос выглядит неоднозначным.

Начнем с того, что Хоффманн и Вишлев упустили из виду еще одного очевидца — генерал-майора В. Ф. Малышкина, бывшего начальника штаба 19-й армии (I формирования) Западного фронта²⁸³. Немецкий дипломат Г. Хильгер встретился с ним 24 января 1943 г. в особом опросном лагере I (Кенигсбергского) военного округа в Летцене. Свою версию Малышкин изложил уже *после* заявлений Наумова и Крупенникова, но почти за полгода *до* показаний Мазанова. В 1938—1939 гг. комбриг Малышкин был репрессирован органами НКВД, затем освобожден и реабилитирован. Василий Федорович, в отличие от генерала Крупенникова,

на банкете вечером 5 мая 1941 г. не только присутствовал лично, будучи старшим преподавателем Академии Генерального штаба, но и записал основные тезисы сталинских выступлений по ходу застолья. К моменту знакомства с Хильгером Малышкин уже давно и достаточно эффективно сотрудничал с противником. Встреча в Летцене принципиально в его судьбе ничего не меняла, и «понравиться гитлеровцам», как о том писал Вишлев, секретарь фиктивного Русского комитета уже не стремился. Однако за весь предшествующий период пребывания генерала Малышкина в плену (октябрь 1941 г. — декабрь 1942 г.) никого из немцев, кроме Хильгера, не заинтересовали субъективные воспоминания о полузабытом московском банкете. К сожалению, автору пока не удалось установить, каким образом отчет Хильгера о беседе с Малышкиным зимой 1943 г. отложился именно в документах Следственной части Главного управления контрразведки «СМЕРШ» (МГБ).

«Банкет в Кремле 05. 05. 1941 был устроен в честь выпускников курсов по усовершенствованию штабных офицеров²⁸⁴ при Московской Военной академии им. Фрунзе. На банкете было около 2000 человек²⁸⁵. Он [Малышкин. — К. А.] присутствовал в качестве преподавателя Академии Генерального штаба. Основные моменты речи Сталина он записал. Сталин был трезв²⁸⁶. Один из участников²⁸⁷ предложил тост за советское правительство и успешное продолжение его мирной политики. Сталин тут же возразил²⁸⁸: «Утверждение, что советское правительство успешно осуществляет мирную политику, является правильным, однако сейчас-несвоевременно подчеркивать мирную политику советского правительства. Это значит неправильно ориентировать народ и направлять его мышление по такому пути, который более не соответствует современному этапу развития. Пришло время объяснить народу, что период мирной политики миновал. Нужно подготовить народ к мысли о необходимости войны, причем наступательной войны. Дальнейшие цели Советского Союза могут быть достигнуты только применением оружия. Он предлагает тост за этот новый этап развития Советского Союза и расширения его границ». Германию в качестве «объекта» [нападения. — К. А.] Сталин не

назвал. По мнению Малышкина, наступление должно было последовать тотчас после уборки урожая осенью 1941 г. На вопрос, откуда должно было произойти наступление, Малышкин не ответил, в то время как другие высшие советские офицеры с уверенностью заявляли, что через Румынию. Сообщение Малышкина с показаниями о банкете полностью совпадает с показаниями генерал-майора Наумова, причем Малышкин даже не знает, что Наумов находится в плену²⁸⁹, в то время знает его как слушателя Военной академии»²⁹⁰.

«Малышкин производит впечатление интеллигентного человека выше среднего уровня, он говорит продуманно и уверенно. Его ненависть к большевизму, учитывая пережитое им, производит глубокое и честное впечатление»²⁹¹.

Более раннее по датировке сообщение генерал-майора А. З. Наумова существует в виде приложения к донесению начальника отдела «Иностранные армии Востока» (Fremde Heere Ost) Генерального штаба ОКХ полковника Р. Гелена от 18 октября 1942 г. Вот интересующий нас фрагмент, который по-разному прокомментировали И. Хоффманн и О. В. Вишнев.

«Одна речь, которую произносил кто-то из аудитории, содержала гост: «Да здравствует миролюбивая политика Советского Союза!» Сталин поднялся и сказал: «Этот лозунг устарел, то есть в развитии Советского государства и в деле расширения его границ наступила такая эпоха, когда стало необходимо добиваться этого не с помощью миролюбивой политики, а силой оружия. У нашей страны сегодня есть все предпосылки для того, чтобы достичь [целей] своей политики иным путем. Я поднимаю бокал за новую эру развития и расширения Советского государства». Далее Сталин указал на необходимость пропаганды этого нового лозунга среди населения Советского Союза и на то, что требуется держать всю страну в постоянной мобилизационной готовности»²⁹².

Итак, сравним сообщение Наумова и обнаруженный автором отчет Хильгера с ныне опубликованной краткой машинописной записью, которая поступила в 1948 году в Центральный партийный архив (ЦПА) за подписью не-

кого К. В. Семенова, якобы одного из сотрудников Министерства обороны. Ни речь, ни выступления (реплики) Сталина на банкете официально не стенографировались, и происхождение машинописи остается неустановленным. Перед нами, скорее всего, тоже текст чьей-либо рукописи, позднее перепечатанной. Ведь трудно предположить, чтобы кто-то из приглашенных в Кремль командиров принес с собой на банкет печатную машинку. О самом Семенове до сих пор нет каких-либо внятных сведений. Вот содержание машинописи из ЦПА, аутентичность которой сегодня не подвергается сомнению:

«Выступает генерал-майор танковых войск. Провозглашает тост за мирную сталинскую внешнюю политику. *Товарищ Сталин:* «Разрешите внести поправку. Мирная политика обеспечивает мир нашей стране. Мирная политика дело хорошее. Мы до поры до времени проводили линию на оборону — до тех пор, пока не перевооружили нашу армию, не снабдили армию современными средствами борьбы. А теперь, когда мы нашу армию реконструировали, насытили техникой для современного боя, когда мы стали сильны — теперь надо перейти от обороны к наступлению. Проводя оборону нашей страны, мы обязаны действовать наступательным образом. От обороны перейти к военной политике наступательных действий. Нам необходимо перестроить наше воспитание, нашу пропаганду, агитацию, нашу печать»²⁹³.

Очевидно, что «версия Семенова» (назовем ее так) достаточно близка по смыслу к первой части «версии Наумова — Малышкина» (включая фразу: «*Нужно подготовить народ к мысли о необходимости войны, причем наступательной войны*»). Частные разночтения легко объяснить тем обстоятельством, что Наумов, Малышкин, Крупенников и Мазанов вольно пересказывали своим немецким собеседникам банкетную речь и реплики Сталина, спустя долгое время (два последних генерала делали это еще и с чужих слов). Но смысла, по существу, на наш взгляд, они не исказили. А затем в глаза автору бросилась одна мелочь, на которую он обратил внимание благодаря долгому творческому

общению с замечательным петербургским машиностроителем Э. М. Васюшкиным. Здесь автор позволит себе даже несколько изменить сухой стиль повествования.

«Версия Семенова» с первых слов определенно описывает вполне конкретную и понятную читателю мизансцену в разгар торжественного застолья: «*Выступает генерал-майор танковых войск. Провозглашает тост*». Представим себе, как все, включая товарища Сталина, наполнили бокалы и рюмки. Сосредоточили внимание. Настроились. Кто-то, может быть, уже и огурчик приготовил. На вилочку наколот.

...Но патетический тост «за мирную сталинскую внешнюю политику» самому товарищу Сталину неожиданно не понравился. Товарищ Сталин внес содержательную поправку. И, согласно принятой «версии Семенова», обосновал ее. В чем не сомневаются разные историки, включая О. В. Вишлева.

А дальше? Что произошло дальше?..

Ничего не произошло, так как «версия Семенова» здесь неожиданно заканчивается. Конец машинописи из ЦПА.

Что же, товарищ Сталин, убедительно объяснив гостям, что «*теперь надо перейти от обороны к наступлению*», с наполненным бокалом просто сел на свое место? И другие гости, чьи бокалы тоже были раньше наполнены, легко вернулись к шумным застольным разговорам?

Нелогично, а поэтому невероятно.

Автору представляется, что товарищ Сталин, поправив безвестного нам генерал-майора, тост, на который все слушатели всерьез настроились, естественно, произнес. Требовала того неременная культура застолья. Тем более что генерал-майор изначально предложил поднять бокалы все-таки за «сталинскую внешнюю политику». Никак нельзя такой тост было пропустить, раз он прозвучал. И все присутствующие наполненные бокалы и рюмки с воодушевлением осушили, а затем закусили, скорее всего, уже горячим. Только при подготовке машинописи, которая в 1948 году поступила в ЦПА, злосчастный тост в итоговый текст *кто-то* не включил. Скорее всего, даже с ведома или по указанию товарища Сталина. Это вполне возможно, учитывая,

что банкетную речь и выступления-реплики сначала предполагалось опубликовать в его прижизненном Полном собрании сочинений²⁹⁴. Но затем составители по неизвестным причинам отказались от публикации любых текстов, связанных с событиями 5 мая 1941 г.

Опубликованная в 1998 году машинопись за подписью К. В. Семенова правдива. Но не всю правду читателю сообщает. Поэтому и складывается впечатление, что «версия Семенова» (в сборнике документов «1941 год» — «3-е выступление И. В. Сталина на приеме») оборвана на середине. Недосказана. Поскольку в первой части «версия Наумова — Малышкина» не противоречит «версии Семенова», трудно предположить, что оба генерала независимо друг от друга далее исказили смысл откровенного сталинского тоста: «*За этот новый этап развития Советского Союза и расширения его границ*». Тогда становится совершенно понятно, за что именно предложил 5 мая 1941 г. выпить своим гостям товарищ Сталин, и почему содержание его тоста в послевоенные годы не стоило доверять машинописи, поступившей в архив. Таким образом, свидетельства пленных советских генералов Наумова, Крупенникова, Малышкина, Мазанова *не противоречат* опубликованной машинописи из бывшего Центрального партийного архива, как в том убежден О. В. Вишнев, а существенно *дополняют* ее в той части, которую опустил неизвестный составитель. В этой связи нельзя не признать обоснованными выводы московского исследователя В. А. Невежина: «Антигерманская направленность сталинской речи 5 мая 1941 г. в сочетании с апологией Красной армии не оставляла сомнения, что ближайшим военным противником станет вермахт <...> Не случайно для ближайшего сталинского окружения все сказанное вождем 5 мая 1941 г. на торжественном собрании и на приеме (банкете) по случаю выпуска слушателей военных академий являлось руководством к действию»²⁹⁵.

Отражались ли процитированные сталинские слова (в интерпретации Малышкина) на реалиях времени? Обратимся к свидетельствам других власовцев. Весной 1941 г. приближение войны чувствовали многие из них.

Доцент Московского института народного хозяйства им.

Г. В. Плеханова М. М. Самыгин (впоследствии — А. Чайкин, в эмиграции — М. Китаев) в звании младшего лейтенанта был назначен начальником химической службы 436-го стрелкового полка 155-й стрелковой дивизии (I формирования), включенной в 10-ю армию. В начале мая он убыл из Москвы в ЗОВО²⁹⁶. В 1950-х годах вот что писал Китаев известному историку Б. И. Николаевскому, жившему в США:

«В конце апреля я и многие мои друзья, и знакомые, тоже офицеры²⁹⁷ запаса, получили повестки, призывавшие нас к очередному, 90-дневному учебному сбору. Как правило, мы проходили подобные сборы всегда при одной и той же дивизии, недалеко от места жительства. На этот раз нас посылали на запад, в совершенно незнакомые части. Политическая обстановка, то есть нависшая угроза внешнего вторжения, была ясна каждому. Уезжая и прощаясь с близкими, мы делали это в ожидании близкого развития событий. Таковы же были обстановка и настроения в Зап [адной] Белоруссии. Барановичи²⁹⁸, Белосток, Волковск, Брест, где мне пришлось побывать в первую половину мая месяца, представляли собой вооруженный лагерь, готовый к оказанию сопротивления в любую минуту. В районе Бреста и Ломжи часть расквартированных войск ночевала в окопах. Отпуска были отменены, части занимались непрерывными учениями, и очень редко нам удавалось ночевать в казармах. Большинство времени мы проводили в поле, ночуя под повозками. В это время мне пришлось близко познакомиться с людьми, доверенными мне. Все отлично понимали, что сегодня-завтра придется начать совершенно новую жизнь — войну, и присматривались друг к другу. Солдаты представляли собой в огромном большинстве вновь призванные контингенты, плохо обученные и еще не обстрелянные. Среди них были, однако, вкраплены дивизии и полки, переброшенные из Финляндии, прошедшие там суровую «зимнюю войну». Они как бы цементировали огромную массу плохо обученных войск. Мне посчастливилось попасть именно в такую кадровую дивизию²⁹⁹. Командование стремилось в короткий срок создать из полуобученных масс боеспособные войска. Почти каждое учение, в том или ином виде, связывалось с боевыми стрельбами, часто практиковалось движение за огневым валом. При этом были

потери, правда, небольшие. На это смотрели легко: цель оправдывает средства. Патронов и снарядов не экономили: чувствовалось, что игра кончилась и надо за дело браться серьезно. Присматриваясь к своим подчиненным, я отметил два основных пункта в их настроениях:

1) страх перед возможной войной и неуверенность в собственной силе. Я не сказал бы, что это было неверие, но неуверенность. Успехи германских войск говорили сами за себя;

2) жалобы на тяжесть службы. Служба была тяжела, питание недостаточно. Большинство солдат страдали не то чтобы от голода, но от недоедания. Многие офицеры запаса отдавали солдатам свой сухой паек, чтобы несколько улучшить их рацион. Это могли позволить себе лишь немногие, занимавшие хорошее положение на гражданской службе, так как питаться в командирской столовой на собственные средства было недешево. Кадровые офицеры, особенно семейные, еле-еле сводили концы с концами. Недостаточная обеспеченность кадровых офицеров заставляла их пускаться на всевозможные хозяйственные комбинации, злоупотребляя своим служебным положением, что немедленно отзывалось на снабжении солдат.

Несмотря на все это, т[ак] н[азываемое] политико-моральное состояние было хорошим. Причиной этого были не политические или идеологические соображения, но простая и ясная мысль: воевать придется, и скоро. Учись! Солдаты буквально осаждали нас вопросами, касающимися боевой подготовки, требовали больше патронов, больше боевых стрельб. Никогда еще не видел я ничего подобного. На других учебных сборах люди обычно жили письмами из дома.

Так прошли май и первая неделя июня. Затрудняюсь точно определить дату, но где-то до 10 июня произошел перелом. Кто-то, стоявший высоко наверху, ослабил туго свернутую пружину. Это немедленно почувствовали все. Специальные подразделения были откомандированы от полков на особые сборы. 30% офицеров получили отпуска и разъехались. Учения продолжались, но чувствовалось, что это делается только для сохранения дисциплины, а не из необходимости. Офицеры штабов больше не засиживались ночами на т[ак] н[азываемой] моб[илизационной] работе,

на спортивных площадках запрыгал волейбольный мяч и послышался веселый смех офицерских жен, к которым вернулись мужья. Напряжение спало — наступила реакция, выразившаяся для одних в пьянстве, для других в женщинах, и, в общем, для всех в тех скромных развлечениях, которые были доступны. Мы, офицеры запаса, ждали конца сбора и уже писали домой, чтобы снимали дачи и устраивались на лето. И что таить греха, у очень многих шевелилось чувство благодарности к правительству в Москве, сумевшему еще раз избежать войны. Европа воюет, а мы играем в волейбол! Но тут же рождалось и смутное тревожное чувство: сумеют ли они там, наверху, сохранить мир и дальше?

Полки остались без спецподразделений: пулеметчики были собраны на особый сбор, саперы — на свои специальные занятия, ушла противотанковая артиллерия, не сегодня-завтра должны были и мы, химики, идти на свой сбор в район Волковыска.

В этой-то обстановке и пришел день 22 июня 1941 г., ожидаемый и вместе с тем такой неожиданный»³⁰⁰.

Воентехник 2-го ранга Б. П. Георгиевский (в эмиграции — Б. Кольб)³⁰¹, по окончании Тамбовского артиллерийско-оружейного технического училища, в первой половине июня 1941 г. прибыл для прохождения службы на должность младшего артиллерийского техника в 14-й стрелковый полк 72-й горнострелковой Туркестанской Краснознаменной дивизии, входившей в 8-й стрелковый корпус 26-й армии (КОВО). 17 июня он отправил родителям в Москву последнее довоенное письмо, сохранившееся в семейном архиве. Сканированная копия хранится в архиве автора (*стиль и орфография сохранены публикатором*):

«Здравствуйте дорогие Родители! Оба письма от вас получил еще до отъезда, на вокзале. Эти письма на вокзал принес один товарищ. Получили ли мое письмо из Киева, где я был проездом? Сейчас нахожусь по адресу: У.С.С.Р., Дрогобычская обл., г. Устрики Дольняя, почт. Ящик 701/25. г. Устрики — это небольшая станция в северных отрогах Карпат на границе с нашим «другом» — Германией. Граница проходит у подножия горы, что перед окном. С горы видно, как рюют немцы; рюют наверное в честь дружбы. Здесь в

ходу такой анекдот. Наш спросил у немца: «Почему вы собрали так много войск у наших границ?» На что немец ответил: «Они отдыхать приехали. Здесь им спокойно», — и в свою очередь спросил: «А почему вы собрали так много войск у наших границ?» И немец получил такой ответ: «Что бы вашим войскам можно было спокойно отдыхать». До свидания, Борис».

В 2004 году, пересылая копию автору настоящих строк, Георгиевский сделал пометку на полях: «Только Сталин не знал, что война на носу, но это вранье».

Почти через четверть века после появления на свет записок Самыгина в Ленинграде, в конце 1970-х годов, свои мемуары начал писать другой офицер власовской армии — Л. А. Самутин, чья судьба сложилась драматично. В апреле 1941 г. младший лейтенант запаса³⁰² Л. А. Самутин, преподаватель геофизики и астрономии Уфимского педагогического института, прибыл на трехмесячный учебно-лагерный сбор при 238-м стрелковом полку 186-й стрелковой дивизии (I формирования), дислоцировавшейся в УрВО. В следующем месяце в полевом лагере части он неожиданно получил назначение начальником стрелково-минометного сбора новосформированной учебной роты. Подчеркнем, что Самутин, находившийся под неусыпным наблюдением вплоть до смерти в 1987 году, писал свои воспоминания, что называется, «в стол». Последний мирный месяц запомнился бывшему командиру запаса так:

«В середине мая вдруг стали прибывать большими группами новые люди, пополнение. Это оказались запасные приписного состава. От них мы узнали, что призвано этих запасных 15 возрастов, всем объявлено, что рядовой состав призывается для прохождения 45-дневных сборов».

14 июня, за две недели до окончания сбора, все командиры, включая призванных из запаса, получили срочный приказ немедленно явиться в штаб 238-го стрелкового полка.

«Скорым шагомдвигаю к штабу. Там собираются кучками вызванные командиры. Беспокорства не вижу ни у кого, а вчера ведь только было очередное опровержение ТАСС, разговорчики идут всякие, неспокойно становится вокруг...

И призыв этих приписников в таком большом количестве, и досрочный, на два месяца раньше срока, выпуск лейтенантов из военных училищ — все, наверное, неспроста, что-то готовится... Что-то назревает, тревожно становится на душе, когда все сопоставишь.

На крылечко штаба вышли командир полка, комиссар, начальник штаба. Мы повытянулись, сделали под козырьки.

— Ну, все здесь? — спросил майор, командир полка. — Вот что, товарищи командиры. Получен приказ из округа немедленно нашей дивизии сниматься с лагеря и отправляться на большие корпусные, а возможно, и армейские маневры. Сейчас же начинайте подготовку к погрузке в эшелоны. Сегодня — четырнадцатое, грузиться будем шестнадцатого с утра. Людей с занятий снимайте, кормите обедом, а после обеда приступайте к свертыванию всего хозяйства. Палатки, койки, матрасы — все берем с собой. Начальникам сборов своих людей распустить по подразделениям. Выполняйте.

Капитан Никитин, командир второго батальона, сунулся с вопросом, куда хоть поедет, да тут же и прикусил язык. Майор не рассердился, а только, уходя с крыльца, махнул рукой — и в дивизии никто не знает».

19 июня эшелон прибыл на станцию Великие Луки.

«Вся станция Великих Лук оказалась забита воинскими поездами. Эшелоны с людьми, военной техникой: орудиями, танками, машинами, поезда с запломбированными товарными вагонами, длиннейшие составы цистерн с горючим — одни прибывали, другие отправлялись с очень короткими интервалами. Мы ждали своей очереди.

Тут, в Великих Луках, пришел конец нашему беззаботному настроению. Теперь мы уже не предчувствовали — своими глазами видели, что готовится что-то серьезное, и нам в этом предстоит участвовать».

Вечером 21 июня дивизия, входившая в 62-й стрелковый корпус 22-й армии (I формирования), разгрузилась на станции Идрица (Себежский район Псковской области).

«На удивление быстро — повзводно — всем были выда-

ны совершенно новые комплекты обмундирования, вплоть до нижнего белья, и, что самое главное, опротивевшие ботинки с обмотками тоже были заменены сапогами. Красноармейцы получили сапоги кирзовые, а мы, комсостав, — прекрасные яловые, с толстой кожаной подметкой. Если бы мне тогда сказали, что в этих сапогах я прошагаю пешком без малого тысячу километров и мы это выдержим — и я, и сапоги, — ни за что бы не поверил.

Легкое стрелковое оружие нам также заменили. Вместо старых разболтанных винтовок, которые мы привезли с собой, нам выдали новенькие винтовочки и ручные пулеметы. Станковые пулеметы и минометы остались старые.

Но что больше всего удивило нас, так это — получение боеприпасов. И это оказалось не только к удивлению, но и к неудовольствию, так как не больше чем через час мы выступили, и боеприпасы значительно увеличили вес переносимых грузов. Приказано было объяснить личному составу, что боеприпасы выданы потому, что маневры будут проходить в районе государственной границы, а всякая воинская часть, находящаяся в районе границы, должна быть снабжена боеприпасами»³⁰³.

На следующий день началась война, и младший лейтенант Л. А. Самутин получил свою последнюю должность в РККА — командира транспортной роты 238-го стрелкового полка 186-й стрелковой дивизии³⁰⁴. Прижизненной публикации своих мемуаров автор не дождался, отчасти благодаря постоянному вниманию к себе со стороны сотрудников известного ведомства. Книгу опубликовала дочь через 15 лет после смерти отца крошечным тиражом в 300 экземпляров.

Один из старших офицеров власовской армии, бывший репрессированный командир РККА В. В. Поздняков³⁰⁵, в июне 1941 г. занимал должность начальника химической службы 67-го стрелкового корпуса 21-й армии в звании подполковника. За несколько месяцев до смерти в эмиграции он опубликовал в русской зарубежной печати интересное свидетельство:

«В мае 1941-го я присутствовал на совершенно секретном совещании старшего комсостава Полтавского гарнизона³⁰⁶ (от командиров полков и выше). Докладчик из ЦК

партии подробно разбирал этот тезис Сталина и утверждал о неизбежности войны с Германией. (Сталин 1 или 5 мая 41-го сказал: пора от обороны в тактическом смысле перейти к понятию обороны в стратегическом отношении.) Когда Советский Союз подготовился бы к такой войне, он сам напал бы на Германию»³⁰⁷.

Но так видели ситуацию не все. Послевоенные воспоминания М. М. Самыгина и В. В. Позднякова, кстати, сидевших зимой 1941/42 года в одном лагере для военнопленных, уместно сравнить с оценками состояния Красной армии в последние предвоенные месяцы, принадлежащими двум другим власовцам, игравшим в движении заметную роль: С. Т. Койде³⁰⁸ и Ф. И. Трухину. Командир 184-й стрелковой дивизии (IV формирования)³⁰⁹ полковник С. Т. Койда написал свои воспоминания в ФРГ в конце 1940-х — начале 1950-х годов, по предложению Позднякова. Короткие записки «Причины первоначального поражения советской армии» не предназначались для публикации. В мае 1941 г. Койда служил в Томске и занимал должность командира 735-го стрелкового полка 166-й стрелковой дивизии (I формирования) в звании подполковника. В конце июня дивизия в составе 53-го стрелкового корпуса 24-й армии прибыла из Сибири на Запад и выдвинулась в район Вязьмы. Вот что писал полковник Койда спустя несколько лет после войны:

«Немцы застали врасплох советскую армию, с ее беспечностью и переоценкой ее пропаганды, которая убаюкивала армию и внушала ей, что она непобедима, граница на замке и что они будут воевать на чужой территории, летать будут выше всех и дальше всех и т. п. Надо отметить, что в эти годы широко было внедрено в армии очковтирательство. Оно шло и по командной, и по политической линии и сознательно прикрывалось даже такими органами, как политотделы округов, которые скрывали перед политуправлением РККА и Министерством³¹⁰ обороны СССР.

Откуда появились замки на границах? Сперва их вешали на границах Дальнего Востока. Их подхватили и на запад-

ных границах, продолжая повторять как попугай, не давая себе отчета, на митингах, собраниях, политзанятиях и т. п.

Результаты инспекций, составление протоколов боевой подготовки и т. д. достраивались в кабинетах штабов до оценки отличной, хорошей и представлялись наркомму. Все это делалось в погоне за хорошей рекомендацией и аттестацией с тем, чтобы получить продвижение по службе и занимаемой должности. Всему этому был стимул социалистического соревнования, который толкал и подсказывал о 100% выполнении взятых на себя обязательств, и от результата их зависела судьба тех, кто их возглавлял, а так как выполнить договор было нелегко, то к этому прикладывался карандаш и подчищали резинкой. Если подвергались какие-либо подразделения проверке по той или иной дисциплине, то выбирали лучших из лучших бойцов этого подразделения или батальона, а не то сажали в блиндажи с револьверами и достреливали так, чтобы было попадание в мишени. Такие методы обучения проходили не только в частях, но и в военных училищах и в академиях, где преподаватели старались дать характеристику своим слушателям, чтобы не иметь слабой оценки их слушателей, ибо ответственность падает на преподавателя, как не сумевшего обучить слушателя. В результате целый ряд выпусков из академии не имел достаточного кругозора в военных действиях на большом театре войны. Все разработки, все занятия академий проходили по шаблону и устным указаниям.

И в начале войны начальники не имели права делать маневры, отступать, делать перегруппировки — на все надо было иметь разрешение, а в войне «медлительность смерти подобна». Помимо неподготовленности кадров, армия была вооружена старой техникой и вступила в бой с перво-классной техникой немцев³¹¹. Советские армии не были отмотилизованы и укомплектованы по военному времени. Дивизии имели 6 тыс. состав — от силы 8. Немецкие дивизии имели превосходство в 3 раза³¹². Советская армия по числу и старому вооружению равнялась немецкому корпусу, а иногда и уступала в вооружении. Так было под Москвой в 1941 г., так было в первые годы под Сталинградом.

Западные военные округа — Украина, Белоруссия и по-

гранвойска — находились на поверхности земли, и не было создано укрепленных районов с бетоножелезными сооружениями из-за отсутствия материалов. На новых границах Запада были сооружены простые земляные сооружения с ходами сообщений, и все! Погранчасти занимали оборону на широком фронте. Полк занимал вместо 2,5 км до 12—14 км по фронту. Тыловые войска были расположены в палатках, землянках, комсостав в домиках из фанеры. 3/4 всех войск Украины и Белоруссии находились в лагерях, шла демобилизация рядового состава, отбывшего воинскую повинность, и призывался очередной год в армию.

Кроме того, следует отметить, что новые госграницы от старых оборонительных районов отстояли на 500 км и больше. Оттуда доставлялись снаряжение, обмундирование, авиация, танки, горючее, снаряды, находившееся в ведении наркомата обороны (склады Главного командования). Вся эта работа проходила мирно, хотя сигналы и были. Посадка немецких летчиков с картами, на которых была обозначена старая и новая граница, расположение войск и т. д. Но это не было принято всерьез.

Немцы начали свое вторжение с уничтожения на рассвете 22 ангаров, складов с горючим и боеприпасами, и одновременно перешли в наступление корпуса с механизированной пехотой. 3 дня шел неравный бой, а потом стихло. Патронов не стало, горючее вышло, снарядов нет, связь везде и всюду нарушена»³¹³.

Заместитель начальника штаба и начальник оперативного отдела (управления) ПрибОВО (Северо-Западного фронта) генерал-майор Ф. И. Трухин 19—20 июня 1941 г. совершил полевою поездку в приграничную полосу вместе с командующим войсками генерал-полковником Ф. И. Кузнецовым. Позднее, в плену, Трухин³¹⁴ с горечью говорил о том, что Кузнецов ничего не знал о близости войны и о практической неготовности армии к этой войне³¹⁵. На допросе немцами будущий начальник штаба власовской армии сообщил о себе основные автобиографические сведения и поставил под сомнение возможность достижения вермахтом быстрой победы над Красной армией. Затем он

был доставлен на армейский сборно-пересыльный пункт (Армее-Gefangenessammelstelle) в Эбенроде и позднее — в офлаг³¹⁶ № 62. Фамилия Трухина не фигурировала в перечне фамилий командиров, предоставивших противнику сведения о подготовке СССР к нападению на Германию.

Если руководствоваться логикой О. В. Вишлева — это странно. Получается, что большинство генералов, сотрудничавших с А. А. Власовым (И. А. Благовещенский, Д. Е. Закутный, Ф. И. Трухин, М. М. Шаповалов), «выгодных» противнику показаний не дали, упустив верный шанс «понравиться гитлеровцам». Хотя, например, командир 21-го стрелкового корпуса 21-й армии (I формирования) Западного фронта генерал-майор Д. Е. Закутный³¹⁷ при настойчивом желании мог бы кое-что рассказать Хильгеру или сотрудникам Гелена. В начале июня 1941 г. Закутный отдыхал в Сочи. После 14 июня он был неожиданно отозван из отпуска и 20 июня прибыл в Москву. 21 июня Закутного принял нарком обороны маршал С. К. Тимошенко, а затем — заместитель начальника Генерального штаба генерал-лейтенант В. Д. Соколовский. Затем Закутный немедленно убыл из Москвы к месту службы, в Витебск. Но о содержании бесед, состоявшихся накануне войны с Тимошенко и Соколовским, Закутный никогда не распространялся. Правда, в частном разговоре с одним русским эмигрантом в Берлине он как-то обронил загадочную фразу: «Пограничное сражение проиграла политика, а не мы, генералы»³¹⁸.

Достаточно определенно о наступательных планах Сталина высказывались в немецком плену генерал-лейтенант А. А. Власов и командир 41-й стрелковой дивизии (II формирования) 6-й армии Юго-Западного фронта полковник В. Г. Баерский (псевдоним — В. И. Боярский)³¹⁹. 7 августа 1942 г. они встречались в Винницком лагере военнопленных (офлаг № 83?) с Г. Хильгером, специально приехавшим из Берлина. В мае — июне 1941 г. оба занимали ответственные должности на Западе.

Власов командовал в КОВО 4-м механизированным корпусом (дислокация управления — Львов) 6-й армии (I формирования) в звании генерал-майора. 20 июня, выполняя приказ командующего генерал-лейтенанта И. Н. Музычен-

ко, Власов объявил в корпусе боевую тревогу, по которой поднял 8-ю танковую дивизию (в/ч № 5427) полковника П. С. Фотченкова и 81-ю моторизованную Калужскую дивизию (в/ч № 5454) полковника П. М. Варыпаева, приказав им начать выдвижение в установленные районы сосредоточения в районах Дубровицы и Янова (Львовская область). 21 июня приказал соединениям корпуса продолжать движение еще западнее р-нов сосредоточения, установленных планом прикрытия госграницы. 32-я танковая дивизия (в/ч № 9656) полковника Е. Г. Пушкина начала выход из Львова между двумя и тремя часами ночи 22 июня³²⁰. Баерский служил начальником штаба 31-го стрелкового корпуса в звании подполковника. Весной 1941 г. корпус находился в составе войск Дальневосточного Краснознаменного фронта (ДВКФ). В рамках мероприятий, проводимых по решению ЦК ВКП (б) и СНК СССР, 26 апреля 1941 г. Военные советы ЗаБВО и ДВКФ получили приказ об отправке на Запад двух стрелковых и механизированного корпусов, а также двух воздушно-десантных бригад. В ходе выполнения полученного приказа к 25 мая управление 31-го стрелкового корпуса генерал-майора А. И. Лопатина прибыло в КОВО и вошло в состав 5-й армии (I формирования) генерал-майора танковых войск М. И. Потапова³²¹.

В беседе с Хильгером оба военнопленных так ответили на вопрос дипломата о вероятности нападения Советского Союза на Германию:

Власов: «Такие замыслы, бесспорно, существовали. Концентрация войск в районе Львова указывала на то, что планировался удар по Румынии в направлении нефтяных месторождений. Соединения, стянутые в район Минска, предназначались для того, чтобы отразить неизбежный германский контрудар. К германскому нападению Красная армия была не готова. Несмотря на все слухи о соответствующих германских мероприятиях, никто в Советском Союзе не верил в такую возможность. Действия советской стороны были нацелены на подготовку собственного наступления, оборонительные мероприятия, напротив, очень сильно отставали. Этот факт в сочетании с «идиотским» руководством и был причиной первых крупных неудач»³²².

Интересно, что Власов в своей версии событий не стал называть никаких вероятных сроков проведения наступательных операций.

Баерский: «Приготовления к этому летом 1941 г. продвинулись так далеко, что Кремль, вероятно, уже в августе — сентябре 1941 г., либо самое позднее весной 1942 г., мог нанести удар. Красная армия двинулась бы тогда в «юго-западном направлении», то есть против Румынии. Германия упредила советское правительство, для которого военные действия со стороны Германии оказались полной неожиданностью»³²³.

Наконец, необходимо назвать еще одного участника власовского движения, убежденного в неизбежности нападения СССР на Германию, — но не в 1941-м, а весной 1942 г. В мае — июне 1941 г. полковник М. А. Меандров³²⁴ занимал должность заместителя начальника штаба 6-й армии (I формирования), управление которой находилось во Львове (КОВО). Свою версию событий Меандров изложил в конце ноября 1945 г., будучи в американском лагере военнопленных № 26 в Ландсхуте (Бавария). Подробности частного разговора Меандрова с двумя пленными офицерами вермахта записал в своем дневнике участник Белого движения, генерал-майор С. К. Бородин, тоже служивший в 1945 году во власовской армии. Только благодаря записям Бородина, сохранилась оценка Меандрова.

«20. 11. [1945. — К. А.]. Сегодня вечером мы³²⁵ устроили маленький ужин с немцами³²⁶. Был говорящий по-русски полковник Генерального штаба Лебели и майор Меле. Сделали тюрю с мясными консервами, которые дал Ассберг, и бисквиты и кофе на второе. Тарелками служили крышки от котелков. Просидели от 7 до половины десятого вечера. Полковник Лебель³²⁷ хотел выяснить, были ли в действительности основания к принятому Гитлером решению напасть на СССР раньше, чем нападет СССР. Генерал Меандров, как бывший начальник штаба корпуса³²⁸ в Киевском военном округе, привел много данных, свидетельствовавших о том, что к весне 1942 г. СССР был бы готов к вступлению в войну.

Нападение СССР на Германию было неизбежно, и поэтому у Германии были действительные основания напасть первой. Генерал Ассберг говорил, что Германии не следовало бы в 1941 году нападать на СССР, а до 1942 г. следовало бы разгромить Англию. Однако полковник Лебель утверждал, что Германия в 1941 году была не готова к наступлению на Англию, и при этих условиях он считал, что Гитлер был прав, напав на СССР, но (говорили Лебель и Меле) Гитлер не подпер стратегию разумной политикой, не создав русского национального правительства и из пленных — русской национальной армии, а репрессивными мерами против населения и жестокостью в отношении военнопленных восстановил против Германии весь русский народ. Это привело к гибели всего дела Гитлера, к неисчислимым тяжелым последствиям для всех немцев, а также к задержке освобождения России от большевизма и к постановке большого вопроса: а что же будет дальше? В этом вопросе и в дальнейшем ходе англо-американской политики по отношению к СССР, и к коммунизму вообще, скрыта судьба человечества. СССР стремится привлечь на свою сторону всех немцев и всех китайцев. Генерал Меандров говорил: «Немцы сделают колоссальную по своим последствиям политическую ошибку, если, поддавшись лъстивым планам СССР восстановления Германии, пойдут вместе с коммунизмом. Немцам следует во что бы то ни стало остаться в большинстве противниками большевизма, и лучше быть политически разъединенными, как теперь, чем превратиться в единую, но красную Германию». «Я все время об этом говорю своим товарищам», — ответил полковник Лебель, очевидно тем самым подтверждая наличие среди офицеров и генералов Генерального штаба взглядов, против которых был генерал Меандров. Семья полковника Лебель, находящаяся в советской зоне [оккупации Германии. — К. А.], писала ему: «Ни в коем случае не следует стремиться после освобождения к переезду сюда. Здесь очень плохо. Лучше нас отсюда вызволить»³²⁹.

Итак, на основании выявленных свидетельств и показаний генералов и офицеров власовской армии попытаемся составить обобщающую таблицу.

	Звание, должность на 22.VI. 1941, округ	Дата, место свидетельства	Внешние условия и характер свидетельства	Резюме	Корреляция с др. свидетельствами
Б.П. Георгиевский	воентехник 2 р, мл. арттехник (КОВО)	17. VI. 1941, Устрики	свобода, частное письмо	концентрация войск по обе стороны границы	Меандров (?), Самутин, Самыгин
А.А. Власов	генерал-майор, командир 4-го мк (КОВО)	7. VIII. 1942, офлаг 83, Винница	немецкий плен, готовность к сотрудничеству, показания Г. Хильгеру	нападение СССР на Румынию, сроков нет	Баерский, Малышкин, Меандров, Поздняков (?)
В.Г. Баерский	подполковник, нач-к штаба 31-го ск (КОВО)	7. VIII. 1942, офлаг 83, Винница	немецкий плен, готовность к сотрудничеству, показания Г. Хильгеру	нападение СССР на Румынию, август 1941 — весна 1942	Власов, Малышкин, Меандров (?), Поздняков (?)
В.Ф. Малышкин	комбриг, старший преподаватель АГШ (МВО)	24. I. 1943, лагерь опроса, Летцен	свобода, сотрудничество с противником, показания Г. Хильгеру	расширение границ СССР силой оружия со слов Сталина, осень 1941	Баерский, Власов, Меандров, Поздняков
Д.Е. Закутный	генерал-майор, нач-к штаба 21-го ск (ЗОВО)	1943, Берлин	свобода, сотрудничество с противником, частный разговор	неопределенно, уклонение от обсуждения	Георгиевский (?)

	Звание, должность на 22.VI. 1941, округ	Дата, место свидетельства	Внешние условия и характер свидетельства	Резюме	Корреляция с др. свидетельствами
Ф.И. Трухин	генерал-майор, зам. нач-ка штаба ПриБОВО	1944, Берлин	свобода, сотрудничество с противником, частный разговор	Войска округа не готовы к войне	Койда
М.А. Меандров	полковник, зам. нач-ка штаба 6-й армии (КОВО)	20. XI. 1945, американский лагерь № 26, Ландсхут	американский плен, свободное обсуждение, частный разговор	Нападение СССР на Германию, весна 1942	Баерский, Власов, Малышкин, Поздняков (?)
С. Т. Койда	подполковник, командир 735 -й сп 166 сд (СибВО)	1947—1949, р-н Мюнхена, Западная зона оккупации	свобода, письменные показания по частной просьбе	РККА к войне не готова	Трухин
М.М. Самыгин	мл. лейтенант, начхим 436-го сп 155-й сд (ЗОВО)	1950-е годы, ФРГ или Цейлон	свобода, письменные показания по частной просьбе	Концентрация войск на границе, готовность к отражению удара	Георгиевский, Самутин
В.В. Поздняков	подполковник, начхим 67-го ск (ХВО — ЗОВО)	1973, Нью-Йорк	свобода, публикация в газете	Подготовка к нападению на Германию	Баерский (?), Власов (?), Малышкин, Меандров
Л.А. Самутин	мл. лейтенант, командир транспортной роты 238-госп 186-й сд (ПриБОВО)	1977—1979, Ленинград	свобода под наблюдением, мемуары по своей инициативе	Переезд на Запад, концентрация войск, подготовка к боевым действиям	Георгиевский, Самыгин

Очевидно, что картина, которую нарисовали власовцы, вопреки мнению О. В. Вишлева, выглядит достаточно эклектичной. Во-первых, из одиннадцати свидетельств только 5 сделаны в военный период между 22 июня 1941 г. и 9 мая 1945 г. Прочие относятся к довоенному или послевоенному времени. Из показаний пяти власовцев, сделанных в годы войны, в одном случае нет указаний на подготовку к нападению на Германию (*Трухин*), а в другом генерал (*Закутный*) дал неопределенную оценку, фактически уклонившись от обсуждения темы. Во-вторых, из пяти сообщений, явно подтверждающих готовность СССР к нападению на Румынию или Германию (*Власова, Баерского, Малышкина, Меандро́ва, Позднякова*), только три сделаны в условной зависимости немецкого плена. И все пять расходятся в оценках вероятных сроков: неопределенны (*Власов, Поздняков*), осень 1941-го (*Малышкин*), август 1941-го — весна 1942-го (*Баерский*), весна 1942-го (*Меандро́в*). В-третьих, каждое из приведенных сообщений коррелируется с другими. Но ни одно не коррелируется более чем с четырьмя. Некоторые из заявлений (*Койды, Самыгина, Трухина*) можно рассматривать в качестве противоречащих другим. Трудно обвинить в умышленном лжесвидетельстве Георгиевского, Закутного, Трухина, Меандро́ва, Койду и Самутина, хотя ни в одном случае нельзя исключать искренних заблуждений в оценках. Наконец, шесть свидетельств (*Георгиевского, Закутного, Трухина, Койды, Самыгина, Самутина*) из одиннадцати при умелой трактовке можно использовать в качестве доказательств *любой версии* возможного развития событий в мае — июне 1941 г.

Единственное объяснение, которое устраняет видимые противоречия и приводит все 11 показаний к общему выводу, заключается в следующем: каждый из очевидцев в меру собственных сил и возможностей постарался честно описать свое индивидуальное видение предвоенной ситуации. Содержание и характер всех приведенных свидетельств были обусловлены не последующим сотрудничеством власовцев с противником, тем более чьим-то желанием «понравиться гитлеровцам», а служебным положением конкретных лиц в

мае — июне 1941 г. Поэтому разные показания участников власовского движения о последних предвоенных месяцах остаются ценным и до сих пор малоизученным источником, характеризующим подлинные планы и намерения высшей номенклатуры ВКП (б) накануне войны с Германией. Выявление и систематизация таких важных материалов продолжаются.

Георгий Рамазашвили

ГЕРОСТРАТ ИЗ АРХИВА

Герострат (*греч.* *Ηεροστράτος*), жаждавший славы житель Эфеса, по преданию в 356 до н.э. поджег храм Артемиды в Эфесе в ночь рождения Александра Македонского. В связи с этим кощунств [енным] поступком имя Г [ерострата] вошло в историю. В наст [оящее] время оно служит нарицательным («геростратово деяние»).

(Й. Ирмишер, Р. Йоне, «Словарь Античности». — М.: СП «Внешсигма», 1992. С. 135.)

У тотальной секретности в Центральном архиве Министерства обороны есть свои сторонники. Одним из последних борцов за бдительность, мнительность, архивный изоляционизм и пристрастное отношение к исследователям являлся полковник в отставке Николай Шестопал, вплоть до декабря 2007 г. возглавлявший в ЦАМО фондохранилище личных дел.

В ассортименте его профессиональных приемов было сокрытие архивных дел, немотивированное уничтожение документов, отказ в предоставлении справочного аппарата и упоительное разоблачение политически неблагонадежных историков.

Автор статьи — исследователь, работавший более чем в 25 архивах на территориях бывших советских республик, попытался разобраться, каковы результаты почти четверть-

векового пребывания Шестопада в ЦАМО, и понять, являются ли использовавшиеся им приемы родовой болезнью ведомственных архивистов.

ЛИЧНОЕ ДЕЛО

Будущий полковник Николай Шестопад родился 23 декабря 1942 г. Его отец, Иван Степанович Шестопад, в это время уже был на фронте.

О себе Николай Шестопад рассказывает, что он осиротел во время войны и почти до самого призыва жил в селе «на Диканьке». Действительно ли он оттуда родом или же полковник прибег к сравнению, вспомнив произведение Гоголя, уточнить не представляется возможным. Обстановку в послевоенном селе Шестопад описывал кратко: «Одни бабы, и я — один мужик — без штанов».

При первом знакомстве полковник производил приятное впечатление — несмотря на то что ему шел седьмой десяток, от затылка до поясницы у него тянулась идеальная прямая линия, словно бы позвоночник ему заменили металлическим стержнем. Держался он поначалу ровно, и казалось, что характер у Николая Ивановича столь же прям, сколь и его осанка. Увы, это впечатление было обманчивым.

Благодаря росту, превышавшему средний, этот уже седоволосый, с худощавым лицом отставник имел все преимущества, чтобы разговаривать с посетителями несколько покровительственно, почти сверху вниз. Однако этим преимуществом, которое без труда могло бы расположить к нему посторонних людей, архивист, очевидно, не умел пользоваться, ибо, вероятно, и не подозревал о нем.

Уже имея внуков, полковник в силу возраста должен был подавать сотрудникам пример достойного поведения, но, как выяснилось при ближайшем рассмотрении, он оказался способен без зазрения совести лгать в глаза, а выправка, которую можно было ошибочно принять за отражение внутренней дисциплины, являлась всего лишь особенностью его комплекции и к развитию индивидуальной культуры не привела.

В 1985 году он начал служить в 1-м отделе ЦАМО. Работавшие с ним в те годы архивисты утверждают, что он был

«старшим офицером», носил авиационную форму (проверить не представляется возможным, но сам Шестопал изменился в лице и стал отрицать свою причастность к авиации, когда я поинтересовался, имеет ли он авиационную специальность) и на правах политработника читал сотрудникам политинформации.

В позднесоветский период, на который пришлось служба Шестопаля, 1-й отдел во всех учреждениях (тем более контролируемых Министерством обороны) считался подразделением КГБ. Уже после развала СССР 1-й отдел в ЦАМО стали называть научно-справочным, но как раз научных работ за четверть века Шестопал никаких не оставил.

Еще с тридцатых годов политработники тесно взаимодействовали с Особыми Отделами, а в ряде случаев становились его сотрудниками, поэтому присутствие политинформатора Шестопаля в 1-м отделе не вызывает удивления.

Дальнейшая его карьера имеет одну закономерность: Шестопаля назначали начальником отделов, в которых содержатся персональные данные. Бывший политинформатор, прежде работавший в представлявшем интересы Госбезопасности 1-м отделе, контролировал доступ исследователей и архивистов к информации о кадровом составе Вооруженных сил.

Осенью 1988 г. Шестопал возглавил 11-й отдел, где сконцентрирована наградная картотека и послужные списки офицерского состава. В тот период отдел работал по временному штату специально созданного для систематизации переданной из Главного управления кадров картотеки неврученных наград. Предполагалось, что по выполнению этой задачи многих сотрудников переведут в другие отделы. А пока на период 1988—1989 годов им писали в трудовой книжке, что они работают «по временному штату».

Как рассказывает одна из его подчиненных, погоны он в ту пору носил голубые, так что, в соответствии с легендированием, его искренне принимали за выходца из ВВС.

Однако замашки у нового начальника были совсем не авиационные: «Как Шестопал пришел в отдел, так девчата стали вешаться. Он — солдафон и стал всех строить, как солдат». Одна из воспитательных мер заключалась в том, что Шестопал запретил сотрудницами ходить в туфлях (по счастью —

только в здании 11-го отдела). Нельзя сказать, чтобы это была главная проблема архивной методики либо безопасности, — например, по сей день 11-й отдел представляет собой одноэтажное пожароопасное здание с зарешеченными окнами. Как спастись сотрудникам при воспламенении помещения, непонятно. Однако для решения этой проблемы требуется иное понимание своей ответственности. Бороться с женскими туфлями значительно проще.

Куда более уравновешенные отношения у подчиненных складывались с одним из заместителей Шестопала, служившим в тот период в звании капитана: «Он и помоложе был, и почеловечнее».

Неудивительно, что своей борьбой с дамскими туфлями Шестопал довольно быстро настроил против себя женский коллектив. И когда в отдел частным образом обратился «заинтересованный гражданин», попросивший предоставить ему информацию о неврученной награде, подчиненные решили, что начальник организовал таким образом проверку их бдительности. «Мы тогда так и подумали. Шестопал нас целую неделю каждый день накачивал, чтобы мы ни в коем случае не предоставляли никому информацию. У всех взяли подписи».

Опасения Шестопала были небеспочвенными. Как объясняют архивисты, в тот период ЦАМО получил специальные бланки, в которые следовало вносить сведения о неврученных наградах. Далее из архива сведения рассылались по военкоматам, которые уже информировали ветеранов о наградах, разумеется, не считая нужным перепроверять пришедшую из архива бумагу. Поэтому если бы подкупленный архивист направил в военкомат заведомо ложные данные, вписав в бланк имя заинтересованного человека, не имеющего в действительности к этой награде никакого отношения, военкомат полагался бы исключительно и только на пришедшую из архива бумагу.

Хотя отношения с Шестопалом у его подчиненных постепенно улучшились, на это потребовалось время, но специфические методы работы полковник сохранил и в дальнейшем, возглавив архивохранилище 5.4, в котором находятся личные дела, а также картотека пенсионных выплат.

В 1988 году карьера Шестопала могла пойти по другому пути. Ему предложили поработать в Институте военной

истории начальником аналитического отдела. В его подчинении оказались бы сразу четыре офицера. Три года научной работы, которые должны были быть у претендента на эту вакансию, за Шестопадом номинально уже числились: к тому моменту он уже три года проработал старшим научным сотрудником все того же 1-го отдела. Отказался Николай Иванович от предложения, как сам говорит (цитируется по беседе, состоявшейся в 17:05 21.09.2006), «по глупости»: «Я тогда квартиру получал, а они брали подписку, что от квартиры отказываешься. Я и не пошел».

О 1-м отделе у Шестопапа сохранились самые светлые воспоминания. Обычно не расположенный к обходительному обращению, Николай Иванович однажды в моем присутствии рассыпался в любезностях, когда его посетил начальник 1-го отдела подполковник Тихонов: «Приветствую самый ответственный, самый умный, самый научный отдел в Центральном архиве Министерства обороны!» Эта комплиментарная тирада, разительно отличающаяся от обычно сдержанного настроения Шестопапа, предварила деловое общение бывшего сотрудника с нынешним начальником 1-го отдела. Протянув Тихонову личное дело, Николай Иванович лаконично объяснил ему: «Он служил в КГБ» (разговор состоялся в 13:25 25.09.2006). Очевидно, решался вопрос о том, удовлетворять ли запрос, связанный с доступом к личному делу агента Госбезопасности.

Симптоматично, что и на этот раз Шестопап знал, с кем любезничать. Заходившего к нему за несколько минут до этого научного сотрудника 1-го отдела, публикующего статьи в научных изданиях, он поприветствовал сухо.

ПРЕМУДРОСТЬ ЛЕГЕНДИРОВАНИЯ

Заслуживает внимание, что Шестопап не является автором ни одного военно-исторического исследования и за более чем двадцатилетнюю службу в архиве не счел нужным опуститься до написания статей не то что о военных событиях, но и хотя бы о методике архивной работы.

Это не случайно. В моей архивной тетради, зарегистрированной в ЦАМО 19.06.1997 за № 534, количество листов

было указано собственноручно Николаем Ивановичем. 30.06.1997 перед тем, как я сделал выписки из личного дела, он пересчитал все листы и, поставив печать, написал, что «в тетраде пронумеровано 56 (пятьдесят шесть) листов. Начальник архивохранилища Н. Шестопал». Так и не узнав к шестидесяти годам, что при склонении слова «тетрадь» в единственном числе *предложного* падежа на конце ставится буква «и» (вместо «тетради» Николай Иванович написал «тетраде»), он если и занимался в первом отделе «научной работой», то такой, которая явно не требовала от него письменной фиксации своих рассуждений.

Тем не менее его имя присутствует во многих справочниках, содержащих биографические сведения о советских военачальниках, — обычно его можно найти в списке авторов-составителей.

В 2006 году издательство «Кучково поле» (Москва — Жуковский) опубликовало военно-биографический словарь «Великая Отечественная война. Комкоры». На странице 4 было указано, что в редакционную коллегию вошли, в частности, полковник Ермоленко, начальник Архивной службы Вооруженных сил полковник Ильенков и начальник ЦАМО полковник Чувашин. А в авторском коллективе был упомянут Н.И. Шестопал.

Симптоматично, что «научно-вспомогательной работой» занимались начальник 5-го отдела подполковник Игорь Игольников и подчиненная Шестоपालа Ольга Егорова. Это распределение функций заслуживает перевода. «Научно-вспомогательной работой» назвали, судя по всему, подбор документов, необходимых для составления биографических справок. Шестопалу, вечно сторожащему в своем кабинете исследователей, изучающих там выданные дела, просто не хватило бы времени полноценно участвовать в подборе лежащих в хранилище бумаг. Вероятно, и поиском сведений в подобранных подчиненными делами он тоже занимался мало. В отличие от своего непосредственного начальника подполковника Игольникова. Иначе сложно объяснить, почему же Николай Иванович не фигурирует среди тех, кто проводил «научно-вспомогательную работу». Зато на странице 672 Шестопал фигурирует среди тех, кто за-

нимался «подбором фотоиллюстраций». Вероятно, в этом и заключалось его основное участие в проекте — архивист «подбирал» в личных делах фотокарточки. Если он не считал для себя слишком мелким фигурирование в списке тех, кто подбирал снимки, то можно уверенно сказать, что, выявляя он в делах нужные сведения, его фамилия была бы внесена и в список тех, кто провел «научно-вспомогательную работу». Однако именно среди них Николай Иванович не упоминается.

Зато он включен в «авторский коллектив». И тут возникает вопрос: какова была функция Шестопада в этом проекте, если его, занимавшегося всего-то подбором фотокарточек, включили сразу в «авторский коллектив», куда, кстати, не попал начальник всего 5-го отдела (то есть его, Шестопада, начальник) подполковник Игольников? В чем заключаются заслуги Шестопада, если он, в отличие от начальника 5-го отдела, оказывается членом «авторского коллектива»? Неужели он писал биографии на основе составленных Игольниковым справок? Очень сложно поверить в то, что Николай Иванович мог самостоятельно что-то написать, если, склоняя слово «тетрадь», он допускал орфографическую ошибку.

Получается, что, не публикуя самостоятельных исследований, Шестопад регулярно фигурировал в консультантах и членах авторского коллектива. Это имеет простое объяснение. Авторские коллективы, завися от архивных чиновников этого типа, предпочитали идти на негласную сделку: в обмен за предоставленную архивом биографическую информацию они включали того же Шестопада в список авторского коллектива, хотя предоставлять информацию входило в обязанность архива.

К тому же любой опытный исследователь предпочтет самостоятельно выбрать и изучить источники, не передоверяя свою работу архивистам, поэтому, осознавая, что Шестопад, пользуясь недоступностью справочного аппарата, может с легкостью скрыть от них наличие офицерских дел, историки предпочитают включать начальника архивного хранилища в авторский коллектив, чтобы заинтересовать его в сотрудничестве.

Фонд «Индем», возглавляемый Георгием Сатаровым, работавшим в 1994—1997 гг. помощником президента Ельцина, специализируется на изучении коррупционных механизмов, действующих в российском обществе. Откликнувшись на мою просьбу охарактеризовать архивную практику предоставления документальных источников в обмен на включение в авторский коллектив, Сатаров дал короткий комментарий: «Это старая советская практика дутого соавторства, которая практиковалась в не очень сильных научных коллективах, при слабых научных лидерах административного толка. Довольно заурядное явление. В принципе это коррупция, поскольку это — использование служебных полномочий не в целях, предписанных этими полномочиями, а в своих личных целях».

Оценивая этот «бартер», Сатаров добавил, что в таких случаях чиновник может назвать свое появление в проекте проявлением «хороших, дружеских отношений».

Формы «бартера», осуществлявшегося архивистом Шестопалом, бывали разными. Например, дочь маршала авиации Александра Голованова Ольга Александровна, приехавшая в ЦАМО, когда в 2001 году вместе с Алексеем Тимофеевым она готовила к публикации мемуарно-документальную книгу «Главный маршал авиации», вручила Шестопалу медаль, выпущенную к 100-летию прославленного военачальника, хотя никаких принципиальных заслуг в изучении истории авиации дальнего действия за Шестопалом не числится.

Другая медаль, не имеющая никакого отношения к правительственным наградам, вручена Шестопалу общественной организацией «Россия православная». Называется эта медаль «За служение» (№ 950), и, по логике награждения, Шестопал был ее удостоен за служение православной России. Сложно объяснить это внимание, оказанное религиозно-общественной организацией мало кому известному архивисту. Между тем «Россия православная» была создана в феврале 1997 г.; председателем Центрального Совета «РП» стал Александр Буркин, офицер запаса КГБ, являющийся по совместительству президентом российского союза антикваров.

«ВСЕ ЭТО МНЕ ДО ЛАМПОЧКИ, ДО ИЛЬИЧА!»

У архивиста, стремящегося сделать исследовательскую работу неэффективной, есть две возможности добиться своей цели. Первая заключается в незаконном сокрытии документальных источников. Но в том случае, если утаить дела не удастся, можно создать невыносимую для исследователя атмосферу, затевав с ним склочные препирательства.

Шестопал охотно пользовался обоими приемами. Многие его реплики были провокационно хамскими: «Другие книги пишут, а ты только жалобы. Только этим и занимаешься. Ни на что другое ума не хватает. Подленький человек — вот в чем беда!» (21.09.2006).

Я не спешил раскаиваться, и поэтому архивист регулярно пытался убедить меня в том, что я — полнейшее ничтожество. По непонятной причине ему казалось, что я ему поверю и соглашусь с его доводами.

— Да вы — никто! — начал в очередной раз увещевать меня Шестопал. Спустя мгновение он неожиданно перешел на «ты» и со зловещей уверенностью и разве что не по слогам провозгласил: — Пишешь 9 лет, а неизвестно, что напишешь. Я все о тебе знаю. Ты печатаешь все это за рубежом! Ты думаешь, я не знаю? Ты думаешь, ты один такой, ты — пуп земли! Ты думаешь, что ты напишешь и тебя все послушают? Да ты, кроме этих своих жалоб, ничего не написал!

— Росархиву и прокуратуре безразлично, какова моя биография. Для них является аргументом, что я пишу, а не то, что вы обо мне думаете.

— Да я бы им объяснил, кто ты такой, и они бы тебя слушать не стали! Ты один все знаешь! А почему до тебя никто никуда не жаловался, никуда эти жалобы не посылал?!

Довод, заключающийся в том, что, в отличие от большинства исследователей, я предпочитаю опираться на законы, а не телефонное право, архивиста не убедил. Заметно опасаясь, что я рано или поздно привлеку его к судебной ответственности, Шестопал пытался внушить мне, что он абсолютно неуязвим. Разоблачать меня ему казалось намного более уместным, чем выйти из-под удара, выдав мне требуемые архивные дела. О моем обращении в прокурату-

ру он отзывался с наигранным пренебрежением, плохо сочетавшимся с той аффектацией, до которой доходил практически в каждом разговоре со мной: «Вы там понаписали ахинеи! Меня с Герингом сравниваете. Да я, между прочим, тоже проконсультировался и могу подать на вас в суд!» — Тыкая в меня пальцем и все больше распаляясь. — «Да кто ты такой?!»

Тут Николай Иванович поразмыслил и ответил сам себе: ты — никто!

Мой ответ его, однако, удивил. По глазам Шестопада было видно, что он мне не верит.

— Я — гражданин Российской Федерации и опираюсь на законы, которые общие и для меня, и для вас.

— Законы! — передразнил меня Шестопад. — Все это мне до лампочки, до Ильича! Тебя же никто не проверял!

— Если вы считаете, что меня нужно проверять, обратитесь в ФСБ, чтобы меня проверили, — пожал я плечами, предвидя разочарование, которое ждет бдительного полковника. Но тот был неумолим.

— Ты не понимаешь, что сюда нельзя лезть. — Тут Шестопада передернуло, и он, вновь перейдя на «вы», заговорил с особым драматизмом: — Да если бы вы полезли в Министерство обороны в Соединенных Штатах, то вы бы давно сидели в кутузке и там квакали. Министерство обороны — это закрытая живая система, в которую нельзя вмешиваться.

Пытаясь доказать мне недоказуемое, Шестопад рокотал на весь кабинет:

— Вы знаете, что мы — архив Министерства обороны, мы — особый архив и законы нас не касаются?!

Мои взгляды по этому вопросу были диаметрально противоположными, и неудивительно, что после того, как я начал отстаивать свои права, обращаясь в различные инстанции (Росархив, прокуратуру и Минюст), Шестопад стал смотреть на меня волком и разве что не лязгал зубами. Он периодически срывался на крик; в течение одной беседы неоднократно переходил с беспристрастного обращения «вы» на панибратское «ты», причем подвел под свою неучтивость идеологическую базу: «Ты кто такой, чтобы я тебя на вы на-

зывает? Я ко всем на «ты» обращаюсь! Да у меня [младший] сын старше тебя».

Казалось, Шестопал чувствовал себя увереннее, отвлекая меня от работы с архивными документами. Провоцируя меня на бессмысленную затяжную беседу, он показывал, что не ценит собственное время. Иногда этот обмен репликами носил откровенно комичный характер.

Шестопал: — Вы знаете, что такое совесть?.

Я: — Как раз я знаю, что такое совесть.

Шестопал вытаращил глаза и подался всем корпусом вперед, словно бы пытался удостовериться, что не ослышался: — Вы?!! Знаете?!!

Видя, что ему не удастся, провоцируя скандал, вызвать меня на встречное хамство, Шестопал попытался меня унижить, открыто декларируя пренебрежение к экипажу моего двоюродного деда, погибшего в апреле 1942 г. Так, например, 18.09.2006 он стал внушать мне, что человек, погибший в звании старшего лейтенанта, не заслуживает того, чтобы восстанавливать его судьбу в биографическом исследовании:

— Если вы пишете о двоюродном дедe, так надо работать с личным делом деда. А остальные личные дела лучше не смотреть. А вы пишете о старшем лейтенанте, а не генерале. А у старших лейтенантов дела... — и Шестопал, брезгливо скривив рот, сложил большой и указательный пальцы.

— Я пишу не только о нем. Он же с людьми работал и служил не в одиночку.

— С людьми работал? Не такая уж важная фигура, чтобы писать, — старший лейтенант. С людьми работал, если бы был командиром дивизии и руководил большим количеством подразделений.

Я не стал переубеждать Шестоपालа, но сделал вывод, что не только задачи, но и предмет проводимого мной архивного исследования ему представляются незначительными.

ДЕЛА-НЕВИДИМКИ И ОЖИВШИЙ ПОКОЙНИК

Этот случай произошел осенью 2005 г. Приехав в архив, я подал начальнику ЦАМО полковнику Чувашину ходатайство, в котором просил допустить меня к личному делу

гвардии капитана в отставке Т. В своем заявлении я особо подчеркнул, что мною соблюдено требование пункта 32 «Правил работы в читальном зале», согласно которому ознакомление со сведениями, затрагивающими охраняемые законом интересы, возможно при наличии нотариальной доверенности прямых наследников офицера. Поскольку к моему заявлению была приложена нотариальная доверенность, полковник Чувашин подписал мне разрешение ознакомиться с офицерским делом покойного Т.

На следующий день (а именно 20.09.2005) я прибыл в кабинет Шестопада. Предъявив ему нотариальную доверенность, получил из его рук дело Т. Еще в тот момент, как архивист протягивал мне папку, я обратил внимание на то, что не узнаю обложки дела, с которым ознакомился в 1997 году. Моему изумлению не было пределов — основной массив документов датировался периодом 1933—1936 годов, поэтому я сказал Шестопаду, что в хранилище должно быть еще одно дело на покойного Т.

— С чего вы взяли? — насторожился Шестопад.

— Дело в том, что в 1997 году я работал с этим делом.

— Быть того не может! — категорично парировал архивист. — Мы подобрали вам то дело, которым располагаем.

— Николай Иванович, это недоразумение. Я не только работал с этим делом, но могу назвать его номер, поскольку делал из него выписки. Оно содержит документы за более поздний период.

Убедившись, что я могу доказать наличие дела, открыв содержащую из него выписки тетрадь, заверенную печатью архива, Шестопад понял, что отнекиваться далее бесполезно. Набрав телефонный номер, Николай Иванович сухо продиктовал сотруднице названный мною номер офицерского дела, распорядившись проверить его наличие. Минут через 15 архивистка принесла то самое дело, о наличии которого я знал заранее.

Обработав оба дела, я обратил внимание на то, что они содержали подборки документов, датировка которых не только не совпадала, но была разделена большим временным промежутком. Если дело № 275314 датировалось 1933—1936 гг., то дело № 0684214 содержало документальные свидетельства службы покойного гвардии капитана Т. в

период с 1944 по 1947 год. Логичным было предположить, что материалы за 1937—1943 годы должны были быть сконцентрированы в третьем деле, причем я не исключал возможности и того, что дел окажется, по крайней мере, еще два, поскольку с 1937 по 1940 год Т. служил на Дальнем Востоке, а в начале 1941-го в штабе части на него обязаны были завести дело нового образца, утвержденного приказом НКО. Датировку дел, наличие которых я надеялся подтвердить, я условно разделил на периоды 1937—1940 и 1941—1943 годов. Оставалось только деликатно, дабы не обидеть своей безусловно оправданной подозрительностью архивистов, выяснить, не затерялось ли еще одно дело в хранилище. Формально вопрос был неприличный, так как, уточняя, не осталось ли еще каких-то дел в хранилище, я подразумевал, что архивисты могли меня обманывать. Небеса мне подыграли. На следующей неделе Шестопал отправлялся в отпуск в Адлер. По счастливому стечению обстоятельств, в отпуск отправлялась и инструктор читального зала Валентина Попова, которая, разумеется, сразу предположила бы какой-то подвох в моем назойливом интересе к документам, запрошенным при предъявлении нотариальной доверенности неделей раньше.

Пользуясь этим совпадением, я попросил библиотекаря Валентину Максимовну Смолякову, заменявшую ушедшего в отпуск инструктора, связаться с хранилищем 5.4 и выяснить, нет ли на Т. дела, датируемого 1937—1943 гг. О чудо! После проверки выяснилось, что дело нашли, и датировался самый поздний из подшитых в него документов 1940 годом.

Для того чтобы наличие дела впоследствии не стало отрицать, я попросил назвать мне его номер. Так я узнал о существовании дела № 286161! И выяснилось, что это действительно было третье из дел на покойного Т.

Заказав это дело, я ознакомился с ним и убедился в том, что оно содержало немало интересовавших меня сведений. Но по-прежнему оставался вопрос, где же дело, в котором должны быть объединены документы за период с 1941-го по март 1943 года. Разумеется, я не мог быть уверен в том, что оно хранится в ЦАМО, но после того, как архивисты попытались по непонятной причине скрыть от меня два дела, я с трудом мог полагаться на их слово.

29 сентября 2005 г. я направился в отдел 5.4 Представившись, объяснил, что хочу по картотеке учета офицерских дел удостовериться в том, действительно ли больше ни одного дела на Т. в хранилище нет. Беседовавшая со мной обаятельная женщина с наружностью Софии Ротару постаралась объяснить произошедшее недоразумением и, кажется, была удивлена не меньше меня. Но увы, она не имеет права провести меня в картотеку. Впрочем, это было неважно, так как оставалась последняя и наиболее действенная возможность узнать истину, обратившись с запросом в надзорные инстанции, способные выступить арбитром в этой спорной ситуации. И тут я узнал то, что проведение любой проверки может оказаться бессмысленным. Вопреки моим ожиданиям, учетные карточки хранятся на каждое дело в отдельности, и, соответственно, на того же Т. в картотеке одна за другой стоят несколько карточек, и любую из них при появлении комиссии можно преспокойно с тихой усмешкой изъять из ящика и поставить обратно не раньше, чем представители комиссии покинут архив: ничего проверить нельзя! Действия архивистов было бы возможно проверить лишь в том случае, если бы все номера дел, имеющих на офицера, были перечислены на одной карточке или же в доступной исследователям описи. Но поскольку ни такой общей карточки, ни описи нет, архивистам предоставлена возможность для сокрытия документов.

Итак, с трех попыток я смог вытрясти из сотрудников отдела 5.4 три дела, объединявшие документацию за 1933—1937, 1938—1940 и 1944—1947 годы. Поверить Шестоपालу было сложно еще и потому, что получалось, будто бы в архив не было сдано дело, включавшее хронологическую середину службы Т. в РККА — 1941—1943 гг. Между тем именно в 1941—1943 гг. Т. наиболее активно участвовал в войне: за этот период он был дважды сбит; получил, по крайней мере, два тяжелых ранения и прошел службу в трех полках, причем в одном из них он работал адъютантом эскадрильи, а в другом — адъютантом командира полка. С трудом верится, что именно этот период не представлен в хранящихся в ЦАМО офицерских делах покойного гвардии капитана.

Причину, по которой Шестопал скрывал от меня это дело, я знал, будучи хорошо знаком с биографией Т. Как раз

на зиму 1941/42 года пришлось пребывание Т. под судом военного трибунала за опоздание из отпуска. 25.11.1941 г., на основании статьи 193-10 параграф А УК с санкцией, предусмотренной статьей 193-7 параграф Д УК, Т. был приговорен к 8 г. лишения свободы в И.Т.Л. без поражения в правах и без конфискации имущества за отсутствием такового. На основании параграфа 2 статьи 28 УК исполнение приговора было отсрочено; Т. был оставлен в действующей армии и предупрежден о том, что если он проявит себя стойким защитником Родины, то, по ходатайству командования, военный трибунал может освободить его от избранной меры наказания либо заменить приговор более мягким.

Т. отличился в боях и в течение 1942 г. дважды при выполнении боевых заданий получал тяжелые ранения. Неудивительно, что по определению военного трибунала авиации дальнего действия от 17.11.1942 г. Т. был освобожден от наказания и судимость была снята.

Очевидно, что копия приговора военного трибунала должна была быть подшита в его офицерское дело; что и могло послужить причиной того, что Шестопал успешно попытался скрыть от меня наличие дела.

Примечательно, что родственники Т. сами рассказывали мне об этом случае; все обстоятельства дела мне известны в мельчайших деталях — вплоть до дат определений военного трибунала. Поэтому усилия Шестоपालа скрыть от меня офицерское дело, в котором должны содержаться данные о судимости Т., бессмысленны.

Если я полагал, что содержание дела можно выяснить, лишь просмотрев подшитые в него документы, то своим признанием, прозвучавшим в марте 2007 г., Шестопал дал мне понять, что в хранилище введена такая система учета, при которой на карточках, заполнявшихся в последние годы, делается пометка, если военнослужащий находился под судом. «Там можно такие сведения почерпнуть!» — мечтательно уверял меня архивист, рассказывая, что помимо фамилий и номеров на карточках записано «кто там судился».

Целенаправленное сокрытие документов стало очевидным также благодаря тому, что еще 5 мая я оформил большой заказ на изготовление фотокопий с портретных снимков военного времени. Прежде чем оформить заявку, я про-

верял, есть ли снимки интересующего меня периода в их учетно-послужных картах и офицерских делах. В частности, пытался выяснить, не содержится ли в личном деле Т. фото, сделанное до 1943 г., то есть в тот период, пока в РККА знаки отличия носили на петлицах. Меня заверили, что в офицерском деле Т. нет ни одного фотоснимка с петлицами, и на обороте его портретной фотокарточки 1947 года написали карандашом: «Предвоенного фото нет».

Уже в сентябре месяце, получив два офицерских дела Т., материалы которых датируются предвоенным периодом, я обнаружил в них два разных фотоснимка — один августа 1936 г., сделанный в Рогани близ Харькова, второй — мая 1940 г., сделанный на Дальнем Востоке. Не найти эти снимки было физически невозможно. Если в одном деле снимок был приклеен ко второй странице, то в другом — крепился на второй странице обложки, то есть был заметен, стоило лишь открыть дело.

Поверим, что архивисты говорили правду, заверяя меня в том, что офицерское дело Т. не содержит его снимков с петлицами. В таком случае надо предположить, что между 5 мая, когда я оформил заказ на изготовление фотокопий, и сентябрем 2005 г., когда я обнаружил эти снимки, умерший в 1987 году гвардии капитан в отставке Т. воскрес, причем воскрес в физической кондиции здорового 27—31-летнего молодого человека; умыкнул из неведомого музея гимнастерку и комплект петлиц с лейтенантскими кубиками; сбежал в два разных фотоателье, не забыв при этом поменять прическу; затем где-то изготовил две печати (одну военного авиационного училища; другую — бомбардировочного полка), поставил эти печати на оборотах полученных в фотоателье снимков. Заодно оживил также давно покойных начальников штабов, заверявших подлинность его фотоснимков. И наконец, приехав в Подольск, прокрался, не получая пропуска на контрольном пункте, на территорию архива; проник тайком в архивохранилище и подложил в свои офицерские дела два фотоснимка. А в заключение вновь умер, упокоившись с чувством выполненного долга под могильной плитой на Хованском кладбище близ Москвы, что,

разумеется, не было замечено его ненаблюдательными родственниками.

М-да, славная и поучительная история. Как раз из ряда тех, которые могут объяснить, каким таким образом архивистам удалось не обнаружить в мае месяце его предвоенных снимков.

«НУ И ЧТО? МОГЛИ ДОПУСТИТЬ ОШИБКУ!»

18 октября 2005 г. я получил подтверждения того, что сотрудниками хранилища 5.4 противоправно уничтожались документы из личных дел офицерского состава.

С личным делом старшего лейтенанта А. я впервые ознакомился в 1997 году, но тогда, не имея еще нотариальной доверенности, я был лишен возможности скопировать его в полном объеме, хотя дело № 840268 старшего лейтенанта А. содержало документацию, отражающую его службу исключительно с комплиментарной стороны.

В 1997 году дело содержало не менее 80 страниц.

Открыв дело № 840268 спустя 8 лет, я обнаружил, что ему заменили обложку и насчитывалось в нем вместо более чем 80 страниц, как прежде, только 51! В выпотрошенное (то есть сокращенное на треть) дело не был подшит ни лист-заверитель, ни акт с перечнем уничтоженных документов. Дату переформирования дела содержала только запись на предпоследней странице обложки:

«В личном деле *подшито и пронумеровано 51 листов.*

Фотографий 6. Жетона с личным номером нет.

Ст. научный сотрудник Громова. 4.06.2004».

Таким образом, 4 июня 2004 г. следует считать датой уничтожения, по крайней мере, 29 листов из личного дела старшего лейтенанта А.

Сотрудники отдела 5.4 заверили меня в том, что в личном деле они могли уничтожить только «копийные документы», то есть вторые экземпляры документов, подшитых в это же дело.

Однако несколько ксерокопий, сделанных мной еще в 1997 году, позволили мне утверждать, что в личном деле № 840268 старшего лейтенанта А. был уничтожен, по край-

ней мере, один документ, не дублировавшийся полностью другими в деле.

По прежней нумерации дела этот документ стоял под номером «8» и представлял собой один из листов анкеты. Такая же типографская анкета подшита в деле под новой нумерацией «4», однако заполнение граф не совпадает в полной мере, как должно было бы, если бы архивисты уничтожили только, как они утверждают, «копии».

В этом легко убедиться, сравнив две ксерокопии.

На ксерокопии с листа 8 (по старой нумерации дела), уничтоженного сотрудниками отдела 5.4, в пункте 32 приведены данные о «Прохождении службы в РККА».

На ксерокопии с листа 4 (по новой нумерации дела), дожившего до 2005 г., также приведены в пункте 32 данные о «Прохождении службы в РККА». Но данные о прохождении службы старшим лейтенантом А., приведенные на ксерокопии с листа 8 (по старой нумерации), не совпадают в полной мере с данными, приведенными на ксерокопии с листа 4 (по новой нумерации дела).

Так, судя по ксерокопии, на листе 8, уничтоженном в 2004 году сотрудниками отдела 5.4, имелась запись о том, что 25.12.1941 г. старший лейтенант А. выбыл в энский полк в должности штурмана звена.

А на листе 4, уцелевшем после того, как дело было распотрошено архивистами, запись о назначении старшего лейтенанта А. штурманом звена отсутствует.

На обороте листа 4, ксерокопию с которого я также снял в 2005 году, приведены дополнительные данные о прохождении службы старшим лейтенантом Агеевым, начиная с декабря 1941 г., однако ни в одной из этих записей не отражено, что старший лейтенант Агеев был назначен штурманом звена!

Это показывает, что сотрудниками отдела 5.4 в июне 2004 г. был уничтожен документ, лишь по форме, а не по содержанию совпадающий с документами, сохранившимися на листах 4 и 4-оборотный дела № 840268.

Между тем любые попытки назвать отсутствие записи о назначении на должность штурмана звена малозначимыми не должны восприниматься всерьез. Во-первых, потому, что штурман звена по иерархии штурманских должностей был

более значимой должностью (ему подчинялись штурманы ведомых экипажей). Во-вторых, потому, что штурман звена получал большую базовую зарплату, нежели штурман.

Далее выяснилось, что при реформировании дела № 840268 была изменена последовательность документов. Так, например, рукописная автобиография, стоявшая прежде на листах 1—2, переместилась на листы 8—9, а на листы 1—4 переместилась анкетная таблица под заголовком «Личное дело», занимавшая прежде листы 28—31.

Хуже то, что в ряде случаев сотрудники отдела 5.4, уничтожавшие документы из личного дела № 840268, обрезали края страниц, из-за чего на многих листах исчезла старая нумерация. Между тем в прежней последовательности многие документы составляли единый комплекс, так как подшивались порциями. Благодаря этому можно было понять, что несколько документов относятся к одному событию — например, поступлению в военное училище, а при разделении этих документальных комплексов и произвольном распределении их по личному делу, без соблюдения принципа общей последовательности и тематической взаимосвязанности, теряется информационная целостность личного дела. Теперь приходится проводить сложные вычисления, пытаюсь понять, какой документ к какому событию относится, и искать схожие в разных концах дела. В 2004 году при реформировании этого личного дела архивистами был нарушен принцип хронологической последовательности документов. Комплексно-тематические блоки, существовавшие в старом деле, были частично разделены при произвольном уничтожении якобы «копийных» документов. Например, на странице 17 оказалась размещена аттестация, датированная 29.05.1940, а на странице 19 — датированная 26.02.1936 г. характеристика, составленная профкомом Московского авиатехникума.

Старший лейтенант А. — один из ключевых персонажей написанного мной биографического исследования о боевом пути экипажа моего двоюродного деда — командира звена Самуила Клебанова. Одна только написанная для книги биографическая справка об А. (не включающая упоминаний его работы с экипажем моего двоюродного деда) занимает 4 сверстанные страницы формата А-4.

В то время как я, пытаюсь реконструировать его боевой путь, по крупицам собирал свидетельства жизни А., сотрудники отдела 5.4 уничтожили почти 30 страниц из его личного дела. Не остановило их даже то, что в листе использования стояла моя подпись, так как я в 1997 и 1998 гг. ознакомился с его офицерским делом. Архивистам даже не пришло в голову, что нельзя уничтожать документы из дела, на которые исследователь планирует ссылаться при публикации. Они попросту уничтожили старый лист использования, вложив в него новый!

Обратившись к Шестопалу, я не услышал от него ни слова сожаления. С шокирующим цинизмом он парировал: «Ну и что?! Могли допустить ошибку!»

В действительности речь шла не об ошибке (в этом случае архивист мог бы извиниться), а о пренебрежении. Я получил очередное подтверждение профнепригодности архивиста Шестопада и его подчиненных.

Что представляет собой «Акт» на уничтожение архивных документов, я в полной мере понял, лишь получив ответ из прокуратуры Московского военного округа (исходящий № 35/2-1390 от 31.03.2009). Подполковник юстиции Кицунов, отвечая на запрос журнала «Индекс/ Досье на цензуре», сообщил, что проведенной прокурорской проверкой было выяснено, что 27 «копийных» листов из личного дела погибшего с моим родственником штурмана были уничтожены по решению экспертной комиссии ЦАМО «в составе — председателя — начальника 5 отдела подполковника Игольников И.Р. и членов комиссии — Шестопада Н.И., бывшего ведущего архивиста 4 архивохранилища 5 отдела Громовой Н.И. (в настоящее время уволена), архивиста 4 архивохранилища 5 отдела Нелюбовой В.В.». Ими был «произведен отбор подлежащих уничтожению личных дел военнослужащих с истекшими сроками хранения. После чего членами комиссии был составлен акт № 70066, и личные дела военнослужащих с истекшими сроками хранения (всего 1341) уничтожены».

Более всего потрясает общее число уничтоженных дел (сложно предположить, что в.р.и.о. начальника 2 отдела

надзора ВП МВО перепутал бы листы с делами), — по одному отдельно взятому акту № 70066 их насчиталось тысяча триста сорок одно.

К сожалению, и на этот раз прокуратура не ответила, почему среди так называемых «копийных» листов оказался, по крайней мере, один категорически НЕ-«копийный».

Возможно, косвенным подтверждением того, что ошибки в работе комиссии были выявлены, может служить информация о дальнейшем увольнении проводившей экспертизу дела старшего лейтенанта А. архивистки Н.И. Громовой. Как сообщается в письме ВП МВО, она была впоследствии именно «уволена», а не уволилась по собственному желанию.

В личном деле № 934705, которое я скопировал в те же дни, содержатся только 4 документа («личное дело», «автобиография», «служебная характеристика» и «служебно-политическая характеристика»). На листе 10-оборотный рукой какого-то архивиста написано: «В деле 10 страниц, фотографий нет». Между тем эта запись, по сути, неверна. В деле № 934705 имеется 10 листов, а страниц с текстом соответственно 13. Непонимание разницы между листом и страницей может позволить архивистам 2 из 10 листов в любой момент уничтожить — просто так, «для экономии места» в хранилище, а в деле останется запись о «10 страницах».

Методическая неграмотность является залогом противоправного обращения с документами. Впрочем, о чем бы ни шла речь (отсутствии доступного исследователям справочного аппарата или уничтожении документов), в этом вижу проблему я, приезжающий в ЦАМО на правах исследователя. Подчиненные Шестопала смеялись надо мной в голос, когда я сказал им, что рано или поздно прокуратура обяжет их допускать исследователей к справочной картотеке.

ВЕТЕРИНАРНЫЕ ПАСПОРТА

Наличие существующих еще с советских времен типовых сроков хранения разных категорий архивных документов, позволяющих уничтожать личные дела участников

Великой Отечественной войны, не может служить оправданием для Шестопада. Никакие бюрократические лазейки не могут объяснить причин, по которым архивисты считают себя вправе уничтожить информацию о погибших. Тот же Шестопад мог бы спокойно игнорировать наличие этих внутриведомственных приказов, зная, что тем самым он будет способствовать сохранению информации о советской Атлантиде. И в этом случае он ничем бы не рисковал.

Тем не менее этот бывший политинформатор первого отдела считал нужным педантично и буднично выполнять преступные по своей сути циркуляры. Многолетняя работа в ЦАМО не выработала в Шестопаде пиетета к документам, хотя даже те, кто ни разу в жизни не бывал в архивах, понимают, что после смерти человека именно документы позволяют установить подробности его жизни. Эта нехитрая мысль встречается даже в художественной литературе: «Корвьев швырнул историю болезни в камин.

— Нет документа, нет и человека /.../» (*М. Булгаков, «Мастер и Маргарита»*. — Минск: «Ураджай», 1988. С. 560.).

Увы, недостаток кругозора у недобросовестных чиновников зачастую становится источником проблем общественной значимости.

Археологи скрупулезно раскапывают поселения и могильники умерших цивилизаций, привлекая к сотрудничеству не только антропологов, но и палеоботаников (специалистов по древней растительности) и палеозоологов (специалистов по древнему животному миру); при этом вкладывают большие средства в проведение не только полевых работ, но и лабораторных анализов. Стараются выяснить все — вплоть до того, в какое время года человек умер и были ли в засыпь его могилы положены цветы. Антропологи делают тщательные замеры костных останков, чтобы выяснить не только, как человек выглядел, но в каком возрасте умер и чем болел. И все это делается ради того, чтобы собрать как можно большую информацию о тех, кого мы никогда не видели. Скелету какого-нибудь кочевника уделяют такое внимание, с которым он едва ли сталкивался при жизни. Никому не знакомый человек приходит к нам из древности, рассказывая посредством переводчиков —

в их роли выступают антропологи, химики и генетики — о том, как он выглядел, жил, питался. Нечасто встречающаяся возможность идентифицировать погребение, узнав по надписи имя мертвеца, становится поводом для искренней радости.

В остальном же приходится довольствоваться общими антропометрическими данными и сведениями о погребальном обряде. Скажем, в погребениях I века н.э., которые мне пришлось раскапывать в 2007 году, не было найдено ни одного содержащего надпись надгробья. Погребальный инвентарь да костные останки (в ряде могил потревоженный древними грабителями) — вот и весь улов, который позволит составить «персональное дело» на раскопанного мертвеца. В одном случае мне удалось расчистить могильную насыпь, на которой сохранился отпечаток давно истлевшего саркофага, — на суглинке сохранилась зеленоватая краска, которой были покрыты стенки саркофага.

В другой могиле читалась тонкая линза органического тлена — это все, что осталось от войлочного ковра, в который был завернут покойник, и жердей (на них, очевидно, умершего принесли на кладбище). В ногах у него были наконечники стрел с фрагментами практически полностью истлевших древков. Ни малейших шансов узнать имени и точных годов жизни этого человека у экспедиции нет.

Археологи не могут и помышлять о том, чтобы иметь доступ к его прижизненно составленным «личным данным» (исключение могут составлять упоминаемые в хрониках царственные особы), а тем более увидеть его на фотографии (лишь особо состоятельные экспедиции могут позволить себе заказать антропологам реконструкцию лица по черепу).

Именно наличие персональной документации пока еще отличает павших в годы Великой Отечественной войны от древних воителей. Сержант или лейтенант, дело которого было уничтожено архивистами, лишается тех преимуществ, которыми он обладал перед древним эллином или скифом.

Все это — фотографии, антропометрические данные, автобиографии, сведения о семье, информация о полученном образовании, служебные характеристики — содержится в личных делах. И находятся архивисты, которые счи-

тают себя вправе уничтожить как отдельные документы из этих дел, так и сами дела под тем предлогом, что какие-то варвары-чиновники сочинили в свое время преступные директивы, позволяющие уничтожить эту документацию «по истечении положенного срока хранения».

А теперь зададимся вопросом: как можно будет восстановить эту культурную и антропологическую брешь спустя 100 лет, когда наших дедов, участвовавших во Второй мировой войне, будут воспринимать с той же дистанции, с какой мы сейчас абстрагированно воспринимаем участников войны с Наполеоном?

Уже сейчас можно уверенно сказать, что мы очень смутно представляем даже антропологические типы участников Великой Отечественной войны. Мы мало что знаем об их интонациях, чувстве юмора, системе ценностей, даже об их питании.

И вместо того чтобы максимально благоприятствовать исследовательской работе, которая объединит историю разных поколений в нечто взаимосвязанное, люди, подобные Шестопалу, борются с историками, скрывают от них документацию, а сами эти документы уничтожают под предлогом того, что «истекли сроки».

Шестопал является одним из тех, благодаря кому советская цивилизация (вне зависимости от того, как к ней относиться) обречена на историческую гибель, как Древняя Скифия. Историю войны благодаря усилиям таких архивистов будут изучать не по письменным источникам (письменных источников, как известно, у скифов не было — мы знаем о них из трудов античных авторов), а по некрополям, так как архивисты на рубеже XX—XXI веков осатанели настолько, что считают возможным собственными руками предавать забвению и в ряде случаев уничтожать историю собственной же страны.

Уместно затронуть тут и социальный аспект. Ничем иным, кроме простонародного прагматизма, нельзя объяснить, что к личным делам погибших участников войны относятся, как к ветеринарным паспортам. Это не преувеличение. Ровным счетом так же к ветеринарным паспортам своих коров относятся крестьяне. Пока скотина жива и

бегают по пастбищу с биркой в ухе, крестьянин хранит этот ветеринарный паспорт, но когда корова начинает стареть, болеет, дает мало молока либо же, по несчастливому стечению обстоятельств, подскочили цены на мясо, крестьянин сдает корову на мясо, и ее ветеринарный паспорт ему уже не нужен.

Относиться к погибшим, как к мычащей скотине, документацию которой допустимо уничтожать, когда в ней нет надобности, можно только в том случае, если не отличать человеческий род, свой народ и страну от бессловесного стада.

В ПЕРЕВОДЕ С АРХИВНОГО НА ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ

Основываясь на рассуждениях начальника архивохранилища 5.4, можно было сделать несколько выводов о том, в чьих руках оказывается доступ к истории Великой Отечественной войны. Обскурантизм и методическая неграмотность Шестопада, когда человеку с такими свойствами была дана возможность регулировать доступ исследователей к архивным документам, превратились в проблему, затрудняющую разумное реформирование архивной системы Министерства обороны.

Перечислю эти свойства. Прежде всего, это — неприличное чинопочитание. Считая, что публиковать биографию представителя среднего начальствующего состава (например, старшего лейтенанта) бессмысленно («не такая уж важная фигура, чтобы писать»), Шестопад был уверен, что данные законом права не распространяются на гражданина, если тот не является большим чиновником («ты кто такой, чтобы о законе говорить?»).

Во-вторых, это страх того, что исследователи могут опубликовать нечто, отличающееся от того, что понравится в ГУКе или Генштабе. Уверенность, что их работу нужно подвергать цензуре, определяя, что им недозволено знать. Сетование на отсутствие возможности проверить каждого историка персонально («тебя же никто не проверял!»). Но что означает «проверить» исследователя? В соответствии с бюрократической традицией это означает убедиться в со-

ответствии историка неким стандартам — в первую очередь политической благонадежности и социального происхождения. И если исследователь не имеет к бюрократической системе отношения, архивист не знает, как контролировать и воздействовать на человека, не имеющего приводных ремней.

О том, что в целом ряде федеральных законов четко сказано, что исследователь не обязан мотивировать перед архивом свой интерес к документальным источникам, Шестопалу было просто невдомек.

Историкам, журналистам и юристам, способным вынуждать ведомственных архивистов подчиняться федеральным законам, а не лишенным юридической силы министерским директивам, место в кутузке.

Опосредованно, как можно понять эту логику, место в кутузке и тем, кто подготовил законы, дающие гражданину возможность побеждать в споре с ведомством.

И, разумеется, само законодательство представлялось Шестопалу нестерпимо враждебным. Он и не стеснялся демонстрировать, что не понимает законодательство, ограничивающее ему основанное на классовом чутье и политической целесообразности самоуправство. Он искренне недоумевал, почему потомкам ветеранов дано право предоставлять нотариальной доверенностью историку возможность изучить личное дело.

Поскольку Шестопал умудрялся скрывать от меня дела даже в тех случаях, когда я предъявлял ему нотариальную доверенность, я потребовал от архивиста объяснений. Ответ его выражал всю глубину испытываемого Шестопалом неуважения к российскому законодательству:

— Ну и что мне эта нотариальная доверенность?

— Нотариальная доверенность составлена прямыми наследниками.

— А какое он право имеет на дело отца? Это что — его личная вещь? Это что, его чайник, что ли? Личное дело — это для служебного пользования, пользования внутри Министерства обороны. Да ты знаешь, что я не имею права тебе показывать эти личные дела, потому что в них секретные и совершенно секретные документы?

— Там нет никаких совершенно секретных документов.

— Это ты так думаешь! У меня и разведчики, и американские шпионы!

Шестопал блефовал. Ему было хорошо известно, что я изучаю судьбы людей, в большинстве своем погибших во время войны и никогда не бывавших за пределами СССР. Никаких американских «шпионов» среди них не было.

И невдомек было Шестопалу, что в России почти полтора десятилетия действуют «Основы законодательства РФ о нотариате» (Федеральный закон № 4462-1, принятый еще 11.02.1993 г.). Закон действует, но Шестопал до последнего вздоха считал, что право распоряжения семейной информацией, переходящее по наследству, противоречит личным интересам архивиста.

75 МИНУС ВЕЧНОСТЬ

Мое обращение в Архивную службу Вооруженных сил подтвердило опасения: действующие в Министерстве обороны положения позволяют методично избавляться от большого объема персональной документации лишь по формальному признаку пресловутого истечения срока хранения.

В письме от 28.12.2007 (исходящий А.С.В.С. № 350/1912) полковник Сергей Ильенков проинформировал меня, что личные дела разделяются на две категории, сроки хранения которых различаются кардинально. Если «первые экземпляры личных дел старших офицеров, а также младших офицеров, прапорщиков, мичманов — участников боевых действий хранятся постоянно», то «срок хранения первых экземпляров личных дел, младших офицеров, прапорщиков, мичманов, не участвовавших в боевых действиях, равняется разности 75 — «в», где «в» принимается за возраст военнослужащего. Так, личное дело офицера, если оно окончено делопроизводством, когда ему было 60 лет, должно храниться в течение 15 лет (75 — 60 = 15)».

Эти сроки были, как становится ясно из письма А.С.В.С., регламентированы введенным в 1997 году Перечнем.

Хотя остается непонятным, какая судьба уготована личным делам старших офицеров, не участвовавших в боевых действиях, даже этот принцип разделения на две категории не может не вызывать серьезные нарекания.

Несложно понять, что именно такая система подсчета (75 лет — возраст увольнения) давала и дает архивистам возможность уничтожать документы военнослужащих, завершивших службу в РККА еще до начала Великой Отечественной войны. Представим себе военнослужащего, например, 1900 года рождения, который завершил службу в 1938 году. По логике Перечня, на который ссылался начальник Архивной службы Вооруженных сил, личное дело уволенного в 1938-м должно было храниться последующие 37 лет (75 — 38), то есть вплоть до 1976 г.

«Аналогичные» сроки хранения, как утверждал Ильенков, были предусмотрены «Перечнем документов Советской Армии и ВМФ», действовавшим с 1975 г.

Из сказанного следует, что по крайней мере с 1975 г., то есть уже 33 г., архивы, подчиняющиеся Министерству обороны, уничтожают личные дела младших офицеров, прапорщиков и мичманов, не участвовавших в боевых действиях.

Можно и должно обсуждать, имеет ли смысл уничтожать дела тех военнослужащих, которые не участвовали в боевых действиях, но в действительности сформулированное Перечнем 1997 г. разделение не соответствует фактически существующему в отделе 5.4 ЦАМО. Начиная с 1997 г. мне неоднократно доводилось слышать как от инструктора читального зала, так и от сотрудников отдела 5.4, что их хранилище не располагает личными делами младших лейтенантов и лейтенантов. Если верить архивистам, то на младших лейтенантов, даже участвовавших в Великой Отечественной войне, личных дел нет вообще — так, словно бы они не относились к «младшим офицерам».

Если предположить, что архивисты не вводили меня в заблуждение (коллеги получали такой же ответ), остаются только два объяснения, которые можно найти этому загадочному отсутствию личных дел на погибших лейтенантов и младших лейтенантов. Объяснение первое: все эти дела

давно уничтожены за истечением срока хранения. Этого исключать нельзя, поскольку формула «75 — в.» предполагает, что уже к 2000 году должны были быть уничтожены все без исключения личные дела младших лейтенантов и лейтенантов, завершивших военную службу не позже 1945—1946 годов.

Объяснение второе: ЦАМО никогда не принимал на хранение личные дела тех военнослужащих, которые не дослужились до старшего лейтенанта. Эта версия неправдоподобна, поскольку в таком случае Положение 1987 г. оговаривало бы эту, по сути, дискриминационную норму, предполагающую, что дела всех военнослужащих, чье звание ниже старшего лейтенанта, не представляют исторической ценности.

Некоторую ясность внесло письмо начальника ЦАМО полковника Чувашина (исходящий № 5/2173 от 28.02.2007), в котором признавалось, что в 4-м архивохранилище 5-го отдела хранятся «личные дела офицеров, прапорщиков, солдат, сержантов, проходивших службу по контракту». К тому моменту я уже убедился по сдаточной описи в том, что личные дела старших сержантов, погибших во время Великой Отечественной войны, скрываются под дланью все в том же отделе 5.4.

Что любопытно, еще в 1997 году я пытался выяснить наличие личных дел на стрелков-радиостов, летавших с моим двоюродным дедом, и тогда инструктор читального зала В.О. Попова проинформировала меня, что дел на сержантский состав не сохранилось, поскольку они были якобы уничтожены еще в 1953 году. Позвонив в отдел 5.4, она сообщила мне, что личных дел на стрелков-радиостов, погибших вместе с моим родственником, в архиве нет.

Спустя 10 лет, открыв одну из сдаточных описей, я обнаружил имена трех летавших в разное время с моим двоюродным дедом радиостов. Одно из дел (под инвентарным номером 838605) было уничтожено еще в 1986 году по акту № 60604, а два других были целы. В описи не стояло никаких пометок об уничтожении их дел.

Однако эта же опись красноречиво свидетельствует о том, что, вопреки Положению 1997 г., в отделе 5.4 уничтожа-

ли личные дела не только военнослужащих, не участвовавших в боевых действиях, но и погибших во время Великой Отечественной войны. С ходу назову несколько номеров:

Дело № 838521 на авиационного техника Барчука Николая Александровича, обслуживавшего в 1941 году бомбардировщик ЕР-2 Героя Советского Союза Александра Молодчия, уничтожено в 1984 году по акту № 60297.

Дело № 838588 на воздушного стрелка Выдрича Ивана Петровича, летавшего в экипаже орденоносца старшего лейтенанта Владимира Терехова и сбитого в ночь на 24 мая 1942 г., уничтожено в 1988 году по акту № 607804.

Дело № 838591 авиационного техника Канаева Ивана Тимофеевича уничтожено в 1997 году по акту № 64471.

Дело № 838608 заместителя командира 748-го авиаполка дальнего действия по летной части майора Венецкого Александра Иосифовича, погибшего в авиакатастрофе 7 июля 1942 г., уничтожено в 1986 году по акту № 60684.

Дело № 838614 воздушного стрелка младшего сержанта Дорохова Прокопия Николаевича, погибшего при выполнении боевого задания в ночь на 12 июня 1942 г., уничтожено в 1992 году по акту № 61339.

Дело № 838771 авиамеханика Андрусенко Василия Макеевича уничтожено в 1983 году по акту № 58784.

Дело № 840384 авиатехника Котова Николая Егоровича, обслуживавшего бомбардировщик ИЛ-4 Героя Советского Союза Степана Швеца и погибшего в авиакатастрофе 30 августа 1942 г., уничтожено в 2005 году по акту № 71294.

За этими именами стоят различные судьбы и события; большинство из них упоминаются мной в обширном исследовании, которое я планирую вскоре опубликовать. Некоторые упоминаются в опубликованных большими тиражами мемуарах (в частности, майор Венецкий и авиатехники Барчук и Котов). Хотя все перечисленные авиаторы участвовали в войне и погибли еще в 1942 году, это не помешало отделу 5.4 уничтожить их личные дела.

С учетом этих фактов неуместной попыткой отрицать очевидное выглядели заверения военного прокурора Московского военного округа А.Н. Вертухина, заверявшего меня (исходящий ВП МВО № 35/2-548 от 14.02.2005), что

«информация об уничтожении в ЦАМО РФ /.../ личных дел офицерского состава была проверена в феврале 2004 года комплексной комиссией по указанию первого заместителя начальника Генерального штаба ВС РФ генерал-полковника Балуевского Ю.Н. и своего подтверждения не нашла».

Не берусь судить, верил ли сам Вертухин этому утверждению, когда подписывал адресованный мне ответ, но охотно допускаю, что даже представители упомянутой им комплексной комиссии могли быть легко введены Шестопалом в заблуждение. Не случайно он заверял меня, — возможно, чтобы создать у меня впечатление, что ему сам черт не брат, — будто не пустит в картотеку даже сотрудников прокуратуры. Резон Шестоपालа выдавать желаемое за действительное был понятен: после того как я обратился с жалобой на него в Главную военную прокуратуру, архивист всеми силами пытался убедить меня в том, что он окажется не по зубам даже прокурорам.

В то же время непонятен резон, по которому прокуроры позволяли вводить себя в заблуждение.

Многие из тех, чьи дела были уничтожены, погибли в 1942 году при выполнении заданий. Вражеские зенитчики оборвали физическую жизнь экипажа, а ведомственные архивисты продолжают дело, начатое противником. Уничтожая дела и документы, они лишают павших шанса получить вторую жизнь в исторических исследованиях.

«Установить возраст пострадавшего, ввиду общей обугленности, не представилось возможным. /.../ Лицо деформировано, обуглено». «Установить личность этого человека по осмотру было невозможно, ибо не только одежда, но и мышцы и даже кости нижн [их] конечностей обуглились и дымились» — так описывали прозекторы в патологоанатомических заключениях тела авиаторов, погибших при падении бомбардировщика. Бывало, что тела при взрыве фрагментировало: «Найдены отдельные остатки тел в виде ноги /обгоревшей/, туловища, части головы, кишек и др [угих] мелких обгоревших частей тела». Защищая свою страну, многие погибали страшной смертью, и не все тела были преданы земле.

Зачастую вместе с плотью сгорали и личные документы,

по которым можно было бы идентифицировать погибших: «Труп совершенно обуглился, никаких документов у него не обнаружено». Это означало, что могила навсегда останется безымянной, если самолет упал на оккупированной территории.

Молодым абитуриентам военных училищ полезно отдавать себе отчет в том, какая участь может ожидать их офицерские дела в последующие десятилетия. Лишенные земной жизни осколком артиллерийского снаряда, они могут лишиться жизни посмертной, обеспечиваемой памятью общества, когда архивисты сочтут, что документы не заслуживают хранения. Дело, начатое артиллеристом-наводчиком, воевавшим на стороне противника, успешно завершат архивисты того самого ведомства, униформу которого офицер носил, защищая интересы своей страны. Для многих архивохранилище, где хранится персональная документация, становится вратами даже не в преисподнюю, а в небытие, когда, руководствуясь щучьим велением, своим хотением, архивисты ставят в соответствующей графе штамп «уничтожено».

НЕОСУЩЕСТВЛЕННОЕ ПРАВОСУДИЕ

Прокуратура Московского военного округа, отказавшись признавать, что в действиях Шестопада были многочисленные нарушения, очевидно, решила выгородить не столько архивиста, сколько руководство ЦАМО и Архивной службы Вооруженных сил, поскольку даже косвенное согласие с изложенными в моей жалобе аргументами означало бы, что непосредственные руководители Шестопада не контролировали ситуацию в возглавляемом им отделе.

Если же верно мое предположение, что Шестопад был связан с госбезопасностью, то прокуратуре пришлось принять компромиссное решение и пойти на то, чтобы не сообщать мне результаты проведенной по моему же ходатайству проверки.

Тем не менее общение с прокурорскими работниками Шестопад перенес болезненно. Говоря о работе комиссии

в отделе 5.4, Шестопал крайне раздраженно восклицал: «Меня тут уже расстреливать собирались!»

Хотя после проверки, проведенной летом 2006-го прокуратурой в возглавляемом им хранилище, Шестопал не лишился своей должности, он хорошо понимал, что при дальнейшей огласке допускаемых им правонарушений прокуратура откажется от ведомственной привычки «своих не выдавать» и примет по отношению к нему жесткие санкции, чтобы прекратить разрастающийся конфликт.

Когда архивиста ознакомили с моей жалобой в ГВП, Шестопал осознал, что ходит под несколькими статьями Уголовного кодекса, и вопрос их применения зависит исключительно от согласия прокуроров. С этого момента ему стало ясно, что всякий раз, как я прихожу работать в отдел 5.4, мне могут становиться известны какие-нибудь еще допущенные им и его сотрудником нарушения архивных норм.

Возможно, самым шокирующим для него стал правовой антагонизм между повседневной практикой его работы и требованиями, сформулированными в нормативных актах.

Скрывая от меня личные дела, Шестопал совершал действия, предусмотренные статьей 140 Уголовного кодекса РФ, гласящей, что «неправомерный отказ должностного лица в предоставлении собранных материалов, непосредственно затрагивающих права и свободы гражданина, либо предоставление гражданину неполной или заведомо ложной информации, если деяния причинили вред правам и законным интересам граждан, — наказываются штрафом в размере от двухсот до пятисот минимальных размеров оплаты труда или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от двух до пяти месяцев либо лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от двух до пяти лет».

Игнорируя нотариальные доверенности, Шестопал саботировал и норму, декларированную в «Правилах работы в читальном зале», утвержденных приказом № 23 начальника ЦАМО 3 марта 2005 г. Ставя свою прихоть выше подписан-

ных начальником архива правил, которыми регламентировалось взаимоотношения архива и исследователей, Шестопад превышал свои должностные полномочия. А это подпадает под действие статьи 286 УК РФ, гласящей, что «совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы его полномочий и повлекших существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций, либо охраняемых законом интересов общества или государства, — наказывается штрафом в размере от 100 до 200 минимальных размеров оплаты труда или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного месяца до двух, либо лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет, либо арестом на срок от четырех до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до четырех лет».

В этих действиях содержится также состав правонарушения, оговоренного в статье 330 УК РФ: «Самоуправство, то есть самовольное, вопреки установленному законом или иным нормативным правовым актом порядку совершение каких-либо действий, правомерность которых оспаривается организацией или гражданином, если такими действиями причинен существенный вред, — наказывается штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев, либо обязательными работами на срок от ста восьмидесяти до двухсот сорока часов, либо исправительными работами на срок от одного года до двух лет, либо арестом на срок от трех до шести месяцев».

Самым опасным образом против Шестопада могло обернуться проводимое им уничтожение как отдельных документов, так и целых дел. Статья 243 УК предусматривает, что за «уничтожение или повреждение /.../ документов, имеющих историческую или культурную ценность» ответственное лицо наказывается штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев либо лишением свободы на срок до двух лет».

Кстати, «те же деяния, совершенные в отношении особо ценных объектов или памятников общероссийского значе-

ния» могут стоить архивисту «лишения свободы на срок до пяти лет».

Если бы сотрудники прокуратуры, проводя летом 2006 г. проверку моей жалобы, не стали проявлять к архивисту неуместного снисхождения, не позднее осени того же года он прекратил бы работу в ЦАМО. Это позволило бы руководству архива изменить кадровый состав отдела 5.4 и привести принципы его работы в соответствие с требованиями архивного законодательства. Увы, Шестопал остался на своем посту, и его возмутительная неподконтрольность начальнику ЦАМО стала залогом того, что конфликт в последующие месяцы развивался по нарастающей.

КУРИЦА — НЕ ПТИЦА. ГЕНЕРАЛ — НЕ ОФИЦЕР?

В августе 2006 г. Шестопалом было получено предписание Главного управления кадров допустить меня к делам нескольких офицеров, включая двух генералов. И если необходимость ознакомить меня с делами среднего начальствующего состава вызывала сопротивление со стороны Шестопала, то согласие ГУКа предоставить мне доступ к документам высшего начсостава вызвало у него откровенный протест.

Оставалось только каким-то образом дезавуировать полученное из ГУКа разрешение. И тут архивист пошел на откровенную подмену терминов.

Несмотря на то что исходящим ГУКа № 173/7/2063п от 3.08.2006 мне был предоставлен доступ к личным делам не только среднего, но и высшего начальствующего состава, Шестопал решил усложнить мне работу и потребовал запросить у ГУКа отдельное разрешение на ознакомление с послужными списками из генеральских дел: «Вам решили показать только офицерские дела, а генеральские я не покажу без разрешения ГУКа».

Юридических оснований к этому требованию не было, но Шестопал придумал формальный повод: он объявил мне, что в разрешении ГУКа не упоминается слово «генерал». По словам архивиста, ГУКом было разрешено мне ознакомление лишь с офицерскими делами.

Для начала Шестопал стал мне доказывать, что разрешение ГУКа можно проигнорировать только потому, что, видите ли, оно было подписано вскоре уволившимся начальником Управления учета военнослужащих полковником Ермоленко. По причудливой логике, которую мне предлагал Шестопал, получалось, что виза ГУКа теряет вес, если подпись ставил чиновник, в дальнейшем завершивший службу в этой инстанции. Хотя ответ составлял с подавляющей вероятностью его референт, а сам полковник Ермоленко лишь подписал подготовленную бумагу, виза ГУКа имела бы вес вне зависимости от того, какую фамилию носит поставивший ее начальник Управления.

Убедившись в том, что я могу поставить перед ГУКом вопрос о том, почему архивисту позволяет игнорировать полученное из Управления согласие, Шестопал стал придумывать причины своему нежеланию выдавать дела двух генералов. Речь шла всего лишь об автобиографиях, послужных списках и наградных листах, и тем не менее архивист проявлял неуместное упрямство.

Впервые в жизни я сталкивался с человеком, который уверял меня в том, что генералитет не относится к офицерскому составу.

В логике, которую в университете преподают на первом курсе, есть такое понятие, как «логические круги». Для того чтобы объяснить его значение, преподаватель рисует большой круг — назовем его в данном случае «офицерским составом». Далее в этот большой круг будет вписан кружок меньшего размера — это и будет «генералитет», являющийся составной офицерского корпуса.

Вопреки изобретательным интерпретациям Шестоपालа, генералитет является высшим звеном офицерского состава, о чем полковнику в отставке следовало бы знать, если он действительно служил в армии, а не в органах госбезопасности.

Не станем укорять политинформатора Шестоपालа в незнании классических логических конструкций. Но есть обстоятельство, которого простить архивисту нельзя, тем более что он фигурирует во многих справочниках, как «консультант» и член «авторского коллектива». Шестопалу сле-

довало бы знать, что вплоть до конца 1942 г. в РККА не было «офицерских» званий — этот термин применялся лишь к военнослужащим зарубежных армий, пока не был утвержден, как номенклатура, в 1943-м. А вплоть до этого те, кого Шестопал огульно называет «офицерами», именовались «командирами».

Он упорно не хотел считаться с письмом ГУКа, и мне пришлось обратиться к руководству архива. 6.10.2006 полковника Чувашина не было в архиве, и мое ходатайство отказать распоряжение Шестопалу, чтобы тот подчинился письму ГУКа, удовлетворил заместитель начальника ЦАМО полковник Ярош. Наложённая им и адресованная в отдел 5.4 резолюция гласила: «Допустить до послужных списков генералов».

Николай Иванович проигнорировал его распоряжение, чем еще больше укрепил меня в подозрении, что у него сохранились такие тылы, которые позволяют Шестопалу игнорировать приказы, получаемые от архивного руководства.

КАК НАЙТИ В ЗАКОНЕ ТО, ЧЕГО В НЕМ НЕТ

В течение двух лет я неоднократно сталкивался с тем, что Шестопал пытался скрыть от меня различные дела, создавая у меня впечатления, что в архиве нет либо дел на интересующих меня лиц вообще, либо дел за нужный мне период (подполковника М., генерал-майора Н. и гвардии капитана Т.).

Поскольку я не мог получить доступ к справочному аппарату, Шестопал постепенно уверовал в свою неуязвимость и перестал стесняться своего правового нигилизма: «Я тебе сразу сказал, что мы показываем личные дела наиболее полные и не обязаны тебе показывать все дела, не обязаны, ты понимаешь?!»

Дела показывали вовсе не «наиболее полные», а те, которые, по мнению архивиста, содержали минимум информации. У меня были все основания полагать, что несколько личных дел от меня скрыли. Оставалось задать архивистам этот вопрос напрямую. Для этого я составил таблицу, в ко-

торой перечислил в алфавитном порядке фамилии военнослужащих, личные дела которых я запрашивал в предшествующие месяцы. Во второй колонке указывались места и даты их рождения; третья колонка была отведена для номеров выданных мне личных дел, а четвертую я предназначил для того чтобы архивисты вписали номера тех дел, показать которые они не сочли нужным.

Соккрытие личных дел я попросил сопроводить объяснением причин. Распечатав таблицу в двух экземплярах, один из которых я просил вернуть мне в заполненном виде, 14 марта я направил Шестопалу этот запрос.

Как и следовало ожидать, руководство 5-го отдела ЦАМО сообразило, что заполнение таблиц будет означать признание в том, что Шестопал скрывает от меня ряд дел, пользуясь недоступностью справочной картотеки. Поэтому архивисты попросту проигнорировали мое ходатайство и не стали эту таблицу заполнять.

Шестопал понимал, что я знаю, что он скрывает от меня ряд личных дел. Соответственно, если бы он попытался оставить колонку, отведенную для № № тех дел, которые он мне не стал выдавать, незаполненной, это дало бы мне возможность уличить его во лжи, ссылаясь на его же подпись. А собственноручно вписать номера невыданных дел и тем самым признать, что он занимался сокрытием документов, то есть нарушал статью 140 УК РФ, у Шестоपालа не хватило мужества.

Не дать ответ Шестопал не имел права, но возможностью ответить не по существу он воспользовался. Из его ответа (№ 5/2313 от 11.04.2007) следовало, что «аналитическая работа сотрудниками архива, в том числе и 4-го архивохранилища, по учету выданных дел по заявкам исследователей Центральным архивом МО для заявителей не проводится».

Общаясь с Шестопалом, я неоднократно сталкивался с тем, что мы вкладываем разный смысл в одни и те же слова. Но на этот раз я решил не полагаться на собственные знания и раскрыл словари, чтобы понять, какое же значение Николай Иванович вкладывал в словосочетание «аналитическая работа». Сверился со «Словарем русского языка» С.И. Ожегова (М.: «Русский язык», 1984. С. 24). Легче не

стало — Ожегов расширяет слово «анализ», как «метод научного исследования путем рассмотрения отдельных сторон, свойств, составных частей чего-нибудь» или «всесторонний разбор, рассмотрение».

Симптоматично, что, пытаясь найти предлог не отвечать на мой запрос, Шестопал назвал «аналитической работой» то, что таковой не является. Перечисление выданных дел и дел, не выданных, не требует никакого анализа. Анализ — это те выводы, которые я смог бы сделать, получив этот перечень и увидев, что меня вводили в заблуждение.

Оставался неразрешенным вопрос и с картотекой: Шестопал должен был каким-то образом оправдать утаивание от меня картотеки. Объясняя свое нежелание подпускать меня к картотеке, он провозгласил, что «новые алфавитные карточки, которые хранятся совместно со старыми, как и сами личные дела, носят конфиденциальный характер», и сослался на Федеральный закон № 125 — ФЗ от 22.10.2004 г.

Открыв упомянутый Закон «Об архивном деле в Российской Федерации», я выяснил, что в его тексте ни разу не встречаются слова «алфавит», «картотека», «конфиденциальный» и «характер». Более того, в пункте 1 статьи 24 сформулировано нечто прямо противоположное утверждению Шестоपालа: «Доступ к архивным документам обеспечивается путем предоставления пользователю архивной документации, справочно-поисковых средств и информации об этих средствах, а также подлинников и (или) копий необходимых ему документов».

Придумал Шестопал и другое казавшееся ему логичным объяснение: «Допуск исследователей к постоянно пополняющейся алфавитной картотеке на генералов и офицеров не разрешен, в связи с неопытностью исследователей в работе с картотекой и возможным нарушением ее системного характера (случайная закладка алфавитных карточек не на свои места, это значит потеря личных дел)» [NB! *Стиль документа сохранен. — Г.Р.*].

Пришел бы архивист Шестопал с такой прогрессивной идеей в Румянцевскую или Публичную библиотеки, чтобы предложить их руководству запретить читателям работать с картотеками, и, подозреваю, понимания бы не встретил,

даже если бы стал выражать опасения, что посетитель может «случайно» положить алфавитную карточку не на свое место. Кстати, от этого риска картотеку можно уберечь с помощью одного небезупречного (если захотят карточку вырвать, то вырвут без усилий), но в целом действенного приема: карточки следует нанизывать на продольно расположенный в ящике штырь.

Кстати, так ни разу и не побывав в этой картотеке, я не могу полагаться на слова Шестопада: его декларации неоднократно противоречили действительности, так что не удивлюсь, если все эти карточки благополучно нанизаны на продольные штырьки и извлечь их из ящика невозможно.

Я был тронут тем, что, зная о моем к тому моменту уже 10-летнем стаже работы в различных архивах, архивист высказал опасение в том, что я по «неопытности» стану «случайно» закладывать алфавитные карточки не на свои места. Но и на этот случай было обоюдодоприемлемое решение — запустить меня в картотеку в присутствии сотрудника.

Увы, этот вариант Шестопадом и не рассматривался, так как означал бы его легко прогнозируемый проигрыш и капитуляцию. Казалось бы, что могло воспрепятствовать именно такому решению, если он сам сообщил мне в цитируемом письме, что «к работе с картотекой допускаются только опытные, подготовленные сотрудники — картотечницы и два постоянных исполнителя писем и запросов».

Именно в их присутствии меня следовало препроводить к соответствующим ящикам картотеки и, усадив за рабочий стол, сказать: проверяйте и убеждайтесь в том, что мы от вас ничего не скрываем. Очевидное решение не устраивало Шестопада, и, делая ситуацию патовой, он исключал саму возможность моего появления в картотеке: «Другие лица в картотеку не допускаются».

Между тем, утверждая в пункте 3 этого же ответа № 5/2313, что алфавитная картотека «создана /.../ для внутреннего поиска», Шестопад не сослался ни на какое положение, регламентировавшее бы функционирование этой картотеки в режиме, закрытом для исследователей. Соответственно, Шестопад позволил себе удобную ему интер-

претацию, которая позволила бы, вопреки законодательству, отказать исследователям в доступе к ней.

В этом вопросе Шестопал мог опираться на позицию начальника ЦАМО полковника Чувашина (исходящий № 5/2173 от 28.02.2007), сформулированную в ответе, данном начальнику Архивной службы Вооруженных сил: «Для оперативного поиска хранителями фондов того или иного личного дела и работы с ним, а также для обеспечения сохранности документов в архивохранилище, где хранятся личные дела, ведется алфавитная картотека, которая не является учетной, не содержит полных данных и постоянно пополняется по мере поступления на хранение личных дел. В картотеку в процессе работы вносятся изменения о движении личных дел. Картотека является вспомогательным справочным аппаратом при работе с личными делами сотрудников архивохранилища, а не пользователей, прибывающих для работы в архив.

На основании вышеизложенного считаю не целесообразным беспрепятственный допуск гр. Рамазашвили Г.Р. к алфавитной картотеке коллекции личных дел офицерского состава, а ограничиться предоставлением ему необходимых дел или описей по соответствующей теме и заявке».

Хотя полковник Чувашин также вывел использование картотеки за пределы правового поля, прибегнув к понятию целесообразности, не регламентируемому нормативными актами, начальник ЦАМО, в отличие от Шестопала, великолепно понимал, что архивный фонд не может существовать без справочного аппарата. Именно поэтому Сергей Иванович счел возможным предоставлять мне «описи, которые являются основным учетным документом». Как информировал полковник Чувашин Архивную службу Вооруженных сил, «допуск к описям для работы исследователей не ограничен. Описи выдаются по заявкам пользователя с учетом исследуемой им темы».

Вопреки решению начальника ЦАМО, Шестопал не стал признавать очевидного. Составляемых в ЦАМО описей на личные дела он мне так и не предъявил; я получил доступ лишь к сдаточным описям, по которым дела поступали из военкоматов, округов или других учреждений.

В затруднительном положении, благодаря стараниям Шестоपालа, оказался и подполковник Игорь Рудольфович Игольников — начальник 5-го отдела, в состав которого входит четвертое архивохранилище. Вынужденный придумывать объяснения допущенному подчиненными самоуправству, Игольников не смог ответить на мой вопрос, копии каких именно документов из личного дела штурмана лейтенанта А., погибшего с моим двоюродным дедом, были уничтожены архивисткой Громовой.

Вместо того чтобы перечислить эти документы и нумерацию уничтоженных страниц, Игольников в своем письме (исходящий № 5/П-47058 от 16.04.2007) лишь подтвердил, что личное дело «было подвергнуто научно-технической обработке, в ходе которой были выделены на уничтожение 27 копийных листов».

Поскольку уничтожение документов было мною же и обнаружено, то Игольникову приходилось придавать этому потрошению личного дела видимость законности, и начальник 5-го отдела сослался на «Основные правила работы государственных архивов [СССР]» (Москва 0 1984 г.), которыми «определены основные принципы и методика проведения экспертизы ценности документов».

Подполковник Игольников абсолютно напрасно сослался на «Основные правила работы государственных архивов СССР», введенные в действие еще 7 декабря 1983 г. приказом № 352 Главного архивного управления при Совете Министров СССР. Письмо Игольникова было подписано 16 апреля, а за три месяца до этого — 18 января 2007 г. эти самые Правила, как меня проинформировало Федеральное Архивное Агентство (исходящий № Р/Р-696 от 24.01.2008) «утратили силу с изданием приказа Министерства культуры и массовых коммуникаций РФ» № 19. Так что если архивист Игорь Рудольфович очень хотел сослаться на старые Правила, ему сперва следовало выяснить, не отменены ли они за прошедших с их издания 24 г. Что ж, поскольку в отделе 5 ЦАМО явно не считали нужным сличать свое понимание законности с изменениями в федеральном законодательстве, хочу, пользуясь случаем, сообщить подполковнику Игольникову, что в апреле 2007-го ему следовало ссылаться на приказ № 19, носящий длинное, но вполне

поддающееся осмыслению заглавие: «Об утверждении Правил организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, организациях Российской академии наук».

В двусмысленное положение Игорь Рудольфович поставил себя, ссылаясь также на «Основные правила работы ведомственных архивов» (Москва — 1986 г.), поскольку и они уже не соответствуют в полной мере современным юридическим нормам. Руководитель Федерального архивного агентства Владимир Козлов, отвечая на мой запрос, недвусмысленно поставил под сомнение актуальность этого нормативного акта: «Введенные в действие приказом Главного архивного управления при Совете Министров СССР от 5 сентября 1985 г. № 263 «Основные правила работы ведомственных архивов» сохраняют силу на территории Российской Федерации и в настоящее время, хотя часть используемых в них терминов, а также отдельные положения уже не соответствуют Федеральному закону от 22 октября 2004 г. № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации». Планом НИР отрасли предусматривается завершение работы над новыми «Правилами работы архивов организаций» в 2008 году» (исходящий Ф.А.С. № Р/Р-696 от 24.01.2008).

Приводя неубедительные юридические ссылки, Игольников постарался заодно уклониться от исчерпывающих ответов на некоторые мои вопросы: «Остальная информация, которую вы запрашиваете, является информационной собственностью архива и частным лицам не предоставляется». Для пущей убедительности начальник 5-го отдела сослался на утратившие силу, о чем он и не подозревал, «Основные правила работы государственных архивов (М., 1984, раздел 3), а также на схожие Правила 2002 г. (раздел 3) и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» № 149-ФЗ от 27.7.2006, ст. 8.

Игольников не случайно не стал цитировать соответствующие статьи перечисленных им нормативных актов,

поскольку ему приходилось создавать видимость того, что он и его подчиненные действуют в соответствии с законом. Проблема, с которой архивист столкнулся, пытаясь как-то оправдать свое или же продиктованное Шестопалом нежелание ознакамливать меня с картотекой и актом на уничтожение документов, заключалась в том, что сослаться было решительно не на что. Оставалось сблефовать, надеясь, что меня удовлетворит обилие ссылок на разнообразные правила и законы.

Отчасти своего подполковник Игольников добился. Я не сразу догадался. Мне не сразу пришло на ум проверить правомочность этих ссылок, и в оперативно-тактическом плане он, безусловно, выиграл время. Тем не менее, когда я все же изучил статью 8 Федерального закона № 149 «Об информации, информационных технологиях и защите информации», подлог стал очевиден. Несмотря на то что я прочитал статью 8 несколько раз, мне так и не удалось найти в ней ни одной позиции, дававшей бы архивисту право уклониться от ответов на мои вопросы, связанные, в частности, с уничтожением документов из личного дела (я просил, например, конкретизировать, какие документы на каких из уничтоженных листов содержались). Уместно предположить, что в этом отдавал себе отчет и сам Игольников, который, сославшись на номер статьи, не стал конкретизировать соответствующий из ее пунктов. А между тем статья 8, регламентирующая «Право на доступ к информации», состоит из 9 пунктов, два из которых (четвертый и восьмой) содержат по 5 и 3 подпункта соответственно.

Хотя мне не удалось найти пункта, разрешающего Игольникову скрывать от меня перечень уничтоженных документов, именно в 8-й статье я обнаружил 2 позиции, подтверждающие мою правоту в дискуссии с отделом 5 ЦАМО РФ.

Пункт 2 гласит: «Гражданин (физическое лицо) имеет право на получение от государственных органов, органов местного самоуправления, их должностных лиц в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, непосредственно затрагивающей его права и свободы».

Пункт 3 гласит: «Не может быть ограничен доступ к:

1) нормативным правовым актам, затрагивающим права, свободы и обязанности человека и гражданина, а также устанавливающим правовое положение организаций и полномочия государственных органов, органов местного управления; /.../

4) информации, накапливаемой в открытых фондах библиотек, музеев и архивов, а также в государственных, муниципальных и иных информационных системах, созданных или предназначенных для обеспечения граждан (физических лиц) и организаций такой информацией».

Кое-что интересное для подполковника Игольникова содержится и в пункте 5 статьи 8: «Государственные органы и органы местного самоуправления обязаны обеспечить доступ к информации о своей деятельности /.../ в соответствии с федеральными законами, законами субъектов Российской Федерации и нормативными правовыми актами органов местного самоуправления. Лицо, желающее получить доступ к такой информации, не обязано обосновывать необходимость ее получения». (Цитируется по тексту, опубликованному издательством «Ось-89», М.: 2006. С. 10—12).

Из процитированных положений видно, что я могу опираться по крайней мере на 3 пункта статьи 8 Федерального закона. В то же время Игольников, первым сославшись на эту статью, не сумел конкретизировать ни один соответствующий пункт ее текста, позволивший бы ему отказывать мне в получении информации.

Перечень вопросов, заданных подполковнику Игольникову	Перечень вопросов, на которые подполковник Игольников дал ответ
№ акта на уничтожение документов из дела № 840268	Ответ дан не был
Перечень уничтоженных в деле № 840268 листов	Ответ дан не был
Наименование документов, содержащихся на этих уничтоженных листах	Ответ дан не был

Перечень вопросов, заданных подполковнику Игольникову	Перечень вопросов, на которые подполковник Игольников дал ответ
<p>Причины, по которым были уничтожены эти документы, и критерии их отбора для уничтожения</p>	<p>Применительно к делу № 840268 конкретный ответ дан не был. Общий ответ, что пункт 3.3.7. «Основных правил работы ведомственных архивов» (М, 1986) полагается позволяет уничтожать дубликаты документов, не может считаться приемлемым, поскольку исследователем было подтверждено, что в числе уничтоженных документов оказались не только дубликаты, а точного перечня уничтоженных листов и документов архивист назвать не смог, что, вероятно, указывает на то, что он сам не представляет, какие документы были уничтожены</p>
<p>Имя сотрудника отдела 5.4, отбравшего документы, подлежащие уничтожению в деле № 840268</p>	<p>Ответ дан не был</p>
<p>Имя сотрудника отдела 5.4, утверждавшего решение на уничтожение документов в деле № 840268</p>	<p>Ответ дан не был</p>
<p>№ и дату приказа Министерства обороны, Архивной службы Вооруженных сил или ЦАМО РФ, разрешающего уничтожение документов из личных дел среднего начсостава РККА, погибшего в годы Великой Отечественной войны</p>	<p>Назван Перечень Минобороны, согласованный 09.X.1996 г с Федеральной Архивной службой</p>
<p>Ходатайствую перед вами о том, чтобы вы процитировали в своем ответе пункт соответствующего приказа либо нормативного акта, в соответствии с которым сотрудниками отдела 5.4 было уничтожено большое количество документов в деле № 840268</p>	<p>Ходатайство удовлетворено</p>

Как видно из приведенной таблицы, начальник 5-го отдела смог ответить лишь на общие вопросы методического характера, однако никакой конкретики сообщить не смог. В частности, он не назвал № акта, которым было утверждено уничтожение документов из личного дела № 840268. Это дает основание подозревать, что уничтожение документов не было должным образом задокументировано. Общие же рассуждения о том, что архив имеет право уничтожать дубликаты документов, можно считать беспредметными, поскольку начальник отдела не сумел перечислить номера уничтоженных листов и наименование содержащихся на них документов. Безусловно, если бы архивисты уничтожили именно и только дубликаты документов, запротоколировав это в акте, Игольникову не составило бы труда предъявить мне выписку из соответствующего акта, чтобы подтвердить законность действий его подчиненных.

Ссылаться на нормативные акты и при этом быть не в состоянии подтвердить собственным делом, что архивисты именно на них опираются, значит, признаваться в несоответствии собственной практики существующей правовой базе.

РГВА — НЕУМЕСТНОЕ НЕВМЕШАТЕЛЬСТВО

Руководство РГВА стало заложником того, что Государственная архивная служба России, заключая 9 ноября 1994 г. Соглашение с Министерством обороны о сроках и условиях временного хранения и использования архивной документации, не обязало военное ведомство предоставить коллегам из РГВА точные сведения о количестве и характере тех фондов ЦАМО, которые в первую очередь должны будут быть переданы в Российский государственный военный архив.

В результате этого упущения РГВА, даже зная о наличии в ЦАМО профильных для него документов, не мог контролировать, в каких условиях хранятся де-юре принадлежащие ему документы, оставшиеся в Подольске. Отсутствие контроля основывалось на неуместном доверии, которое руководство РГВА авансом выразило своим коллегам, лишь

теоретически и то весьма превратно представляя, кто и как распоряжается офицерскими делами предвоенного периода.

Как выяснилось из ответа, подготовленного по моему запросу 24.01.2007 (за исходящим номером 22/с) Людмилой Сахаровой и подписанного директором архива Владимиром Кузеленковым, РГВА «не известно количество личных дел на командный состав РККА, хранящихся в ЦАМО, но относящихся к профилю РГВА, поскольку в ЦАМО они учитываются в общем составе личных дел без разделения на периоды».

Исследовательский мир узок, поэтому сотрудникам РГВА все же было известно от бывавших в обоих архивах историков, что отдел 5.4 ЦАМО отрицал наличие принадлежащих РГВА дел. По крайней мере, не позднее 2000-го в отделе информационного обеспечения этими сведениями располагали и не скрывали их от историков, интересовавшихся судьбой офицерских дел. К сожалению, эта осведомленность не оказалась тождественна готовности решить возникшую проблему, и по непонятной причине в РГВА, ни воли, ни желания, ни, очевидно, смысла в том, чтобы сделать фонд доступным для исследовательской работы, не нашли.

Сотрудники РГВА объясняют эту инертность тем, что передача фонда была бы сопряжена с требующей большого труда составлением справочного аппарата, так как зачастую на различные коллекции документов существуют лишь сдаточные описи, многие из которых заполнены чуть ли не рукописно и пестрят ремарками, что крайне затрудняет работу с ними.

Более значимая причина, удерживавшая руководство РГВА от того, чтобы форсировать передачу различных предвоенных фондов ЦАМО в Москву, заключалась в том, что получение любого нового фонда означает для архива дополнительное увеличение переписки по справочно-правовым вопросам. Нужно ли ветерану подтвердить прохождение службы или же родственники присылают запрос, чтобы уточнить какие-то генеалогические данные, — отвечать на поступающие ходатайства приходится именно архиву.

В этой связи многие архивисты видят в персональной документации источник не столько бесценной информации, сколько бесконечных запросов, отвечать на которые своевременно не удастся из-за нехватки сотрудников, специализирующихся на справочной работе. В итоге большое количество писем социально-правового характера распределяется между заведомо меньшим, чем требуется, количеством архивистов, и прежде чем исполнитель успеет подготовить ответы на запросы, пришедшие в текущем месяце, в канцелярии будут зарегистрированы десятки, если не сотни новых.

Эти проблемы нельзя игнорировать, но решать их нужно, отказавшись от порочного по своей сути стремления минимизировать объем хранящейся персональной документации. Возможно, архивам удалось бы не только сохранить опытные кадры, но и привлечь молодежь перспективной карьерного роста, направив их руководители свои усилия на настойчивые попытки добиться у государства дополнительного финансирования.

Циркулирующая в РГВА легенда гласит, что свободное пространство, отведенное в архивных хранилищах для личных дел, давно уже заполнено другими документами, и фонд якобы негде будет размещать.

Все эти объяснения, которые можно услышать в беседах с архивистами, не снимают с них ответственности за сохранность документов. Если отсутствие четкой договоренности между двумя архивами препятствует безупречному хранению персональной документации, а также поступлению содержащихся в ней сведений в научный оборот, любые эгоистичные по смыслу оправдания становятся неуместными.

Когда на кону стоит сохранность и доступность документов, любые методические упущения и тем более отсутствие согласованного плана действий лишь усугубляют проблему и препятствуют ее решению. Этому не могут не понимать в РГВА и ЦАМО, однако, как можно понять из ответов самих архивистов, они не столько стремятся сами внести определенность в создавшуюся ситуацию, сколько ждут, когда это произойдет стихийно (то есть с подачи коллег?). Красно-речивой иллюстрацией этому служит свидетельство дирек-

тора РГВА Владимира Кузеленкова (исходящий № 22/с от 24.01.2007): «Архив ставил вопрос о передаче ему из ЦАМО личных дел на командный состав РККА, однако до настоящего времени эта проблема не решена и сроки передачи не определены».

Поскольку в цитируемом письме РГВА не указаны ни четкие сроки, ни план каких-либо мероприятий, выполнение которых позволит архиву получить причитающийся ему фонд, несложно понять, что В.Н. Кузеленков, как и его коллеги из ЦАМО, не предвидят в обозримой перспективе этой передачи документов вовсе.

Более того, полученная от меня информация о том, что начальник архивохранилища 5.4 уничтожал дела, а в отдельных случаях — подшитые в них документы, застала РГВА врасплох. «Уничтожать документы профиля РГВА без согласования с Росархивом или РГВА ЦАМО не имеет права», — ставили меня в известность В.Н. Кузеленков и Л.Н. Сахарова (письмо РГВА № 22/с от 24.01.2007). Можно было ожидать, что руководители РГВА обратятся к руководству ЦАМО за разъяснениями и по крайней мере сообщат мне если не о содержании полученного ответа, то хотя бы о том, что такой запрос подольским коллегам ими направлен, однако ни малейшего намека на то, что РГВА займется выяснением обстоятельств, при которых документы, находящиеся в вотчине Шестопала, подвергаются риску уничтожения, присланное архивом письмо не содержало.

Единственное, что известно руководству РГВА, — это сроки, ранее которых личные дела едва ли будут переданы из ЦАМО в Москву. Поскольку заключенным 9.11.1994 Соглашением был установлен 75-летний срок ведомственного хранения архивных документов до их передачи в федеральные архивы, «личные дела на командно-начальствующий состав РККА», которые «начали создаваться как документ в 1936 г., /.../ могут храниться в ЦАМО до 2011—2016 гг.».

Эти сроки могли быть сокращены, и намерение обсудить эту перспективу с Архивной службой Вооруженных сил было продекларировано руководителем Федерального архивного агентства Владимиром Козловым в ответе на мой запрос (исходящий Ф.А.А. № Р/Р-911 от 25.01.2007): «Что

же касается правомерности хранения в ЦАМО России личных дел командного и начальствующего состава РККА довоенного периода, то, к сожалению, при передаче Министерством обороны СССР в 50—60-х гг. архивных документов в Центральный государственный архив Советской Армии [*переименованный впоследствии в РГВА. — Г.Р.*] принцип хронологического разделения фондов до конца выдержан не был. В результате в ЦАМО РФ действительно остается на хранении некоторое количество дел, для данного архива непрофильных, то есть законченных производством до 1941 г.

Росархив планирует рассмотреть вопрос о передаче этих, а возможно, и иных непрофильных архивных документов из ЦАМО РФ в РГВА при заключении в 2007 г., в соответствии с ч. 2 ст. 18 Федерального закона «Об архивном деле в Российской Федерации», договора о сроках и условиях депозитарного хранения между Росархивом и Минобороны России».

Спустя год, когда я повторно обратился к руководству РГВА, выяснилось, что руководство архива не стало вмешиваться в создавшуюся ситуацию. Из исходящего № 23/с от 28.01.2009, подготовленного Л.Н. Сахаровой и подписанного директором РГВА Владимиром Кузеленковым, я узнал, что «ЦАМО приступил к выявлению личных дел на командно-начальствующий начсостав РККА довоенного периода и подготовке их к передаче в РГВА. Однако работа эта весьма трудоемкая, требует больших временных, финансовых и кадровых затрат, поэтому определить сроки ее окончания затруднительно. По мере выявления и описания достаточно большого комплекса личных дел довоенного периода, составления на них научно-справочного аппарата дела будут передаваться на хранение в РГВА. До настоящего времени личные дела из ЦАМО в архив не поступали».

Прогресс может оказаться кажущимся, так как в РГВА не знают не только сроков, но и условий, в которых эта работа проводится. Говорить о том, что личные дела, де-юре принадлежащие РГВА, будут переданы из Подольска в полном составе и абсолютной сохранности, преждевременно.

Л.Н. Сахарова и В.Н. Кузеленков утверждают, что «в РГВА нет данных об уничтожении ЦАМО документов про-

филя архива. Также не в компетенции архива определять условия хранения в архивохранилищах ведомственного архива».

Это сомнительное утверждение нуждается в комментарии. Еще в конце 2006 г. я сообщил руководству Федерального архивного агентства о том, что многие личные дела, профильные для РГВА, в Подольске уничтожены. Эти сведения я получил от сотрудников ЦАМО и поэтому считал необходимым, чтобы Росархив повлиял на ситуацию. По моей просьбе письмо было переслано из Агентства в РГВА, после чего перед руководством РГВА вставал вопрос, добиться ли прекращения этой порочной практики или же, избегая возможных конфликтов с коллегами, сделать вид, что ничего не узнало. К сожалению, дирекция РГВА воздержалась от конфронтации с отделом 5.4 ЦАМО, лишив себя тем самым какой-либо возможности уберечь фонд от дальнейшей «чистки».

Безусловно, РГВА не может «определять условия», в которых ведомственный архив хранит документацию, однако в ситуации, когда, по существу, на депозитарном хранении в ЦАМО находятся дела профильные, то есть де-юре принадлежащие РГВА, архив обязан из чувства профессионального долга заключать соглашение, которое гарантирует надлежащую сохранность каждому документу из профильной для РГВА коллекции.

Любопытно, если бы речь шла о том, что какой-нибудь банк может по собственной инициативе сократить принадлежащие РГВА денежные вклады, проявил бы архив такое же безразличие к судьбе своих сбережений?

Невозмутимость и благодушие, с которыми руководство РГВА констатирует свою неготовность отстаивать находящиеся в ЦАМО личные дела, неуместы еще и потому, что условия хранения в отделе 5.4 были далеки от требуемых.

— Да знаете ли вы, что у нас дела с 1941 г. многие не систематизированы и хранятся перевязанными в пачки? — объяснял мне Шестопад причину, по которой некоторые папки сложно найти. — Моя подчиненная вытаскивает из пачки дело, а у нее руки после этого черные. Нам постоянно привозят новые дела — и нам их негде хранить. Я три раза

докладные писал, что нужно построить новое здание. Заместительница по финансам в конце года получает премию, а дело с мертвой точки не сдвигается».

Эти объяснения больше напоминали попытки оправдаться. Выдавая свое нежелание предоставлять мне дела за следствие объективных препятствий, Шестопал рассказывал, что имеющегося штата сотрудников недостаточно для того чтобы систематизировать, описать и разложить по стеллажам поступившие из военкоматов или окружных архивов дела. По этой причине остается загадкой, что представляет на данный момент само хранилище и справочный аппарат отдела 5.4.

Из ответа прокуратуры Московского военного округа (исходящий № 35/2-1390 от 31.03.2009) я узнал, что «в настоящее время на хранении в 4 архивохранилище 5 отдела ЦАМО РФ находится свыше 2 миллионов личных дел военнослужащих, более половины из которых находятся в связках со времен Великой Отечественной войны и послевоенного периода. Научно-техническая обработка личных дел военнослужащих проводится с 1978 года, и в настоящее время экспертизу прошло всего около 50% личных дел, в связи с большим их объемом и штатным некомплектом архивариусов ЦАМО РФ».

Можно лишь удивляться тому, что архивисты, вместо того чтобы в приоритетном порядке проводить систематизацию практически миллиона, — как следует из процитированного письма, — дел, занимались уничтожением уже учтенных. Возможно, в этом был расчет на то, что дела, недоступные сейчас родственникам, едва ли будут доступны через многие годы, когда документация пройдет обработку, но сменятся поколения, каким-то образом ассоциирующие себя с участниками войны.

Зная, что дела, десятилетиями лежащие в связках, могут погибнуть от плохих условий хранения, каждый архивист решает для себя, как поступать. Если судьба архивного фонда его не волнует, то он удовлетворяется тем, что соблюдает свои формальные обязательства и не проявляет лишней инициативы. Если же сохранность и доступность документов для него важнее собственного удобства, а его аргументы

не находят поддержки у руководства, архивист пойдет на предание этой ситуации огласке, если будет в этом видеть единственный выход из создавшейся ситуации.

У Шестопада была возможность дойти с докладными записками до начальника Генерального штаба, которому подчиняется Архивная служба Вооруженных сил (хотя это и было бы нарушением субординации, так как устав никогда не поощрял обращение к командованию через голову своего начальника), а при необходимости пожертвовать отношениями с коллегами и обратиться, например, на телевидение, чтобы сделать проблему публичной и хотя бы таким образом способствовать ее решению.

Нельзя исключать, что Шестопаду был выгоден бардак, при котором несистематизированные дела скапливались в связках. В случае если он категорически не хотел выдавать исследователю дело, которое хранилось в ЦАМО, Шестопад всегда мог списать недоступность документов именно на отсутствие систематизации.

Впрочем, заверения Шестопада в том, что хранить личные дела уже негде, были от лукавого. Архивист хорошо понимал, что освободит немалое пространство, передав РГВА профильные для московских коллег дела предвоенного периода. Однако передавать документацию коллегам не входило в его планы.

Еще до того, как он распознал во мне классового врага, Шестопад говорил, что дела военнослужащих, не участвовавших в Великой Отечественной войне, уничтожаются. Это признавали и его подчиненные, мотивируя уничтожение документов тем, что ЦАМО «незачем хранить документы тех, кто не участвовал в боевых действиях».

Потрошение фонда носило будничныи характер.

12 марта 2007 г. я работал с делами, когда в кабинет к Шестопаду, держа в руках папку, зашел архивист. «Тут дело только сорокового года. Но он участник финской кампании. Что с ним делать? В папку или к тем, которые...»

Посетитель не успел договорить, как находившиеся в помещении Шестопад и его помощница Ольга Егорова хором, словно бы опасались, что я узнаю лишнее, воскликнули: «В папку!»

Этот обмен репликами легко расшифровать. Очевидно, архивисту было поручено найти несколько подлежащих уничтожению дел. По формальному временному признаку дело, завершённое в 1940 году, подлежало уничтожению, но, заглянув в подшитые бумаги, архивист обнаружил, что военнослужащий, хотя и не принимал участия в Великой Отечественной войне, успел повоевать против финнов.

Оставалось обратиться к Шестопалу за разъяснениями. «В пачку» попадали дела, оставленные для постоянного хранения, а «к тем, которые...» относились подлежащие уничтожению. Не окажись я рядом, возможно, Шестопалу было бы нечего опасаться, и дело участника финской кампании могло быть уничтожено.

Вероятность того, что архив уже в марте 2007-го начал подбирать дела для дальнейшей передачи в РГВА, практически исключена, поскольку за прошедшие с того момента год и 10 месяцев расположенный в Москве архив не получил из Подольска ни одной подборки личных дел.

И даже если бы дела, причитающиеся РГВА, начали подбирать именно в тот период, абсолютно необъяснимой оставалась бы причина, по которой их пришлось бы разделять на две категории. Предположим, что «пачка» должна была отправиться в РГВА, но к чему в таком случае были предназначены «те, которые...»?

ОСТАВЛЕННОЕ НАСЛЕДИЕ

Хотя это противоречит здравому смыслу, предположим, что в картотеке отдела 5.4 действительно нет сквозной нумерации. Это означает, что архивистам предоставлена беспрепятственная возможность распоряжаться фондом по своему усмотрению. Если, например, архивист захочет продать одно или даже несколько дел заинтересованному лицу, то, при отсутствии сквозной нумерации, ему будет достаточно изъять из картотеки соответствующую карточку. Не зная № исчезнувшего дела, исследователь лишается возможности доказать, что оно до исчезновения находилось в архиве.

Исключения составляют те случаи, когда личное дело было передано в ЦАМО военкоматом, сохранившим в сво-

ем архиве сдаточную опись и запись о том, какой номер был присвоен акту, по которому документы были переданы в Подольск. В ряде случаев это удастся выяснить, но далеко не во всех военкоматах сдаточные книги сохранились.

И тогда исследователю остается лишь добиваться того, чтобы в ЦАМО его ознакомили с соответствующей сдаточной описью, и искать интересующий его номер дела, чтобы выяснить, что с ним стало.

Но в ряде случаев (если дело поступило в ЦАМО не из военкомата) узнать № сдаточной описи невозможно, и тогда разыскать исчезнувшее дело не удастся ни при каких обстоятельствах.

В этой ситуации благотворную роль могли бы сыграть прокуратура либо руководство ЦАМО, обяжи они Шестопала предоставлять исследователям справочный аппарат. Но архивист был, казалось, неподконтролен этим учреждениям и постоянно вел себя в архиве с уверенностью чиновника, знающего, что он подчиняется руководству — но не ЦАМО, а какой-то инстанции, прикомандировавшей его для контроля над доступом к персональной документации. Это может объяснить, почему для Шестопала проходили без последствия и демонстративное саботирование приказов архивного руководства, и игнорирование проверяющих инспекций. В его голосе звучала гордость, когда он рассказывал мне, что волен не подпускать к картотеке и хранить лица сотрудников даже надзорных инстанций: «У меня в картотеке не все работают. Только специалисты. К нам одно время [приходили] контролеры, которые контролируют почту, которая доходит сюда до архива. И они хотели приходить ко мне контролировать по картотеке ситуацию, есть ли дела. Я их не допускал в картотеку. Своих! А уж ты откуда появился? Кто ты такой?»

Естественно, Шестопал не был заинтересован в том, чтобы у него были соглядатаи в лице квалифицированных сотрудников. Примечательно, что на последнем этапе он предводительствовал в отделе, укомплектованном женщинами. Например, в сентябре 2006-го он констатировал: «У меня 50% должностей свободны — и главные хранители фондов, и старшие инструктора. Пока никто не идет».

Неудивительно, что желающих работать под руководством Шестопада было мало или вовсе не было; не нужно быть провидцем, чтобы понять, какие права архивист даст подчиненному, если он мог саботировать требования не подчиняющихся ему контролеров.

К слову, Шестопад умел скрывать информацию не только от исследователей. Даже составляя письменные ответы на запросы, поступившие от руководства ЦАМО, он умудряется опустить какие-то существенные детали. Например, 01.03.2007, отвечая на входящий № 1096, Николай Иванович сообщал подполковнику Пермякову, на каких офицеров, допуск к документам которых мне разрешило ГУК, имеются личные дела. Напротив каждого сопровождаемого последним званием имени Шестопад указывал количество имеющихся дел и подшитых в дело страниц, но вместо того чтобы предоставить схожие сведения о личных делах, имеющих на генерал-майора Н. (погибшего еще в 1942 году), он лишь подтвердил их наличие, не назвав при этом ни количество имеющихся на него личных дел, ни тем более количество подшитых в каждое страниц. Между тем именно эта уловка позволила бы Шестопаду при необходимости скрыть наличие тех дел, которые он не считал бы нужным показывать.

Во время одного из препирательств (этот разговор состоялся 25.09.2006) Шестопад все же объяснил мне причины, по которым он так панически боится подпускать меня к личным делам, хотя я и предъявляю нотариальные доверенности. Уставший от того, что уже седой отставник проявляет чудеса изобретательности, чтобы скрыть от меня документы, я задал ему откровенный вопрос: «Чем вы рискуете?»

Шестопад, которому уже надоело не называть вещи своими именами, неожиданно все-таки позволил себе откровенность: «Рискую [тем], что не усужу в этом кресле. [Публикация] может не понравиться в Генштабе, в ГУКе. Несколько лет назад, когда еще Брилев был [начальником архива], ко мне вот так же пришел парень: «Николай Иванович! Вот список из 25-ти [человек]. Только скажите, на кого из них дела есть». А потом [он] обратился в ГУК. От-

туда звонят Брилеву: «Откуда этот человек знает о делах?» [Брилев ответил, что] — Шестопал сказал.

— Ну вот, если он хочет остаться на должности, пускай больше так не поступает.

А потом Брилев мне звонит и говорит, что даже говорить [исследователю о наличии дел] не следовало».

ЕСЛИ СТОРОЖ ВОЗОМНИЛ СЕБЯ ВЛАДЕЛЬЦЕМ

Шестопал перешел в мир иной, но даже спустя год, вспоминая его поведение, я не могу отделаться от впечатления, что так ничего и не понял в его поведении.

Не помогают и сравнения с литературными персонажами. «Ханский огонь» Михаила Булгакова не осветил лабиринтов его сознания. Формальное сходство — приехавший инкогнито в Советскую Россию представитель изгнанного большевиками княжеского рода обнаруживает, что в его родовом имении разместились музей, а приезжающий из города историк изучает по сохранившимся в усадьбе семейным бумагам генеалогию бывших владельцев. Проникнув под вечер в усадьбу — пригодились сохранившиеся от черного входа ключи, — эмигрант сжигает доставшийся новой власти архив своей семьи, а вместе с ним и саму усадьбу.

Сложно в рассказе Булгакова найти двоякие толкования — эмигрант, вынужденный покинуть Отечество, возвращается во враждебно настроенную к нему подобным страну и понимает, что отнятое у его семьи имение стало интерьером для культурного развлечения и научной карьеры чуждых и непонятных ему людей.

Его эмиграция не была добровольной: в Советской России князь постоянно оставался бы в социальной группе риска. С позиций официальной советской идеологии — а другой к моменту написания рассказа уже не было — князь давно ушел в прошлое. Его отчаянная решимость предать огню некогда принадлежавшее ему имение понятна: став для собственной страны тенью, представителем вымершего мира, он уносит в этот же мир небытия и свою среду обита-

ния — здание, фотографии, семейные документы и реликвии.

Ничего схожего с происходившим из простонародья Шестопадом не случилось. Гражданские войны, прокатившиеся в начале девяностых по республикам СССР, его, к тому моменту намертво приросшего к ЦАМО, не коснулись; в классово чуждых он не оказался (до люстрации в России дело так и не дошло); недвижимости его не лишили (ни по социальному, ни по национальному признаку). Скрывать свою фамилию и приезжать на малую родину по подложным документам не требовалось.

И тем не менее Шестопадом всем своим естеством ощущал враждебность новой атмосферы, позволившей, благодаря либерализованному законодательству, людям, не инкорпорированным в бюрократическую систему, не только появляться в архивах, но и добиваться доступа к документам, еще лет 20 назад находившимся на секретном хранении.

В этой обстановке, когда «непроверенный», по его выражению, но заинтересованный исследователь приходил в отдел 5.4, для Шестопала было приемлемее скрыть от него архивные дела, чем подпустить к ним. При этом Шестопалу, в отличие от исследователя, было известно заранее, что в скорой перспективе отдельные документы, а то и все личное дело можно будет уничтожить «за истечением срока хранения».

В каком-то смысле Шестопадом заталкивал беззащитных перед ним мертвых, отдавших свои жизни за эту страну, в горнило абсолютного небытия.

При этом Шестопадом скрывал и уничтожал то, что ему никогда по праву не принадлежало. В архивохранилище 5.4 он играл роль вовсе не законного владельца, а возмнившего себя таковым сторожа. Причем учитывая, что необходимую сохранность и своевременную систематизацию поступавших в хранилище дел Шестопадом обеспечить не мог, даже функция сторожа оказалась для него непосильной, и уместнее будет сравнить его со швейцаром, решавшим, по своему усмотрению, кого можно запустить в кабинет, а кому вход следует воспретить.

Одно свойство делает Шестопада практически литературным типажом. Это — нюх на идеологического врага, заменявший архивисту любые законы и резолюции.

Но, может быть, Шестопад видел чужаков только в исследователях? Ничего подобного. Надежным свидетельством того, что Шестопад не считал сотрудников других архивных учреждений своими коллегами, является пренебрежение, с которым он отзывался об их мнении.

При написании ходатайства в Главную военную прокуратуру я сослался на полученные в Росархиве и РГВА рекомендации по составлению справочного аппарата. В частности, именно сотрудники РГВА заверили меня в том, что картотека фонда личных дел непременно должна иметь сквозную нумерацию карточек.

Отповедь, которую Шестопад дал вражеским проискал, была категорична: «В РГВА глупости говорят! В Росархиве ничего не понимают!»

«И ЧТО МНЕ ЭТО ДАЕТ?»

Был ли Шестопад настолько невежественен, чтобы не понимать, как небольшая деталь может помочь разобраться в какой-то почти детективной истории? Ни в коем случае. Ему самому однажды довелось столкнуться при трагических обстоятельствах с зависимостью от персональной информации, находившейся целиком в распоряжении другого ведомства.

В 2006, как мне рассказывал архивист, году тетя его младшей невестки погибла в авиационной катастрофе. Самолет сторел, и для идентификации останков требовались медицинские данные. Брат погибшей вспомнил, что при хирургическом вмешательстве ей была имплантирована в бедро титановая пластинка. Позвонивший Шестопаду сын попросил его поехать в расположенную в Москве поликлинику и снять копию с документа (речь шла, вероятно, об операционной карте), содержащего запись об этом имплантате.

Дальнейшее Шестопад описывал в терминах, зеркально отражающих его манеру общения с исследователями: «Мне

карточку не дали, сказали: «Ты кто?» Я говорю: «Да я вот отец своего сына невесты вот, ее родная тетя, все прочее». Ничего подобного. Позвонили куда-то там в Москву и сказали: «Не выдавать». Ну так ладно. Каким образом быть? Не дали, ничего не дали! Абсолютно ничего не дали! Говорят: «Если вам нужно, пусть органы — те, которые там опознают, [пришлют] факс — и мы дадим».

Время было упущено, однако в конечном итоге медицинское учреждение предоставило, по запросу следственных органов, эту информацию. Как и предполагали родственники, идентифицировать погибшую удалось по этой титановой пластинке.

Рассказывал об этом Шестопал без той экзальтации, с которой ту же самую реплику «Ты кто?» он в гневе бросал мне в доказательство того, что я не могу претендовать на документы, даже предъявляя нотариальную доверенность.

Существенная разница заключалась в том, что Шестопал, приехав за документами, объяснял степень своего родства на словах, не предъявляя никаких бумаг. Полагая, что ключевым в этом случае является риторический вопрос «Ты кто?», архивист упустил из виду, что медики, получив факс от следственной группы, предоставили всю необходимую информацию. Шестопал, даже держа в руках письмо ГУКа, подтверждающее, что мне разрешено ознакомиться с рядом дел, придумывал предлоги скрыть от меня хотя бы часть перечисленных в резолюции Главного управления кадров документов.

Возможно, самое удивительное признание, услышанное мной от Шестопала, касалось его отца. Уже работая в ЦАМО, архивист выяснил, что подтверждаемая документами дата гибели Ивана Степановича Шестопала на несколько дней отличается от даты, указанной на надгробье.

Я заметил собеседнику, что, ссылаясь на архивные источники, он может ходатайствовать о том, чтобы в запись, содержащуюся на могильной плите, было внесено необходимое исправление.

Ответ архивиста не столько касался его отца, сколько давал характеристику самому Николаю Ивановичу: «Это значения не играет...» В этой, безусловно, изумляющей

реплике содержалось и лаконично выраженное отношение Шестоपालа к фактам, и, опосредованно, к предназначению архивных источников, и, безусловно, к обязанностям, которые на человека накладывает родство.

— И что это мне дает, расскажи? Я жизнь прожил. Я не видел отца. Не знаю, кто мой отец. Не знаю слово такое «отец».

Философское безразличие, с которым он относился к допущенной на надгробье ошибке, переносилось Шестоपालом и на исследовательскую работу в целом. Ему нельзя было отказать в последовательности: если память собственного отца он не считал нужным почтить уважением, уточнив на его надгробье дату гибели, то, безусловно, не связанные с ним родством военнослужащие, погибшие в годы Великой Отечественной войны, и подавно не заслуживали, с позиций Николая Ивановича, посмертного внимания.

Во время очередного препирательства я спросил у Шестоपालа, осознает ли он, что, скрывая от меня документы, он лишает меня возможности написать полноценные, не содержащие недосказанности биографические справки. Ответ красноречиво показал, что архивист думает в целом об исследовательской работе, возвращении забытых имен да и о самих этих именах: «Ну что это даст, что ты не напишешь? Ну это уж не так уж смертельно».

Простонародно косноязычный, он и на этот раз дал мне понять, что готов противодействовать хорошему началу, если оно затеяно чуждыми ему людьми.

Держать Шестоपालа в архиве и тем более назначать его на ответственные должности было преступлением. Но не меньшим преступлением будет пренебречь выводами, которые следуют из его четвертьвековой работы в ЦАМО. Имя этого архивиста должно восприниматься, как диагноз тяжелой болезни кадрового несоответствия, которым страдала архивная система Министерства обороны — сперва СССР, а затем и Российской Федерации. Безразличие к изучаемому историками предмету; спесивое пренебрежение к самим исследователям; нарушающий любые представления о профессиональном этикете правовой нигилизм и, наконец, безучастность к судьбам тех погибших, информацию о ко-

торых он скрывал от посетителей, — все эти свойства Шестопаля неоднократно демонстрировал. Но была в нем еще одна черта, без понимания которой сложно нарисовать его психологический портрет.

Присваивать себе право уничтожать документы или по крайней мере утаивать их от исследователей был способен лишь тот, кто чувствовал себя глубоко чуждым если не самой эпохе, персонифицированные свидетельства которой содержатся в архивных делах, то ее давно ушедшим из жизни обитателям. Возможно, в этой установке на утаивание таилась и подсознательная уверенность в какой-то родовой убогости тридцатых-сороковых годов. Скрывать и уничтожать документы Шестопаля мог себе позволить лишь в том случае, если он рассматривал их как источник чего-то постыдного, огласка чего опозорит и дискредитирует общепринятое, а потому допустимое представление о времени. Так бессердечно и жестоко распоряжаются доверенными им архивными источниками лишь те, кто изначально не относится к этим документальным реликвиям как к святыне.

ВИРТУАЛЬНЫЕ ИСПРАВЛЕНИЯ

12.03.2007 я ознакомился в отделе 5.4 с четырьмя личными делами, доступ к которым мне разрешен ГУКом МО РФ (исходящий ГУКа № 173/7/153П от 29.01.2007). Как обычно, дела я изучал не просто в кабинете Шестопаля, но и в его неотлучном присутствии.

Я просматривал документы, когда архивист, как бы незначай, произнес: «В делах, с которыми ты раньше работал, появились исправления».

На мою просьбу назвать дела, в которых якобы появились «исправления», архивист ответил отказом и предпочел перевести разговор в отвлеченные области, заявив, что он «не знает, кто это сделает»: «Я тебя ни в чем не обвиняю».

Между тем я был вынужден настаивать на том, чтобы Шестопаля назвал мне дела, в которых он обнаружил «исправления». Поскольку ничего внятного я не услышал, я стал настаивать на том, чтобы об обнаруженных исправлениях было незамедлительно доложено начальнику ЦАМО

для выявления обстоятельств, при которых «исправления» появились.

Должен отметить, что последний раз с офицерскими делами я работал в октябре 2006-го, получив разрешение Главного управления кадров МО РФ (исходящий ГУК № 173/7/2063П от 03.08.2006). Выписки в присутствии Шестопада я делал в ноутбук, разрешение на работу с которым в отделе 5.4 мне подписал тогда же начальник ЦАМО полковник Чувашин.

С помощью ноутбука «внести исправления» в документы тридцатых-сороковых годов я бы не смог, а использование мной карандаша либо перьевой ручки с банкой туши было бы незамедлительно замечено и пресечено архивистом.

Очевидно, что для внесения «исправлений» заинтересованному лицу потребовалось бы наличие большого промежутка времени для подбора карандаша или туши того цвета и насыщенности, которые не будут отличимы от оригинала.

Более того, перед возвращением дел в хранилище они должны были быть проверены сотрудниками отдела 5.4.

Не могло идти и речи о том, чтобы Шестопад либо подчиненные ему архивисты, обнаружив в октябре 2006 г. «исправления», не сочли бы нужным поставить об этом в известность начальника ЦАМО полковника Чувашина и его заместителя по комплектованию фондов подполковника Пермякова. К тому же оповестить их о любой порче документов исследователями входило в обязанности архивистов — это сформулировано в «Правилах работы в читальном зале ЦАМО РФ».

Между тем с октября 2006-го по март 2007-го прошло почти 5 месяцев, и мне не было известно, чтобы за этот срок начальник хранилища 5.4 доложил бы руководству ЦАМО о появлении в изученных мной делах каких-либо «исправлений».

Наводило на подозрение и то, что проверять изученные мной дела архивисты стали якобы лишь спустя 5 месяцев после того, как я с ними ознакомился: такая методическая неграмотность недопустима для начальника архивохранилища.

Зная предвзятое отношение ко мне Шестопада, я не мог

исключать возможности того, что им намеренно организована порча документов, чтобы провокативно списать такую задним числом на меня.

Мне оставалось лишь гадать, успел ли Шестопал внести эти самые «исправления» в дела или же только планирует и пытается меня таким образом припугнуть, намекая на то, что он с легкостью спишет на меня любую порчу документов, если я не прекращу добиваться доступа к картотеке.

По существу, я сталкивался с открытым шантажом и 12 же марта 2007 г. был вынужден обратиться к руководителю Архивной службы Вооруженных сил полковнику Сергею Ильенкову с ходатайством затребовать у Шестоपालа сведения о том, в каких изученных мной делах им обнаружены «исправления» и через какой промежуток времени после моего ознакомления с этими делами «исправления» были обнаружены. Я просил также выяснить, почему внесение этих «исправлений» не было замечено Шестопалом своевременно, хотя все без исключения исследователи работают с делами в его присутствии. И, наконец, следовало особо выяснить, по какой причине об «исправлениях» Шестопал оперативно не доложил начальнику ЦАМО?

Обращаясь к Ильенкову с просьбой провести расследование этих фактов, я поставил руководителя А.С.В.С. в известность, что, если появление в изученных мной делах «исправлений» подтвердится, я обращусь в судебные органы и добьюсь проведения графологической экспертизы.

Давая архивистам возможность пойти на попятную, я предложил Ильенкову рассмотреть вопрос о соответствии Шестоपालа занимаемой должности и выступить с ходатайством о его увольнении из архивной системы Вооруженных сил, если «исправления» окажутся плодом его воображения.

Оставалось ждать известий из Архивной службы. Если бы Шестопалу, подделав мой почерк, удалось внести в дела «исправления» и списать их на меня, мои шансы продолжать исследовательскую работу в ЦАМО стали бы равны нулю. В этой ситуации ни на какие компромиссы с этим архивистом идти уже было нельзя, и я набрался терпения. Однако в течение последующего полугода я никакого ответа

на поставленные вопросы из Архивной службы не получил. Поскольку я планировал продолжить работу с документами отдела 5.4, мне было необходимо добиться проведения проверки, дабы избежать в дальнейшем возможных провокаций со стороны Шестопада. Не дождавшись ответа, я был вынужден 23.11.2007 послать свой запрос полковнику Ильенкову вторично, подтвердив свою готовность разбирать этот вопрос в суде.

Приказ получить от Шестопада объяснения и разобраться в ситуации начальник Архивной службы Вооруженных сил отдал в понедельник, 10 декабря 2007 г., в исходящем № 350/2774. Скорее всего, распоряжение доставили в Подольск достаточно оперативно.

Был ли Шестопад проинформирован о том, что пришло письмо из А.С.В.С и ему придется пояснить, о каких «исправлениях» велась речь, мне не известно. С понедельника 10 декабря прошло 5 дней, и, вернувшись с работы в пятницу 14-го, архивист потерял сознание и впал в кому.

А что же «исправления»? Николай Иванович уже никак не мог повлиять на ситуацию, когда, по предписанию Архивной службы Вооруженных сил (№ 350/1774 от 10.12.2007), руководство ЦАМО организовало проверку в отделе 5.4. 26 декабря начальник архива полковник Чувашин в исходящем № 7/3094 проинформировал руководителя А.С.В.С. полковника Ильенкова о том, что в ходе расследования «все дела проверены и каких-либо исправлений в них не выявлено. В связи со смертью заведующего 4-м архивохранилищем 5-го отдела ЦАМО РФ Шестопада Н.И., последовавшей 18 декабря 2007 г., получить какие-либо объяснения не представляется возможным. От сотрудников указанного архивохранилища никаких заявлений по фактам исправлений в личных делах, с которыми работал Рамазашвили Г.Р., не поступало».

ТАМ, ГДЕ БЕСПОЛЕЗНО ССЫЛАТЬСЯ НА ЗВАНИЯ

Мне несколько раз довелось беседовать с Шестопадом; обычно без получасового разговора не обходилось ни одно посещение его кабинета, хотя и приходил я работать с доку-

ментами, а вовсе не для проведения с архивистом душеспасительных бесед. И всякий раз мне хотелось спросить его, какие слова он подобрал бы для объяснения осуществляемого им сокрытия и уничтожения документов, задай ему соответствующий вопрос — пускай даже на том свете — его отец Иван Шестопал, погибший в 1943 году. Что архивист ответил бы своему погибшему на фронте отцу на вопрос: зачем он мешает восстановить память об этом почти полностью погибшем поколении?

Вероятно, сам вопрос ему бы показался диким, так как человек, веряющий в жизнь загробную, совсем иные счета предъявляет к самому себе и не станет лишать павших возможности остаться (пускай с помощью задокументированной информации) в памяти незнакомых с ними потомков. Взяв на себя ответственность за расправу над документами, Шестопал расписался в собственном безбожии.

Никогда не следует, совершая преступление, утверждать, что стоишь на стороне закона. Подавно не следует при этом выражать, ради красного словца, готовность принять на себя небесную кару. Шестопал умудрялся одновременно не только участвовать в уничтожении личных дел, но и отрицать это. Уверовав, что может беспрепятственно вводить меня в заблуждение, он однажды патетически воскликнул: «Да если бы я уничтожил личные дела, с меня следовало бы голову снять!»

Не следовало вводить судьбу в соблазн. Вскоре, оборвав век архивиста на 65-м году жизни, высшие силы дали ему понять, что услышали его пожелание. Шестопал отошел в мир иной 18 декабря 2007 г., пробыв несколько дней в коматозном состоянии под аппаратом искусственного поддержания жизни.

Что происходило с его душой дальше, можно только гадать, однако в назидание другим архивистам, идущим по его стопам, полезно смоделировать происходившее с ним посмертно, спроецировав его прижизненные поступки на ожидавшую на том свете участь.

Легко представить, как полковник, представ перед святым Петром, встретившим его со связкой ключей в руках, поведал апостолу, что на него, как на сотрудника «особого

архива», общие законы «не распространяются». Подозреваю, что апостола эти объяснения не убедили. И в этой ситуации было уже бесполезно тыкать в него пальцем, с наутугой выкрикивая: «Ты кто такой, чтобы ссылаться на законы? Да тебя же никто не проверял! Ты пуп земли!» Чистилище тем и отличается от 1-го отдела Центрального архива Министерства обороны, что там бесполезно спесиво интересоваться, в каком собеседник звании и давно ли демобилизовался. Небесное воинство живет по другим «уставам», и чинопочитание не приносит привычной выгоды.

А что было дальше — так ли уж важно? Литературная традиция, построенная на библейских сюжетах, дает нам возможность представить самые разные мытарства, которые архивист мог заслужить совершаемым беззаконием. Уничтоженных Шестопалом документов с лихвой хватило бы на то, чтобы сложить костер, в котором полковник будет обречен гореть вечно, и каждый погибший, чьи документы Шестопал превратил в золу, добавит свою связку бумаг в это неослабевающее пламя.

Но, быть может, архивиста постигла та же участь, которую он уготовил погибшим участникам войны. Полковник проявлял слишком большой энтузиазм, лишая военнотружущих тридцатых-сороковых годов шанса получить вторую жизнь на страницах исторических исследований, чтобы самого его ожидало что-либо иное, кроме черной дыры, в которой при его активном участии исчезли многие дела и документы.

Не будем исключать вероятность этого зеркального воздаяния и перечитаем, как оно красноречиво описано Михаилом Булгаковым в романе «Мастер и Маргарита»: «Прихрамывая, Воланд остановился возле своего возвышения, и Азazelло оказался перед ним с блюдом в руках, и на этом блюде Маргарита увидела отрезанную голову человека с выбитыми передними зубами. /.../

— Михаил Александрович, — негромко обратился Воланд к голове, и тогда веки убитого приподнялись, и на мертвом лице Маргарита, содрогнувшись, увидела живые, полные мысли и страдания глаза. — Все сбылось, не правда ли? /.../ Но теперь нас интересует дальнейшее, а не этот уже со-

вершившийся факт. Вы всегда были горячим проповедником той теории, что по отрезании головы жизнь в человеке прекращается, он превращается в золу и уходит в небытие. Мне приятно сообщить вам в присутствии моих гостей, хотя они и служат доказательством совсем другой теории, о том, что ваша теория и солидна, и остроумна. Впрочем, ведь все теории стоят одна другой. Есть среди них и такая, согласно которой каждому будет дано по его вере. Да сбудется же это! Вы уходите в небытие /.../. («Мастер и Маргарита». — Минск: «Ураджай», 1988. С. 542—543.).

ОТВЕТСТВЕННЫЙ ВЫБОР

К декабрю 2007 г. ранняя версия этой статьи уже была написана. Я откладывал ее публикацию лишь потому, что полагал предпринять еще одну попытку решить все разногласия с Шестопалом в судебном порядке. Долгая переписка с руководством ЦАМО, РГВА и Федерального архивного агентства позволила мне подготовить аргументацию и юридическую базу для последующего обращения в суд.

Нервное отношение Шестопада к моим визитам и предпринятая им попытка приписать мне виртуальные «исправления» свидетельствовали о том, что он и сам ощущал юридическую уязвимость своей позиции.

Скоропостижно скончавшись, полковник избежал решающего сражения. Это была капитуляция, на которую я не рассчитывал. По-человечески его можно было пожалеть: ему давно пора было покинуть архив и посвятить себя общению с внуками, вместо того чтобы, вопреки пенсионному возрасту, заниматься вредительством в архиве.

Я был близок к отчаянию: скрупулезная работа, проводившаяся мной в предшествующие месяцы, чтобы одержать над Шестопалом юридически безупречную победу, могла пойти насмарку. Любой сменщик, поставленный на его место, получал возможность, следуя запретительной тактике Шестопада, придумывать свои отговорки, и в этом случае мне пришлось бы вновь тратить месяцы, накапливая список его юридических ошибок. Дни и недели, ушедшие на переписку и написание статьи, обесценились вместе с

кончиной противника. Возникло ощущение, что это время поглотила черная дыра. Статья, которая должна была вынудить руководства архива повлиять на ситуацию в отделе 5.4, превращалась в некролог полковника, о написании которого я никогда не помышлял.

Хотя в этой ситуации неизбежно найдутся скептики, которые сочтут публикацию такого посмертного разоблачения предосудительной и неэтичной, я счел нужным опубликовать статью.

При том, что сам Шестопал был сторонником замалчиваний, утаиваний и забвения, он, казалось бы, не заслужил того, чтобы его имя сохранилось в последующих веках. Однако есть глубокий смысл в том, что эта статья сохранит информацию о нем на многие столетия вперед. Возможно, по ней смогут составить о своем давно ушедшем деде живое представление его праправнуки, воспринимая его как персонаж практически исторический, коль он удостоился столь подробного описания. Для историков, которые будут изучать развитие архивного дела, эта статья также окажется интересна, так как написана на совмещении двух нечасто встречающихся жанров — хроникального описания конфликта и юридического анализа проблемы.

Хотя Шестопал уже лишен возможности возразить, он не был новичком в архивном деле. К своим 62 годам он действовал, безусловно, осознанно, руководствуясь собственными представлениями о законе и целях. Это обстоятельство позволяет рассматривать его работу в архиве, как заверченный и логически последовательный цикл, который необходимо изучить и учесть.

Руководство архивохранилища 5.4 уже сменилось, но созданный Шестопалом запретительный режим невозможно преодолеть в одночасье. Практиковавшаяся им методика была настолько отсталой, что речь идет даже не о ее модернизации, а о внедрении новой. Больших усилий и отдачи потребует создание доступного исследователям справочного аппарата. Можно сэкономить время, обеспечив уже имеющуюся картотеку необходимой для учета сквозной нумерацией, которая, с одной стороны, лишила бы непорядочного архивиста возможности прятать от посетителей нужные им

карточки, а с другой — гарантировала, что неаккуратный в обращении с ней исследователь не сумеет смешать последовательность номеров.

Большое внимание потребуется уделить систематизации накопивавшихся дел, а также передаче в РГВА профильной для этого архива документации.

Сейчас, когда Архивная служба Вооруженных сил переформирована в руководство архивным делом в Вооруженных силах РФ и ЦАМО возглавил подполковник Игорь Пермяков, новому руководству архива предстоит сделать выбор: предоставить ли фондохранилищу 5.4 существовать в прежнем, установленном еще Шестопалом режиме либо оправдать предназначение собранных документов, обеспечив им должный учет и поступление в научный оборот.

И, безусловно, следует остановить уничтожение дел и ввести строгий контроль за выявлением подлежащих уничтожению копий.

Николай Иванович Шестопал действовал в соответствии со своими представлениям о задачах архивного дела. И хотя он был убежден в своей правоте, не следует разделять его заблуждений и разделять ответственность за его прегрешения.

Остается надеяться, что эта публикация будет напоминать о том, чего всеми силами следует избегать в архивной работе.

*Александр Гогун*¹

ДОКУМЕНТЫ НКВД О ПОДГОТОВКЕ СССР К ВОЙНЕ

В прошлом году в Киеве вышел замечательный сборник документов: «Советские органы государственной безопасности в 1939 году — июне 1941 года»³³⁰.

Издание в лучшую сторону отличается от соответствующих томов подготовленной ФСБ серии «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне». Во-первых, составители киевского сборника обозначали все купюры. Во-вторых, никогда не удаляли наиболее ценные фрагменты документов. В-третьих, рядом с приводимым источником всегда стоит ссылка на фонд, описание, дело и лист, то есть каждый желающий может взглянуть на оригинал. В-четвертых, в указанной работе киевляне не публиковали документы из других архивов и не выдавали это за свои собственные находки и единицы хранения³³¹. В-пятых, во вводной статье и примечаниях автор не нашел грубых ошибок, которые в московской серии наличествуют в изобилии³³². Иными словами, работа выполнена на достойном уровне. Пожалуй, единственным существенным недостатком книги является ее объем — 1311 страниц: следовало распределить материал на два тома.

Составителями киевского сборника не ставилась цель показать подготовку СССР к агрессии, но, поскольку задачи утаить шило в мешке тоже не было, документы сказали правду. Приведем только часть этих свидетельств эпохи.

¹ Гогун Александр — исследователь тоталитаризма, автор книги «Сталинские коммандос».

Как известно, 19 августа 1939 г. И. Сталин принял решение о начале Второй мировой войны и подготовке СССР к ней. Это означало конкретные указы по всему аппарату.

Случайно или нет, но к названной дате относится директива заместителя наркома внутренних дел УССР А. Кобулова начальникам областных управлений НКВД об улучшении «оперативного обслуживания» авиазаводов³³³. Иными словами, нагоняй по поводу массы аварий, которые якобы были вызваны действиями «антисоветского подполья» и «вредителей». Понятно, что и охвостья подполья в СССР к 1939 году не осталось, но по чекистской традиции, получив указания об усилении бдительности, органы отреагировали так, как привыкли.

Кроме того, лубянское ведомство коснулась скрытая мобилизация промышленности, перевод экономики страны на военные рельсы. Дело в том, что массу предприятий чекисты контролировали официальными путями, а также с помощью агентуры.

Все это нашло выражение в ряде сообщений о состоянии выполнения поставленных задач, где эти задачи описывались.

Торпедный завод № 175 им. Кирова в городе Большой Токмак Запорожской области: «...19 августа сего года от 5 Главного управления Наркомата судостроительной промышленности получено мобзадание...»³³⁴. Далее следует номенклатура производства смертоносных изделий.

Завод № 308 в Харькове «...в августе сего года от наркомата боеприпасов получено мобилизационное задание, согласно которому во втором полугодии сего года завод должен изготовить 2,5 миллиона ручных гранат системы Дядькова РГД-33 образца 1933 г. с деталями запала к ним в таком же количестве»³³⁵.

Мариупольский радиаторный завод: «21 августа сего года заводу спущено мобзадание для ежемесячного изготовления следующей продукции...». Далее следует перечень из восьми пунктов, последние два: «Детали танка БТ-25 — 14 692 шт., [детали танка] БТ-7 — 4045 [штук]»³³⁶.

Капсюльный завод в городе Шостка Сумской области: «Завод № 53 до 1 августа сего года вел подготовку к выполнению мобилизационного задания по плану 1938 г.

22 августа, а затем 13 сентября сего года Наркоматом боеприпасов заводу было спущено новое мобилизационное задание на 2-е полугодие 1939 г., превышающее прошлое в два раза»³³⁷.

Тот же город, производство пороха: «Завод № 9 в сентябре месяце 1939 г. получал от наркомата боеприпасов мобилизационное задание изготовить во 2-м полугодии 17 000 тонн бездымных порохов»³³⁸.

Киевский судоремонтный завод «Ленинская кузница». Прометеем этого предприятия 8 сентября 1939 г. из Наркомата судостроения была дана директива, в которой четко обозначались приоритеты в починке кораблей: «...План по элементам выстрела является первоочередным заданием, невыполнение которого означает невыполнение всего промышленного плана завода»³³⁹.

Киевский завод «Большевик»: «14.IX завод получил указание перейти на выполнение выпуска снарядов по плану М [обилизационный] П [лан]-1 с расчетом выпуска в 4 квартале 1939 г. 120 000 корпусов снарядов, сохранив 40% выпуска общей химической аппаратуры»³⁴⁰.

Снова столица Украины: «...Завод «Красный экскаватор» с 16.IX перешел на выполнение спецзаказов по М [обилизационному] п [лану]-1, имея задание до конца года изготовить 92.000 корпусов 122 м/м снарядов из сталистого чугуна и 69.000 корпусов авиабомб»³⁴¹.

Константиновский завод «Автостекло № 25», изготавливавший для РККА отражатели и стекло разных размеров: «17 сентября сего года завод получил мобилизационное задание, в котором определены контрольные цифры и номенклатура продукции. Эта номенклатура предусматривает выпуск 104 позиций, в основном стекло разных размеров»³⁴².

В сентябре 1939 г. заместитель наркома внутренних дел УССР М. Горлинский дал запрос начальнику запорожского областного управления НКВД Горбаню «проверить и к 25 сентября донести специальной докладной запиской о состоянии мобзапасов и готовности к выполнению мобилизационной программы» ряда важнейших военных заводов: «В записке отразите, какую номенклатуру продукции и [какое] ее количество выпускает завод сейчас, какую и сколько должен изготовить в мобилизационный период, как к ней

подготовлен, сколько фактически он может выпустить по мобноменклатуре [...] То же самое изложить по мобзапасам и рабочей силе». При этом, на случай неудач, не забывался поиск «конкретного виновника срыва подготовки завода к выполнению мобзадания»³⁴³.

А к таковым подключалось все больше и больше предприятий. Не остался в стороне и завод № 60 в Ворошиловграде, производивший биметаллические ленты для гильз и пуль, а также порох и капсули: «В соответствии с указаниями наркомата вооружения завод с 1 октября сего [1939] года приступил к выполнению мобилизационной программы»³⁴⁴.

Чем ближе была дата нападения, тем больше внимания уделялось контролю над стратегически важными объектами ВПК. Этому была посвящена директива наркома ГБ УССР начальникам УНКВД «об усилении оперативной работы» на предприятиях ВПК, датированная 23 марта 1941 г.: «Некоторые начальники УНКГБ УССР, по-видимому, недопонимают всей серьезности задач, стоящих перед органами государственной безопасности в деле обеспечения четкой агентурно-оперативной работы по обслуживанию оборонных и других важнейших предприятий и транспорта.

Такое положение в дальнейшем считаю нетерпимым.

ПРЕДЛАГАЮ:

Всю работу по агентурно-оперативному обслуживанию оборонных и важнейших заводов промышленности и транспорта вести в соответствии с приказом НКГБ СССР № 0015 от 5 марта 1941 г. по выявлению на этих объектах шпионских, диверсионно-вредительских, террористических организаций, групп и элементов, а также иных к[онтр]р[еволюционных] формирований.

Все оперативные учеты по оборонным, промышленным и транспортным объектам сосредоточить во вновь организованных в КРО УНКГБ промышленно-транспортных отделениях [...] Систематически информировать 2-е Управление НКГБ УССР по всем имеющимся оперативным учетам и ходе их разработки»³⁴⁵. Конкретных виновников предлагалось привлекать к уголовной ответственности.

Не миновала ответственность и сам аппарат НКВД. В частности, раздражение исполняющего обязанности нар-

кома внутренних дел УССР М. Горлинского вызвали прово-
лочка в «разработке оперативно-чекистских мероприятий
на период военного времени и ведения мобилизационного
делопроизводства». Это вылилось в приказ № 3 от 4 января
1940 г., где был перечислен целый ряд недочетов в несколь-
ких регионах Украины: «Вышепереведенные факты говорят
о том, что начальники управлений НКВД указанных об-
ластей не уделяют должного внимания столь важному во-
просу, как обеспечение мобилизационной готовности на-
ших органов на военное время». Давался и ряд конкретных
указаний по исправлению ошибок, в частности следующее:
«Всем начальникам УНКВД лично, никому не передове-
ряя, проверить состояние моб [илизационной] работы в
отделах УНКВД в соответствии с приказами НКВД СССР
№ № 001122, 001143 и 00559, о результатах проверки и при-
нятых мерах доложить личными докладами и записками к
23/І-1940 г.»³⁴⁶.

То, что страна уже фактически жила в режиме военного
времени, демонстрировал последовавший в середине янва-
ря 1940 г. приказ наркомата ВД УССР о запрете перевода на
другую «работу» оперативного состава, который обслужи-
вал военные заводы³⁴⁷. Перемещение «особистов», тянув-
ших лямку в «ящиках», позволялось лишь с санкции 2-го
отдела экономического управления НКВД УССР.

Часть документов сборника составляют материалы, ка-
сающиеся «сотрудничества» НКВД и Красной армии или
как минимум контроля первого над вторым.

Присутствовала и «обратная связь». Столкнувшись с
плохой подготовкой «предполя» будущего ТВД в 1939 г.,
руководство КОВО завалило Наркомат обороны, а также
хозяйственные и партийные инстанции заявками на же-
лезнодорожное строительство и улучшение инфраструкту-
ры. Когда же, с точки зрения военных, предпринятые меры
оказались недостаточными, руководство КОВО обратилось
через своих особистов к начальнику НКВД УССР Ивану
Серову. Челобитная заканчивалась прошением поставить
все выдвинутые вопросы «в соответствующих наркоматах и
управлениях».

Цитируем документ с первой строки: «Театр военных
действий в западном направлении к настоящему моменту

подготовлен крайне неудовлетворительно, что может привести на случай серьезной войны к большим человеческим жертвам и затруднит выполнение операций. 1. В железнодорожном отношении.

Общая пропускная способность всех железных дорог к западу от бывшей границы достигает около 90 поездов в сутки [...] Такая пропускная способность железных дорог совершенно не обеспечивает ведение операций в западном направлении, что подтверждается расчетами, зимними перевозками и неоднократно проводимыми оперативными играми [...]

Наиболее узкими местами в железнодорожной сети КОВО являются:

А) Полоса вдоль бывшей границы с Польшей. Железнодорожная сеть в этой полосе строилась больше, если не исключительно, к действиям оборонительного характера...

Б) Следующим узким местом является полоса к Западу от линии Сарны, Ровно, Здолбунов, Тарнополь (то есть прямо перед границей с Германией. — А. Г.)».

Далее предлагалось предпринять несколько мер по исправлению ситуации, что должно было привести к общему успеху: «При условии развития пропускной способности до 180 пар поездов мы сможем подвезти 2 — 2 с половиной дивизии в сутки, а при развитии пропускной способности до 252 пар поездов сможем подвезти 3 — 3 с половиной дивизии в сутки. Это необходимо еще и потому, что сосредоточение войск нужно будет произвести в минимально короткие сроки и раньше противника. Тогда мы сразу выигрываем во времени и добиваемся превосходства сил над противником, что является одним из важнейших условий в выигрывании операции»³⁴⁸.

Однако далеко не всегда «сотрудничество» НКВД и РККА было «взаимовыгодным» с точки зрения рядовых сотрудников обеих силовых структур. Повседневность представляла собой слежку за армией, которая в 1939—1941 гг. стремительно разрасталась.

В момент окончания советско-финляндской войны, 12 марта 1940 г. нарком ВД УССР И. Серов издал директиву об улучшении проверки возвращающихся в строй командиров: «В настоящее время военными советами округов про-

водится работа по восстановлению в кадрах РККА большого количества командного и начальствующего состава запаса». Поскольку целью чекистов было не допустить проникновения в Красную армию нелояльных командиров, то начальникам УНКВД областей Украины предлагалось провести ряд мероприятий по усилению и улучшению контроля. Но «благие намерения» обернулись противоречивыми установками по их реализации: «5. К решению вопроса о возможности допуска в РККА каждого командира или политработника подходить строго индивидуально. Имеющиеся компрометирующие материалы тщательно перепроверить и только при подтверждении их решать вопрос о том или ином командире. 6. Запросы военкоматов о возможности зачисления в кадры РККА комначсостава запаса выполнять в трехдневный срок»³⁴⁹.

О том, что все это делопроизводство было частью общего плана, свидетельствует указание заместителя наркома ВД Украины И. Серова начальникам УНКВД. Немаловажно, что составлен этот документ 1 августа 1940 г., то есть уже после окончания всех «освободительных походов»: «Во исполнение директивы НКВД СССР № ВД/21 от 17 января 1940 г. —

ПРЕДЛАГАЮ:

Немедленно представить во 2 Отдел УГБ НКВД УССР оперативные материалы о результатах агентурной работы по обслуживанию проводимых райвоенкоматами мероприятий по готовности на военный период.

Впредь по этому вопросу представляйте докладные записки во 2 Отдел УГБ НКВД УССР не позднее 5-го числа по окончании каждого квартала, без напоминаний»³⁵⁰.

Спустя неделю последовало новое распоряжение заместителя наркома ВД УССР М. Горлинского начальникам УНКВД об усилении «агентурно-оперативного обслуживания» комначсостава запаса Красной армии: «В последующем о результатах агентурно-оперативной работы представляйте докладные записки во 2 Отдел УГБ НКВД УССР к 15-му числу каждого месяца»³⁵¹. Значит, командиров запаса хотели вскоре использовать.

Кое-что сохранилось в бывшем архиве КГБ УССР и из документации Красной армии.

В частности, приводится справка разведывательного отдела штаба Киевского особого военного округа (КОВО) про вооруженные силы Германии по положению на 1 декабря 1940 г. Адресат не обозначен, автор — начальник разведотдела штаба КОВО полковник Бондарев, за начальника 3-го отделения РО штаба КОВО майора Лаврешука подписалось другое лицо, подпись которого не удалось расшифровать.

Документ объемный и включает в себя анализ стратегического положения Германии, сведения о ее военной промышленности, а также данные о Вооруженных силах, в том числе частях и соединениях, дислоцировавшихся «в полосе КОВО», то есть в Юго-Восточной Польше.

Ценность материала в том, что именно с территории КОВО Красная армия планировала нанести главный удар по Вермахту, именно во «Львовском балконе» сосредотачивались основные танковые соединения.

Пункт 6-й справки назван «Инженерная подготовка театра»: «Производство оборонительных работ в пограничной полосе немцы ведут непрерывно с весны 1940 г. с неодинаковой интенсивностью в различных районах. В 1940 г. наиболее интенсивно велись работы на Краковском направлении и менее интенсивно на Люблинском направлении»³⁵².

По поводу второго направления последнее слово разведчиков говорило само за себя: «ВЫВОД: На Люблинском направлении немцы создают три оборонительных рубежа по реке Западный Буг, реке Вепш и по реке Висла. Первый и второй рубежи по своему оборудованию не являются сколько-нибудь серьезным препятствием для наступающих войск. Река Висла является серьезным препятствием как водная преграда, но со слабым развитием оборонительных сооружений»³⁵³.

Краковское направление вызвало большее беспокойство армейских специалистов: «ВЫВОД: Производству оборонительных работ на Краковском направлении немцы уделяют наибольшее внимание. Создается, по-видимому, три оборонительных рубежа. Наиболее подготовленным является рубеж по реке Сан, который, учитывая наличие водной преграды, может явиться серьезным препятствием для наступающих с востока войск»³⁵⁴.

Пункт 7-й указанной справки именовался «Дорожное строительство» на территории оккупированной Польши, и небольшая деталь показывает направление мышления в «рабоче-крестьянской» армии: «Основная масса работ по строительству дорог происходит восточнее реки Вислы, в приграничной полосе. Идет ремонт и улучшение как дорог, ведущих к фронту, так и рокадных»³⁵⁵. Советско-германская граница к концу 1940 г. уже превратилась в головах краснознаменных командиров в огненный рубеж.

Пункт 8-й: «Краткое описание операционных направлений южной части Генерал-губернаторства»: «Исходя из характера местности, начертания железнодорожной сети и оперативных замыслов, данный театр можно подразделить на три следующих операционных направления: 1. Люблин-Варшавское; 2. Люблин-Петроковское и 3. Краковское»³⁵⁶.

После описания географических условий будущего возможного первого операционного направления делался «ВЫВОД: Характер местности и начертание дорожной сети благоприятствуют для действия крупных войсковых масс в северо-западном направлении (восточнее р. Висла). Оперативная плотность — 8—10 км на дивизию»³⁵⁷.

Второе операционное направление также было признано пригодным для нанесения глубокого удара: «Южная граница направления — по условной линии Лежайск—Мелец—Мехов. Глубина направления 320—340 км, протяжение фронта по госгранице от Влодава до р. Сан 260 км, ширина по р. Висла и р. Сан 200 км»³⁵⁸. «ВЫВОД: Местность и наличие дорожной сети допускает действия крупных войсковых масс. Оперативная плотность 8—10 км на дивизию. Основной оборонительный рубеж немцев р. Висла потребует для своего преодоления самостоятельной операции»³⁵⁹. Фронтной.

Очевидно, что ответственность за решение о том, где же наступать, аналитики разведупра все же решили возложить на коллег из оперативных отделов штабов, поскольку и Краковское направление, несмотря на наличие оборонительных сооружений противника, по размышлению советских разведчиков, все же подходило для победного марша: «Северная граница — условная линия Лежайск—Мелец—

Мехов. Южная — граница со Словакией. Глубина направления — 230—260 км. Протяжение фронта по госгранице до 200 км, условная ширина 90—100 км»³⁶⁰. «ВЫВОД: Характер местности и дорожная сеть благоприятствуют развитию действий крупными войсковыми массами в западном направлении. Оперативная плотность 8—12 км на дивизию. Основной оборонительный рубеж немцы создают, по видимому, по р. Вислок и р. Вислока»³⁶¹.

Вооруженные силы Венгрии и ее география были описаны в приложении к указанной записке, в конце которой коротко подводился итог: «Несмотря на то что Венгрия уделяет достаточно внимания вопросам инженерного оборудования границы с СССР, все же оно до сего времени остается слабо развитым. Но, учитывая горный характер местности, представляющий большие трудности для действия войск, возведенные венграми инженерные укрепления могут оказать серьезное препятствие для войск»³⁶². Утверждение оказалось пророческим — Красная армия в 1944 году пыталась пробиться через Карпаты в течение полугода, и гонведы отошли только из-за наступления противника на других оперативных направлениях.

Параллельно с Красной армией шпионаж на сопредельной территории вел и НКВД.

Как известно, лубянский ведомство в большей степени, чем военные, следило за политической ситуацией в других странах. Однако те задачи, которые ставились перед чеккистской зарубежной агентурой, были направлены не на изучение возможных направлений ударов вермахта и не на определение сроков агрессии Германии.

Штаб погранвойск НКВД УССР регулярно составлял донесения о том, что происходит по ту сторону кордона. К числу типовых документов относится составленный 21 апреля 1941 г. «Меморандум № 2 о военных мероприятиях в пограничной полосе Германии и Венгрии» за период с 10 по 20 апреля: «На территории Генерал-губернаторства производится набор рабочих рук и отправка их в Германию. Население скрывается из-за нежелания ехать на работы. Политическое недовольство среди населения к немцам сильно растет — особенно среди польского населения. Имеют ме-

сто эмиграционные настроения молодежи. Население ждет скорейшего прихода Красной армии.

Вопросы, подлежащие разведыванию

Необходимо продолжить разведку: районов сосредоточения и пунктов дислокации штабов.

Районы аэродромов, посадочных площадок.

Политических настроений и политико-экономического состояния приграничной сопредельной стороны»³⁶³.

В аналогичном меморандуме № 3 от 26 апреля перечень задач был такой же, разве что добавилось требование находить месторасположение ДОТов и складов³⁶⁴.

Погранвойска тщательно «ощупывали» будущий театр военных действий.

Поскольку скрытая тотальная мобилизация в той или иной степени затронула все население страны, то соответствующие «антисоветские разговоры» начали фиксировать и бдительные люди с холодными головами и длинными руками.

Об этом свидетельствует, в частности, написанная 3 января 1941 г. докладная записка зачальника Особого отдела НКВД КОВО Якунчикова наркому ВД УССР И. Серову «О настроениях военнопленных в связи с законвоированием», то есть усилением режима содержания. На территории Украины военнопленных, то есть априори нелояльных системе людей, использовали для строительства дорог: «Военнопленный Сурмай распространяет провокационные слухи о подготовке СССР к войне с Германией, что в СССР якобы объявлена всеобщая мобилизация, роются окопы и т.д. «Советы думают идти на Варшаву», — заявляет Сурмай.

Провокационные слухи о близкой войне Германии с СССР распространяет вольнонаемный десятник Куран.

Под впечатлением разговоров Курана военнопленный Томчин сказал ему: «...Хотя бы встретиться с тобой в бою: ты в рядах Красной армии, а я польско-немецкой, что ты со мною бы сделал?»

Присутствовавший при этом разговоре военнопленный Малист заявил:

«...Куран повернул бы свой пулемет в обратную сторону и стрелял бы по красным войскам...»

Куран поддержал Малиста, добавив:

«...Не я один поступил бы так, но и все остальные жители западных областей, призванные сейчас в Красную армию»³⁶⁵.

Завершим статью цитатой из документа, который поместили в самый конец сборника его составители. Комментариев этот материал не требует, и так ярко показывая как дух витавшей войны, так и психологию служащих «органов». Это специальное сообщение заместителя начальника 4-го отдела НКГБ УССР лейтенанта ГБ Сурыгина наркомуну ГБ УССР Мешику: «20 июня 1941 г. при обработке исходящей международной корреспонденции 4-м отделом НКГБ УССР выявлен документ, следовавший из Станиславской области, Печинижинский район с. Пересев от Хмары Василия в Германию, г. Кристианополь, Горбышевского района Люблинского воеводства, Семенюку Михаилу». Далее передается содержание письма, жалобы на жизнь в СССР и проклятия в адрес Советской власти. Заканчивается послание тревожными вопросами: «Ходят слухи, что они (то есть Советы. — А. Г.) хотят идти на Варшаву, а возможно, и дальше. Концентрируются под границей, всем говори, но не давай читать, я ведь не знаю ваших обстоятельств. Пиши в отношении весны. Так или нет, напиши: (б) будет война с ними в этом году, р. — разобьют, как слышно, А. Может ли быть война в Африке и тут или когда там закончится. Адрес прежний. Письма сожги все. Никому не говори, что мне пишешь».

Документ «К» вместе с копией настоящего спецсообщения направлен начальнику 3-го управления НКГБ УССР для оперативного использования»³⁶⁶.

Подобные цитируемому письму послания украинские чекисты в первой половине 1941 г. перехватывали пачками. Но это сообщение НКГБ примечательно одной маленькой деталью. Оно датировано 23 июня 1941 г.

Дмитрий Хмельницкий

ВЫСТАВКА «СОВЕТСКИЙ РАЙ»

Восьмого мая 1942 г. в центре Берлина, в парке Люстгартен, прямо рядом с городским собором, открылась выставка, организованная имперским отделом пропаганды НСДАП. Она называлась «Der Sowjetparadies» — «Советский рай». Цель выставки была чисто пропагандистская — показать немцам варварство, нищету и агрессивность Советского Союза, его опасность для Европы, оправдать войну с ним и объяснить необходимость немецкой победы. Выставка была огромной — на девяти тысячах квадратных метров во многих павильонах демонстрировались собранные во время специальных экспедиций на оккупированные вермахтом территории экспонаты. Среди прочего воспроизводилась часть Минска с куском улицы, лавкой, мастерской сапожника, землянками, в которых жили рабочие. Экспонировались советские сельскохозяйственные машины, рабочие и крестьянские дома, разобранные на месте и собранные заново в павильонах со всем своим оборудованием и интерьерами. Демонстрировались массы фотографий, сделанных на советских территориях. В павильонах были воспроизведены в натуральную величину подвалы ГПУ с расстрельной камерой и многое другое.

Отдельные разделы были посвящены Советской армии и программе вооружений, организации советской жизни и экономики, рабочему и крестьянскому быту, колхозам, социальному устройству СССР, ГПУ и лагерям, беспризорным и т.д и т.п. Перед входом на выставку были установлены советские трофейные танк и орудия.

Подпольная коммунистическая группа во главе с Гербертом Баумом попыталась 18 мая 1942 г. поджечь выставку. Ущерб оказался минимальным, но почти все члены группы, около 30 человек, были в конечном счете арестованы и казнены. Сам Баум погиб от пыток еще во время следствия.

Выставка продолжалась до 21 июня 1942 г. и имела огромный успех. По официальным данным, ее посетили 1,3 млн человек. Выставку сопровождал каталог, текст которого вместе с частью фотографий воспроизводится ниже. Из текста каталога выпущен только один раздел: «Германо-немецкое проникновение в Восточные районы», имеющий исторический и идеологический характер одновременно, но не связанный с Советским Союзом. Все остальное, непосредственно касающееся Советского Союза, воспроизводится практически без купюр.

Каталог выставки — характерная продукция нацистской пропаганды. Он интересен в нескольких отношениях. Во-первых, по нему хорошо видны цели и методы партийной пропаганды в Третьем рейхе. Во-вторых, он дает представление о том, что в действительности было известно в Германии к началу 40-х годов о Советском Союзе. И в-третьих, он дает возможность увидеть взаимодействие реальной информации и идеологических установок, с помощью которых эта информация подавалась и интерпретировалась.

В каталоге видны два противоречащих друг другу информационных слоя. Все, что касается реалий советской жизни — экономики, социального устройства, правил поведения, условий жизни, — в целом соответствует действительности. Материал собран квалифицированно и со знанием дела. Он и сегодня представляет интерес для историков сталинской эпохи. Даже статистические данные, например о репрессиях, или информация о ценах, зарплатах и т.п. более или менее соответствуют тому, что сегодня известно на этот счет. Эти данные явно не искажались сознательно; впрочем, их и не было смысла исказить. В своем реальном виде они вполне эффективно работали на нацистскую пропаганду.

Идеологическая обработка собранного материала профессиональными пропагандистами — второй информационный слой — сводилась в основном к двум вещам. Во-первых, война Германии с СССР подавалась исключительно

как попытка Германии спасти Европу от большевистского нашествия. Собственные агрессивные планы Гитлера, приведшие к заключению недавнего пакта со Сталиным и к захвату по соглашению и в союзе с СССР половины Европы, оставались за скобками. Наоборот, Германия изображалась как предводитель всех европейцев, готовых бороться за свою свободу от большевистского варварства.

Во-вторых, вводились обусловленные расовой теорией и совершенно бессмысленные с точки зрения здравого смысла понятия «мировое еврейство» и «еврейский большевизм». Советская власть подавалась как власть «еврейства», а правящий слой в советском обществе определялся как «еврейско-большевистский». Делались даже попытки (как, например, при описании работы завода им. Ворошилова в Минске или структуры организации колхоза) объяснить причуды советского хозяйственного руководства особенностями некоего «еврейского мышления». Вряд ли этот нелепый антисемитизм производил серьезное впечатление на минимально просвещенную публику, тем более что он де-факто опровергался материалами самой выставки. Никаких самостоятельных выводов о некоей «еврейской власти» в Советском Союзе посетитель из развернутой на выставке картины советской жизни сделать никак не мог.

Но вот первый идеологический тезис о том, что Германия защищает Европу, мог очень многими восприниматься всерьез. Сомневаться в достоверности материалов об СССР не приходилось, а угроза распространения советской системы и советских условий жизни на остальную Европу выглядела вполне реальной. Она и оказалась впоследствии реальной для стран Восточной Европы и для Восточной Германии.

Разве что границу распространения советской системы на Запад определил не Третий рейх, а западные союзники.

Собственно говоря, методы антисоветской пропаганды нацистов и антинацистской пропаганды в Советском Союзе были очень похожи. В СССР во время и после войны тоже совершенно достоверная информация о нацистских преступлениях против человечности сопровождалась двумя чисто идеологическими тезисами, знакомыми всем, кто учился в советское время в школе. Согласно первому, приход нацистов к власти в Германии был закономерен,

поскольку нацизм и фашизм — это естественная, крайняя стадия разложения буржуазно-демократического общества. Согласно второму, СССР выступил главным защитником Европы от «коричневой чумы» и спасителем европейской цивилизации.

Первый тезис, очевидно вздорный, все, как правило, пропускали мимо ушей и забывали сразу после сдачи соответствующих экзаменов, поскольку он был необъясним (точно так же, как выдуманный нацистами «еврейский характер большевизма») и не имел никаких точек соприкосновения со знакомой реальностью.

А второй тезис, о том, что СССР был спасителем европейской цивилизации, воспринимался на фоне информации о реальных нацистских преступлениях вполне всерьез. Он надолго закрепился в массовом сознании бывших советских людей и срабатывает до сих пор. Срабатывает тем сильнее, чем меньше человек осведомлен о деталях советской предвоенной политики и о реальных военных и политических планах Сталина.

Редкая возможность сравнения разных вариантов тоталитарной пропаганды придает каталогу выставки «Советский рай» дополнительный исторический интерес.

«СОВЕТСКИЙ РАЙ». ВЫСТАВКА УПРАВЛЕНИЯ ПРОПАГАНДЫ НСДАП¹

Имперское управление пропаганды НСДАП уже организовывало в 1934 г. на базе имевшихся тогда письменных и изобразительных материалов антибольшевистскую выставку, которая рассказывала немецкому народу об ужасных условиях существования в Советском Союзе.

У организаторов этой выставки тогда иногда возникало чувство, что при воспроизведении советской реальности они отклоняются от действительности. Это предположение подтвердилось, но совсем в ином смысле, чем ожидалось, ибо все, что говорилось в мире о большевизме до начала

¹ «Das Sowjetparadies. Ausstellung der Reichspropagandaleitung der NSDAP. Ein Bericht in Wort und Bild», Berlin, 1941.

войны, было ужасающим образом отодвинуто действительностью в тень.

Оказалось, что изображений и текстов недостаточно, чтобы правдоподобно воспроизвести для европейского сознания трагичность большевистских будней.

Этот вывод соответствует постоянным утверждениям наших солдат о том, что нет никакой возможности изобразить условия жизни в Советском Союзе, их нужно самим увидеть и прочувствовать.

Отсюда было недалеко до идеи представить немецкому народу на выставке большевистские будни именно в таком виде, в каком их проводит в неопикуемой нищете масса советских граждан. Во время экспедиций в занятые нашими войсками районы был собран необходимый для выставки оригинальный материал.

Миллионы посетителей впервые получили первое ясное представление об ужасной действительности большевизма благодаря воспроизводящей реальность экспозиции, собранной из бесчисленных настоящих экспонатов.

Но действительные знатоки Советского Союза, в особенности наши солдаты, единогласно утверждают, что даже эта выставка не в состоянии в полном объеме передать убогость и безнадежность «рая крестьян и рабочих».

«БОГАТСТВА ВОСТОКА»

Абсолютное обнищание населения Советского Союза, о котором все время сообщают наши солдаты, разительно противоречит обилию плодородных земель, неисчерпаемых сельскохозяйственных и промышленных источников сырья. В первом зале выставки дается представление об этом богатстве. Большая диорама открывает взгляд на просторы ландшафтов Востока, характерные бесконечно раскинувшимися полями, гигантскими лесами и огромными территориями степей. Эта территория, от ледовых побережий Северной Сибири до тропических областей Крыма, включает почти все климатические зоны Земли.

Карта, показывающая плодородие и использование земель Советского Союза, демонстрирует сельскохозяйствен-

ное богатство Советского Союза и позволяет прийти к следующему выводу.

Решающую роль в снабжении населения Советского Союза играет широкая полоса плодородных земель, которая тянется посередине Советского Союза с запада на восток. Внутри этой полосы находятся важнейшие для производства продуктов питания черноземные районы уже занятой нами Украины, урожай с которой позволяли кормить больше половины всего населения страны.

Вследствие большевистской бесплановости и бесхозяйственности сельскохозяйственное богатство использовалось не полностью и непрофессионально. Эти районы под немецким управлением через несколько лет дадут избыток сельскохозяйственной продукции, который ликвидирует все проблемы с продуктами питания на Европейском континенте.

Богатству плодородных земель соответствует богатство промышленного сырья: уголь, железная руда, медь, нефть, олово, цинк, свинец, серебро, платина, ртуть и бокситы, короче, все важное сырье, необходимое для строительства большой промышленности, представлено в огромных количествах. Эти источники сырья тоже были только в той степени использованы большевиками, в какой они были необходимы для создания армии для нападения на Европу, и то преимущественно в западных районах СССР.

Распределение населения и транспортная сеть Советского Союза находятся в тесной и непосредственной зависимости между собой, как это сразу видно из соответствующей карты. На западе СССР сконцентрирована основная часть населения и существующей транспортной сети. Дальше на Восток падает как плотность населения, так и дорог. Во взаимосвязи с распределением сельскохозяйственного и промышленного сырья это указывает на то, что Советский Союз будет существовать до тех пор, пока запад страны находится в руках еврейских властителей этого эксплуататорского государства.

При этом нужно учитывать одно обстоятельство: СССР — многонациональное государство, в котором вынуждены жить 187 народов, из них 48 больших. Всем этим народам большевизм пообещал поддержку национальных

жизненных интересов; однако в действительности каждый, даже самый скромный национальный порыв кроваво подавляется еврейско-большевистским центром в Москве.

На сколько мало прав имеют народы СССР на национальную жизнь, на столько же мало прав имеет на нее и отдельный человек. Гигантские запасы сельскохозяйственного и промышленного сырья дали большевизму уникальную возможность создать в подвластной им стране действительный и настоящий социальный порядок и счастливое существование для миллионных масс населения, то есть «рай для рабочих и крестьян».

Однако еврейский большевизм использовал полученные в свое распоряжение богатства лишь в той степени, в какой они были необходимы для создания армии для осуществления мировой революции. Население ему было полностью безразлично, оно должно было прозябать в невообразимой нищете. (...)

МАРКСИЗМ И БОЛЬШЕВИЗМ — ИЗОБРЕТЕНИЕ ЕВРЕЙСТВА

Очень рано осознало еврейство неограниченные возможности, которые предоставляют земли и люди Востока ложному учению большевизма.

Это утверждение легко проиллюстрировать, сопоставив два факта:

1. То, что еврей Маркс-Мордехай является изобретателем марксизма.

2. То, что сегодняшнее Советское государство есть не что иное, как практическая реализация этого еврейского изобретения. Между обоими историческими фактами лежит собственно большевистская революция, с помощью которой еврейство истребило лучшие силы Востока, чтобы стать абсолютным властителем региона, опираясь на который оно надеялось со временем достичь мирового господства. Для этого надо было, чтобы в 1917—1921 гг., по данным ГПУ, около двух миллионов человек погибло от рук палачей. Однако непосредственным следствием этой революции были периоды ужасного голода, потребовавшего между

1917—1934 гг. 19 миллионов жертв. Всего вследствие развязанной евреями революции потеряли свои жизни более 21 миллиона человек.

ИЛЛЮЗОРНЫЙ ФАСАД БОЛЬШЕВИЗМА

Кровавые вторжения большевизма в Европу сопровождались дикой агитацией, которая снова и снова декларировала, что Советский Союз — это «рай крестьян и рабочих». В действительности эта пропаганда, как и все то, на что большевизм указывал как на культурный, социальный и технический прогресс в стране, было не чем иным, как лживым иллюзорным фасадом, за которым скрывалась жестокая нищета большевистских буден. Это демонстрирует следующий зал выставки, в центре которого стоит настоящий большевистский памятник, сделанный из гипса и фанеры, образец массовой продукции. В каждом городе устанавливался экземпляр такого памятника, который вскоре разрушался из-за низкого качества изготовления, настоящий символ большевистской культуры. Эти памятники усиливали грязную и убогую атмосферу, характерную для всех советских городов, которая разбавлялась только немногими, впрочем, технически во всех отношениях несовершенными роскошными зданиями, которые строились только для того, чтобы с их помощью усиливать пропаганду и обманывать иностранных туристов.

Эти, из чисто пропагандистских соображений возведенные, рекламные фасады — характерный знак всех большевистских городов. Возведенные в американском стиле с тысячами технических недостатков «строительные гиганты» стоят на роскошных улицах и как бы с издевательством смотрят на нищие хижины истощенных рабочих, в которых обычные граждане этого «рая» вынуждены жить серой и безрадостной жизнью после 25 лет большевистского культурного благодетельствования.

Так же как вопиющая разница между государственными сооружениями и всеобщей убогостью жилья, вопиющая разница между военным оборудованием и всеми теми вещами, которые для нас совершенно незаменимы в качестве бытовых предметов в ежедневной жизни.

Гигантским расходам на вооружение, которые невозможно сравнить с военными расходами какой бы то ни было страны мира, сопутствует невероятная нехватка самых примитивных предметов потребления. Война не виновата в том, что население практически не располагает тарелками и чашками, мебелью и постельным бельем, самыми скромными украшениями жилища, гардинами и дешевыми коврами, не говоря уже о необходимейших предметах одежды. Цены на такие предметы ежедневного потребления так же недоступны, как и цены на продукты питания:

При среднем, скорее даже завышенном, недельном заработке рабочего в 100—125 рублей костюм стоит 1400 рублей, пара обуви — 360 рублей, килограмм масла — 24 рубля, килограмм мяса — 22 рубля.

Это были цены мирного времени в СССР, что, впрочем, не означало, что вещи вообще можно было купить. Плохой хлеб и картофель оставались на протяжении 20 мирных лет основным продуктом питания полностью обнищавшего населения.

Кричащее противоречие между высоким уровнем вооружения и глубокой нуждой населения находит свое подтверждение в жилищных условиях в Москве, которые, впрочем, не лучше и не хуже, чем в любом другом большевистском городе. Эти условия еще в 1913 г., перед мировой войной, были не особенно благоприятными. Но в 1928 г. в одном помещении жили уже четыре человека, а в 1939 г. — шесть человек, причем без учета семейных отношений. Все доступные жилые помещения переполнены. Отдельные квартиры, такие, какие мы знаем по Германии, встречаются очень редко; каждое помещение для его жильцов — это кухня, гостиная и спальня одновременно. Тот, кто будет искать виновных, ответственных за неопишущую нищету населения, обязательно повсюду наткнется на евреев. Разве не показательно, что слово «антисемит» в Советском государстве числится одним из самых тяжелых обвинений, которые для тех, кого они достигают, означают принудительные работы и смерть? Один взгляд на статистику евреизации высших государственных ведомств Советского Союза все объясняет.

Едва ли не все министерства, называющиеся согласно

большевистской терминологии «народные комиссариаты», управляются почти исключительно евреями.

Тем, что Советское государство есть порождение еврейства, легко объяснить и жестокую эксплуатацию рабочей энергии населения, которое безжалостно приносится в жертву целям еврейской мировой революции. Не говоря уже о пресловутой стахановской системе, это выражается в сознательном низведении женщины до состояния рабочей-рабыни. Женщин еще в мирное время во всевозрастающих количествах принуждали к работе даже на самых тяжелых производствах, в каменноугольных шахтах и литейной промышленности.

Еще один факт из области промышленности сразу указывает знатоку на еврейское управление заводом. Завод им. Ворошилова в Минске должен был «по плану» ежегодно производить 650 станков стоимостью 81 млн рублей. Решающим фактором выполнения плана была, однако, — что характерно для еврейского мышления — материальная выручка от производства. Вследствие нехватки квалифицированной рабочей силы, инструментов и запасных частей завод был в состоянии произвести только 480 станков в год на сумму 59,2 млн рублей. И тогда, чтобы выполнить план, руководство завода тайно организовало на заднем дворе котельный цех, чья продукция продавалась из-под полы по завышенным ценам, что покрывало недостающую сумму в 22 млн рублей. Вследствие чего план в 81 млн рублей был чисто по деньгам выполнен, хотя произведено было на 170 станков меньше.

СОВЕТСКАЯ АРМИЯ — ЧУДОВИЩНАЯ УГРОЗА ЕВРОПЕ

Еврейско-большевистская клика в Москве со дня убийства царя планомерно готовилась к уничтожению Европы. Все сырье и вся рабочая сила беспощадно использовались исключительно для этой цели. Иностранцы специалисты и конструкторы должны были восполнить собственное техническое отставание. Так были достигнуты показатели производства, которые изумили весь мир, когда из опубли-

кованных сообщений вермахта о количестве захваченных трофеев стали очевидны масштабы советского вооружения.

Масса населения в 180 млн человек должна была, при жесточайшем пренебрежении удовлетворением самых примитивных житейских потребностей, 25 лет работать исключительно на вооружение. Этим объясняется непредставимое для нас ранее количество большевистского оружия, которое было по большей части захвачено или уничтожено во время жестоких боев Восточной кампании.

Это гигантское количество оружия должно было дать еврейству возможность захватить всю Европу. Для реализации этих планов большевизм оборудовал, кроме прочего, важные плацдармы в Финляндии, в Балтике, в Польше и в Бессарабии. Эти регионы планомерно подготавливались для нанесения решающего удара Западу.

Насколько гигантским было и сегодня еще остается количество этого вооружения, показывают и, возможно, наилучшим образом цифры трофеев, взятых во время операций по окружению и уничтожению противника в котлах 1941 г. и в зимних боях. В них было захвачено или уничтожено более 25 000 танков, более 32 000 орудий, 16 000 самолетов и взято более 4 млн пленных.

КЛАССЫ В БЕСКЛАССОВОМ ОБЩЕСТВЕ

Когда-то большевизм проповедовал, что в его рае, само собой разумеется, не будет никаких классов, потому что после уничтожения правящих классов останется только пролетариат, который будет призван большевизмом к власти. То, что это была лишь дешевая фраза, понятно любому непредвзятому наблюдателю по разной степени закрепощенности населения. Во главе государства стоит еврейский правящий слой со своими безвольными помощниками, ниже находится масса городских промышленных рабочих. Глубокая социальная пропасть отделяет от класса рабочих полностью обнищавших колхозников. Эта разница в социальном положении между городом и деревней была создана большевиками совершенно сознательно:

1) чтобы привлечь массы людей в города для осуществления большевистской программы вооружений;

2) чтобы создать у рабочего впечатление лучшего социального положения по сравнению с деревенским населением и внушить ему, что его собственная примитивная и бедная жизнь совершенно замечательна по сравнению с жизнью колхозного населения. То, что его жизнь, увиденная нашими глазами, представляла собой ужасную нищету, рабочий не знал и не мог знать, поскольку связь с внешним миром была герметически закрыта.

Кроме рабочих и колхозников, есть еще два полностью бесправных класса. К одному принадлежат представители прежней интеллигенции и среднего класса, которые определяются как лица непролетарского происхождения. И наконец, рядом с ними стоят принудительные рабочие, которые используются в гигантских нецивилизованных районах как дешевая и бесправная рабская сила и которые вследствие недостаточного питания, плохих условий жизни и высоких рабочих норм гибнут миллионами.

ГПУ — ИНСТРУМЕНТ ТЕРРОРА ЕВРЕЙСКОГО БОЛЬШЕВИЗМА

Все время возникающий вопрос, почему большевики оказывают на фронте такое упорное сопротивление, находит, вероятно, наиболее убедительное объяснение в жестокости террора против населения, организованном еврейством с помощью ГПУ. Этот продолжающийся 25 лет террор породил серую и безвольную массу, которая с тупым упорством выполняет любой приказ, потому что только это дает ей шанс выжить. Противодействие этому террору означало бы смерть каждого, причем очень часто со всей семьей. Зверский террористический режим ГПУ не может быть показан лучше и точнее, как через садистские методы пыток, которые применяются для уничтожения предполагаемых «вредителей».

На выставке воспроизведена настоящая расстрельная камера из подвала ГПУ. За железной дверью этой камеры смерти, по показаниям одного попавшего в плен комиссара, были расстреляны ГПУ за шесть лет почти 5000 человек.

Камера полностью облицована кафелем. Приговоренных к смерти заводят внутрь и убивают выстрелом в заты-

лок. Труп оттаскивают в сторону, шлангом смывают кровь с кафеля, вентилятор обеспечивает свежий воздух, чтобы следующий приговоренный не потерял сознание от запаха крови; он должен до последней минуты ужасного страха оставаться в сознании.

Другая, особенно тесная камера нужна для того чтобы выбивать признания; в ней заключенные вынуждены часами стоять на коленях. Если они выпрямляются, то стучатся о потолок, звучит сирена и включается прожектор, который светит им прямо в глаза. Если они садятся на узкое сиденье, то получают удар электрическим током, который заставляет их снова вскочить. Деревянный шип у двери постоянно давит заключенному в живот.

Однако самый жестокий инструмент террора ГПУ — это лагеря принудительных рабочих, где год за годом гибнут миллионы невинных людей, которым только редко удается узнать, почему они были оторваны от своих семей и от рабочего места для того, чтобы попасть в ледяную глушь Воркуты или в один из других бесчисленных лагерей. Часто нет никакой другой причины для принудительной депортации, как только то, что где-нибудь далеко требуется рабочая сила, которая ничего не стоит и судьбой которой никто ни в малейшей степени не интересуется, согласно принципу: «Люди? Этой грязи у нас много».

Несчастные жертвы, с обоснованием или без такового приговоренные к заключению в лагеря, идут путем страданий, который делает для них смерть желанным избавлением.

Это начинается с доноса, часто внутри собственной семьи; однажды ночью ГПУ стучит в дверь и забирает жертву. У человека, измученного в тесных камерах, изнуренного бесчисленными допросами, будет в конечном счете с помощью одного из обычных методов пыток выдвинуто признание, которое, неважно, был ли вообще вынесен приговор или нет, ведет в лагерь.

Транспортировка в лагерные районы, с недостаточным питанием, часто в лютые холода, избавляет от страданий большую часть несчастных.

В лагере заключенных набивают в тесные бараки. Скудное питание, которое к тому же зависит от результатов ра-

боты, что заставляет всех напрягать все силы, чтобы оказаться в лучшей категории, — это питание в любом случае недостаточно и ведет при исключительно высоких рабочих нормах к скорой потере сил. За малейшее нарушение накладываются ужасные наказания, например заключение в темную ледяную камеру. Постоянное перенапряжение сил, недостаток еды и отсутствие каких бы то ни было медицинских учреждений быстро приводят к тяжелым заболеваниям. Больной заключенный переводится на голодную норму, чтобы ускорить смерть; неполноценная рабочая сила ГПУ не интересует, она подлежит по возможности быстрому устранению.

Только очень немногим из приговоренных к принудительным работам удалось до сих пор выбраться обратно на свободу. Один из них — Каэтан Клюг. Он был одним из руководителей марксистского «шутцбунда» в Линце и после неудачного февральского восстания должен был осенью 1934 г. бежать от мести режима Дольфуса. Его путь вел через Чехословакию в страну его мечты, в «рай крестьян и рабочих». В Москве он принял пост главы группы австрийских эмигрантов и стал членом партии. Но слишком быстро увидел он ужасную нищету рабочих и крестьян. Когда он начал открыто критиковать это, то был обвинен в шпионаже. Арест, мучительное следствие, оправдание, затем осуждение безо всяких оснований к пяти годам принудительных работ в Центральной Азии и ледяной глуши Воркуты, наконец, открыли ему глаза на настоящую суть «рая крестьян и рабочих». После выхода из лагеря, за несколько дней до начала войны с Советским Союзом, ему удалось прорваться в немецкое посольство. Вместе с персоналом посольства он прибыл в Германию¹.

НИЩЕТА КОЛХОЗНЫХ КРЕСТЬЯН

Лозунгом «Земля крестьянам» большевизм привлек к себе крестьянство в дни революции. После того как окончилась Гражданская война и большевизм крепко взял

¹ Каэтан Клюг описал свою жизнь в Советском Союзе в книге «Die größte Sklaverei der Weltgeschichte» («Величайшее рабство в мировой истории»). Berlin, 1942. (Прим. переводчика)

власть в свои руки, быстро выяснилось, что этот лозунг был в прямом смысле слова ловушкой для крестьян. Вместо того чтобы дать крестьянину землю, у него забрали его скромное имущество и принудили вступить в колхоз. Теперь вся земля принадлежала государству, а крестьянин был не более чем дешевой рабочей скотиной, которая обрабатывала для Советов принадлежавшую ему раньше землю, должна была отдавать весь урожай и сама голодать. Результаты этой аграрной политики неминуемо вели к запустению сельского хозяйства и сельскохозяйственного производства. Колхозы в их убожестве, в их грязи и в их нищете — яркое тому свидетельство. Если считать идею колхозов еврейской, то их организация совершенно правильна. Чтобы сделать невозможной для прежнего крестьянства возврат к самостоятельному хозяйствованию, работа внутри колхоза была так распределена и специализирована, что отдельный человек больше не был в курсе производственно-экономических предпосылок, без знания которых невозможно руководить собственным предприятием. Так, одни работают только на полях, другие заняты только в хлеву или на складе, и даже там работа специализирована. В хлеву, например, один отвечает за корм, другой за уход, третий за упряжь, в то время как четвертый, и только он один, работает кучером. Никто не берется за работу другого, потому что он ее не знает или потому что ему удобнее ее не знать.

Последствия лишения крестьян права собственности и специализации их работы очевидны. Малое желание работать, шатание без дела, потери времени, низкие урожаи и большие производственные потери. Против этого бессильны самые драконовские меры наказаний и даже отправка в лагеря, поскольку изрядная часть как раз самых лучших крестьян, противившихся коллективизации, уже давно «ликвидирована».

Таким образом, нищета и убогость определяют лицо колхоза. Выставка демонстрирует этому выразительный пример: колхозный дом со всем внутренним убранством. Его жители, семья с двумя детьми, 15 лет были членами колхоза. Всем их богатством было то, что находилось в доме и соседнем полуразрушенном хлеву: тощая корова, 12 связок соломы, четыре центнера картофеля и 24 рубля,

стоимость одного килограмма масла. Колхозник уверял, что с 1931 г. голод был, с редкими перерывами, ежедневным гостем в их семье, хотя все члены семьи день за днем тяжело работали.

В соответствии со специализацией сельского хозяйства все пахотные и уборочные работы проводились моторно-тракторными станциями, так называемыми МТС, которые должны были в среднем обслуживать по 25 колхозов. Персонал моторно-тракторных станций тоже был вплоть до самых мелочей специализирован, что, однако, не мешало станциям, как правило, являть собой картину полного запустения. На выставке экспонируется трактор с моторно-тракторной станции. Из семи тракторов он был единственным в рабочем состоянии. Картофелеуборочная машина, тоже выставленная здесь, четыре года стояла неиспользованной вместе с другими такими же машинами, потому что из-за неудачной конструкции она не могла убирать картофель. Здесь тоже отсутствовали предпосылки для получения урожаев, соответствующих плодородию почвы.

Относительно небольшой колхозный урожай делился на много частей. Государство и моторно-тракторные станции претендовали почти на 2/3. Колхоз требовал себе свою часть. Нужно было создать запас семян. Остаток делился между членами колхоза в соответствии с трудовым вкладом. О том, что приходилось на каждую семью, крестьяне рассказывают постоянно: со времен экспроприации они часто могли держать только одну корову и одну свинью, даже если имели право на поросят и овцу. Поскольку они владели только небольшим садовым участком, у них никогда не было достаточно корма для содержания большего количества скота. Но независимо от того, сколько у них было скота, они должны были платить налоги на максимально разрешенное его количество натуральными продуктами. Налоги составляли на одного человека 32 кг мяса, 110 литров молока и 75 яиц. Того, что оставалось семье, не хватало для жизни. Так, например, семья колхозника получила в 1939 г., то есть в мирное время, только 368 кг зерна и 480 кг сена, никакого картофеля и никакой соломы. Зарплата деньгами, которую они, кроме того, получали, была весьма скромной, ее не хватало ни для обеспечения дополнительно необходи-

мыми продуктами питания, ни для покупки каких-нибудь других вещей.

Так выглядит «рай для крестьян».

ТАК ЖИВЕТ РАБОЧИЙ В СОВЕТСКОМ РАЮ

Куда ни посмотри, нужда, нищета, запустение и голод. Это касается деревни точно так же, как и города. Потому что и в большевистских городах висит затхлая давящая атмосфера, затрудняющая дыхание. Выставке удалось — и в этом едины все знатоки ситуации — как раз в этом достичь жизненной правды...

Это большевистский парк культуры, с его изготовленными на конвейере наивными скульптурами, которые из-за низкого качества не выдерживают погодных условий и усиливают то печальное настроение всеобщего распада, которое свойственно всем городам в стране большевизма.

Это — именно такой, какой он был в натуре, — ветхий барак, так называемое студенческое общежитие, который стоял в тени построенного по американским образцам университета и открывал своим бедным жильцам как минимум замечательный вид из их собственной нищеты на его роскошное здание. То, что во всех деталях этого сооружения при ближайшем рассмотрении видна халтурная работа, издали понять трудно. Внутреннее устройство студенческого общежития соответствует внешнему впечатлению. Разбитые стулья, поломанная раскладушка с порванным бельем и изношенным одеялом, пара пропагандистских плакатов, книги, старая гардина: это жилое помещение коменданта общежития. Менее привилегированные жильцы этого дома обитают по одиннадцать человек в таком помещении. Рядом с комнатой коменданта умывальное помещение для 63 студентов, без водопровода, примитивное и грязное.

Взгляд на обычную улицу. Темный провал лавки с самыми примитивными товарами, бумажный костюм (в мирное время!), хлеб, несколько банок и бутылок: скромный намек на предметы ежедневного потребления. Это — государственная лавка. Государственная потому, что в «советском раю» нет коммерсантов в нашем понимании этого слова, так же как ремесленников и вообще независимых предпринимате-

лей — частная собственность упразднена. Рядом мастерская сапожника, исключение из строгого правила на запрет частной собственности, поскольку он работает самостоятельно и не включен в обычные в иных случаях коллективы. Однако высокий налог на особое разрешение на работу забирает большую часть его скромного дохода, которого далеко не хватает на то, чтобы он и его семья были сытыми.

За горами мусора во дворе в центре Минска прячется столовая, тоже государственное предприятие. Она скудно обставлена, посетители должны посуду и столовые приборы приносить с собой, поскольку такие важные предметы потребления при их редкости слишком соблазнительно унести с собой. Притом это здание предназначено не для самых бедных, в него ходят служащие и чиновники. Для самых привилегированных гостей руководитель этого предприятия располагает специальным помещением, где имеется изношенная мягкая мебель. Еда готовилась на отдельной фабрике-кухне и была постоянно однообразной, что давало повод для вечного недовольства, которое находило выражение в книге жалоб. И это во время глубокого мира!

Прямо рядом с роскошным зданием университета стоят бесчисленные, полностью запущенные дома рабочих. Один из них был разобран и снова собран на выставке со всем своим внутренним оборудованием. Здесь жили шесть семей; каждая занимала одно жилое помещение, которое одновременно было спальней, кухней и кладовой. Водопровода не было, и женщины единодушно рассказывали, что они в такой тесноте никогда не могли навести порядок. При этом они считали свое жилье очень хорошим, поскольку оно было сухим и отапливалось. Сколько их товарищей по несчастью жили в сырых подвалах, землянках или вообще не имели крыши над головой, потому что городские власти не заботились о многочисленных бездомных...

Но еще более ужасным, чем вся эта нищета, было полное разрушение семейной жизни, то есть начатое уничтожение семьи вообще. На выставке показан один из тех загсов, где без предъявления необходимых документов заключаются браки и за плату в 50 рублей регистрируются разводы. При этом характерно, что насчитываются бесчисленные случаи, когда мужчины и женщины бывают по многу раз женаты, не

разводясь при этом с прежними супругами. Причину этого следует искать в том, что в целом отсутствует контроль документов.

Результаты этого ужасного разрушения брачных и семейных отношений неминуемо катастрофическим образом сказываются в полном разложении и обнищании молодежи. Выставка показывает это на целой группе беспризорных. Эти дети в возрасте от 4 до 15 лет объединяются в банды, грабежом и воровством добывают себе пропитание. Они находят себе жилье в разрушенных домах и землянках. По данным жителей, в Минске, городе с 300 000 жителей, было более 3000 таких, оставшихся без родителей, детей. Во время опросов эти совершенно запущенные создания рассказывали, что они не знали ни отца, ни матери, ни родительского дома, что у них нет имен, что они даже не знают, сколько им лет. Одна такая банда беспризорных была поймана и помещена в организованный немецкими властями приют, а в их настоящую одежду были одеты манекены, которые дают на выставке достоверное представление о том, как прозябают в полной запущенности в «советском раю» эти несчастные дети.

Множество других экспонатов из «советского рая» дополняют картину быта среднего большевистского гражданина.

Особого внимания заслуживает кабинет врача, на примере которого ясно, какой возмутительной ложью была большевистская пропаганда об «образцовых социальных условиях» в Советском Союзе. Эта врач, которая из-за отмены частной собственности была исключительно плохо оплачиваемой государственной служащей, зарабатывающей 400 рублей, обитала в трех комнатах, одна из которых служила жилым помещением, другая приемной и третья — лечебным кабинетом. Набор лекарств и инструментов, операционный стол и весь прочий инвентарь были примитивны настолько это возможно и ни в чем не соответствовали необходимым гигиеническим требованиям. При всем том, эта врач должна была обслуживать район с 30 000 жителей, многим из которых приходилось проделать дневное путешествие, чтобы до нее добраться.

ЕВРОПА ВСТУПАЕТ В ДЕЛО

Бедность, нищета, голод, нужда, куда ни бросишь взгляд: это советский рай, такой, каким его увидели наши солдаты и с каким познакомились миллионы посетителей выставки, сделанной на основе многообразного материала, давшего им живое представление о так громко восхвалявшихся социальных достижениях еврейского Советского государства.

Тому, кому довелось увидеть этот ужас своими глазами, тому становится понятным во всей его бескомпромиссности всемирно-историческое противостояние, в котором мы сейчас находимся. Оно допускает только два варианта: либо немецкий народ победит и обеспечит таким образом дальнейшее существование мира с его культурой, либо он проиграет и вместе с ним все народы Земли будут ввергнуты в то варварство, которое сегодня существует в Советском Союзе и которое низвело миллионные массы народов Востока до положения бесправных голодающих рабов.

В противостоянии этому на стороне наших солдат под немецким командованием объединились в борьбе лучшие силы европейских наций, чтобы навсегда уничтожить идущую с Востока и направленную против жизни и культуры Европы смертельную угрозу.

Решение, к которому нас вынуждает наше время, позволит присоединить Восток, чье плодородие и чьи богатства необозримы и неисчерпаемы, к нашему бытию и нашему будущему и освободить Европу от кошмара, который уже тысячелетия висит над жизненным пространством Европы, согласно словам фюрера:

«Разбив этого противника, мы отведем от немецкой империи и от всей Европы такую опасность, страшнее которой ничего не нависало над континентом со времен монгольского нашествия».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О внешней политике Советского Союза. Доклад Председателя Совета Народных Комиссаров и Народного Комиссара иностранных дел В. М. Молотова на заседании Верховного Совета Союза ССР 31 октября 1939 г. // Известия. 1939. 1 нояб.

² Телеграмма И. В. Сталина министру иностранных дел Германии г. Иоахиму фон Риббентропу // Правда. 1939. 25 дек.

³ О внешней политике Советского Союза... // Известия. 1939. 1 нояб.

⁴ Текст договора см.: Правда. 1939. 29 сент.

⁵ 11 марта 1946 года этот перечень был изменен и стал выглядеть следующим образом: 1. Вопросы, связанные с общественно-политическим строем СССР. 2. Внешняя политика Советского Союза: а) советско-германский пакт о ненападении 1939 г. и вопросы, имеющие к нему отношение (торговый договор, установление границ, переговоры и т. д.); б) посещение Риббентропом Москвы и переговоры в ноябре 1940 г. в Берлине; в) Балканский вопрос; г) советско-польские отношения. 3. Советские прибалтийские республики (см.: *Зоря Ю., Лебедева Н.* 1939 год в нюрнбергских досье. Междунар. жизнь. 1989. № 9. С. 127—128).

⁶ Версальский мирный договор: перев. с франц. М., 1925. С. 40—46.

⁷ *Дьяков Ю. Л., Бушуева Т. С.* Фашистский меч ковался в СССР: Красная армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество. 1922—1933. Неизв. док. М., 1992. С. 32.

⁸ См.: Из книги Ганса фон Секта «Германия между Востоком и Западом» // Там же. С. 342—344.

⁹ Текст договора см.: Известия. 1918. 14 марта.

¹⁰ Текст Декларации см.: Известия. 1917. 3 нояб.

¹¹ См.: Международное право: учеб. / отв. ред. Ю. М. Колосов, В. М. Кузнецов. М., 1994. С. 357.

¹² Отношение советского правительства к польскому Регентскому Совету // Известия. 1918. 23 июня.

¹³ Постановление ВЦИК об аннулировании Брест-Литовского договора // Правда. 1918. 14 нояб.

¹⁴ См.: Министру иностранных дел Польской республики г. Василевскому — наркоминдел Г. В. Чичерин. 28 ноября 1918 г. // Известия. 1918. 29 нояб.

¹⁵ Версальский мирный договор. С. 16, 40—42.

¹⁶ Декреты Советской власти. Т. III. М., 1964. С. 259—260.

¹⁷ Линия эта была определена приблизительно следующим образом: Гродно — Валовка — Немиров — Брест-Литовск — Дорогуск — Устилуг, восточнее Грубешова, через Крылов и далее западнее Равы-Русской, восточнее Перемышля до Карпат; севернее Гродно граница с литовцами должна была идти вдоль железной дороги Гродно — Вильно и затем на Двинск (Радиотелеграмма британского министра иностранных дел наркому по иностранным делам Чичерину от 12 июля 1920 года. Известия. 1920. 18 июля).

¹⁸ Сборник декретов 1919 г. М., 1920. С. 145—146.

¹⁹ Г. В. Чичерин — лорду Керзону. Радиотелеграмма от 17 июля 1920 г. // Правда. 1920. 18 июля.

²⁰ В обращении СНК от 20 июля 1920 г. за подписью В. И. Ленина прозвучал призыв к «рабочим, крестьянам и всем честным гражданам Советской России и Советской Украины» устремить «мощь Рабоче-Крестьянской Красной армии на полный разгром буржуазно-шляхетских насильников Польши» (Правда. 1920. 21 июля).

²¹ Цит. по: *Иванов В.* Реквием на победных литаврах // Урал. 1994. № 2—3. С. 242.

²² См. там же.

²³ См. там же. С. 236.

²⁴ К пролетариям и пролетаркам всех стран // Протоколы конгрессов Коммунистического Интернационала. Второй конгресс Коминтерна. Июль — август 1920 г. М., 1934. С. 588.

²⁵ К Красной армии, Красному флоту РСФСР // Протоколы конгрессов Коммунистического Интернационала. С. 586.

²⁶ Там же. С. 556, 563.

²⁷ См., напр.: Коммунистические партии и парламентаризм // Там же. С. 507; Проект тезисов для коммунистического женского движения // Там же. С. 674.

²⁸ Конституция РСФСР 1918 года // Образование СССР. Сб. документов. 1917—1924. М.: Л., 1949. С. 55.

²⁹ *Ленин В. И.* Эпидемия доверчивости // Полн. собр. соч. Т. 32. Май — июль 1917. М., 1962. С. 315.

³⁰ *Он же.* Победа кадетов и задачи рабочей партии // Полн. собр. соч. Т. 12. Октябрь 1905 — апрель 1906. М., 1960. С. 320.

³¹ По мнению крупнейшего мыслителя XX века Бертрانا Рассела, высказанному летом 1920 г. в результате поездки по Советской России, соглашения советского правительства с капиталистическими государствами могут быть лишь паллиативами и никогда не склонят обе стороны к честному миру (*Рассел Б.* Практика и теория большевизма. М., 1991. С. 18). Он же однозначно трактует социалистическую революцию, в том числе и в мировом масштабе, как свержение капиталистических порядков только силой оружия.

³² Текст Декларации см.: Образование и развитие СССР как союзного государства. Сб. законодат. и др. норм. актов. М., 1972. С. 162—164.

³³ *Иванов В.* Реквием на победных литаврах. С. 243.

³⁴ Правда. 1920. 23 сент.

³⁵ Известия. 1939. 30 окт.

³⁶ Там же. 1939. 28 окт.

³⁷ Там же. 1940. 23 июля.

³⁸ *Иванов В.* Реквием на победных литаврах. С. 244; *Яжборовская И. С.* Между Киевом и Варшавой (Советско-польская война 1920 г.) // Открывая новые страницы... Междунар. вопросы: события и люди / сост. Н. В. Попов. М., 1989. С. 25.

³⁹ Там же.

⁴⁰ На фронтах революции // Правда. 1920. 3 окт.

⁴¹ Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. III. М., 1938. С. 64—65.

⁴² Правда. 1920. 17 окт.

⁴³ Документы внешней политики СССР. Т. 3. М., 1959. С. 618—642.

⁴⁴ См.: *Чубарьян А. О.* В преддверии Второй мировой войны // Открывая новые страницы... С. 60.

⁴⁵ Версальский мирный договор. С. 50.

⁴⁶ *Фляйшхауэр И.* Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии. 1938—1939. М., 1990. С. 110.

⁴⁷ Великая Отечественная народная 1941—1945: Краткий исторический очерк / под ред. П. А. Жилина. М., 1985. С. 17—18.

⁴⁸ Варшава готова возобновить военно-технические связи с Москвой // Известия. 1995. 12 мая.

⁴⁹ Оперативный план войны, являясь концентрированным выражением военной доктрины, принятой в государстве, представляет собой стержневой документ, вокруг которого увязывается в единое целое мобилизационный план, тип строительства вооруженных сил, программа развития вооружений и боевой техники, подготовки резервов, планы экономических мероприятий и т. д.

⁵⁰ См.: 1937. Показания маршала Тухачевского / публ. В. К. Виноградова // ВИЖ. 1991. № 8. С. 47.

⁵¹ Версальский мирный договор. С. 63—65, 67—68, 84—87.

⁵² Правда. 1920. 17 окт.

⁵³ Чехо-Словакии были посвящены ст. 81—86 Версальского мирного договора 1919 г., Польше — ст. 87—93, Восточной Пруссии — ст. 94—98, Мемелю — ст. 99. (Версальский мирный договор. С. 38—48.)

⁵⁴ Впрочем, использование чужих трений и противоречий для достижения собственных целей — не новый прием в арсенале дипломатических средств осуществления внешней политики государств. В конце 1914 г. департамент иностранных дел Германии предложил Кайзеру «вбить клин между нашими врагами и как можно скорее добиться сепаратного мира с тем или иным противником». В качестве такого «клина» предлагалось использовать русскую социал-демократию, способную крупными политическими стачками дестабилизировать царский режим. Сотрудничество русской социал-демократической эмиграции, стоявшей на позициях поражения собственной страны в войне как предпосылки революции, с германскими правящими кругами, ранее остававшееся лишь предметом политических спекуляций, ныне документально установлено (см.: Рейхсмарки для диктатуры пролетариата. Достоянием гласности стали новые

документы о революции 1917 г. // Аргументы и факты. 1992. № 3). Как о доказанном факте пишет об этом ознакомившийся с ранее не известными материалами Д. А. Волкогонов (см.: *Волкогонов Д. А. Ленин. Политический портрет. В 2 кн. Кн. II. М., 1994. С. 455).*

⁵⁵ См. там же. Кн. I. С. 19—20.

⁵⁶ См.: *Дьяков Ю. Л., Бушуева Т. С. Фашистский меч ковался в СССР. С. 13.*

⁵⁷ Договор, заключенный между РСФСР и Германией в Рапалло // *Известия. 1922. 10 мая.*

⁵⁸ *Дьяков Ю. Л., Бушуева Т. С. Фашистский меч ковался в СССР. С. 53.*

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ *Правда. 1939. 29 сент.*

⁶¹ О формах этого сотрудничества также см.: *Иванов В. Реквием на победных литаврах. С. 237—239; Горлов С. А., Ермаченков С. В. Военно-учебные центры рейхсвера в Советском Союзе // ВИЖ. 1993. № 6. С. 39—44; № 7. С. 41—44; № 8. С. 36—42.*

⁶² *Дьяков Ю. Л., Бушуева Т. С. Фашистский меч ковался в СССР. С. 19.*

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же. С. 216.

⁶⁵ Там же. С. 11.

⁶⁶ *Иванов В. Реквием на победных литаврах. С. 238.*

⁶⁷ В деле Тухачевского Сталин и Гитлер впервые «сыграли на пару». По поручению Гитлера начальник политической полиции Гейдрих сфабриковал компрометирующий материал на Тухачевского: якобы во время пребывания последнего во Франции в 1936 г. он в конфиденциальных разговорах весьма серьезно развивал тему возможности советско-германского сотрудничества и при Гитлере, так сказать, тему «нового Рапалло». Этот материал через чехословацкого президента Бенеша был подброшен Сталину и передан военному суду маршалов (*Дьяков Ю. Л., Бушуева Т. С. Фашистский меч ковался в СССР. С. 350—354; См. также: Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия. Политический портрет И. В. Сталина. В 2 кн. Кн. I. Барнаул, 1990. С. 506—508).*

⁶⁸ Гораций Гумбольд — Артуру Гендерсону. Сведения, переданные английским военным атташе в Берлине // *Дьяков Ю. Л., Бушуева Т. С. Фашистский меч ковался в СССР. С. 110.*

⁶⁹ Письмо В. Н. Левичева из Германии от 12 мая 1933 г. // Там же С. 291.

⁷⁰ Фон Дирксен — фон Бюлову. Письмо от 17 октября 1931 г. // Там же. С. 121.

⁷¹ Там же.

⁷² См.: *Игнатов А. Человек, предсказавший пакт Молотова—Риббентропа // Рос. вести. 1994. 6 сент.*

⁷³ См.: *Версальский мирный договор. С. 49—50.*

⁷⁴ Фон Дирксен о своей встрече с Ворошиловым 12 декабря 1931 г. // *Дьяков Ю. Л., Бушуева Т. С. Фашистский меч ковался в СССР. С. 129.*

⁷⁵ См.: *Фляйшхауэр И. Пакт. С. 108.*

⁷⁶ Меморандум МИД Германии от 27 июля 1939 г. // СССР — Германия. 1939—1941. Т. I. Вильнюс. 1989. С. 23.

⁷⁷ Инструкция статс-секретаря МИД Германии германскому послу в Москве от 29 июля 1939 г. // Там же. С. 25—26.

⁷⁸ Имперский министр иностранных дел — германскому послу в Москве. Телеграмма № 166 от 3 августа 1939 г. // Там же. С. 28.

⁷⁹ Цит. по: *Дьяков Ю. Л., Бушуева Т. С.* Фашистский меч ковался в СССР. С. 25.

⁸⁰ *Хаффнер С.* Дьявольский пакт. Пятьдесят лет германо-русских отношений // Цит. по: *Дьяков Ю. Л., Бушуева Т. С.* Фашистский меч ковался в СССР. С. 364.

⁸¹ Правда. 1939. 24 авг.

⁸² *Семиряга М. И.* Советско-германские договоренности в 1939 — июне 1941 г.: взгляд историка // Сов. государство и право. 1989. № 9. С. 93.

⁸³ *Мюллерсон Р. А.* Советско-германские договоренности 1939 г. в аспекте международного права // Там же. С. 106.

⁸⁴ Известия. 1989. 25 дек.

⁸⁵ Правда. 1989. 28 дек.

⁸⁶ Текст договора см.: Внешняя политика СССР. Сб. документов. Т. III. М., 1945. С. 517—519.

⁸⁷ Текст пакта см. там же. С. 556—557.

⁸⁸ Текст пакта см. там же. С. 566—568.

⁸⁹ Текст договора см. там же. С. 526—527.

⁹⁰ Текст договора см. там же. С. 549—551.

⁹¹ Текст договора см. там же. С. 658—659.

⁹² Советский проект пакта о ненападении гласил дословно следующее: «Правительство СССР и Правительство Германии, руководствуясь желанием укрепления дела мира между народами и исходя из основных положений Договора о нейтралитете, заключенного между СССР и Германией в апреле 1926 г., пришли к следующему соглашению:

Статья 1. Обе Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются взаимно воздерживаться от всякого акта насилия и агрессивного действия в отношении друг друга, как отдельно, так и совместно с другими державами.

Статья 2. В случае, если одна из Высоких Договаривающихся Сторон окажется объектом акта насилия или нападения со стороны третьей державы, другая Высокая Договаривающаяся Сторона не будет ни в какой форме поддерживать подобный акт этой державы.

Статья 3. В случае возникновения споров или конфликтов между Высокими Договаривающимися Сторонами по вопросам того или иного рода обе стороны обязуются разрешать эти споры или конфликты исключительно мирным путем в порядке взаимных консультаций или, если необходимо, путем создания соответствующих арбитражных комиссий.

Статья 4. Настоящий договор заключается сроком на пять лет, причем если одна из Высоких Договаривающихся Сторон не денонсирует его за год до истечения срока, срок действия договора будет считаться автоматически продленным на следующие пять лет.

Статья 5. Настоящий договор подлежит ратификации в возможно короткий срок, после чего договор вступает в силу.

Постскрипtum

Настоящий договор вступает в силу только в случае одновременного подписания специального протокола по внешнеполитическим вопросам,

представляющим интерес для Высоких Договаривающихся Сторон. Протокол является составной частью Пакта /см.: Германский посол в Москве — в МИД Германии. Телеграмма № 190 от 19 августа // СССР — Германия. 1939—1941. Т. I. С. 47—48.

⁹³ Правда. 1939. 1 сент.

⁹⁴ См., напр.: *Бережков В.М.* Приговор выносит время // Неделя. 1989. № 31. С. 10.

⁹⁵ *Семиряга М. И.* Советско-германские договоренности... С. 94.

⁹⁶ См.: Уроки прошлого, выводы на будущее // Известия. 1989. 24 авг.

⁹⁷ Сравнение этих соглашений возможно лишь по оценке, заявленной в отношении них мировым сообществом. Комментируя заключение советско-германского договора о нейтралитете от 24 апреля 1926 г., французская газета «Авенир» («Будущее») писала: «Германия под носом у нас подготавливает реванш. При желании Германии Красная армия вторично вторгнется в Польшу» (цит. по: Советско-германский договор — бельмо на глазу империалистов // Правда. 1926. 29 апр.). То, чему не суждено было случиться в то время, было осуществлено в сентябре 1939 г.

⁹⁸ Статья 2 Берлинского договора гласила: «Если, вопреки своему мирному поведению, одна из договаривающихся сторон подвергнется нападению третьей державы или группы третьих держав, другая договаривающаяся сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжение всего конфликта» (Правда. 1926. 27 апр.).

⁹⁹ Правда. 1939. 1 сент.

¹⁰⁰ *Фляйшхауэр И.* Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии. 1938—1939: пер. с нем. М., 1990. С. 297.

¹⁰¹ *Семиряга М. И.* Советско-германские договоренности... С. 97.

¹⁰² *Фляйшхауэр И.* Пакт. С. 297.

¹⁰³ Названная статья гласила следующее: «Обязательства, изложенные в предшествующих статьях, не могут никаким образом ограничить или изменить права и обязанности, вытекающие для каждой из высоких договаривающихся сторон из соглашений, заключенных ею ранее вступления в силу настоящего договора, причем каждая из сторон заявляет настоящей статьей, что она не связана никаким соглашением, налагающим на нее обязательство участвовать в нападении, предпринятом третьим государством».

¹⁰⁴ Текст протокола от 5 мая 1934 г. о продлении срока действия договора о ненападении между СССР и Польшей см.: Внешняя политика СССР. Т. III. С. 714—715. Действие этого пакта было еще раз подтверждено сторонами 26 ноября 1938 г. (см.: Известия. 1938. 27 нояб.).

¹⁰⁵ Текст договора см. там же. 1941. 6 апр.

¹⁰⁶ Так, ч. 1 ст. 2 договора о ненападении между СССР и Польшей от 25 июля 1932 г., имея условием своего применения ту же ситуацию, что и ст. 2 советско-югославского договора от 1941 г., т. е. случай, если одна из договаривающихся сторон подвергнется нападению со стороны третьего государства, накладывала на другую договаривающуюся сторону обязательство не оказывать ни прямо, ни косвенно помощи и поддержки нападающему государству в продолжение всего конфликта.

¹⁰⁷ Для сравнения приведем статью II договора о взаимопомощи между СССР и Литвой от 10 октября 1939 г., говорившую о том, что в случае нападения на одну из договаривающихся сторон любой европейской державы Советский Союз и Литва обязуются оказывать друг другу всяческую помощь, в том числе и военную /Известия. 1939. 11 окт./.

¹⁰⁸ Ратификация советско-германского договора о ненападении была осуществлена 31 августа 1939 г. Верховным Советом СССР, а не его Президиумом. Это являлось отступлением от установленного Законом СССР от 20 августа 1938 г. «О порядке ратификации и денонсации международных договоров СССР» правила (в качестве примера следования данному правилу приведем ратификацию Президиумом ВС СССР 29 сентября 1939 г. советско-эстонского пакта о взаимопомощи от 28 сентября 1939 г. (см.: Сообщение ТАСС о ратификации советско-эстонского пакта о взаимопомощи Президиумом Верховного Совета СССР // Известия. 1939. 30 сент.), ибо ст. 1 названного закона гласила: «В соответствии с пунктом «м» статьи 49 Конституции СССР ратификация международных договоров производится Президиумом Верховного Совета СССР» (Текст закона см.: Образование и развитие Союза Советских Социалистических Республик. М., 1973. С. 490). Однако выводить из этого недействительность постановления Верховного Совета и ратификации советско-германского договора о ненападении не следует, так как в регламентировавшей компетенцию Верховного Совета СССР ст. 31 Конституции СССР 1936 г. говорилось, что «Верховный Совет СССР осуществляет все права, присвоенные Союзу ССР согласно статье 14 Конституции (пункт «а» статьи 14 Конституции относил ратификацию договоров с другими государствами к ведению СССР. — А. П.), поскольку они не входят, в силу Конституции, в компетенцию подотчетных Верховному Совету СССР органов СССР: Президиума Верховного совета СССР, Совета Народных Комиссаров СССР и Народных Комиссариатов СССР» (Конституция СССР 1936 г. // Там же. С. 455, 457, 459). Такая формулировка ст. 31 призвана была не подчеркнуть отсутствие у Верховного Совета каких-либо полномочий, а, не перечисляя их конкретно, определить круг его полномочий в целом. Иначе в тексте статьи употреблялся бы оборот: «...за исключением тех полномочий, которые, в силу Конституции, входят в компетенцию подотчетных Верховному Совету органов СССР: Президиума Верховного Совета СССР...». В тексте же ст. 31 Конституции употреблялся пояснительный, а не противительный союз «поскольку».

Очевидно, что вынесение вопроса о ратификации советско-германского договора о ненападении на рассмотрение Верховного Совета СССР, а не его Президиума, потребовалось Сталину для придания этому процессу демонстрационного характера. На это указывает и сопровождавший вынесение договора на ратификацию доклад В. М. Молотова о советской внешней политике, призванный привлечь внимание мировой общественности. Советское руководство сочло необходимым на весь мир заявить о своем желании остаться в стороне от грядущей войны в Европе, неизбежность которой после подписания советско-германских соглашений Сталин отчетливо сознавал.

¹⁰⁹ Версальский мирный договор: Перев. с франц. М., 1925. С. 112.

¹¹⁰ Известия. 1989. 25 дек.

¹¹¹ Правда. 1989. 28 дек.

¹¹² Там же.

¹¹³ Бывший руководитель аппарата экс-президента СССР Валерий Болдин рассказывает: «То, что Горбачев большой мистификатор, секрета не представляет. Во всяком случае, в 1987 г. секретные протоколы и карты были положены ему на стол. Он расстелил карту и долго изучал ее. Это была крупномасштабная карта с обозначением населенных пунктов, рек и прочего на немецком языке. Он изучал линию границы, которая была согласована. Насколько помню, там стояли две подписи: Сталина и Риббентропа. Потом Горбачев посмотрел и сам протокол — небольшой документ, по-моему, всего два листочка, и обратил внимание на то, что подпись Молотова была сделана латинскими буквами. Та главная загадка, которая всех сбивала с толку и была необъяснима. Горбачев изучал документы долго, потом сказал: «Убери, и подальше!»

Шло время, и вдруг эти протоколы стали вызывать повышенный интерес. Их запрашивали и Фалин, и Яковлев. Я доложил об этом Горбачеву. Он сказал: «Никому ничего давать не надо. Кому нужно — скажу сам».

А на первом Съезде народных депутатов он заявляет, что «все попытки найти этот подлинник секретного договора не увенчались успехом». ... Вскоре после этого он пригласил меня к себе и спросил как бы между прочим, уничтожил ли я эти документы. Я ответил, что сделать этого не могу, на это нужно специальное решение. Он: «Ты понимаешь, что представляет сейчас этот документ?» Ну, после того как он на весь мир заявил, что документов этих не видел, я представлял, насколько для него это неудобная тема, он хотел бы поскорее уйти от нее и забыть, но сделать это было не так-то просто. Он еще дважды спрашивал, уничтожены ли секретные протоколы. ...Документы эти многократно зарегистрированы в различных книгах и картотеках, поэтому либо надо было уничтожить все книги, потому что подделки делать там, естественно, нельзя, либо переписывать книги заново, — а это многолетние, начиная с тридцатых годов, записи. Вообще сделать это невозможно в принципе» (*Гарифуллина Н.* Мистификаторы. Руководитель аппарата экс-президента СССР Валерий Болдин «уточняет» А. Яковлева и М. Горбачева // Сов. Россия. 1993. 11 марта).

¹¹⁴ *Фляйшхауэр И.* Пакт. С. 464—465.

¹¹⁵ И. Фляйшхауэр пишет: «Секретный дополнительный протокол... никогда не был ратифицирован и уже по этой конституционно-правовой причине оставался недействительным» (Там же. С. 301).

¹¹⁶ Текст закона см.: Образование и развитие Союза Советских Социалистических Республик. С. 490.

Отметим, что ни законодательство бывшего Союза ССР, ни современное российское законодательство никогда не требовало и не требует ратификации всех заключаемых нами международных договоров. Так, п. 2 постановления от 21 мая 1925 г. первой сессии ЦИК Союза ССР III созыва «О порядке заключения и ратификации международных договоров Союза ССР» (СЗ СССР. 1925. № 35. Ст. 258) гласил: «Ратификации подлежат договоры и соглашения о заключении мира, об изменении границ Союза ССР, а равно договоры, требующие ратификации согласно законам стра-

ны, с которой договор заключается». Ныне перечень международных договоров Российской Федерации, подлежащих ратификации, устанавливается ст. 15 Федерального закона от 15 июля 1995 г. «О международных договорах Российской Федерации» (Собр. законодательства РФ. 1995. № 29. Ст. 2757), т. е. закон опять не говорит об обязательности ратификации каждого из заключаемых Россией международных договоров.

¹¹⁷ *Ляхс М.* Многосторонние договоры. М., 1960. С. 186—187.

¹¹⁸ Правда. 1989. 28 дек.

¹¹⁹ В Москве Риббентроп, по его собственному признанию, исходил из того, что в вопросе разграничения «сфер интересов» речь между двумя странами шла о «территориях, которые были утрачены обеими сторонами в результате неудачной войны» (цит. по: *Фляйшхауэр И.* Пакт. С. 457). Таким образом, одной из целей советско-германского политического сближения был реванш за поражение в Первой мировой войне.

¹²⁰ *Мюллерсон Р. А.* Советско-германские договоренности 1939 г. в аспекте международного права. С. 107.

¹²¹ Правда. 1989. 28 дек.

¹²² Цит. по: *Фляйшхауэр И.* Пакт. С. 301.

¹²³ Там же. С. 302.

¹²⁴ Текст документа см.: Советско-германские документы 1939—1941 гг. Из архива ЦК КПСС // Новая и новейшая история. 1993. № 1. С. 90.

¹²⁵ Там же. С. 92.

¹²⁶ Известия. 1928. 1 сент.

¹²⁷ *Мюллерсон Р. А.* Советско-германские договоренности 1939 г. в аспекте международного права. С. 107.

¹²⁸ Правда. 1989. 28 дек.

¹²⁹ *Фляйшхауэр И.* Пакт. С. 355.

¹³⁰ Известия. 1917. 27 окт.

В предисловии к опубликованию секретных дипломатических документов из области внешней политики царизма и буржуазно-коалиционных правительств (Известия. 1917. 10 нояб.) говорилось: «Рабочее и крестьянское правительство упраздняет тайную дипломатию с ее интригами, шифрами и ложью. Нам нечего скрывать».

¹³¹ *Мельников Д. Е., Черная Л. Б.* Преступник № 1. Нацистский режим и его фюрер. М., 1981. С. 262.

¹³² Там же.

¹³³ Там же.

¹³⁴ Цит. по: *Фляйшхауэр И.* Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии. 1938—1939. М., 1990. С. 161.

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ Там же. С. 162.

¹³⁷ Гитлер призвал «полностью истребить» врагов немецкого народа — евреев, демократии и «международные державы». Ближайшими жертвами должны были стать Чехословакия и Польша. Затем «Германия раз и навсегда сведет счеты со своим извечным врагом — Францией». Падет и Англия, «ослабленная демократией». Используя британские и французские владения в Америке в качестве базы, «мы сведем счеты с еврейскими королями

доллара в Соединенных Штатах» (Год кризиса. 1938—1939. Документы и материалы. Т. 1. М., 1990. С. 253—254).

¹³⁸ Цит. по: Берлинский пакт о Тройственном союзе // Правда. 1940. 30 сент.

¹³⁹ См. там же.

¹⁴⁰ На это министр иностранных дел Германии И. фон Риббентроп обратил внимание советских лидеров вначале в письме от 13 октября 1940 г., адресованном Сталину (см.: Риббентроп — Сталину. Письмо // СССР — Германия. 1939—1941. Т. 2. С. 88), затем — в ходе переговоров, состоявшихся между ним и В. М. Молотовым в Берлине 12 ноября 1940 г. (см.: Запись беседы между Риббентропом и Молотовым в присутствии замнаркоминдел СССР В. Г. Деканозова и советников посольств Хильгера и Павлова в качестве переводчиков. Берлин, 12 ноября 1940 г. // СССР — Германия. 1939—1941. Т. 2. С. 98).

¹⁴¹ Курс международного права. В 7 т. Т. 6. М., 1992. С. 253; Международное право: учеб. / Отв. ред. Ю. М. Колосов, В. М. Кузнецов. М., 1994. С. 351—352.

¹⁴² Перечень участников Гаагских конвенций 1907 г. см.: Международное право в избранных документах. Т. III. М., 1957. С. 275—276.

¹⁴³ Семиряга М. И. Советско-германские договоренности в 1939 — июне 1941 г.: взгляд историка // Сов. государство и право. 1989. № 9. С. 98.

¹⁴⁴ См.: Буллок А. Гитлер и Сталин: Жизнь и власть. В 2 т. Т. 2. Смоленск, 1994. С. 287.

В телеграмме МИД Германии от 5 сентября 1940 г. послу Шуленбургу говорилось: «Наш военный флот намерен отказаться от предоставленной ему базы на Мурманском побережье, так как в настоящее время ему достаточно базы в Норвегии. Пожалуйста, уведомите об этом решении русских и от имени имперского правительства выразите им благодарность за неоценимую помощь» (СССР — Германия. 1939—1941. Т. 2. С. 76—77).

¹⁴⁵ Международное право: учеб. С. 352—353.

¹⁴⁶ См.: Семиряга М. И. Советско-германские договоренности... С. 98.

¹⁴⁷ См.: Кулиш В. М. У порога войны // Страницы истории советского общества: Факты, проблемы, люди. М., 1989. С. 303.

¹⁴⁸ См. там же.

¹⁴⁹ Об этом заявлении напомнил 21 апреля 1941 г. поверенному в делах Германии в СССР Типпельскирху генеральный секретарь Наркомата индел СССР А. А. Соболев (см.: Поверенный в делах Типпельскирх — в МИД Германии. Телеграмма № 957 // СССР — Германия. 1939—1941. Т. 2. С. 159—160).

¹⁵⁰ См.: Кулиш В. М. У порога войны // Страницы истории советского общества... С. 303.

¹⁵¹ Международное право: учеб. С. 353.

¹⁵² Советско-германские документы 1939—1941 гг. Из архива ЦК КПСС // Новая и новейшая история. 1993. № 1. С. 89.

¹⁵³ Там же. С. 90.

¹⁵⁴ Цит. по: Семиряга М. И. Советско-германские договоренности... С. 99.

¹⁵⁵ Внешняя политика СССР. Т. IV. М., 1946. С. 445.

¹⁵⁶ Семиряга М. И. Советско-германские договоренности... С. 98.

¹⁵⁷ Там же.

¹⁵⁸ Германский посол в Москве — в Министерство иностранных дел Германии. Телеграмма № 279 от 6 сентября 1939 г. // СССР — Германия. 1939—1941 . Т. 1. С. 83.

¹⁵⁹ Фляйшхауэр И. Пакт. С. 311.

¹⁶⁰ Имперский министр иностранных дел — германскому послу в Москве. Телеграмма № 253 от 3 сентября 1939 г. // СССР — Германия. Т. 1. С. 80—81.

¹⁶¹ Германский посол в Москве — в МИД Германии. Телеграмма № 264 от 5 сентября 1939 г. // Там же. С. 81.

¹⁶² Германский посол в Москве — в МИД Германии. Телеграмма № 300 от 8 сентября 1939 г. // Там же. С. 84.

¹⁶³ Имперский министр иностранных дел — германскому послу в Москве. Телеграмма № 300 от 8 сентября 1939 г. // СССР — Германия. Т. 1. С. 85.

¹⁶⁴ См.: Сообщение германского верховного командования. Капитуляция Варшавы // Известия. 1939. 28 сент.

¹⁶⁵ Несколькими днями позже такое основание для советских действий в Польше, как угроза, исходящая со стороны Германии украинскому и белорусскому населению, было отброшено, ибо, вопреки выраженному Германией и СССР желанию иметь дружественные отношения, представило бы их всему миру как врагов.

¹⁶⁶ Германский посол в Москве — в МИД Германии. Телеграмма № 317 от 10 сентября 1939 г. // СССР — Германия. Т. 1. С. 87.

¹⁶⁷ Германский посол в Москве — в МИД Германии. Телеграмма № 350 от 14 сентября 1939 г. // Там же. С. 90.

¹⁶⁸ См.: Иванов В. Канун катастрофы // Урал. 1994. № 10—11. С. 118.

¹⁶⁹ О внутренних причинах военного поражения Польши // Правда. 1939. 14 сент.

¹⁷⁰ «Круглый стол»: Вторая мировая война — истоки и причины // Вопросы истории. 1989. № 6. С. 7.

¹⁷¹ Военные действия между Германией и Польшей. Рига, 17 сентября (ТАСС) // Известия. 1939. 18 сент.

¹⁷² Германский посол в Москве — в МИД Германии. Телеграмма № 372 от 17 сентября 1939 г. // СССР — Германия. Т. 1. С. 5.

¹⁷³ Об инсценировке Германией этих «польских провокаций» см.: Мельников Д. Е., Черная Л. Б. Преступник № 1. С. 318—320.

¹⁷⁴ Заседание германского рейхстага. Выступление Гитлера // Правда. 1939. 2 сент.

¹⁷⁵ См.: Нота правительства СССР, врученная утром 17 сентября 1939 г. послам и посланникам государств, имеющих дипломатические отношения с СССР // Правда. 1939. 18 сент.

¹⁷⁶ Нота правительства СССР, врученная польскому послу в Москве утром 17 сентября 1939 г. // Правда. 1939. 18 сент.

¹⁷⁷ Там же.

¹⁷⁸ Военный энциклопедический словарь. М., 1983. С. 693.

¹⁷⁹ Из донесения Берия Ворошилову. 17 сентября 1939 г. // *Бушueva Т. С.* Счастье на штыках. Неизв. док. из рос. архивов // Октябрь. 1993. № 11. С. 165.

¹⁸⁰ Известия. 1939. 18 сент.

¹⁸¹ О внешней политике Советского Союза...

¹⁸² См.: «Круглый стол»: Вторая мировая война — истоки и причины. С. 24.

¹⁸³ Правда. 1939. 7 нояб.

¹⁸⁴ Собр. законодательства РФ. 1995. № 19. Ст. 1758.

¹⁸⁵ Собр. законодательства РФ. 2003. № 10. Ст. 902.

¹⁸⁶ Военный энциклопедический словарь. С. 226.

¹⁸⁷ См.: О внешней политике Советского Союза. Доклад Председателя Совета Народных Комиссаров и Народного Комиссара Иностранных Дел В. М. Молотова на заседании Верховного Совета Союза ССР 31 октября 1939 г. // Известия. 1939. 1 нояб.

¹⁸⁸ Из донесения Л. З. Мехлиса Сталину и Ворошилову. 24 сентября 1939 г. // *Бушueva Т. С.* Счастье на штыках С. 165.

¹⁸⁹ Из приказа № 10 войскам 3-й армии Белорусского фронта. 23 сентября 1939 г. // *Бушueva Т. С.* Счастье на штыках. С. 166.

¹⁹⁰ См.: Оперативная сводка Генерального штаба РККА. 22 сентября 1939 г. // Известия. 1939. 23 сент.; Оперативная сводка Генерального штаба РККА. 23 сент. 1939 г. // Там же. 24 сент.; Оперативная сводка Генерального штаба РККА. 24 сентября 1939 г. // Там же. 26 сент.; Оперативная сводка Генерального штаба РККА. 25 сентября 1939 г. // Там же. 26 сент.; Оперативная сводка Генерального штаба РККА. 27 сентября 1939 г. // Там же. 28 сент.

¹⁹¹ См.: О внешней политике Советского Союза...

¹⁹² См.: *Семиряга М. И.* Преступление в Катюни // Сов. государство и право. 1990. № 12. С. 110.

¹⁹³ Там же.

¹⁹⁴ Эта цифра приведена верховным командованием германской армии 24 сентября 1939 года (см.: Германское командование об итогах войны в Польше. Берлин. 24 сентября 1939 года (ТАСС) // Известия. 1939. 26 сент.).

¹⁹⁵ Цит. по: *Иванов В.* Канун катастрофы. С. 120.

¹⁹⁶ «Круглый стол»: Вторая мировая война — истоки и причины. С. 7.

¹⁹⁷ См.: *Семиряга М. И.* Советско-германские договоренности... С. 101.

¹⁹⁸ См.: Соглашение между правительством СССР и польским правительством о взаимной помощи в войне против гитлеровской Германии, подписанное в Лондоне // Правда. 1941. 31 июля.

¹⁹⁹ Внешняя политика СССР. Т. III. С. 645—646.

²⁰⁰ Там же. С. 647.

²⁰¹ Правда. 1939. 29 сент.

²⁰² Там же. 30 сент.

По оценке М. И. Семиряги, предупреждение о том, что СССР и Германия будут консультироваться о принятии «необходимых мер», означало, что советское руководство в обстановке продолжающейся войны совместно с одной из воюющих сторон (Германией) шло на прямую конфронта-

цию с другой стороной (Англией и Францией), подвергая тем самым свою страну реальной угрозе быть вовлеченной в войну (см.: *Семиряга М. И. Советско-германские договоренности...* С. 103).

²⁰³ См.: *Семиряга М. И. Советско-германские договоренности...* С. 102.

²⁰⁴ *Лист Ф. Международное право в систематическом изложении.* Л., 1926. С. 200.

²⁰⁵ Там же. С. 202.

²⁰⁶ Оценивая действия Красной армии в Восточной Польше, М. И. Семиряга делает вывод о том, что по своему характеру это была военная акция, но не объявленная официально (*Семиряга М. И. Советско-германские договоренности...* С. 101). Пожалуй, первым из отечественных ученых назвать события сентября 1939 г. советско-германской войной против Польши осмелился Д. Наджафов (см.: «Искренне Ваш Дж. Эдгар Гувер...» // *Комс. правда.* 1990. № 259). Правда, свое высказывание Д. Наджафов с точки зрения права никак не обосновал.

²⁰⁷ Текст договора см.: *Внешняя политика СССР* Т. III. С. 556—557.

²⁰⁸ Текст договора см.: *Документы внешней политики СССР.* Т. 3. С. 618—642.

²⁰⁹ См.: *Буллок А. Гитлер и Сталин.* Т. 2. С. 176.

²¹⁰ См. там же. С. 196.

²¹¹ См. там же. С. 250.

²¹² См.: *Германо-советское коммюнике от 22 сентября 1939 г.* // *Правда.* 1939. 23 сент.

В беседе с послом Шуленбургом, состоявшейся 19 сентября 1939 г., Молотов дал понять, что первоначальное намерение, которое «вынашивалось советским правительством и лично Сталиным», — допустить существование «остатка Польши» (напомним, что абзацы 2 и 3 п. 2 секретного протокола от 23 августа 1939 г. гласили: «Вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского государства и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития. Во всяком случае, оба правительства (Германии и СССР) будут решать этот вопрос в порядке дружественного обоюдного согласия») — теперь уступило место намерению разделить Польшу по линии Писса — Нарев — Висла — Сан (см.: *Германский посол в Москве — в МИД Германии. Телеграмма № 395 от 19 сентября 1939 г.* // *СССР — Германия.* Т. 1. С. 103—104).

²¹³ Понятие международного преступления см.: *Международное право: учеб.* С. 267.

²¹⁴ См.: *Курс международного права.* Т. 6. С. 251; *Международное право: учеб.* С. 349.

²¹⁵ См.: *Семиряга М. И. Советско-германские договоренности...* С. 101.

²¹⁶ Данная цифра приводится Т. С. Бушуевой (см.: *Бушуева Т. С. Счастье на штыках.* С. 166).

На заседании военного трибунала в Нюрнберге летом 1946 г. советский обвинитель Руденко пытался доказать виновность немцев в катынском преступлении. В проекте обвинительного акта в вину подсудимым вменялось убийство в Катыни 925 польских офицеров, позднее было названо число 11 тыс. Защита убедительно парировала данное обвинение, и, в ко-

нечном счете в приговор оно включено не было. Однако главную роль здесь сыграли не доводы защиты, а предварительная договоренность между союзными обвинителями о том, чтобы снимать с обсуждения все, что могло бы бросить тень на победителей (см.: *Плутник А.* Тайны Нюрнбергского процесса не раскрыты и 50 лет спустя // *Известия.* 1995. 13 окт.).

²¹⁷ См.: *Правда.* 1990. 14 апр.

²¹⁸ В. Иванов пишет, однако, что данное Положение было утверждено Совнаркомом еще до вторжения Красной армии в Польшу (см.: *Иванов В.* Канун катастрофы. С. 118).

²¹⁹ Текст документа см.: *Бушужева Т. С.* Счастье на штыках. С. 166.

²²⁰ Протокол № 7 решения Политбюро ЦК ВКП (б) за 4 сентября — 3 октября 1939 г. Вопросы Западной Украины и Западной Белоруссии // *Документы внешней политики.* 1939. Т. XXII. В 2 кн. Кн. 2.: сентябрь — декабрь. М., 1992. С. 22.

²²¹ См.: *Зоря Ю. Н.* Нюрнбергский бумеранг // *ВИЖ.* 1990. № 6. С. 48.

²²² *Толстой А.* Чтобы жили они мирно, зажиточно и счастливо // *Известия.* 1939. 18 сент.

²²³ 1937. Показания маршала Тухачевского. С. 50.

²²⁴ О военных преимуществах «первоочередного разгрома прибалтов» см.: 1937. Показания маршала Тухачевского // *ВИЖ.* 1991. № 9. С. 62.

²²⁵ 1937. Показания маршала Тухачевского // *ВИЖ.* 1991. № 8. С. 49.

²²⁶ Текст договора о передаче Литовской республике города Вильно и Виленской области и о взаимопомощи между Советским Союзом и Литвой от 10 октября 1939 г. см.: *Известия.* 1939. 11 окт.

И. Фляйшхауэр утверждает, однако, что Вильно и Виленская область были уступлены советским правительством Германии на основании договора о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г. (см.: *Фляйшхауэр И.* Пакт. С. 307).

²²⁷ См.: Германский посол в Москве — в МИД Германии. Телеграмма № 442 от 25 сентября 1939 г. // *СССР — Германия.* Т. 1. С. 105—106.

²²⁸ См.: *Буллок А.* Гитлер и Сталин. Т. 2. С. 269.

²²⁹ Текст договора см.: *Правда.* 1939. 29 сент.

²³⁰ Текст протокола см.: *Документы внешней политики.* 1939. Т. XXII. Кн. 2. С. 154—157.

²³¹ *Матвеев В.* От Балтики до Черного моря // *Известия.* 1989. 18 явл.

²³² См.: Из речи Гитлера в рейхстаге // *Правда.* 1939. 7 окт.

²³³ См.: Телеграмма полномочного представителя СССР в Германии А. А. Шкварцева наркоминдел СССР В. М. Молотову. 5 сентября 1939 г. // *Документы внешней политики.* 1939. Т. XXII. Кн. 2. С. 28.

²³⁴ Текст подписанного Молотовым и Риббентропом 28 сентября 1939 г. секретного дополнительного протокола об изменении советско-германского соглашения от 23 августа относительно сфер интересов Германии и СССР см.: *Советско-германские договоренности 1939—1941 годов.* Из Архива ЦК КПСС. С. 92.

²³⁵ Выразителем данного мнения является, в частности, И. Фляйшхауэр, которая, комментируя подписание советско-германского договора о дружбе и границе, пишет: «Тем самым в Польше Красная армия фактически отошла на линию Керзона» (*Фляйшхауэр И.* Пакт. С. 307).

²³⁶ См.: Радиотелеграмма британского министра иностранных дел наркому по иностранным делам Чичерину от 12 июля 1920 года // Известия. 1920. 18 июля.

²³⁷ Там же. 1944. 11 янв.

²³⁸ Цит. по: *Бережков В. М.* Страницы дипломатической истории. М., 1982. С. 318—319.

²³⁹ Комментируя реакцию зарубежных дипломатов на эти соглашения, советский полпред во Франции Я. З. Суриц писал: «2. Зона, которая по московскому соглашению отходит к СССР, почти всеми знатоками вопроса на Кэ д'Орсе признается областью польской (за исключением Ламнии). Если подходить под углом этническим, говорил профессор Буане, то СССР ни в каком разделе Польши не участвовал. 3. Совершенно иное отношение к зоне, отошедшей к Германии. За исключением Силезии и части Познани, ее считают областью чисто польской» (Телеграмма полномочного представителя СССР во Франции Я. З. Сурица в наркоминдел СССР. 30 сентября 1939 г. // Документы внешней политики. Т. XXII. Кн. 2. С. 143).

²⁴⁰ Текст протокола см.: Советско-германские документы 1939—1941 годов. Из Архива ЦК КПСС. С. 93.

Для осуществления этой договоренности было установлено сотрудничество между гестапо и НКВД. С этой целью в декабре 1939 года на польской территории, оккупированной Германией, в г. Закопане был создан совместный учебный центр (см.: *Семиряга М. И.* Советско-германские договоренности... С. 102).

²⁴¹ См.: *Мюллерсон Р. А.* Советско-германские договоренности 1939 г. в аспекте международного права // Сов. государство и право. 1989. № 9. С. 107.

²⁴² См.: Нота советского правительства о решении прервать отношения с польским правительством. 25 апреля 1943 г. // Внешняя политика СССР. Т. V. М., 1947. С. 269—270; Сообщение ТАСС // Известия. 1944. 18 янв.

²⁴³ Текст соглашения см.: Правда. 1941. 31 июля.

²⁴⁴ См.: Протокол № 7 решения Политбюро ЦК ВКП (б) за 4 сентября — 3 октября 1939 г. Вопросы Западной Украины и Западной Белоруссии // Документы внешней политики. 1939. Т. XXII. Кн. 2. С. 19—20.

²⁴⁵ См.: *Буллок А.* Гитлер и Сталин. Т. 2. С. 282.

²⁴⁶ См.: Конституционное (государственное) право зарубежных стран: учеб. Т. 2. М., 1995. С. 15.

²⁴⁷ См.: *Буллок А.* Гитлер и Сталин. Т. 2. С. 282—283; *Иванов В.* Канун катастрофы. С. 120.

²⁴⁸ См.: *Парсаданова В. С.* Депортация населения Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939—1941 гг. // Новая и новейшая история. 1989. № 2. С. 26—44.

²⁴⁹ Текст Декларации см.: Известия. 1939. 28 окт.

²⁵⁰ Текст Декларации см. там же. 30 окт.

²⁵¹ Там же.

²⁵² Там же. 28 окт.

²⁵³ Текст Закона см.: Образование и развитие Союза ССР. С. 491.

²⁵⁴ Текст Закона см. там же. С. 491—492.

²⁵⁵ Известия. 1939. 1 нояб.

²⁵⁶ Великая Отечественная народная 1941—1945: Краткий исторический очерк / под ред. А. А. Жилина. М., 1985. С. 27.

²⁵⁷ См.: Буллок А. Гитлер и Сталин. С. 276.

²⁵⁸ См.: Мельников Д. Е., Черная Л. Б. Преступник № 1. С. 323.

²⁵⁹ См.: Сиполс В. Я. На пути к великой Победе. М., 1985. С. 42—43.

²⁶⁰ См.: Заявление польского правительства о польско-советских отношениях. 25 февраля 1943 г. // Внешняя политика СССР. Т. V. С. 264—265.

²⁶¹ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Т. 1. Московская конференция министров иностранных дел трех союзных держав — СССР, США и Великобритании. Сб. документов. М., 1984. С. 328.

²⁶² Сообщение ТАСС по поводу Декларации польского правительства // Внешняя политика СССР. Т. V. С. 265.

²⁶³ Цит. по: Великая Отечественная война 1941—1945: энциклопедия / гл. ред. М. М. Козлов. М., 1985. С. 71.

²⁶⁴ См.: Уткин А. И. Дипломатия Франклина Рузвельта. Свердловск, 1990. С. 402.

²⁶⁵ См.: Бережков В. М. Страницы дипломатической истории. С. 408.

²⁶⁶ Там же. С. 285.

²⁶⁷ См.: Внешняя политика СССР. Т. V. С. 536.

²⁶⁸ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Т. 6. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании. М., 1984. С. 440.

²⁶⁹ Текст договора см.: Правда. 1945. 17 авг.

²⁷⁰ Текст договора см.: Внешняя политика СССР. Т. V. С. 565—567.

²⁷¹ См.: Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1950. С. 327.

²⁷² Hoffmann J. Stalins Vernichtungskrieg 1941—1945. München, 1999; В рус. пер. см.: Гофман И. Сталинская война на уничтожение. Планирование, осуществление, документы. М., 2006. С. 35—36, 38—40, 42—43, 64—67, 80—85 и др.

²⁷³ Гофман И. Указ. соч. С. 40. Полный текст см.: Перевод сообщения генерал-майора Наумова о банкете в Москве 5. 5. 41 г. по случаю выпуска слушателей военной академии // Вишлев О. В. Накануне 22 июня 1941 года. Документальные очерки. М., 2001. С. 170—171.

²⁷⁴ Там же. С. 84. Естественно, что публикацию собственных трудов Олег Викторович рассматривает, скорее всего, исключительно в качестве «событий научной жизни». Это не мешает ему всерьез отстаивать вполне политический тезис о том, например, что в августе — сентябре 1939 г. «угроза фашистской агрессии была вполне реальной» в результате возможного «выхода вермахта к государственной границе СССР» (Там же. С. 14). Поисками ответов на очевидный вопрос о том, какими реальными средствами, силами и ресурсами вермахт располагал летом — осенью 1939 г. для нападения и ведения войны против СССР, О. В. Вишлев себя не утруждает.

²⁷⁵ Цит. по: там же. С. 96.

²⁷⁶ О. В. Вишлев называет другую должность генерал-лейтенанта Л. А. Мазанова: командующий артиллерией 30-й армии (см.: там же. С. 100). Однако 30-й армии не существовало с 1 мая 1943 г. В момент пленения генерал Мазанов временно руководил корпусной артиллерийской группой 16-го гв. ск 11-й гв. армии Западного фронта.

²⁷⁷ *Вишлев О. В.* Как Хоффманн взял в свидетели власовцев // *Вишлев О. В.* Указ. соч. С. 99—100.

²⁷⁸ Отчет президента Э. Вайнерта о деятельности Национального комитета «Свободная Германия» (1943—1945 годы) // За Германию — против Гитлера! Документы и материалы о создании и деятельности НКСГ и СНО. М., 1993. С. 419—420.

²⁷⁹ *Свердлов Ф. Д.* Советские генералы в плену. М., 1999. С. 120, 135, 211. С судьбой генерал-лейтенанта Л. А. Мазанова связан один любопытный эпизод, о котором здесь автор считает писать преждевременным. Но известные автору сведения никак не дезавуируют его благополучной послевоенной жизни в СССР и состоявшихся награждений.

²⁸⁰ *Гофман И.* Указ. соч. С. 39.

²⁸¹ Цит. по: *Вишлев О. В.* Указ. соч. С. 100.

²⁸² Цит. по: док. № 98. Протокол допроса немцами военнопленного старшего лейтенанта Я. И. Джугашвили, 18 июля 1941 г. // Иосиф Сталин в объятьях семьи. Из личного архива / Сост. Ю. Г. Мурин. Берлин — Чикаго — Токио — Москва. М., 1993. С. 83—84.

²⁸³ Взят в плен 24 окт. 1941 г. на Западном фронте в р-не Вязьмы. С апр. 1942 г. сотрудничал с противником. С 27 дек. 1942 г. — секретарь несуществовавшего Русского комитета, один из близких соратников генерал-лейтенанта А. А. Власова. Подписал «Обращение Русского комитета к бойцам и командирам Красной армии, ко всему русскому народу и другим народам Советского Союза» («Смоленское воззвание»), в котором впервые открыто и гласно были сформулированы политические цели зарождавшегося зимой 194/43 г. власовского движения. С 14 ноября 1944 г. — член Президиума КОНР, зам. (по делам Комитета) генерала Власова. Генерал-майор ВС КОНР. В 1945—1946 — в американском плену, принудительно репатриирован в СССР. 1 авг. 1946 г. на основании решения Политбюро ЦК ВКП(б) от 23 июля 1946 г. Военной коллегией Верховного суда СССР под председательством генерал-полковника юстиции В. В. Ульриха лишен советского воинского звания и приговорен к смертной казни через повешение с конфискацией имущества. Подробнее о нем см.: *Александров К. М.* Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А. А. Власова 1944—1945 / Биографический справочник. II изд. М., 2009. С. 582—597.

²⁸⁴ Так в тексте. Правильно: командиров. Возможно, речь идет о дословном переводе с немецкого языка.

²⁸⁵ Цифра совпадает с оценками московского исследователя В. А. Невежина (см.: *Невежин В. А.* «Если завтра в поход...». Подготовка к войне и идеологическая пропаганда в 30—40-х годах. М., 2007. С. 271).

²⁸⁶ Настоящее утверждение отчасти коррелируется с показаниям генерал-майора А. З. Наумова, который заявил, что Сталин оказался «под хмельком» только «в последующих выступлениях» после интересующего

нас тоста (см: Перевод сообщения генерал-майора Наумова... Указ. соч. С. 171).

²⁸⁷ По версии Г. Хильгера — это был начальник Военной академии им. М. В. Фрунзе генерал-лейтенант М. С. Хозин, по др. версиям — начальник Артиллерийской академии РККА генерал-лейтенант артиллерии А. К. Сивков. Называют также неустановленного генерал-майора танковых войск.

²⁸⁸ Это было третье выступление (реплика) И. В. Сталина по ходу банкета.

²⁸⁹ В 1941—1942 гг. генерал-майоры А. З. Наумов и В. Ф. Малышкин содержались в разных лагерях военнопленных. Малышкин был официально освобожден из плена осенью 1942-го. Наумов остался в лагере на положении военнопленного.

²⁹⁰ Генерал-майор А. З. Наумов учился на курсах при Военной академии им. М. В. Фрунзе.

²⁹¹ Цит. по: Центральный архив Федеральной Службы Безопасности (ЦА ФСБ) РФ. Коллекция архивно-следственных материалов Н-18766. Том 8. Л. 58—62.

²⁹² Цит. по: Перевод сообщения генерал-майора Наумова... Указ. соч. С. 171.

²⁹³ Цит. по: док. № 437 // 1941 год. В 2 кн. / Сост.: Л. Е. Решин, Л. А. Безыменский, В. К. Виноградов, Д. Д. Воробьев, Ю. А. Горьков, В. П. Гусаченко, Л. А. Двойных и др. Научный ред. В. П. Наумов. Кн. 2. М., 1998. С. 162.

²⁹⁴ Там же. С. 294—295.

²⁹⁵ Цит. по: *Невежин В. А.* Указ. соч. С. 279—280.

²⁹⁶ Последнее воинское звание в РККА установлено по фотографии на военном билете 1941 г. и записи в послужной карте (п/к). См.: Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО) РФ. XI отдел. Картотека учета офицерского состава (КУОС). П/к Самыгина Михаила Михайловича, 1915 г. р. По записи в п/к призван на сборы в 436-й сп 155-й сд 5 мая 1941 г. Взят в плен 31 авг. 1941 г. в р-не Погара Орловской обл. В 1943—1944 гг. — капитан РОА, лит. сотрудник газ. «Заря» (Берлин — Дабендорф). Умер в 1964(?) г. на Цейлоне.

²⁹⁷ Правильно для 1941 г.: командиры. Среди эмигрантов «второй волны», служивших в РККА (по 1942 г.) и в РОА, было распространено употребление слова «офицер» даже применительно к периоду советской военной службы.

²⁹⁸ По состоянию на 30 мая 1941 г. здесь дислоцировался штаб 436-го сп 155-й сд.

²⁹⁹ 436-й сп в составе 155-й сд участвовал в советско-финляндской войне 1939—1940 гг. (1-й ск 8-й армии, действовавшей на Петрозаводском направлении).

³⁰⁰ Цит. по: Hoover Institution Archives, Stanford University (HIA). Collection В. I. Nikolaevsky. Box 274. Folder 274-25; *Кутаев М.* Советское поражение во Второй мировой войне. Машинопись. Л. 13—14.

³⁰¹ Взят в плен в сент. 1941 г. на Юго-Западном фронте. Зимой 1944 г. вступил на службу в РОА. Личный адъютант и переводчик генерал-майора М. А. Меандрова (1944—1945), подпоручик РОА (ВС КОНР). После 1945 г.

получил медицинское образование. Умер в 2007 г. в США. Подробнее о нем, см.: *Александров К. М.* Указ. соч. С. 335—338.

³⁰² Немецкие офицеры, допрашивавшие 18 июля 1941 г. старшего лейтенанта Я. И. Джугашвили, предъявили ему трофейное письмо, написанное одним из командиров запаса 11 июня 1941 г. В нем, в частности, автор (Виктор) писал адресату: «Я прохожу испытания как младший лейтенант запаса и хотел бы осенью поехать домой, но это удастся только в том случае, если этой осенью не будет предпринята прогулка в Берлин». Протокол допроса: *Джугашвили* («Читает письмо и бормочет про себя: «Черт возьми!»»). Цит. по: док. № 98. Протокол допроса немцами военнопленного старшего лейтенанта Я. И. Джугашвили // Указ. соч. С. 83.

³⁰³ Цит. по: *Самутин Л. А.* Я был власовцем... СПб., 2002. С. 16, 18, 28—29.

³⁰⁴ Взят в плен 10—11 июля 1941 г. после окружения и разгрома части в 25 км западнее Витебска, в одной из деревень Бешенковичского р-на Витебской обл. В 1942—1943 гг. — член БСРН, помощник начальника отдела пропаганды штаба «Дружина I». С мая 1943 г. — в РОА. Начальник отдела пропаганды Гв. бригады (батальона) РОА в Стремутке Псковского р-на Псковской обл. Офицер постоянного состава Дабендорфской школы РОА, офицер пропаганды русских батальонов в Дании (1943—1944). В 1945 г. — начальник отдела пропаганды штаба Вспомогательных технических войск КОНР, капитан ВС КОНР. В 1946 г. принудительно репатрирован из Дании в СССР. Осужден на 10 лет лагерей и 5 лет поражения в правах. Срок отбывал в Воркутлаге, активный участник воркутинской забастовки 1953 г. Освободился в 1955 г. Работал геофизиком в Воркуте, с 1970 г. жил в Ленинграде. Хранитель первого экземпляра рукописи «Архипелаг ГУЛАГ» А. И. Солженицына (1969—1973). Умер в 1987 г. в Ленинграде.

³⁰⁵ Взят в плен в окт. 1941 на Брянском (?) направлении. С лета 1942 г. сотрудничал с противником. Служил на строевых должностях в Дабендорфской школе РОА (1943—1944). В 1944—1945 гг. — полковник РОА (ВС КОНР), начальник командного отдела (кадров) центрального штаба власовской армии. Умер в 1973 г. в США. Подробнее о нем см. там же. С. 679—688.

³⁰⁶ Предыдущая должность В. В. Позднякова (с 26 дек. 1939 г.) — старший преподаватель и начальник химической службы Полтавского автотехнического (автомобильного) училища. 67-й ск весной 1941 г. формировался в ХВО.

³⁰⁷ Цит. по: *Поздняков В. В.* О статье К. Кромиади «Из далекого прошлого» // *Новое русское слово* (Нью-Йорк). 1973. 13 авг. С. 2.

³⁰⁸ Взят в плен в бою 8—9 марта 1943 г. в р-не Харькова. В июле 1943 г. подал рапорт о вступлении на службу в РОА. Служил в Дабендорфской школе РОА (1943—1944) в чине полковника. В 1945 г. — начальник 1-й объединенной Офицерской школы Вооруженных сил народов России (Offizierschule der ROA), в марте — мае — командир Запасной бригады (Reservebrigade der ROA) ВС КОНР. Затем в эмиграции в Западной Германии. Умер после 1960 г. Подробнее о нем см.: *Александров К. М.* Указ. соч. С. 483—490.

³⁰⁹ 184-я сд (III формирования) была исключена из общего перечня стрелковых дивизий с 15 сент. 1942 г. С конца февр. 1943 г. новосформированная 184-я сд входила в состав Южной группы генерал-майора С. В. Соколова, образованной 24 февр. в полосе 3-й танковой армии Воронежского фронта.

³¹⁰ Правильно: Наркоматом. В момент написания настоящих записок все наркоматы в СССР уже были переименованы в министерства.

³¹¹ Распространенный стереотип.

³¹² На направлениях главных ударов.

³¹³ Цит. по: Bundesarchiv-Militärarchiv (BA-MA). Militärgeschichtliche Sammlungen (MSg.) 149/56. Bl. 72—73. Maschinenschrift. Возможно, что текст сохранился не полностью.

³¹⁴ Взят в плен во время столкновения с моторазведкой противника 27 июня 1941 г. в р-не Екабпилса. С 1942 г. сотрудничал с противником. Член НТС. Начальник Дабендорфской школы РОА (1943—1944). С 14 ноября 1944 г. — член Президиума КОНР, зам. (по делам Военного управления) генерала Власова. Генерал-майор ВС КОНР. В 1944—1945 гг. — начальник штаба войск КОНР, практический организатор и создатель владовской армии (около 125 тыс. чел. к 22 апр. 1945). 1 авг. 1946 г. на основании решения Политбюро ЦК ВКП(б) от 23 июля 1946 г. Военной коллегией Верховного суда СССР под председательством генерал-полковника юстиции В. В. Ульриха лишен советского воинского звания и приговорен к смертной казни через повешение с конфискацией имущества. Подробнее о нем, см.: *Александров К. М.* Указ. соч. С. 800—824.

³¹⁵ *Александров К. М.* Указ. соч. С. 802, 820.

³¹⁶ От нем. *Offizierslager für Kriegsgefangene Offiziere* — офицерский лагерь для военнопленных офицеров.

³¹⁷ Взят в плен в полубессознательном состоянии в результате тяжелой контузии 26 июля 1941 г. в р-не с. Большая и Малая Зимница Славгородского р-на Могилевской обл. Сотрудничал с противником с 1942 г. В 1943—1944 гг. работал в органах пропаганды. С 14 ноября 1944 г. — член Президиума КОНР, начальник Главного Гражданского управления КОНР. Генерал-майор ВС КОНР. 1 авг. 1946 г. на основании решения Политбюро ЦК ВКП(б) от 23 июля 1946 г. Военной коллегией Верховного суда СССР под председательством генерал-полковника юстиции В. В. Ульриха лишен советского воинского звания и приговорен к смертной казни через повешение с конфискацией имущества. Подробнее о нем см.: *Александров К. М.* Указ. соч. С. 420—430.

³¹⁸ Цит. по: *Александров К. М.* Указ. соч. С. 427.

³¹⁹ Взят в плен в бессознательном состоянии в результате ранения 25 мая 1942 г. в р-не Барвенково Харьковской обл. Сотрудничал с противником с авг. 1942 г. В 1942—1944 гг. — в Восточных войсках Вермахта и РОА, в т. ч. на строевых должностях. Член КОНР (1944—1945). С 28 янв. 1945 г. — зам. начальника штаба войск КОНР генерал-майора Ф. И. Трухина. Генерал-майор ВС КОНР (27 февр. 1945 г.). Во время пребывания Южной группы войск КОНР в Чехии выехал в р-н Праги со служебным заданием. 5 мая захвачен группой советских партизан. В ответ на нанесенное оскорбление дал командиру группы пощечину и по его приказу был повешен.

³²⁰ Александров К. М. Указ. соч. С. 257.

³²¹ Там же. С. 177.

³²² Цит. по: док. № 16. Записка быв. советника посольства Германии в СССР, сотрудника бюро МИД Г. Хильгера от 8 авг. 1942 г. // Вишнев О. В. Указ. соч. С. 194—195. В несколько др. редакции, см.: ЦА ФСБ РФ. Колл. Н-18766. Том 7. Л. 45—47.

³²³ Цит. по: док. № 16. Указ соч. С. 197.

³²⁴ Взят в плен 6 авг. 1941 при попытке вырваться из окружения на командирском танке в районе Умани. Сотрудничал с противником с 1942 г. Член НТС. В РОА с 1944 г. Член КОНР (1944—1945). Начальник отдела пропаганды штаба власовской армии (окт. 1944 — февр. 1945). С 27 февр. 1945 г. — генерал-майор ВС КОНР и начальник 1-й объединенной Офицерской школы Вооруженных сил народов России (Offizierschule der ROA). В 1945—1946 гг. — в американском плену, командующий кадрами власовской армии (Общевойсковой группой). От побега отказался и не приветствовал побеги офицеров. Накануне репатриации пытался покончить самоубийством. 14 февр. 1946 г. принудительно выдан в СССР. 1 авг. 1946 г. на основании решения Политбюро ЦК ВКП(б) от 23 июля 1946 г. Военной коллегией Верховного суда СССР под председательством генерал-полковника юстиции В. В. Ульриха лишен советского воинского звания и приговорен к смертной казни через повешение с конфискацией имущества. Подробнее о нем см.: Александров К. М. Указ. соч. С. 616—631.

³²⁵ Вместе с М. А. Меандровым и С. К. Бородиным в Ландсхуте сидели еще четыре генерал-майора власовской армии: В. Г. Ассберг (подлинная фамилия Арцезо; на 1942 г. — полковник РККА, зам. командующего 57-й армией Юго-Западного фронта по танковым войскам), А. Н. Севастьянов (герой Первой мировой войны, кавалер семи орденов, включая орден св. Георгия IV ст.; на 1941 г. — командир РККА на аттестации, служил начальником артиллерии 266-й сд (I формирования) 21-й армии Юго-Западного фронта), чины Белых армий, генерал-майоры В. И. Ангилеев и В. Ф. Белогорцев, служившие в 1944 г. в Русском Охранном Корпусе.

³²⁶ Возможно, по случаю годовщины учреждения КОНР, провозглашения Пражского манифеста 1944 г. в Праге и Берлине, а также начала формирования власовской армии — Вооруженных сил КОНР. В тот момент генерал-майор М. А. Меандров считался старшим офицером ВС КОНР (РОА) в американском плену.

³²⁷ Так в дневнике.

³²⁸ С 27 апр. 1940 г. и до весны 1941 г. полковник М. А. Меандров занимал должность начальника штаба 37-го ск (КОВО).

³²⁹ Цит. по: ВА-МА. MSg. 149/3. Borodin Tagebuch Bl. 155—155 (Rückseite). Maschinenschrift.

³³⁰ Радянські органи державної безпеки у 1939 — червні 1941 р.: документи ГДА СБ України / Упор. В. Даниленко, С. Кокін. — Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2009. — 1311 с.

³³¹ Там само, с. 8.

³³² Приведем только два примера.

В биографии командира УПА Р. Шухевича в семи строчках допущено три неточности. Шухевич командовал УПА с ноября 1943 г. (написано, что

с 1945 г.), был убит сотрудниками МГБ в селе Билгороша около Львова (отмечается, что умер в эмиграции) и в ОУН был сторонником С. Бандеры (указано, что А. Мельника), что, кстати, написано в том же томе двумя страницами ранее (Органы Государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. док-тов. Т. 1. Кн. 1. М., 1995. С. 286).

Второй казус по-настоящему комичен.

Приводится сообщение наркома ГБ УССР Савченко Хрущеву о широкомасштабном сотрудничестве УПА с правительственными кругами США, Канады и Англии, создании в Канаде бандеровских «школ летного и командного состава», крепких связях ОУН с сербскими и черногорскими повстанческими отрядами, чешскими националистами. Очевидно, что содержание этого документа — чистый вымысел, разгул фантазии собеседника какого-то агента НКГБ, бездумно переправленный чекистами «наверх». Однако из комментариев составителей следует, что эти сведения — достоверны (Органы Государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. док-тов. Т. 4. Кн. 2. М., 2003, док. № 1636. С. 425).

³³³ Радянські органи державної безпеки у 1939 — червні 1941 р..., с. 40—41.

³³⁴ Докладная записка «О состоянии мобилизационной готовности заводов Наркомата судостроительной промышленности», заместитель наркома ВД УССР М. Горлинский Хрущеву, 8 октября 1939 г. (Там само, с. 777).

³³⁵ Докладная записка «О состоянии мобилизационной готовности заводов Наркоматов боеприпасов», М. Горлинский Хрущеву и др., 4 октября 1939 г. (Там само, с. 766).

³³⁶ Докладная записка «О состоянии мобилизационной готовности заводов «Главтрактордетали» Наркомата среднего машиностроения, Горлинский Хрущеву и др., 7 октября 1939 г. (Там само, с. 769).

³³⁷ Докладная записка «О состоянии мобилизационной готовности заводов Наркомата боеприпасов», Горлинский Хрущеву и др., 4 октября 1939 г. (Там само, с. 762).

³³⁸ Докладная записка «О состоянии мобилизационной готовности заводов Наркомата боеприпасов», М. Горлинский Хрущеву и др., 4 октября 1939 г. (Там само, с. 759).

³³⁹ Докладная записка «О состоянии мобилизационной готовности заводов Наркомата судостроительной промышленности», Горлинский Хрущеву, 8 октября 1939 г. (Там само, с. 781).

³⁴⁰ «Докладная записка о срыве выполнения мобплана на заводе «Большевик», Горлинский Хрущеву, 31 октября 1939 г. (Там само, с. 806).

³⁴¹ Докладная записка «О состоянии выполнения мобплана по спецпродукции по заводу «Красный экскаватор» в гор. Киеве, Горлинский Хрущеву, 22 октября 1939 г. (Там само. С. 793).

³⁴² Докладная записка «О состоянии мобилизационной готовности заводов Наркомата вооружений», заместитель наркома ВД УССР М. Горлинский Хрущеву и др., 4 октября 1939 г. (Там само, с. 758).

³⁴³ Там само, с. 60.

³⁴⁴ Докладная записка «О состоянии мобилизационной готовности заводов Наркомата вооружений», Горлинский Хрущеву и др., 4 октября 1939 г. (Там само, с. 756).

³⁴⁵ Там само, с. 162.

³⁴⁶ Там само, с. 92.

³⁴⁷ Там само, с. 92—93.

³⁴⁸ Докладная записка «О подготовке театра военных действий», начальник Особого отдела НКВД КОВО Михеев наркому ВД УССР И. Серову, 11 мая 1940 г. (Там само, с. 865, 866, 867).

³⁴⁹ Там само, с. 110.

³⁵⁰ Там само, с. 131.

³⁵¹ Там само, с. 137.

³⁵² Там само, с. 458.

³⁵³ Там само, с. 460.

³⁵⁴ Там само, с. 461.

³⁵⁵ Там само, с. 462.

³⁵⁶ Там само, с. 468.

³⁵⁷ Там само, с. 469.

³⁵⁸ Там само.

³⁵⁹ Там само, с. 471.

³⁶⁰ Там само.

³⁶¹ Там само, с. 472.

³⁶² Там само, с. 473.

³⁶³ За начальника погранвойск НКВД УССР документ подписал начальник штаба Погранвойск НКВД УССР полковник Рогатин (Там само, с. 573).

³⁶⁴ На документе две подписи — начальника погранвойск НКВД УССР генерал-майора Хоменко, а также начальника штаба ПВ НКВД УССР полковника Рогатина (Там само, с. 578).

³⁶⁵ Там само, с. 1179.

³⁶⁶ Там само, с. 1213.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие составителя</i>	5
<i>Виктор Суворов</i> . ВДРУГ ОНИ ВОЗЬМУТ И ПОМИРЯТСЯ... ..	7
<i>Александр Пронин</i> . СОВЕТСКО-ПОЛЬСКИЕ СОБЫТИЯ 1939 г.	29
<i>Кейстут Закорецкий</i> . 1928-й — «РЕШАЮЩИЙ»	113
<i>Кирилл Александров</i> . «ПЛАНИРОВАЛСЯ УДАР ПО РУМЫНИИ В НАПРАВЛЕНИИ НЕФТЯНЫХ МЕСТОРОЖДЕНИЙ»	166
<i>Георгий Рамазашвили</i> . ГЕРОСТРАТ ИЗ АРХИВА	193
<i>Александр Гогун</i> . ДОКУМЕНТЫ НКВД О ПОДГОТОВКЕ СССР К ВОЙНЕ	264
<i>Дмитрий Хмельницкий</i> . ВЫСТАВКА «СОВЕТСКИЙ РАЙ»	276
<i>Примечания</i>	296

Научно-популярное издание

**Автор-составитель
Хмельницкий Дмитрий**

СВЕРХНОВАЯ ПРАВДА ВИКТОРА СУВОРОВА

Издано в авторской редакции

Ответственный редактор *И. Петровский*

Художественный редактор *П. Волков*

Технический редактор *В. Кулагина*

Компьютерная верстка *Г. Ражикова*

Корректор *С. Горшкова*

ООО «Яуза-пресс»

109439, Москва, Волгоградский пр-т, д. 120, корп. 2.

Тел.: (495) 745-58-23, факс: 411-68-86-2253.

Для корреспонденции:

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5

Тел.: (495) 745-58-23

Подписано в печать 17.05.2010.

Формат 84×108^{1/32}. Гарнитура «Ньютон».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,8.

Тираж 7 000 экз. Заказ 7406

Отпечатано с электронных носителей издательства.

ОАО "Тверской полиграфический комбинат". 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822)44-42-15

Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

ISBN 978-5-9955-0162-6

9 785995 501626 >

«Пять лет назад, когда был задуман проект «Правда Виктора Суворова», никто не надеялся, что он вызовет такой интерес и такие яростные споры. Поначалу мы рассчитывали на издание двух книг, не больше. Однако результат превзошел самые смелые ожидания. Несмотря на проклятия исторического официоза, несмотря на то, что на Западе открыто объявить себя сторонником Виктора Суворова рискнет далеко не каждый (это чревато серьезными проблемами вплоть до клейма «историка-ревизиониста» и отлучения от «научного сообщества»), несмотря на негласную цензуру и запреты, со всего мира продолжают приходиться многочисленные статьи в поддержку сенсационной концепции Виктора Суворова, навсегда изменившей представления о причинах и виновниках Второй Мировой войны. Этот сборник стал уже восьмой книгой проекта. И продолжение следует...»

(От составителя)

ISBN 978-5-9955-0162-6

9 785995 501626 >